

ИСТОРИОГРАФИЯ

190

ИСТОРИИ ЮЖНЫХ И ЗАПАДНЫХ СЛАВЯН

Издательство Московского университета

ИСТОРИОГРАФИЯ

ИСТОРИИ ЮЖНЫХ И ЗАПАДНЫХ СЛАВЯН

Допущено Министерством высшего и среднего
специального образования СССР
в качестве учебного пособия
для студентов высших учебных заведений,
обучающихся по специальности «История»

НБ ПНУС

523011

**Издательство
Московского
университета
1987**

63.1(4)я+5
И-90

ПРЕДИСЛОВИЕ

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

Л. В. Горина, В. Г. Карасев, Г. Ф. Матвеев,
З. С. Ненашева (отв. секретарь), И. В. Созин (отв. редактор)

РЕЦЕНЗЕНТЫ:

кафедра новой и новейшей истории
исторического факультета Белорусского
государственного университета им. В. И. Ленина;
доктор исторических наук,
профессор М. М. Фрейденберг

*Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
Московского университета*

В учебном пособии освещено развитие исторического славяноведения с конца XVIII в. до наших дней, рассмотрен процесс исследования национальной истории в зарубежных славянских странах, охарактеризованы главные направления историографии южных и западных славян в дореволюционной России, СССР, ГДР, ФРГ, Франции, Англии и США.

Учебное пособие «Историография истории южных и западных славян» обобщает многолетний опыт преподавания этого курса на кафедре истории южных и западных славян исторического факультета МГУ. Оно является первой попыткой создать целостную картину изучения истории зарубежных славянских народов. При подготовке пособия коллективом кафедры южных и западных славян исторического факультета МГУ, специалистами других вузов страны и сотрудниками Института славяноведения и балканистики АН СССР приняты во внимание материалы учебных пособий «Историография нового времени стран Европы и Америки» (1967), «Историография новой и новейшей истории стран Европы и Америки» (1968) и одноименного учебника (1977), учтены достижения отечественного и зарубежного славяноведения последних лет. Особое внимание уделено изучению национальной истории в Болгарии, Польше, Чехословакии и Югославии после второй мировой войны.

Авторы пособия исходили из программы курса «Историография истории южных и западных славян» (Изд-во МГУ, 1976) и современного уровня исторической науки. Материал изложен синхронно по отдельным славянским странам. Это позволило более наглядно представить становление исторической науки у зарубежных славянских народов, выявить общие закономерности и своеобразные черты ее развития на различных этапах, показать степень общественного воздействия на нее в каждую историческую эпоху.

Редколлегия и авторский коллектив выражают благодарность сотрудникам Института славяноведения и балканистики АН СССР и кафедры новой и новейшей истории МГПИ им. В. И. Ленина, участвовавшим в обсуждении рукописи.

Научно-вспомогательная работа выполнена И. А. Потаповой, Л. И. Уткиной, Н. В. Волостновой.

0502000000—137
И 077(02)—87 87—87

Библиотека
Издательство Московского университета,
Ивано-Франковского
педагогического института
ИВ № 52301

ВВЕДЕНИЕ

Историография истории южных и западных славян как научная дисциплина изучает процесс зарождения и развития исследований по истории зарубежных славянских государств. Из национальной историографии славянских стран в настоящем пособии анализируются труды, наиболее характерные и типичные для развития исторической науки на национальном уровне. Кроме того, прослеживается развитие исторического славяноведения в дореволюционной России, СССР, ГДР, ФРГ, Франции, Англии и США.

Историография истории южных и западных славян предполагает прежде всего рассмотрение совокупности исследований по истории южных и западных славян в целом. Задачи этой дисциплины следующие: выявить социальные условия и общественно-политические предпосылки формирования исторической науки славянских стран, показать основные этапы и организационные основы ее развития, определить методологические принципы исторического познания, отразить идейную борьбу в науке, выявить методы исследования конкретно-исторических проблем истории славянских народов.

С самого начала историческая наука у славянских народов формировалась в русле общих тенденций идейной жизни и была направлена на защиту национальных прав. Тесная взаимосвязь историографии с общественной мыслью особенно отчетливо прослеживается в период возникновения прогрессивных историографических направлений: радикально-демократического, революционно-демократического, марксистского. Как правило, эти направления проявлялись в форме политической публицистики.

В основу периодизации развития историографии и соответственно структурного построения пособия положены принципы периодизации исторического процесса.

Для генезиса исторической науки в славянских странах характерны те же черты, которые свойственны процессу зарождения западно-европейской историографии. Глубокие сдвиги в жизни славянских народов во второй половине XVIII в., знаменовавшие начало перехода от феодализма к капитализму, вели к отрицанию феодально-клерикальной идеологии и утверждению буржуазного миропонимания, способствовали выделению научного познания прошлого из всех других видов и форм исторического познания. Создание рационалистической концепции исторического

процесса было важнейшим рубежом на пути превращения исторических знаний в историческую науку.

Генезис исторической науки у зарубежных славянских народов, лишенных национального суверенитета и боровшихся за свое существование в условиях национально-политического и культурного гнета, имел общие черты и специфические проявления. Переход к научному осмыслению прошлого у славянских народов происходил в эпоху национального возрождения, начавшуюся с середины XVIII в. В это время явления возрожденческого характера переплетались с важнейшими чертами Просвещения. Становление исторической науки было связано с проникновением в славянские земли просветительских идей, их трансформацией и переосмыслением с учетом местных национально-культурных и политических традиций. В соответствии с социально-политическими условиями национально-просветительская идеология, получившая здесь самобытное звучание, находила в конце XVIII—начале XIX в. все более последовательное выражение и в историографии. Внедрялась научная критика источников как метод исследования, отрицался провиденциализм, распространялись идеи самоутверждения человеческой личности. Все это вызвало новое понимание задач и места исторической науки. Особое звучание в этот период получили патриотические идеи. Причем внимание к проблеме патриотизма было свойственно исторической науке всех славянских народов, для которых задача борьбы за национальную государственность была самой острой и актуальной.

Историческая наука у славянских народов в первой половине XIX в. находилась в сложной взаимосвязи с процессом формирования буржуазных славянских наций, становлением национальной государственности в Центральной и Юго-Восточной Европе. Социально-экономическое развитие, подъем национальных движений нацеливали ученых на углубленное изучение прошлого своих народов в целях идейно-политического обоснования программы восходящей буржуазии.

Крупнейшим рубежом в социально-экономической и политической истории славянских народов явилась смена феодальной формации капиталистической. Это предопределяет хронологические рамки первого раздела учебного пособия, который для славянских народов Центральной Европы охватывает конец XVIII — первую половину XIX в., для славянских народов балканского региона — конец XVIII — 70-е годы XIX в. Утверждение капиталистических отношений, означавшее ломку социальных и политических устоев феодальной системы, вызвало коренные изменения в мировоззрении, способствовало интенсивному развитию буржуазной исторической науки.

Для второй половины XIX и первой половины XX в. в исторических исследованиях всех без исключения зарубежных славянских стран определяющей являлась буржуазная идеология и методология. Идеалистическая по своей сути, буржуазная историография имела различную политическую направленность, что нахо-

дило выражение в интерпретации событий прошлого и настоящего.

Открытие основоположниками марксизма в середине XIX столетия материалистического понимания истории, развитие исторического материализма как теории исторического процесса и метода его анализа имели определяющее значение и сыграли революционизирующую роль в прогрессе исторической науки в целом. К. Маркс и Ф. Энгельс обосновали понимание ее как единого и закономерного процесса смены общественно-экономических формаций и тем самым подвели прочную базу под научную периодизацию всемирной истории. Они раскрыли решающую роль народных масс и показали, что история всех антагонистических обществ является историей борьбы классов. В этой борьбе они видели движущую силу развития.

Многим явлениям и фактам истории славян Маркс и Энгельс дали оценки, которые служат методологическим ориентиром при анализе пройденного этими народами пути. Прежде всего основоположников научного коммунизма интересовало национально-освободительное движение южных и западных славян, их роль в революционном переходе Европы от феодализма к капитализму. К. Маркс и Ф. Энгельс подчеркивали особое значение польского освободительного движения конца XVIII — первых двух третей XIX века. Они внимательно наблюдали также за ходом национального движения славянских народов Габсбургской монархии, поддерживали их справедливые требования. Одновременно они выявили причины, в силу которых правящим кругам Австрийской империи удалось в 1848 г. в ряде случаев противопоставить это движение революции, подчеркивали, что немецкая и венгерская революции не достигнут цели, если их руководители не признают национальных прав славянских и других угнетенных народов Германии и Австрийской монархии.

Анализируя борьбу южных славян за освобождение из-под османского ига, К. Маркс и Ф. Энгельс указали на объективно прогрессивную роль России, которая в результате победоносных войн с Турцией добилась упрочения внутренней автономии, а затем и признания полной независимости ряда славянских народов Балканского полуострова.

Важнейшее значение придавали основоположники научного коммунизма развитию рабочего движения у славян, приветствовали совместные выступления рабочих разных национальностей. Они показали неразрывную связь рабочего и национально-освободительного движений, рассматривая, в частности, восстановление независимости Польши в качестве неотъемлемой части политической программы рабочего движения, выступавшего под знаменем I Интернационала. К. Маркс и Ф. Энгельс советовали польским социалистам укреплять революционное сотрудничество с русскими братьями, считая, что прогрессивные национальные традиции не противоречат его упрочению, что польский народ добьется свободы только в союзе с российской революцией.

Много внимания уделили К. Маркс и Ф. Энгельс историческим

судьбам отдельных славянских народов. Им принадлежит классический анализ внутренних и внешних причин падения шляхетской Речи Посполитой, сильных и слабых сторон польского национально-освободительного движения конца XVIII — первых двух третей XIX в. и его значения для развития революционного процесса в Европе. Речь Посполитую периода ее упадка они характеризовали как дворянскую республику с монархом во главе, неспособную к общенациональному действию и поэтому ставшую добычей более сильных соседей. Сговором Австрии, Пруссии и России о сохранении в неприкосновенности политического строя Речи Посполитой и предательством польских аристократов были предрены ее разделы. Польские земли К. Маркс и Ф. Энгельс считали революционной частью монархий, объединившихся в реакционный Священный Союз. Они подчеркивали, что польские восстания в 1794 и 1830 гг. отвлекли силы европейской реакции и тем самым спасли французские революции.

Классовый эгоизм шляхты, возглавлявшей польское национально-освободительное движение, указывали Маркс и Энгельс, мешал ей отказаться от своих сословных привилегий и вовлечь в него крестьян путем упразднения крепостного права и феодальной собственности на землю. Тем большей была заслуга руководителей Краковского восстания 1846 г., понявших, что аграрная революция является условием национального освобождения. Те же черты усматривали К. Маркс и Ф. Энгельс в действиях некоторых вожakov восстания 1863—1864 гг. Они отметили также антифеодальный характер крестьянского восстания 1846 г. в Галиции, сравнивая его с движением крестьян во Франции накануне революции 1789 года.

Значение польского национально-освободительного движения в период революции 1848—1849 гг. основоположники научного коммунизма видели в том, что оно было направлено против реакционных монархий — Австрии, Пруссии и России. Они разоблачали политику германизации польских земель, клеймив жестокость прусских властей в отношении участников национально-освободительного движения и лживость прусской статистики, которая считала поляков, знающих немецкий язык, немцами.

Много места в работах основоположников научного коммунизма уделено народным движениям славянских народов монархии Габсбургов. Касаясь далекого прошлого чехов, К. Маркс и Ф. Энгельс выделили в нем гуситский период. Они отмечали в гуситском движении национальные, социальные и религиозные черты, указывали на социальный радикализм таборитов. Пристальное внимание К. Маркса и Ф. Энгельса привлекла религиозно-политическая борьба в чешских землях в конце XV — начале XVII в., завершившаяся восстанием 1618—1620 гг. против Габсбургов и католической церкви. В их работах показаны тяжелые последствия Тридцатилетней войны для Чехии, главным из которых было повсеместное утверждение крепостничества, разорение и преследования тех, кто не хотел принять католическую веру.

К. Маркса и Ф. Энгельса живо интересовал процесс перехода от феодализма к капитализму и зарождения рабочего движения. Они придавали важное значение выступлению рабочих Праги в 1844 г., ставя его в один ряд с восстанием силезских ткачей. Наблюдая за ходом революции 1848—1849 гг. в Австрийской империи, основоположники научного коммунизма осудили австрославизм Славянского съезда и положительно оценили Пражское восстание, во время которого чехи и немцы вместе сражались на баррикадах. К. Маркс и Ф. Энгельс раскрыли смысл внутренней политики Габсбургов, стремившихся путем столкновения одних народов с другими помешать их революционному союзу, и прямо связывали исход революции в Пруссии, Австрии и Венгрии с освобождением славянских народов от национального гнета. Они осудили австрославистскую программу сохранения Габсбургской монархии. Лишь свержение господства Габсбургов, указывали они, устранит препятствия на пути к свободе славянских народов.

Подводя итоги революции 1848—1849 гг. в Австрийской империи, К. Маркс и Ф. Энгельс ставили на первое место отмену феодальных отношений в деревне. Что же касается политического строя монархии Габсбургов, то они считали его мнимо конституционным даже после установления системы австро-венгерского дуализма. Феодализм, писали они, побежден в этом пестром в национальном отношении государстве лишь отчасти.

Маркс и Энгельс тщательно изучали историю балканских (в том числе и славянских) народов, внимательно следили за ходом их борьбы за национальное освобождение. Османское иго они рассматривали как тормоз социально-экономического развития южных славян и указывали на несовместимость османского владычества с развитием буржуазных отношений. Основоположники научного коммунизма подчеркивали прогрессивное значение помощи, которую оказывала балканским народам Россия путем противодействия политике Габсбургов на Балканах, направленной на подчинение Сербии и Болгарии своему влиянию.

Порядки, установившиеся в автономном Сербском княжестве в первые десятилетия его существования, основоположники научного коммунизма считали подобными турецким. В то же время они подчеркивали успехи, достигнутые Сербией в середине XIX в., отмечали наличие уже в это время сильного сербского национального ядра.

Рассматривая национально-освободительное движение балканских народов Османской империи как часть процесса перехода от феодализма к капитализму, К. Маркс и Ф. Энгельс тщательно следили за изменением политической обстановки на Балканах, которая определялась состоянием восточного вопроса. Последний, писали они, обострялся каждый раз, как только утихала революция.

Выработанное К. Марксом и Ф. Энгельсом материалистическое понимание истории превратило ее в подлинную науку. Распространение их идей во второй половине XIX в. привело к зарождению

марксистского направления в исторической науке славянских стран.

Началом нового этапа в познании закономерностей всемирной истории явились работы В. И. Ленина. Важнейшими достижениями марксистской мысли стали учение Ленина об империализме, его положения о двух путях развития капитализма в сельском хозяйстве («американском» и «прусском»), о двух социальных войнах в деревне (против пережитков феодализма и против капитализма), о неравности развития различных стран в эпоху капитализма и возможности победы социалистической революции в одной стране. В. И. Ленин применительно к новым условиям развил марксистское учение о революционной партии рабочего класса, о диктатуре пролетариата и его союзниках в революции. Им выявлена специфика рабочего и социалистического движения в различных странах.

Ленинские труды имеют важное значение для понимания истории южных и западных славян в эпоху капитализма. Развитие капиталистических отношений в сельском хозяйстве Австрийской империи, считал В. И. Ленин, шло по «прусскому» пути. Что касается сельского хозяйства польских земель, принадлежавших Германии и России, то развитие его приближалось к западноевропейскому варианту, осложненному, однако, наличием пережитков феодализма в аграрных отношениях.

Пробуждение буржуазно-национальных движений В. И. Ленин связывал с вовлечением в них крестьянства. Особое значение он придавал при этом национально-освободительной борьбе в революции 1848—1849 гг., как буржуазно-демократической по своим задачам. Методологически ценным для понимания истории южных и западных славян является ленинское положение о том, что время до 1870 г. было эпохой буржуазно-демократических движений вообще и буржуазно-национальных в частности. В. И. Ленин считал, что перед неполноправными народами в монархии Габсбургов и на Балканах задачи свержения национального гнета стояли и после 1870 г.

В. И. Ленин доказал, что и в эпоху империализма национальные движения являются прогрессивными, ибо имеют объективно антиимпериалистический характер. Он отвергал теорию нежизнеспособности малых наций и указывал на возможность победы национальных движений и создания национальных государств при наличии определенных внешних условий, таких, как истощение великих держав в ходе мировой войны, обострение противоречий между ними, революция в России. В то же время В. И. Ленин предупреждал, что признание исторической законности национальных движений, чтобы не превратиться в апологию национализма, должно ограничиваться тем, что есть в них прогрессивного (борьба с национальным гнетом, за суверенность наций). Он осуждал буржуазную угнетенных наций за извращение и опшление национального движения путем сделок с буржуазией господствующих наций и империалистическими державами.

Важнейшее значение имеют мысли В. И. Ленина, касающиеся истории польского народа. Разделы Речи Посполитой он квалифицировал как величайшее преступление и 29 августа 1918 г. подписал декрет об отмене договоров о них между Россией, Пруссией и Австрией. Он высоко оценивал польское национально-освободительное движение конца XVIII—первых двух третей XIX в., подчеркивая, что пока в России и у большинства зарубежных славянских народов не было самостоятельных массовых демократических движений, шляхетское освободительное движение имело первостепенное значение. Оно являлось передовым отрядом европейской демократии, победа которой была тогда невозможна без реализации требования о восстановлении Польши. Активная поддержка этого лозунга в 40—60-е годы XIX в., считал В. И. Ленин, была правильной, последовательно демократической позицией. Он также подчеркивал, что традиции борьбы за национальное освобождение обусловили участие лучших сынов польского народа в революционных движениях других стран, выдающуюся роль поляков в защите Парижской коммуны. Когда время буржуазных революционных движений закончилось и наступила эпоха пролетарской революции, шляхта, указывал В. И. Ленин, перешла на сторону правящих классов держав, разделивших Польшу. В результате она утратила прежнюю революционную роль. Осуждая политику германизации польских земель, проводившуюся в конце XIX—начале XX в., В. И. Ленин подчеркивал, что против нее выступили активно не дворяне, а крестьяне.

В. И. Ленин высоко ценил заслуги польских революционеров, сумевших создать марксистскую партию и твердо отстаивавших союз с русскими рабочими в классовой борьбе, подчеркивал солидарность большевиков и польских социал-демократов по основным вопросам революции 1905—1907 гг. (признание пролетариата ее вождем, а целью ее — завоевание власти рабочим классом с помощью других революционных сил, прежде всего крестьянства). В то же время он указывал на ошибки польских социал-демократов. Анализируя ход революционных событий 1905 г. на польских землях, В. И. Ленин отмечал, что политический гнет был обострен здесь национальным и это вызвало рост национально-освободительного движения. Позицию польских социал-демократов в период революции, несмотря на расхождение ее по ряду вопросов с большевистской, В. И. Ленин считал классово-интернационалистской. Польские буржуазные партии, в частности эндеков, он охарактеризовал, как стоящие правее кадетов. В. И. Ленин показал, что во время революции 1905—1907 гг. польские имущие классы, боясь собственного пролетариата, искали сближения с господствующими классами России и царизмом. Он остро критиковал ППС за забвение классовой точки зрения и шовинизм и неоднократно подчеркивал, что свобода Польши невозможна без победы рабочих и крестьян России.

В начале первой мировой войны В. И. Ленин выдвинул лозунг создания Польской республики и осудил отрицание польскими

социал-демократами революционных национальных войн. После победы Великой Октябрьской социалистической революции он внимательно следил за событиями, происходившими в Польше. Его критика и советы помогли польским коммунистам преодолеть ошибки в аграрном и национальном вопросах. Он показал, что нападение буржуазно-помещичьей Польши на Страну Советов в 1920 г. объяснялось стремлением польских помещиков и капиталистов, за спиной которых стоял международный империализм, распространить свою власть на всю территорию бывшей шляхетской Речи Посполитой.

Временем буржуазно-демократической революции в Австрийской империи В. И. Ленин считал период с 1848 по 1867 г. Отмечая, что национальные движения в этой стране во второй половине XIX в. не выдвигали лозунг независимости, мирились с сохранением Австро-Венгрии, он вскрыл причины этого явления, основываясь, в частности, на анализе чешского национального движения с его программой австрославизма. В. И. Ленин указывал на глубину государственного кризиса 1859—1866 гг. в монархии Габсбургов и подчеркивал, что способ его разрешения (австро-венгерский дуализм) привел к тому, что национальный вопрос в ней не был решен и буржуазная революция осталась незавершенной.

Для Австро-Венгрии В. И. Ленин считал актуальной задачу слияния классовой борьбы пролетариата угнетенных и господствующих наций. Он критиковал сепаратизм чешских социал-демократов, разрушивший единство чешских и немецких рабочих. Двуетную монархию он относил к числу государств, где в начале XX в. особенно обострилась национальная борьба. Пролетариат Австро-Венгрии, писал Ленин, не может выполнить свои задачи, не отстаивая право наций на самоопределение. Единство рабочих этой страны, считал он, станет возможным, если социалисты господствующих наций будут требовать свободы отделения угнетенных народов, а социалисты последних будут отстаивать классовую солидарность рабочих угнетенных и господствующих наций.

Империю Габсбургов В. И. Ленин называл самой отсталой из национально пестрых стран в Европе. Династические интересы этой монархии он считал одной из причин развязывания первой мировой войны. В ходе войны Австро-Венгрия, писал В. И. Ленин, стремилась удушить освободительное движение населявших ее славянских народов, продолжала политику порабощения наций. Он считал, что ликвидация дуалистической империи стала в годы войны требованием времени.

В чешском национально-освободительном движении В. И. Ленин видел один из признаков кризиса, вызванного войной и червотого революционным взрывом, а в подъеме рабочего движения в Чехии летом 1917 г. — свидетельство нарастания революции. Он доказывал возможность победы национально-освободительных движений и создания национальных государств (в частности, чешского). В то же время он обратил внимание на то, что империализм

листы в годы войны использовали национальное движение в своих интересах (это делали, например, французские правящие круги в отношении чешского движения).

Объективным содержанием событий на Балканах во время русско-турецкой войны 1877—1878 гг. В. И. Ленин считал буржуазно-национальные движения. Европейская буржуазия, писал он, боится утверждения свободы на Балканах и разжигает там шовинизм и национальную вражду. Анализируя отношения, сложившиеся между Сербией и Австро-Венгрией накануне Балканских войн, В. И. Ленин отмечал обострение соперничества империалистических держав (Франции и Австро-Венгрии) на Балканах. Победы Сербии и Болгарии над Турцией в Первой Балканской войне он оценил как шаг к разрушению остатков средневековья и развитию капитализма в Юго-Восточной Европе, задержанному абсолютизмом и крепостническими отношениями.

В. И. Ленин высоко оценил позицию болгарских тесняков и сербских социал-демократов, которые во время Балканских войн добивались последовательного демократического решения национального вопроса на Балканах. Эта цель не была ими достигнута из-за немногочисленности местных отрядов рабочего класса и забитости и раздробленности крестьянства. В этих условиях, писал В. И. Ленин, экономически и политически необходимый Балканский союз стал союзом монархий. Слабостью пролетариата и политикой великих держав объяснял он и то, что задачи балканских народов решались путем войн, а не революции.

Нападение Австро-Венгрии на Сербию В. И. Ленин рассматривал как грабительский поход немецкой буржуазии, стремившейся задушить национальную революцию южного славянства. Вместе с тем он подчеркивал, что национальный элемент имел и в этом случае подчиненное значение и не менял империалистического характера начавшейся мировой войны. В. И. Ленин охарактеризовал как интернационалистскую позицию тесняков и сербских социал-демократов во время этой войны. Одновременно он квалифицировал болгарских широких социалистов как социал-шовинистов, а программу культурно-национальной автономии, поддерживаемую Югославянской СДП, подверг резкой критике, как раздробляющую рабочих.

Усвоение ленинского идейного наследия способствовало развитию марксистского направления в национальных историографиях зарубежных славянских народов.

При изложении материала в учебном пособии используется понятийный аппарат, принятый в учебниках «Историография истории средних веков» (1974) и «Историография новой и новейшей истории стран Европы и Америки» (1977). Это прежде всего такие понятия, как «течение», «направление», «школа», являющиеся связующими элементами историографического процесса и творчества отдельных ученых.

Под течениями понимаются наиболее широкие группы историков, объединенных общими методологическими позициями. Нап-

равление подразумевает более компактную группу ученых, имеющих общие методологические принципы, единую их интерпретацию и близкую проблематику работ. Понятие той или иной школы относится к узкой группе историков в рамках того или иного направления, для которых характерны сходная тематика, единые методические приемы, объединение вокруг одного центра или крупного ученого.

Анализ исторического наследия, являющегося результатом творчества всей совокупности историков, предполагает раскрытие исторических концепций отдельных ученых, понимания ими общественного развития, выяснение их вклада в науку. Поэтому авторы пособия выделяют главные этапы в творчестве историков, показывают применение ими различной методологии при разработке конкретно-исторических проблем, методы работы с источниками.

ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА У ЗАРУБЕЖНЫХ СЛАВЯНСКИХ НАРОДОВ В КОНЦЕ XVIII — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.

Становление исторической науки у зарубежных славянских народов совершалось в рамках перехода от феодализма к капитализму. Капиталистическая формация формировалась у них медленнее, чем в Западной Европе. Причиной этого был иноземный гнет. К началу рассматриваемого периода южные и западные славяне не имели своей государственности. Под османским игом находились славяне Балканского полуострова. Чехи, словаки, хорваты, словенцы и ряд других славянских народностей входили в состав империи Габсбургов. В конце XVIII в. потеряло независимость разделенное Австрией, Пруссией и Россией Польское государство.

Во второй половине XVIII в. в жизни зарубежных славянских народов начался процесс национального возрождения. Наиболее важным его компонентом было национально-освободительное движение. Борьба за национальное самоопределение непосредственным образом влияла на формирование идеологии и культуры складывавшихся славянских наций. Возрастала роль исторической науки как важного фактора, формирующего национальное самосознание.

Историография зарубежных славян в конце XVIII — первой половине XIX в. испытывала сильное воздействие идей Просвещения и романтизма, была насыщена публицистическим и патристическим пафосом.

Глава I

ПОЛЬСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ

Общественно-политические условия

Идеи французских просветителей стали проникать в Речь Посполитую в середине XVIII в. В истории страны этот период характеризовался разложением феодально-крепостнических отношений,

становлением капиталистического уклада. Идеология Просвещения нашла отклик прежде всего у передовой части шляхты и нарождающейся буржуазии, заинтересованных в укреплении центральной власти и ограничении своеволия магнатов. Распространение борьбы только на область политики при слабости буржуазных элементов города привело к тому, что ведущие позиции в польском Просвещении заняли умеренные шляхетские круги. Они исходили из необходимости сохранения социально-экономических основ существующего строя при определенной их модификации.

С последней трети XVIII в. на общественно-политическую мысль все более заметное воздействие оказывала неспособность Речи Посполитой противостоять территориальным притязаниям Австрии, Пруссии и России. Политический кризис польского общества, влияние идей Просвещения обостряли в шляхетско-буржуазных кругах стремление найти причины и виновников того трудного положения, в котором оказалось государство, а это вело к возрастанию интереса к прошлому. Эти проблемы были поставлены публицистами, широко использовавшими для доказательства выдвигаемых положений исторические факты.

Первый раздел Речи Посполитой (1772) вызвал волну разного рода политических сочинений. Австрийские и прусские публицисты по заказу своих правителей старались дать историческое обоснование раздела. Против них выступили польские публицисты. Началась полемика, получившая у современных исследователей название «войны исторических перьев».

Среди польских ее участников выделялся Феликс Лойко (1717—1779). С 1772 г. по поручению короля Лойко занялся изучением политико-правовых вопросов первого раздела. Отличительной чертой его работ было критическое отношение к историческому материалу, привлечение источников, обоснованность выводов. В 1773 г. он издал трактат «Известия о Галиче и Владимире», в котором доказывал, что венгерские короли никогда не владели русскими землями. Затем вышла его работа о Поморье, в которой изложена история поморских земель с древнейших времен до середины XVIII в. и показан процесс их захвата германскими феодалами.

Шляхетско-буржуазная историография

Шляхетско-буржуазная историография с самого начала разделилась на два направления: демократическое и умеренное. Первое было представлено трудами Г. Коллонтая и С. Стащица, являвшихся сторонниками ликвидации «либерум вето» в сейме, введения наследственной королевской власти, предоставления прав горожанам, ликвидации крепостничества. Главные причины упадка Польши эти авторы справедливо усматривали в политической анархии, сословных привилегиях шляхты и эгоизме магнатов, отсутствии политических прав у буржуазии и угнетении крестьян. Они разоблачали религиозное мракобесие и средневековую схоластику, отстаивали идею прогресса в природе и обществе.

Гуго Коллонтай (1750—1812) принимал активное участие в политической и культурной жизни, в частности в реформе системы образования, подготовке конституции 1791 г., восстании 1794 г. После подавления восстания оказался в австрийской тюрьме, где написал «Критический разбор основ истории о начале рода человеческого» (1842). В этом историко-социологическом труде признавалось действие объективных законов в истории.

Коллонтай придавал большое значение сбору, публикации и критическому анализу источников. Историю он расценивал как науку, имеющую большое политическое и моральное значение, призывал не отрывать историю человечества от географической среды. Он считал, что предметом исследований должен быть весь комплекс жизнедеятельности человека — производство, обычаи, законодательство, наука, просвещение и т. д.

Во взглядах на человека Коллонтай оставался идеалистом. Он рассматривал его как неизменную естественно-биологическую сущность. Главным законом природы он считал абстрактную свободу человека и поэтому старался отыскать в прошлом причины социального неравенства людей, что позволило бы, по его мнению, вернуться к первобытной свободе.

Коллонтай был одним из авторов работы «Об установлении и упадке польской конституции 3 мая 1791 г.» (1793). В ней содержался анализ тогдашнего положения Польши и было высказано мнение, что главная вина за разделы Речи Посполитой лежала на соседних государствах, напавших на страну в период, когда она только начала возрождаться после ослабления, вызванного несовершенством государственного устройства, своеволием магнатов и слабостью королевской власти.

В работах **Станислава Сташица** (1755—1826) с особой силой проявилось стремление дать общую оценку хода исторического процесса. Свою концепцию он изложил в труде «Человеческий род» (1819—1820), основанном на просветительских представлениях о сущности человека, природы и общества. Развитие общества Сташиц рассматривал как объективный процесс борьбы и социальных конфликтов: борьбы передового и реакционного, борьбы против угнетения, утвердившегося с появлением частной собственности на землю. Он решительно выступал против идеализации шляхетской демократии. Такая ее интерпретация носила антифеодалные черты.

Рассматривая историю общества как процесс, развивающийся по восходящей линии, Сташиц, подобно Коллонтаю, полагал, что это развитие должно завершиться «идеальным, справедливым» строем, который соответствовал бы «естественным законам». Активно таким строем в то время был буржуазный. Сташиц писал: «Равенство, свобода и собственность — самые важные и самые простые выводы из прав человека».

Единомышленником Коллонтая и Сташица был **Франциск Езерский** (1740—1791). В его публицистических работах дана наиболее радикальная оценка развития Польши. В понятие «народ»

он одним из первых включил крестьян. Сущностью истории Езерский считал совершенствование культуры, науки, образования и искусства. С большой симпатией он относился к простому народу.

А. Нарушевич

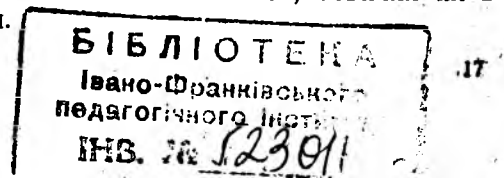
Умеренное направление шляхетско-буржуазной историографии было представлено трудами профессиональных польских историков и в первую очередь сочинениями основателя новой польской историографии **Адама Нарушевича** (1733—1796). Нарушевич принадлежал к числу сторонников конституционной монархии. По поручению короля Станислава Августа Понятовского он начал подготовку труда по истории Польши, который отвечал бы просветительским представлениям об обществе и его развитии.

В специальном «Мемориале» он изложил свое понимание задачи историка. Он видел их в критическом отношении к источникам, расширении предмета исследования, который должен включать не только деяния королей и шляхты, но и политическую и экономическую историю, историю культуры, науки и религии, государства и права, торговли и т. д. Однако в понимании общественных явлений Нарушевич оставался идеалистом, пытаясь найти их объяснение в сфере сознания.

Нарушевич противопоставил теологической концепции истории рационалистические принципы ее понимания, отрицал непосредственное влияние провидения на исторические события. В понятие «польский народ» он впервые кроме шляхты включил горожан. Нарушевич подверг сомнению достоверность исторических традиций и легенд и призвал опираться на свидетельства современников, собирать и учитывать различные (в первую очередь правовые) документы, определявшие устройство и развитие государства. Впервые в польской историографии он разработал элементарные методы критики источников.

Для подготовки труда по истории Польши Нарушевич создал штат архивистов и копировальщиков, задачей которых был сбор, обработка и переписка документов. Это позволило ему накопить огромное количество материалов, составивших 230 томов «папок Нарушевича». Ими пользовались многие поколения польских историков.

Главный труд Нарушевича «История польского народа» (7 томов) начал выходить в 1780 г. со второго тома. (Первый том вышел из печати только в 1824 г.). Это исследование охватывало период с древнейших времен до 1386 г. и представляло собой историю государства и его правителей. Оно отличалось широкой документальной базой, хронологической последовательностью в изложении событий. Через всю работу проходила идея сильной монархической власти, призванной обеспечить равновесие между сословиями, гарантировать порядок в государстве. Вину за ослабление и упадок Польши он возлагал на магнатов, обвиняя их в произволе, анархии, жадности.

Нарушевич не смог избежать влияния «сарматизма» — идеологии шляхетских традиционалистов, которая утвердилась в Польше к концу XVII в. Ее характерными чертами были идеализация устройства Речи Посполитой (в частности, права «либерум вето»), исключение любой мысли о возможности его изменения, восхваление шляхты как сословия, якобы представляющего весь народ, нетерпимость к другим религиям, народам, самодовольство. Нарушевич также выводил славян от сарматов. Начало польской истории он связывал с гминовладством — первобытной общинной формой общественных отношений у племен, населявших польские земли. Возникновение социального неравенства этот историк объяснял с помощью распространения тогда «теории завоевания», согласно которой славянские племена покорили местное население и стали привилегированным сословием рыцарства-шляхты, в то время как автохтонное население превратилось в подневольное.

В отличие от французских просветителей Нарушевич считал, что социальное неравенство дано природой и не порождает угнетения. Это последнее он выводил из психологических факторов — своеволия, высокомерия, жадности, которые пришли к славянам от германцев. В его труде проявилось сочувствие крестьянам-труженикам и осуждение их угнетателей — богатых панов. Нарушевич видел причины ослабления Польского государства в переходе от польского к немецкому праву, которое оказалось более выгодным для крупных землевладельцев и привело к ограничению власти короля. Для государства, считал автор, это имело отрицательные последствия, поскольку вместе с ослаблением королевской власти нарушилось равновесие между сословиями, возросло угнетение одного сословия другим.

«История польского народа» и ряд других работ, написанных Нарушевичем, были проникнуты чувством патриотизма. Колебания Нарушевича и определенная непоследовательность его концепции объяснялись идеологией шляхетско-буржуазных кругов, к которым он принадлежал. Эти круги стремились к определенным буржуазным изменениям при сохранении власти и влияния шляхты.

Последователи А. Нарушевича

У Нарушевича было много последователей. Все они в той или иной мере стремились продолжить его дело, распространяя просветительские идеи в польском обществе.

С крушением государственности польское Просвещение вступило в свой последний этап. В историографии постепенно угасала критическая направленность просветительских традиций. Преобладающей стала тенденция к идеализации героических моментов прошлого, призванных пробудить патриотизм шляхты. Значительную роль в это время играло Общество друзей наук, основанное в 1800 г. в Варшаве. В среде его членов в 1809 г. возник замысел

Романтизм, проповедовавший веру в силу духовных начал и культ индивидуальности, уважение к национальному своеобразию, вполне соответствовал специфике польского национально-освободительного движения. В романтической историографии были два течения. Первое из них, буржуазное, выдвинуло на передний план понятие нации как исторически сложившейся индивидуальности, идеи самобытности развития национального государства и национальной культуры. Это течение, в отличие от второго, реакционно-дворянского, не отрицало наследия Просвещения и стремилось синтезировать его идеи с наиболее плодотворными идеями романтизма.

Среди последних наибольшее значение имел историзм, главным содержанием которого являлось понятие исторической эволюции как диалектического процесса, проходящего ряд этапов. Романтический историзм содержал немало и негативных элементов (в том числе субъективизм, апологию средневековья). Тем не менее в условиях подъема национально-освободительного движения романтическая историография содействовала росту национального самосознания, пробуждала патриотические настроения.

В начале XIX в. благоприятнее, чем в других частях Польши, были условия для развития науки и культуры в Герцогстве Варшавском (1807—1812), а затем Королевстве Польском (до 1830 г.). Культурными центрами Королевства Польского оставалось Общество друзей наук, а также Варшавский и Виленский университеты и Кременецкий лицей. Очагами науки и культуры являлись также частные собрания и библиотеки Чарторьских в Кракове, Красиньских и Замоиских в Варшаве. С 1841 г. выходило издание «Варшавская библиотека», часто помещавшее работы по истории.

После поражения восстания 1830—1831 гг. центр польской культурной жизни переместился в польские земли Австрийской империи, где действовали Краковский университет (при нем с 1816 г. существовало Краковское научное общество) и музей и библиотека Оссолинских во Львове. Значительно позднее создаются научные центры на польских землях под властью Пруссии. В 1857 г. в Познани было основано Общество друзей наук. После 1830 г. образовались научно-культурные центры польской эмиграции: музей и библиотека в Рапперсвиле (Швейцария), историко-литературное общество в Париже и др.

Влияние исторической мысли на формирование национального сознания на протяжении первых двух третей XIX в. постоянно возрастало. Внимание историков было приковано к прошлому страны, представлявшемуся им чаще всего в самобытно-идиллических тонах. Вера в героя и народ стала одной из существенных черт польской романтической историографии, стремившейся выявить место Польши среди европейских народов и объяснить ее судьбу. Ставя вопрос о предназначении Польши, романтики указывали на ее принадлежность к славянству. Идеализация самобытности славян и особенностей исторического развития поляков на долгое время утвердилась в польской исторической мысли.

Характерной чертой польской историографии периода романтизма явилось то, что она оказалась в центре политической борьбы, а труды историков стали оружием в острой полемике между различными общественными силами. Одни из историков были ближе к консервативно-аристократическим кругам и выражали их видение прошлого, другие обосновывали устремления революционно настроенной части шляхты и демократических слоев народа.

И. Лелевель

Основателем и главным представителем романтического направления в польской историографии был **Иоахим Лелевель** (1786—1861). Выработанная им концепция национальной истории опиралась на глубокое осмысление социальных проблем и путей их решения, на симпатии к народным массам и веру в их революционные возможности, на республиканские идеи.

Лелевель до 1824 г. был профессором всеобщей истории Виленского университета. Его лекции отличались смелостью мысли, патриотическим и демократическим содержанием. После раскрытия царскими властями тайных студенческих кружков Лелевель был отстранен от преподавания и переселился в Варшаву. Здесь он принимал активное участие в национально-освободительном движении, избирался в сейм. Во время восстания 1830—1831 гг. Лелевель входил в состав повстанческого правительства, был избран председателем Патриотического клуба, возглавлявшего демократическую оппозицию консервативной верхушке восстания.

После поражения восстания Лелевель эмигрировал во Францию, откуда был вскоре выслан в Брюссель, где и прожил до конца жизни, являясь одним из вождей буржуазно-демократического крыла польской эмиграции. Он активно выступал за освобождение польских крестьян с землей и предоставление им политических прав. Только это, считал он, может обеспечить успех национально-освободительной борьбы. Союзника ее он видел в освободительном движении народов Западной Европы и России. Идею дружбы и совместной борьбы польского и русского народов против царизма Лелевель пронес через всю жизнь.

В 1847 г. Лелевель вошел в международную Демократическую ассоциацию, созданную в Брюсселе при участии К. Маркса и Ф. Энгельса, поддерживал дружеские отношения с К. Марксом, был знаком со многими прогрессивными русскими деятелями. А. И. Герцен, хорошо знавший Лелевеля, часто ссылался на его труды; Л. Н. Толстой отзывался о нем, как о «бойце за свободу»; портрет польского историка висел у него в кабинете.

В брюссельский период Лелевель создал свои наиболее ценные труды по истории Польши¹, а также ряд работ по всеобщей истории, вспомогательным дисциплинам.

Впервые в польской историографии он сформулировал понятие всеобщей истории как истории всех народов и государств. Одновременно он отмечал специфику в развитии разных народов, в первую очередь славянских. В истории каждого народа он стремился выявить «собственный национальный источник» развития, носителем которого считал народные массы. Под народом Лелевель понимал крестьянство и шляхту, считая, что их взаимоотношения составляли смысл истории Польши.

Лелевель уделял большое внимание методологическим вопросам. В работах «Историка» (1815), «Каким должен быть историк» (1818) и других он подчеркивал, что без познания прошлого невозможно понять современность. Лелевель дал новое определение предмета истории как науки, считая, что она должна изучать все стороны деятельности человека. Целью же истории, указывал он, является восстановление правды о прошлом при опоре на достоверные источники. Их выявлению и сбору Лелевель придавал большое значение. Он первым в польской историографии разработал научные приемы оценки и критики источников. Задачей науки Лелевель считал не просто восстановление действительного хода событий, а выявление отношений и связей между ними, их причин и следствий. По его мнению, история должна служить современности, углублять и развивать общественное сознание, пробуждать гражданскую активность.

Историю человечества Лелевель понимал как длительный процесс развития и совершенствования общества. Важнейшей чертой его концепции было убеждение в определяющей творческой роли народных масс, с которыми он связывал расцвет государств и народов. Заслуга Лелевеля состоит в том, что он сумел самостоятельно прийти к пониманию исторического процесса как борьбы классов. «Человечество, — писал он, — делится на две группы: одна из них активна в ущерб другой, которую она использует и эксплуатирует... Массу событий, имевших место в славянских землях, которые до сих пор изображались в другом свете, легко объединить борьбой верхушечного класса с крестьянами»¹.

Лелевель дал конкретные рекомендации по методике исторического исследования. Он делил его на три этапа: историческую критику, «этиологику» (установление причин и следствий человеческих деяний) и историографию (описание). Историческая критика, указывал Лелевель, преследует цель установить правдивость источников, отделить реальные факты от выдумки. На втором этапе задачей историка является выстроить факты и явления в единую историческую цепь, т. е. соединить их в причинно-следственные связи. После этого исследователь может переходить к их описанию, строго придерживаясь исторической правды.

Однако исторические взгляды Лелевеля были в целом идеалистическими. Исторический процесс, утверждал он, зависит в своей основе от специфического «национального духа», неких

¹ Важнейшие работы Лелевеля по истории Польши изданы под общим названием «Polska, dzieje i rzeczy jej». — Poznań, 1854—1862. — Т. 1—20.

¹ Lelewel J. Polska, dzieje i rzeczy jej. — Т. 3. — S. 31, 49.

«струй культуры» и других духовных явлений, подъем и упадок которых в конечном счете определяют судьбы народов. «Национальный дух» проявляется во всех деяниях народа и обусловлен «антропологическими» и «политическими» (хозяйство, право, торговля и т. д.) факторами.

В центре внимания Лелевеля была история Польши. Ей он посвятил большинство своих трудов, в том числе «Возрождающаяся Польша» (1836), «Сравнение двух восстаний польского народа 1794 и 1830—1831 гг.» (1840), «Польша средних веков» в 4-х томах (1846—1851), «История Польши» в 2-х томах (1844), «Народы на славянских землях перед образованием Польши» (1853) и др.

В стремлении выяснить происхождение польского «национального духа» Лелевель обратился к древней истории славянских народов. Тогда у них существовали свобода, равенство, они не знали монархии, своеволия, писал историк. Эти черты, а также мужество, миролюбие явились составными частями славянского, а затем и польского «национального духа». Лелевель, как и другие романтики, идеализировал общинный строй славян и считал, что он был нарушен проникновением «западной цивилизации». Такие ее формы, как римское право, католическая церковь, феодализм, указывал Лелевель, уничтожили демократическое устройство славян. С этого времени в Польше происходила постоянная борьба двух стихий — чуждой, монархически-феодальной, и истинно польской, славянско-республиканской. Постепенное преобладание монархизма, аристократизма и фанатизма привело страну к упадку. Путь к возрождению Польши Лелевель видел в возвращении к «национальным истокам», установлении демократии и справедливости. Носителем «извечных идеалов» поляков он считал народ, имея в виду мелкую шляхту и крестьян.

Исходя из того что история Польши является процессом борьбы «двух антагонистических основ — республиканской и монархической», Лелевель создал ее новую периодизацию, в основу которой положил этапы проявления «национального духа». Первый период (860—1139) он характеризовал как эпоху первобытной аграрной демократии, народовластия — «самовластия», которое пришло на смену раннему славянскому гминовладству. На этапе «самовластия» в общине возникло социальное неравенство: из массы крестьян вследствие войн, западных влияний и появления частной собственности выделились землевладельцы-лехиты. От них, по мнению Лелевеля, произошла шляхта, постепенно закабалившая земледельцев-кметов. Затем наступил период «можновластия» (1139—1374), в ходе которого происходило все большее отдаление лехитов от кметов, расширение привилегий первых и усиление гнета вторых. Из шляхты выделилась аристократия — магнаты, воспринявшие чуждые обычаи. Однако раздоры, бедствия, народное горе пробудили в шляхте «национальный дух», и она преградила путь своеволию магнатов. В этом выводе проявилась идеализация Лелевелем шляхетского сословия.

Борьба шляхты с магнатами, согласно концепции Лелевеля, завершилась победой шляхты и установлением «шляхетского гминовластия» (1374—1607). Положение крестьян в этот период оставалось тяжелым вследствие восприятия шляхтой чуждых народу принципов аристократизма и католицизма. Последовавший затем четвертый период (1607—1795) Лелевель назвал временем «вырождения шляхетского гминовластия» и усиления иностранного влияния (прежде всего немецкого). С ним он связывал ослабление демократических основ в стране, отход от «национального духа». Современный ему период ученый считал «эпохой возрождения Польши». Основным ее содержанием, полагал он, должно быть возвращение к принципам первобытной демократии, распространение свобод и равенства на весь народ, установление республиканского строя в результате народного восстания.

Причины ослабления Речи Посполитой Лелевель искал в ее социально-экономической и политической структурах, в неразрешенности крестьянского вопроса и в захватнической политике соседних государств. Поражение восстаний 1794 и 1830—1831 гг. он справедливо объяснял тем, что их руководители боялись народных масс и старались отстранить их от активного участия в борьбе. Лелевель, в отличие от западной либерально-буржуазной историографии, не отводил городам сколько-нибудь значительного места в истории, не понимал прогрессивной роли буржуазии на определенном этапе общественного развития. Во всех своих работах он прославлял земледельческий облик Польши, являвшийся якобы отличительной чертой славянского «национального духа».

Использовавшийся Лелевелем подход к пониманию прошлого позволил ему выявить некоторые существенные моменты формирования классов, их борьбы, роль церкви и государства в укреплении власти феодалов. Ученому удалось также в целом верно определить причины, которые привели к упадку Польши. Он писал: «...умерла шляхетская Польша, Польша неволи и привилегий, Польша, представленная одним только классом ее жителей. А та Польша, которая воскреснет, будет народной Польшей»¹. К. Маркс очень высоко оценивал труды Лелевеля. Он причислял его к ученым, впервые обратившим внимание на проблемы социальной истории. «Своим тщательным исследованием экономических условий, превративших польского крестьянина из свободного в крепостного, — писал Маркс, — старик Лелевель сделал гораздо больше для выяснения причин порабощения своей родины, нежели целый сонм писателей, весь багаж которых сводился просто к ругательствам по адресу России»².

В условиях Польши 20—50-х годов XIX в. концепция Лелевеля служила делу демократии, разрешения аграрно-крестьянского вопроса, пробуждала национальное самосознание. Объективно она

¹ Избранные произведения прогрессивных польских мыслителей. — М. 1956. — Т. 2. — С. 236.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. — 2-е изд. — Т. 12. — С. 434.

служила делу буржуазно-демократического переустройства Польши. Труды Лелевеля оказали огромное влияние на многих польских революционных борцов.

Последователи А. Лелевеля

Исторические взгляды Лелевеля разделялись в той или иной степени многими польскими историками первой половины XIX в. Однако мало кто мог сравниться с ним по эрудиции и глубине мысли, особенно в области постановки социальных проблем. Большинство историков-романтиков распространяли идеализацию общественного строя древних славян на более поздние времена, пытаясь реабилитировать шляхту. Они стремились пробуждать национальное самосознание поляков, обходя при этом социальные проблемы.

Наиболее видным последователем Лелевеля был **Енджей Морачевский** (1802—1855), живший в Познани. Поставив задачу развить концепцию Лелевеля, подчеркнуть ее республиканско-демократические черты, Морачевский опубликовал «Историю Польской Речи Посполитой» (т. 1—9, 1843—1855). В этом труде он пытался реабилитировать шляхетскую республику, изображая ее как проявление традиций древнего народовластия. В отличие от Лелевеля главную причину ослабления Польши Морачевский видел в моральном упадке шляхты.

В Галиции работал поклонник Лелевеля **Кароль Шайноха** (1818—1868), сочинения которого, благодаря их литературным достоинствам, были очень популярными. Он изучал средневековую историю Польши. Для его трудов «Век Казимира Великого» (1848) и «Болеслав Храбрый» (1849) характерно стремление украсить среднюю и мелкую шляхту, противопоставить ее магнатам. В работе «Лехитское начало Польши» (1858) Шайноха утверждал, что государственное устройство принесли полякам лехиты-норманны, а также развивал идею «цивилизаторской миссии» Польши на Востоке. Однако эта концепция встретила острую критику со стороны других польских историков-романтиков.

В Королевстве Польском после 1830 г. возможности для развития исторической науки были весьма ограничены. Здесь работал **Вацлав Мацеёвский** (1793—1883), занимавшийся сравнительным изучением славянского права. Он написал четырехтомный труд «История славянских законодательств» (1832—1835), который был переведен на многие языки и получил широкую известность. В нем восхвалялись общественный строй и обычаи древних славян, им противопоставлялись христианские нововведения. Работа вызвала бурю негодования в католических кругах.

Революционно-демократическое направление

В 40-е годы XIX в. начала складываться польская революционно-демократическая идеология, опиравшаяся на понимание рево-

люционной роли народных масс. Представители революционно-демократического направления в историографии, находясь под влиянием Лелевеля, развивали прежде всего социальную сторону его концепции.

Видным деятелем этого направления был **Эдвард Дембовский** (1822—1846) — один из руководителей Краковского восстания 1846 г. Его общественно-политические взгляды формировались под воздействием идей материализма и утопического социализма. Историю Дембовский понимал как закономерный процесс общественного развития, в котором решающую роль играют народные массы.

Во всех событиях прошлого он видел борьбу классов, которая неминуемо ведет к революции, призванной установить строй, свободный от эксплуатации. Вместе с тем Дембовский не смог понять глубоких социально-экономических причин, поднимавших массы на борьбу. Прогресс он трактовал идеалистически, как развитие понятия свободы. Историю Дембовский делил на пять эпох: теократизм; абсолютизм; политическая демократия; социальное единство; социальное, политическое и нравственное единство. Смена эпох, указывал он, происходит революционным путем, но лишь тогда, когда необходимость такой смены осознана и воспринята большинством населения. При этом развитие общества сводилось в концепции Дембовского к утверждению идеи справедливости и весь исторический прогресс выглядел, по сути дела, как совершенствование разума.

В работах «Замечание об источниках к историческим исследованиям» (1842) и «Несколько мыслей на взгляд о развитии истории и общественной жизни поляков» (1843) Дембовский показал, что задачей исторической науки является изучение жизни крестьян, ремесленников, шляхты, а не королей. Прошлое Польши он представлял как историю борьбы крестьян против помещиков. Он усматривал причину упадка родины в эгоистической политике шляхтичей и вельмож и был далек от идеализации «шляхетской демократии».

Если шляхетско-буржуазные историки и публицисты под народом понимали крестьян и шляхту, то Дембовский исключал последнюю из этого понятия как класс, угнетающий крестьянство. Он боролся с распространенной в демократических кругах иллюзией, что шляхетский патриотизм способен склонить имущие слои к отказу от их классовых интересов. Опору национально-освободительного движения он видел в народных массах, в их патриотизме. В отличие от Лелевеля тезис об антагонизме между крестьянами и помещиками Дембовский развил до вывода о неизбежности антифеодальной революции.

Монархическое направление

Против историков романтического направления выступали эпигоны школы Нарушевича, прославлявшие сильную монархическую власть. К ним принадлежал **Кароль Гоффман** (1798—1875).

Он выступал против идеализации прошлого, поисков в нем «национального духа». В «Истории политических реформ в древней Польше» (1867) Гоффман развивал традиционные для школы Нарушевича взгляды, считая причинами упадка страны всевластие шляхты, бессилие монархов и неразвитость городов. В целом это была шляхетско-буржуазная концепция, приобретающая в середине XIX в. консервативные черты. Критические оценки Гоффманом романтизма были впоследствии взяты на вооружение позитивистскими историками.

Рассмотренный этап в развитии польской историографии характеризовался прежде всего становлением и развитием шляхетско-буржуазных концепций истории Польши. Размах национально-освободительного движения придал некоторым из них (прежде всего лелевелевской) устойчивый демократический характер.

Глава 2

ЧЕШСКАЯ И СЛОВАЦКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ

ЧЕШСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ

Условия развития исторической науки

Конец XVIII и первая половина XIX в. в чешских землях, входивших в состав многонациональной Австрийской империи, были ознаменованы разложением феодального способа производства и становлением капиталистических отношений. В общественной жизни на первый план выдвинулись проблемы, связанные с формированием буржуазной нации. Это был период национального возрождения. Рост национального самосознания проявился прежде всего в усилении внимания к родному языку и культуре как важнейшим средствам сплочения нации. Патриотически настроенная интеллигенция и молодая чешская буржуазия пытались объединить вокруг себя различные общественные слои. Перед национальными деятелями стояла задача обосновать законность требований национального движения, выработать его программные установки. С этой целью был использован материал отечественной истории.

Чешские историки конца XVIII — первых десятилетий XIX в. публиковали свои работы, как правило, на немецком языке. Фактический правитель Австрийской империи в 1835—1848 г. Меттерних запрещал пользоваться чешским языком в научных целях. Отсутствовали национальные центры исторической науки. Чешское общество наук, возникшее еще в XVIII в., являлось по составу преимущественно немецким. Исторические работы в его изданиях публиковались крайне редко.

Перемены наметились к концу второго десятилетия XIX в. в связи с ростом национального движения. В 1818 г. в Праге был

основан Чешский музей, вокруг которого сплотился ряд ученых-патриотов. Их усилия были направлены на собирание исторических, археологических и художественных памятников. В 1827 г. стал издаваться «*Casopis Českého muzea*» («Журнал Чешского музея») на чешском и немецком языках. Превратившись в первый периодический орган историков, этот журнал способствовал повышению уровня их исследований. Несколько позднее было создано просветительское общество Матица чешская, объединявшее либеральную интеллигенцию. Оно выпускало научную литературу.

По мере приближения революции 1848 г. усиливалась социальная и политическая значимость исторической науки, возрастало ее влияние на другие сферы общественного сознания. Издавались фундаментальные собрания источников. При Чешском музее было создано Археологическое общество, которое в 50-е годы XIX в. начало выпускать специальный журнал «*Průběhky archeologické*» («Археологические памятники»).

Просветительская историография

Первые ростки нового подхода к изучению истории были в чешских землях связаны с воздействием идей Просвещения. Развернувшаяся в чешских землях во второй половине XVIII в. деятельность «будителей», видевших свою главную задачу в пропаганде родного языка, развитии литературы и искусства, распространялась на изучение исторической грамматики, истории литературы, исторического прошлого. Появление общественной потребности в осознании своего исторического прошлого способствовало тому, что ученые старались проверять факты, отделять в источниках правду от вымысла, связывать свои работы с задачами национально-патриотического воспитания народа, стремились показать богатство его культуры, пробудить у чехов гордость за свое прошлое.

Утверждение основ критического подхода к источникам началось с Гелазия Добнера (1719—1790). Обратившись к источникам, он начал очищать чешскую историю от легенд. В этом отношении особенно показательна публикация им «Чешской хроники» В. Гаека. Добнер сопроводил ее комментариями, в которых показал несостоятельность ряда положений этого анналиста XVI в., доказывал, что древние чехи, как и остальные славянские народы, не знали монархического строя, а жили в демократии. Результатом деятельности Добнера явилось также опубликование первой чешской хроники Козьмы Пращского и хроник его продолжателей.

Один из учеников Добнера, Франтишек Пелцл (1734—1801), написал «Краткую историю Чехии». Он пересмотрел феодально-католическую концепцию истории гуситского движения и считал гуситов героями. В третьем издании книги (1782) Пелцл писал о Гусе как о патриоте, взгляды которого сложились в борьбе с немецким засильем, высоко оценил его борьбу за права чешского языка. Проследив идейную связь между проповедями Гуса и выс-

туплением гуситов, Пелцл сделал вывод, что они продолжали национальную традицию знаменитого проповедника.

Пелцл написал также «Историю немцев в Чехии» (1788), в которой много внимания уделено борьбе чехов с немцами и деятельности Яна Жижки.

Причины гуситского движения Пелцл стремился выявить в работах, посвященных Карлу IV и Вацлаву IV. Он считал, что политика этих королей способствовала развитию национального чувства чехов, которое проявлялось в постоянных спорах и стычках с немцами. В этих же работах показан упадок в стране авторитета католической церкви вследствие низких моральных качеств духовенства. Взгляды Пелцла расходились с мнением католических авторов, не признававших социальных причин гусизма.

На рубеже XVIII и XIX столетий началась деятельность основателя научной славистики **Йозефа Добровского** (1753—1829). Он подчеркивал роль крестьянства как хранителя традиций национальной культуры. В его «Истории чешского языка и литературы» (1792) эпоха гусизма рассматривалась как время расцвета самобытной национальной культуры, а Гус как выдающийся ее представитель. Добровский подверг критике феодально-клерикальную идеологию. Он одним из первых обратил внимание на роль гуситского движения в развитии чешского языка, литературы и культуры, на заслуги Гуса в установлении нового чешского правописания. Добровский приступил к изучению деятельности левых таборитов. Для этого он ввел в научный оборот «Гуситскую хронику» Лаврентия из Бржезовой. К умеренным гуситам Добровский относился с симпатией, а его точка зрения относительно левых таборитов совпадала с католической.

Романтическое направление. Ф. Палацкий

С развитием капитализма в чешских землях на смену просветительской идеологии пришел романтизм, что выразилось в повышенном интересе к народному творчеству, идеализации старины, увлечении героическим прошлым своего народа. В чешской буржуазной историографии утвердилось романтическое направление. Для него была характерна ярко выраженная национальная окраска, преимущественный интерес к гусизму.

Родоначальником и главным представителем романтической историографии был идеолог национального возрождения **Франтишек Палацкий** (1798—1876). Труды его оказали большое влияние на развитие науки и общественной жизни. Официально он именовался сословным земским историографом Чешского королевства. Под руководством Добровского Палацкий прошел школу методики научного исследования. В 1831 г. Палацкий основал и возглавил общество Матицы чешской, стал редактировать «Журнал Чешского музея», превратив его в орган историков. В качестве секретаря Королевского чешского общества наук Палацкий способствовал его переходу на национальные позиции.

Палацкий вел большую работу по изданию документов и материалов. Он изучал архивы чешской знати, работал в городских и государственных архивах чешских земель, Вены, венгерской части монархии Габсбургов, выезжал в поисках архивных документов в Германию, Францию, Италию, где был допущен в архив Ватикана. Им было подготовлено к печати и издано несколько хроник (1829). Палацкий в 1840 г. положил начало изданию «*Archiv český*» («Чешский архив»), в котором публиковались источники на чешском языке. Под его редакцией вышел сборник материалов о жизни и деятельности Гуса, а также том документов о гуситских войнах.

Публикаторская деятельность Палацкого создала ему авторитет непререкаемого знатока источников. Однако главной целью его жизни являлся труд «История чешского народа в Чехии и Моравии». В 1836 г. вышел первый том этого труда на немецком языке, с 1848 г. он начал печататься на чешском языке. Последний, пятый том увидел свет в 1876 г. Немецкое и чешское издания не были идентичными. В чешском был сделан упор на моменты, важные для воспитания национального самосознания. Хронологически «История чешского народа» охватывала время от древности до 1526 г., когда чешские земли вошли в состав империи Габсбургов.

Мировоззрение Палацкого формировалось под воздействием идеалистической философии Гегеля. Движущей силой исторического прогресса он признавал борьбу противоположностей, но понимал ее как вечную борьбу двух полярных сил, в которой одна постоянно преодолевает другую. В истории чешских земель это борьба германской и славянской стихий. От немецкого философа-просветителя И. Гердера Палацкий унаследовал романтическое представление, что славянство имеет по сравнению с другими народами, особенно немцами, специфические черты (демократизм, равенство, свободомыслие, гуманизм и др.). Чешский народ, считал Палацкий, является носителем славянских черт, ему свойственны идеалы раннего христианства, высокие нравственные начала; чехи превосходят другие народы любовью к родине, своему языку, стремлением к нравственному совершенствованию и т. д.

В противопоставлении славянского демократического начала немецкому сословному нашла отражение современная Палацкому борьба чешской буржуазии за укрепление своих экономических и политических позиций. Он считал, что на заре чешской истории преобладало славянское начало. Широко используя Зеленогорскую и Краледворскую рукописи, в подлинность которых он твердо верил, Палацкий изобразил древних чехов в идиллических красках — как народ, который и после возникновения княжеской власти жил в условиях внутренней свободы, исконной демократии и мирных отношений с соседями. В дальнейшем, считал он, славянское начало было вытеснено немецким или католическим, привнесенным в страну немцами. Из борьбы славянского демократического начала против сословного немецкого родилось движение за свобо-

ду — гусизм. Палацкий определил его как «вершину чешской истории».

Следуя Добровскому, Палацкий положил эпоху гусизма в центр периодизации чешской истории: древнее время — до гусизма, средние века — гусизм, новое время — послегуситский период порабощения чешского народа. В гуситское движение он включал различные явления: реформацию и крестьянскую войну, правление Иржи Подебрада, в котором видел идеал конституционного монарха, и деятельность Общины чешских братьев. Главным в истории Палацкий считал самобытное развитие народа, националь-государства и национальной культуры. В народе он видел выражителя «национальной идеи». Концепция Палацкого была, по сути, национальной и антифеодальной. Как представитель романтического направления он старался показать, что исторический процесс раскрывается не в деятельности выдающихся личностей, а в деяниях народа.

Гусизм Палацкий рассматривал как величайшее проявление славянского демократического духа, чешской национальной идеи, как народное движение, в котором нашла выражение свобода мысли. В то же время Палацкий не сумел понять социальную сущность гусизма, не видел социально-экономических предпосылок этого движения, подчеркивал лишь его национальную сторону. Это проявилось, в частности, в периодизации гуситского движения по крестовым походам, отражая которые гуситы противостояли иноземным нашествиям. Только после революции 1848 г. Палацкий несколько затронул национальные аспекты гуситского движения, выдвинув на первый план нравственно-религиозную борьбу чехов против католической авторитарности, за церковные и религиозные реформы.

Палацкий оказывал предпочтение радикальному крылу гуситского движения — таборитам. Он с симпатией писал об их боевых успехах, достигнутых под руководством Яна Жижки. Табориты, по мнению Палацкого, воплотив в себе идеалы древнеславянской демократии, соединили их с принципами свободы, свойственными уже новому времени. Но вслед за Добровским он осуждал социальные требования левых таборитов, считал их программу заблуждением, видел в хилиазме проявления идей коммунизма, к которым относился отрицательно. Характеризуя левых таборитов, он предупреждал «об опасности свободы» и тем самым отходил от своей же оценки гусизма как демократического движения.

Палацкий констатировал упадок и ослабление Чехии в послегуситский период, рассматривая их как следствие поражения таборитов в битве у Липан. «На могиле демократии, — писал он, — опять стал расти феодализм и чем дальше, тем неодолимей». Феодальные немецкие порядки постепенно усилились, закрепилось разделение сословий, сельский люд, «пользовавшийся до того времени личной свободой, был повергнут в крепостную зависимость»¹.

¹ Palacký F. Dějiny národu českého v Cechách a v Moravě. — Praha, 1877. — D. III, č. 2. — S. 160.

Для своего времени «История чешского народа» явилась крупным научным достижением. Она сыграла значительную роль в подъеме национального движения и развитии чешской исторической науки. В этом труде впервые история чехов была показана как непрерывно развивающийся процесс. В нем собран обширный фактический материал, без которого не может обойтись современный исследователь. При изложении истории гуситского движения до сих пор используется терминология, введенная Палацким (гусизм, гуситские войны, крестовые походы против гуситов). Труды его способствовали утверждению в историческом сознании чешского народа Гуса и Жижки как национальных героев.

Концепция Палацкого получила широкое признание; она отвечала задачам политической борьбы чешской буржуазии. Ученый отстаивал свою позицию в борьбе с реакционной немецкой историографией, принижавшей значение гусизма. Когда в середине 60-х годов XIX в. вышло сочинение К. Хёфлера, представлявшее гусизм как результат взаимной расовой ненависти чехов и немцев, Палацкий ответил книгой «История гусизма и проф. К. Хёфлер», в которой опроверг утверждение, что уход немецких профессоров и студентов из Праги в 1409 г. явился для Карлова университета катастрофой, критиковал Хёфлера за тенденциозность в подборе документов и их комментировании.

К либеральному крылу буржуазной историографии принадлежал также Карел Яромир Эрбен (1811—1870). Его научные интересы были направлены главным образом на сбор, перевод, комментирование и издание источников. Им было подготовлено собрание грамот Чехии и Моравии (по 1253 г.). Он провел большую работу по определению достоверности документов, издал ряд памятников средневековой чешской литературы, среди них трактат Фомы Штитного «Шесть книжек об общих делах христианских» (XIV в.) и произведения Гуса. Публикации его получили признание в ученом мире.

Характерное для представителей романтического направления преувеличение значения гусизма в истории обусловило идеализацию ими Гуса и Жижки и общественного строя Чехии XIII—XIV вв. Они считали, например, что Пшемьсл II, Карл IV, Иржи Подебрад правили по воле народа. Историками этого направления недооценивались социально-экономические факторы общественного развития. Отсутствие у них интереса к другим периодам истории привело к тому, что изученность раннего средневековья и нового времени оставалась очень слабой.

Историческая мысль радикальных демократов

Накануне революции 1848 г. в национальном движении сформировалось радикально-демократическое течение. Его идеологи (Э. Арнольд, К. Сабина, В. Фрич и др.) ратовали в первую очередь за социальные преобразования, выдвигая демократические лозунги. В своих публицистических выступлениях они часто обра-

щались к прошлому. Хотя они и не являлись профессиональными историками, их взгляды легли в основу концепций демократического крыла чешской буржуазной историографии.

На **Эмануэла Арнольда** (1800—1869) сильное влияние оказали идеи утопического социализма. Он рассматривал современную ему революционную борьбу как часть общего исторического развития, а политическую активность крестьянских масс как необходимое условие победы революции. Книгу «Деяния гуситов, изложенные с особым вниманием к Яну Жижке» (1848), Арнольд писал под непосредственным воздействием революционных событий. Он ставил в пример современникам выступление гуситов, называя его революцией, целью которой было, по его мнению, установление социального равенства, национальной свободы и республиканского строя. Арнольд высоко оценивал значение гуситских войн. Главную силу таборитов он видел в крестьянстве и ввел в чешскую историографию термин «крестьянская война». Поражение таборитов Арнольд объяснял происканиями шляхты, которая хотела стать полным хозяином страны. В то же время он модернизировал прошлое. Так, Жижку он считал аграрным социалистом, который отнимал землю у богачей, чтобы наделить ею малоимущих.

Демократические идеи развивал **Йозеф Вацлав Фрич** (1829—1890), один из организаторов Пражского восстания 1848 г. В связи с подъемом борьбы славянских народов за свои права он выступил в заграничных изданиях с серией статей о национально-освободительном движении в Австрийской империи. Оно рассматривалось им как борьба поработанных Габсбургами народов за демократию, за развитие национальной культуры и политическое самоопределение. Фрич одним из первых выдвинул принцип братства чехов и словаков на основе их равноправия и считал словаков самостоятельной нацией. Он подчеркивал значение революционных связей между народами для развертывания национально-освободительного движения. Фрич призывал словаков не повторять ошибок 1848 г. и вместе с венграми бороться за свою независимость, отстаивал идею солидарности славян с немецким народом. В его публицистике содержалась критика в адрес буржуазных партий старочехов и младочехов за их симпатии к царизму.

К радикально-демократическому течению принадлежал и **Карел Сабина** (1813—1877), чьи взгляды сформировались под влиянием июльской революции 1830 г. во Франции и восстания 1830—1831 гг. в Польше. В ходе революции 1848 г. его демократизм углубился. Он признавал народ творцом истории. Историческая наука, как и демократическая литература, писал Сабина, «должна будить сознание людей, чтобы народ познал свои задачи и свою силу, чтобы в конечном счете он не ошибся в средствах». В 70-е годы он опубликовал цикл статей, посвященных франко-прусской войне и Парижской коммуне. Сабина выступал в защиту Парижской коммуны, оценивал ее как орган, обеспечивший демократические права народу, утвердивший республиканский строй и стремившийся к установлению равенства. Здесь сказались его увлече-

ние утопическим социализмом. Сабина полагал, что смысл общественного прогресса заключается в обеспечении равноправия народов, свободы и блага всех людей. С такой меркой подходил он к оценке I Интернационала, считая, что его деятельность приведет к полному социальному равенству. Славянским нациям Сабина предсказывал великое будущее. Во имя его он призывал отдать все силы, осуществить принципы «свободы, равенства и братства». В чешскую общественную мысль Сабина внес черты плебейского демократизма и утопического социализма. Публицистическая деятельность радикальных демократов положила начало прогрессивным традициям в чешской историографии.

СЛОВАЦКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ

Просветительское направление

В обстановке социального и двойного национального гнета австрийских и венгерских правящих кругов, мадьяризации, с особой силой проводившейся с конца XVIII в., национальное движение словаков развивалось замедленными темпами. Незрелость буржуазных отношений, отсутствие национального литературного языка и другие причины вели к тому, что просветительские идеи сохраняли ведущее место во взглядах словацких будителей — патристически настроенной интеллигенции — и в первой трети XIX в. Будители пытались увязать просветительскую идеологию с борьбой за национальные права. Истории как средству пробуждения патристических настроений и фактору формирования национального самосознания придавалось при этом важное значение.

В 1780 г. **Юрай Папанек** (1738—1802) издал на латинском языке «Историю славянского народа», где высказал мысль об автохтонности словаков. Их прошлое, в котором не было традиций собственной государственности, он рассматривал в рамках истории венгров. В то же время Папанек считал словаков ветвью единой славянской семьи. Поставив вопрос о происхождении словацкого народа, его месте и роли в истории Венгерского королевства, он уделил большое внимание деятельности Кирилла и Мефодия, одним из первых пытался воссоздать историю Великой Моравии.

Несмотря на известную идеализацию прошлого, определенную ненаучность аргументации, апологию Габсбургов, которые были присущи труду Папанека, он способствовал возникновению национально-патристической идеологии, усилил интерес к истории своего народа у других словацких будителей, стал импульсом к созданию А. Бернолаком в 1789 г. Словацкого ученого общества в Трнаве. «История славянского народа» оказала воздействие на формирование взглядов П. И. Шафарика, Л. Штура и других словацких национальных деятелей.

Словацкие просветители развивали идеи Папанека, углубляя их национально-патристическую направленность. В работе **Юрая Скленара** «Древнейшее положение Великой Моравии и первый

приход и нападение венгров на нее» (1784) был подчеркнут вклад словаков в историю Венгерского государства, говорилось о «мирном вторжении венгров» в земли славян, о том, как в дальнейшем оба народа совместно противостояли внешним врагам. Концепция Скленера, его стремление уравнивать словаков и венгров стали причиной острой полемики словацких ученых с официальной венгерской историографией того времени.

Контуры этнической территории словаков были намечены в работах Яна Хрдлички (1741—1810). Несмотря на это, в первые десятилетия XIX в. понятия «словак» и «славянин» зачастую воспринимались словацкими будителями как тождественные. Они обращались к национальной истории прежде всего в своих публицистических выступлениях и усиленно занимались собиранием фольклора. Его высокую художественную ценность отстаивал основатель кафедры чехословацкого языка и литературы в Братиславском лицее Богуслав Таблиц (1769—1832).

В 20—30-е годы XIX в. в условиях усиления реакции и укрепления абсолютизма стремление отстоять национальное своеобразие словаков, объединить их патриотические силы находит выражение в еще более углубленном интересе к фольклору, в деятельности ряда культурно-просветительских обществ, в поисках в прошлом доказательств цивилизованности славянских народов.

В 1834—1835 гг. Яном Колларом (1793—1852) была издана двухтомная антология «Народные песни или песни светские словаков в Венгрии». Известный словацкий будитель и поэт Коллар был идеологом славянской взаимности. Появлению его антологии предшествовало издание в 1823—1827 гг. двух томов «Песен светских словацкого народа в Венгрии» (первый том был подготовлен Колларом, П. И. Шафариком и Я. Благославом, второй — Колларом). Антология доказывала богатство и самобытность фольклора и духовной жизни словаков. В обширном труде Коллара «Богиня Славы» (1839) содержался анализ славянской и индийской мифологии. В «Цестописе» (1843) — заметках о путешествиях по Италии, Тиролю и Баварии — Коллар высказал свои взгляды на историю славянских народов. Он был убежден в их великом предназначении, воспевал их борьбу против иноземного угнетения. В его творчестве сказались уже романтические веяния.

Романтизм

В 30-е годы XIX в. для патриотических кругов словацкой интеллигенции, усваивавших идеи романтизма, важнейшим становится стремление возвеличить славянские народы, доказать высокий уровень их развития, раскрыть их вклад в европейскую культуру, научно подтвердить мысль об их автохтонности, их исторические права на заселяемые территории.

Выдающимся представителем романтического направления в историографии XIX века был деятель словацкого и чешского национального возрождения Павел Йозеф Шафарик (1795—1861),

близкий по своим взглядам Палацкому. С 1819 по 1833 г., работая в Нови Саде, он изучал рукописные памятники и печатные труды, хранившиеся в окрестных монастырях. Эти материалы позволили ему пролить свет на некоторые вопросы истории славян. Основываясь на трудах чешских просветителей и деятелей национального возрождения, русских и польских историков и филологов, Шафарик написал «Историю славянского языка и литературы на всех наречиях» (1826), которая выделялась широтой охвата материала и применением сравнительно-исторического метода его анализа. Автор доказывал индоевропейское происхождение славян и заметный их вклад в мировую культуру. В его труде словацкий язык впервые выделен как самостоятельный. Особое внимание Шафарик обратил на происхождение и древнюю историю славян, менее всего известную и часто подвергавшуюся искажениям по политическим мотивам.

В 1833 г. Шафарик переехал в Прагу. Здесь им был написан двухтомный труд «Славянские древности» (1836—1837). Для освещения проблем происхождения славян, их расселения и начального этапа их истории он привлек в основном свидетельства античных писателей, западноевропейских хронистов, русских летописцев и фольклорный материал. Кроме того, им был проведен сравнительно-исторический анализ географических и топографических названий, бытующих у славянских народов. Шафарик пришел к выводу, что отдельные славянские языки возникли не ранее середины I тыс. н. э. С того времени он и начинал историю славян. Одним из доказательств высокого уровня их развития Шафарик считал то, что многие славянские слова, относящиеся к хозяйству и культуре, перешли в венгерский язык. Выступая против шовинистических теорий немецких историков, Шафарик обосновывал мысль о том, что славяне вместе со своими соседями: галлами, германцами, литовцами и др. — явились творцами европейской культуры.

Книга Шафарика пользовалась успехом, поскольку ее выводы имели не только сугубо научное значение. Они воспринимались в качестве политических лозунгов: западные и южные славяне, не имевшие своей государственности или утратившие ее, включались автором на равных основаниях в систему европейских народов. Работа Шафарика была переведена на русский, польский и немецкий языки. Автора ее именовали «звездой первой величины в славяноведении».

Своеобразным манифестом славянской взаимности стала книга Шафарика «Славянская этнография» (1842). В ней содержались сведения по истории, культуре, статистике славянских народов, карта распространения славянских языков и диалектов (до этого такой карты не существовало). Считая язык отражением «национального духа», Шафарик отводил ему основополагающее значение в национальном возрождении. Многие из поставленных Шафариком вопросов, и прежде всего проблемы славянского этногенеза, продолжают быть актуальными и ныне.

Итак, к середине XIX в. сложилась буржуазная концепция истории чешского и словацкого народов, в основу которой были положены национальные аспекты их развития. Вопросы классовой борьбы затрагивались только радикальными демократами.

Глава 3

ЮГОСЛАВЯНСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ В КОНЦЕ XVIII — 70-е ГОДЫ XIX в.

Исторические судьбы югославянских народов были весьма различны, что сказалось на развитии их национальной историографии. После падения независимых средневековых югославянских государств эти народы оказались под гнетом Османской империи, монархии Габсбургов и Венецианской республики. Начавшееся в конце XVIII в. национальное возрождение югославянских народов сопровождалось подъемом их освободительного движения. В этих условиях историография представляла собой важное идейное оружие национальной борьбы. Благоприятным фактором освободительного движения являлась моральная и материальная поддержка со стороны России, что обусловило тесные связи югославянской науки с русской.

СЕРБСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ

Просветительское и романтическое направления

Развитие сербской историографии проходило в русле романтического направления со всеми присущими ему характерными особенностями: повышенным интересом к прошлому, идеализацией его, широким использованием преданий, устного народного творчества, эпоса и т. д. Это направление отвечало задачам освободительной борьбы и национального возрождения. В то же время на развитие сербской исторической науки заметное воздействие оказывала просветительская идеология. Большинство историков первой половины XIX в. были выходцами из Воеводины, имевшей в рамках Габсбургской монархии автономию. Другим центром развития науки становится с 30-х годов XIX в. Сербия, которая добилась при поддержке России статуса автономного княжества.

У истоков сербской историографии стоит **Иован Раич** (1726—1801). Образование он получил в русской школе в Воеводине и в России. Влияние русской науки заметно сказалось на его творчестве. В 1768 г. он завершил «Историю разных славянских народов, особенно болгар, хорватов и сербов» (т. 1—4, 1794—1795), первый том которой был опубликован также в России. Изложение событий, пронизанное патриотическим чувством, Раич доводит до XVIII в., сосредоточив главное внимание на истории

средневековой Сербии. Он обнаруживает большую осведомленность в современной ему исторической и философской литературе России и Запада. С рационалистских позиций рассматривает Раич события и факты, отвергая народные предания как источник. Он пытается представить историю южных славян как единое целое, уподобляя общество человеческому организму. О значении сочинений Раича говорит то, что до 60-х годов XIX в. на основе извлечений из них писались почти все сербские работы по истории.

Большое влияние на развитие сербской исторической науки оказала деятельность писателя **Досифея (Дмитрия) Обрадовича** (1739—1811), воспринявшего и развивавшего идеи Просвещения: рационализм, демократизм, веру в исторический прогресс. Для взглядов Обрадовича характерно критическое отношение к обскурантизму, он подчеркивает успехи в деле просвещения народа, высказывает антиклерикальные убеждения. Ярче всего эти черты проявились в его автобиографии «Жизнь и приключения Дмитрия Обрадовича» (1783).

Начало развития сербской буржуазной историографии связано с именем **Вука Стефановича Караджича** (1787—1864). Поездка в 1819 г. в Россию, знакомство с Н. М. Карамзиным и кружком Н. П. Румянцева пробудили в нем интерес к отечественной истории. В периодическом издании «Даница» (1826—1829, 1834) Караджич печатает очерки о Первом сербском восстании, участником которого был. Он написал также биографии 13 видных деятелей этого восстания. В Петербурге была издана его книга «Жизнь и подвиги Милоша Обреновича» (1825).

Работы Караджича не потеряли своего значения до настоящего времени. Ценным пособием для историков является его «Сербский словарь» (1818), в котором содержится толкование различных терминов, описание институтов и общественных явлений Сербии конца XVIII — начала XIX в. Первым в сербской историографии Караджич обратил внимание на необходимость изучения общественно-экономического развития своей страны.

Немаловажное значение для развития исторической науки в Сербии имело сотрудничество Караджича с немецким ученым Леопольдом Ранке. Результатом его было появление книги Ранке «Сербская революция» (1829), вышедшей на немецком и переведенной на сербский и русский языки. Новая история Сербии рассматривалась в этой книге как часть всеобщей истории.

Начатые Караджичем разыскание и публикация источников были продолжены в периодических сербских изданиях: «Летописи», которая издавалась с 1826 г. Матицей сербской, «Голубице» (1839—1844) и «Гласнике общества Сербской словесности», выходившем с 1847 г. Заметную роль в собирании и публикации источников сыграли кружок карловацкого митрополита С. Стратимировича и П. И. Шафарик, работавший много лет в Воеводине.

Большое влияние на развитие сербской историографии оказали поездки в южнославянские земли русских ученых-славистов (В. И. Григоровича, А. Ф. Гильфердинга и др.) и их работы,

а также монография «Россия и Сербия» Н. А. Попова (1869), переведенная на сербский язык.

Вклад романтического направления в сербскую историографию менее значителен. Характерным представителем романтической школы был **Панта Сречкович** (1834—1903). Он получил образование в России. Им была основана в 1882 г. в Великой школе в Белграде первая кафедра сербской истории. В статьях «Развитие исторического сознания» (1861), «О законах общественного развития в Сербии» (1889) и других Сречкович писал, что история призвана прежде всего воспитывать национальные и патриотические чувства. Помимо частных исследований о средневековой Сербии перу Сречковича принадлежит «История сербского народа» (т. 1—2, 1884—1888). В ней он широко использовал в качестве источника народные предания, не всегда относясь к ним критически.

Революционно-демократическое направление

В 60—70-е годы XIX в. в сербском освободительном движении возникло демократическое течение. Зачинателем его был **Живоин Жуёвич** (1838—1870). Горячий патриот и демократ, он был идеологом угнетенных масс. В статье «Историк Бокль и новые принципы исторической науки» (1868) Жуёвич подчеркивал: «Пройдет еще много времени, прежде чем история станет такой же точной наукой, как, к примеру, химия, физика и др.»¹

Хотя сербские демократы не были профессиональными историками, их публицистическая деятельность оказала определенное влияние на развитие сербской историографии. Они, в частности, подвергли острой критике романтизм.

Под влиянием российских революционных демократов революционно-демократическое крыло сербской Омладины во главе со **Светозаром Марковичем** (1846—1875) впервые в сербской историографии выдвинуло в качестве первоочередной задачу изучения жизни и быта крестьян. Маркович считал народные массы двигателем исторического прогресса. «Экономические отношения, которые обеспечивают материальное бытие, являются самыми важными», — писал он, указывая на необходимость «изучать историю общественной борьбы, связанной с собственностью, т. е. историю экономических и социальных переворотов». История является, по его мнению, «выражением экономических законов, которые управляют материальными человеческими интересами»². Маркович первым ввел в сербскую историографию понятия «классовая борьба» и «общественно-экономические формации». Наиболее концентрированное выражение революционно-демократические идеи получили в его книге «Сербия на Востоке» (1872). Маркович был страстным

¹ Жујовић Живоин. Сабрани списи. — Београд, 1974. — Књ. 1. — С. 218.

² Маркович Светозар. Избр. соч. — М., 1956. — С. 813, 838.

пропагандистом революционного метода решения насущных задач социального и национального освобождения балканских народов.

Конечно, революционно-демократическое направление не могло в условиях того времени стать определяющим в сербской историографии.

ХОРВАТСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ

С конца XVIII в. хорватские земли входили в состав Австрийской империи. Хорватия и Славония, обладая некоторыми автономными правами, считались частью земель венгерской короны, Военная Граница, Далмация и Истрия непосредственно подчинялись австрийским властям. Хорватский народ подвергался экономическому, политическому и национальному угнетению со стороны австрийского и венгерского господствующих классов.

Идеи иллиризма в историографии

Первая половина XIX в. в истории хорватских земель характеризовалась разложением феодализма, укреплением капиталистических отношений и формированием хорватской нации. С середины 30-х годов XIX в. развернулось национально-освободительное движение — иллиризм. Его название связано с концепцией единства южных славян, представлявшей их потомками автохтонного населения Балканского полуострова — иллирийцев.

Укрепление национального самосознания хорватов и распространение идей романтизма усилили интерес деятелей иллиризма к прошлому южных славян. Потребности национально-освободительного движения определили их подход к истории как к средству для обоснования национальных требований. Развитию исторических исследований способствовала организация в 1842 г. в Загребе Матицы иллирской. Исторические работы печатались в журнале «Даница иллирска» и других изданиях.

Состояние исторической мысли в предреволюционные годы отразила «История Великой Иллирии», подготовленная в 1846 г. к печати, но так и не опубликованная Людевитом Гаем, одним из идеологов и руководителей иллирийского движения. «Великая Иллирия» — это созданное его воображением объединение южных славян. Наиболее крупным историческим сочинением того времени был труд И. Швеара «Зеркало Иллириума» (т. 1—4, 1839—1842), в котором история южного славянства с древности до конца XVIII в. излагалась под углом зрения борьбы за независимость. Это была первая историческая работа, написанная на хорватском языке. Было положено также начало критическому изданию источников по хорватской истории. В 1843 г. А. Мажуранич опубликовал в журнале «Коло» средневековый памятник «Закон Винодольский», снабдив его историческими и филологическими примечаниями и толковым словарем.

Период иллиризма был временем зарождения буржуазно-ли-

берального направления в исторической науке Хорватии. Связанное с подъемом национально-освободительной борьбы и испытавшее влияние европейской общественной мысли, оно несло на себе отпечаток романтического образа мышления, что проявилось в утопизме самого предмета исследования — «Великой Иллирии», в идеализации прошлого, а также в известной произвольности обращения с источниками.

Либерально-буржуазное направление

Одним из ведущих его представителей был **Иван Кукулевич-Сакцинский** (1816—1889). В 1847 г. хорватский сабор возложил на него задачу сбора и издания документов, касающихся автономных прав Триединого королевства (Хорватии, Славонии и Далмации). Хотя занятия историей он начал еще в период иллиризма, в полную силу его научная деятельность развернулась в 50—70-е годы XIX в.

Кукулевич-Сакцинский придерживался концепции югославянской национальной общности как части славянского мира. Либерально-буржуазный политик и ученый, он подходил к истории с прагматических позиций, стремясь средствами этой науки способствовать решению актуальных проблем своего времени, однако сохраняя при этом объективность в освещении исторических явлений.

В 1850 г. по инициативе Кукулевича-Сакцинского было основано первое в Хорватии научное историческое учреждение Общество югославянской истории с журналом «Архив югославской истории» (1851—1875). Существенной стороной деятельности Кукулевича-Сакцинского были сбор и публикация источников. В 1851—1857 гг. он совершил с этой целью длительное путешествие. В связи с обострением национальных противоречий он опубликовал в 1861—1862 гг. «Законы королевства Хорватии, Славонии и Далмации» (т. 1—3). В издание вошли акты хорватской государственности с XI в. до 1848 г. Кукулевич-Сакцинский осуществил публикацию хорватских памятников XII—XIV вв. Два тома подготовленных им материалов VI—XII вв. вышли в 1874—1875 гг.

В центре внимания Кукулевича-Сакцинского были вопросы государственно-правового развития хорватов и в целом южных славян. Проблематика его исследований диктовалась запросами национально-освободительной борьбы. Вместе с тем его интересовала история искусства и крестьянского движения. В работе «События Медведграда» (1854) он впервые в историографии на основании источников описал крестьянское восстание 1573 г., поднявшись при этом до понимания его причин. Одним из наиболее значительных исследований Кукулевича-Сакцинского явилась книга «Борьба хорватов с монголами и татарами» (1863). Она была проникнута мыслью, что сопротивление хорватов монгольскому нашествию спасло Западную Европу от опустошения. Широкая картина истории культуры южных славян была дана в его «Сло-

варе югославянских деятелей искусств» (т. 1—4, 1858—1860). Этот труд остается до сих пор единственным изданием такого рода.

Кукулевич-Сакцинский отводил личности решающую роль в историческом процессе. Им написан ряд биографий. В 1886 г. он издал рассчитанный на широкую читательскую публику сборник «Знаменитые хорваты прошлых веков», в который вошли биографии писателей и политических деятелей. Кукулевич-Сакцинский проявил себя также как источниковед и краевед. Его организаторская, публикаторская и исследовательская деятельность знаменовала становление хорватской буржуазной исторической науки.

Крупнейшим представителем хорватской историографии 60—70-х годов XIX в. был **Франьо Рачки** (1828—1894). Он являлся одним из идеологов и руководителей национально-либеральной партии, которая выступала за объединение и автономию хорватских земель в составе федеративной Австрийской империи, но конечной целью считала образование независимого югославянского государства. Продолжая заложенную иллиризмом традицию, Рачки пропагандировал идею югославянской общности и солидарности славян. С именами Й. Штроссмайера (другого лидера национально-либеральной партии) и Рачки связано учреждение в Загребе в 1866 г. Югославянской академии наук и искусств, выпускавшей свое издание «Rad» («Труд»). В течение 20 лет Рачки был ее президентом. Академия и основанный в 1874 г. в Загребе университет стали главными центрами исторической науки в Хорватии.

Работая длительное время в архивах Италии, Рачки ввел в научный оборот большой круг источников по средневековой хорватской истории. Серьезное внимание он уделял их критической оценке. Вкладом в медиэвистику стали изданные Рачки сборники документов раннесредневековой хорватской государственности (1877), материалов о так называемом заговоре братьев Зринских (1873) и восстании 1573 г. (1875). Свои многочисленные исследования Рачки посвятил изучению государственной традиции и территориальной целостности хорватских земель. В серии статей «Внутреннее положение Хорватии до XII в.» (1884—1893) автор вышел за рамки политической истории. Эта работа способствовала активизации научной мысли: было создано несколько концепций происхождения «племства» — господствующего сословия феодальной Хорватии. Политическим целям служили публиковавшиеся в «Трудах» Югославянской академии исследования Рачки «Движение на славянском юге в конце XIV — начале XV в.» (1868), «Борьба южных славян за государственную независимость в XI в.» (1873—1875), «Богомилы и патарены» (1869—1870). В последней из этих работ раскрыты связи Балкан с Южной Францией и Италией и показаны движущие силы богомильства — «низшие слои народа». Она не утратила научного значения до наших дней. Рачки занимался также вопросами источниковедения и написал первый обзор истории национальной исторической науки — «Очерк хорватской историографии с 1835 до 1885 г.» (1885).

Развитие исторической науки в югославянских землях с конца

XVIII до 70-х годов XIX в. происходило неравномерно. Наибольшего успеха добилась хорватская историческая наука. Она служила национальным интересам, делу расширения и упрочения связей хорватов с другими южнославянскими народами. Что касается сербской историографии, то на этом этапе ее развития важную роль играли демократические начала. В Сербии сформировалось революционно-демократическое направление. В других югославянских землях условия для складывания национальной историографии еще не созрели.

Глава 4

БОЛГАРСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ В КОНЦЕ XVIII — 70-е ГОДЫ XIX в.

С середины XVIII в. в Болгарии начался процесс национально-возрождения. Формирование нации, национальной культуры и идеологии было важнейшей стороной этого процесса. Основу его, как и в других славянских странах, составляли глубокие социально-экономические изменения, вызванные переходом от феодализма к капитализму. Главной задачей была борьба против османского ига и ассимиляторской политики высшего греческого духовенства. Представители болгарской интеллигенции получали образование за границей и продолжали свою деятельность большей частью вне Болгарии, прежде всего в Валахии, Молдове и России. Все это оказывало существенное влияние на развитие исторической мысли. Она становилась важным звеном национально-освободительной идеологии.

Историография первого периода национального возрождения

Исторические сочинения, появившиеся во второй половине XVIII — первой половине XIX в., несли на себе печать романтизма с его повышенным интересом к далекому прошлому. У болгар, как и у других славянских народов, романтизм отличался подчеркнутым демократизмом, был насыщен идеями сопротивления иноземному игу. На развитие болгарской историографии оказали влияние также идеи Просвещения с присущими им требованиями рационалистической критики, эмансипации личности и ликвидации невежества. В Болгарии Просвещение и романтизм сосуществовали в своеобразном единстве при преобладании романтических идей.

Основателем романтического направления был **Паисий Хилендарский** (1722 — около 1798), написавший «Историю славяноболгарскую» (1762). Паисий изучал материалы афонских книгохранилищ. Главными источниками для него стали сочинения средневековых болгарских писателей, а также «Книга историографии» Мавро Орбини и «Деяния церковные и гражданские» Цезаря Барония.

Паисий, воспринимая историю как нравоучительную дисциплину, предпослал своей книге вступление «О пользе истории». Далее шло предисловие «К тем, которые хотят прочесть и услышать», носившее ярко патриотическую окраску. Важнейшим в книге является раздел «Собрание историческое о болгарском народе», в котором рассматривался период с древнейших времен до утраты Болгарией независимости в конце XIV в. Паисий повествовал о нападениях славян на Балканский полуостров, о заселении ими византийских владений, о политических событиях. Он пытался выяснить причины завоевания Болгарии османами, воспринимая его как национальную трагедию.

В других частях работы Паисия есть сведения о Болгарии периода османского господства. Здесь он изложил свою политическую программу, призывая бороться против османского ига и ассимиляторской политики греческого духовенства. В одной из глав помещен список болгарских царей. Все изложение Паисий подчинил цели показать величие болгарского народа в прошлом и пробудить национальную гордость. Паисий высоко оценил значение миссии Кирилла и Мефодия для развития средневековой болгарской культуры. В его работе содержатся сведения о видных культурных деятелях средневековой Болгарии — Клименте Охридском, Евфимии Тырновском и др.

Будучи монахом, проповедником идеи божественной воли, Паисий в то же время преодолел многие принципы христианской историософии, в частности ее универсализм и апокалиптичность. Национально-патриотическая и гуманистическая направленность его работы оказала значительное влияние на последующее развитие болгарской историографии. «История славяноболгарская» расхищалась в списках и компиляциях по всей стране.

Продолжателем дела и традиций Паисия был выдающийся болгарский просветитель **Софроний Врачанский** (1739—1813). Опасаясь преследования османских властей, он покинул в 1803 г. Болгарию и до конца жизни оставался в Валахии. Здесь Софроний пропагандировал идею освобождения Болгарии с помощью России.

Наиболее значительным его сочинением является написанная в 1803—1805 гг. на живом, доступном народу языке автобиография «Житие и страдания грешного Софрония». В ней содержатся ценные сведения о социальном, культурном и духовном развитии болгарского народа в условиях османского ига. Хотя в труде Софрония еще нет отчетливо сформулированной идеи сопротивления иноземному гнету, всё его содержание, в особенности яркое описание страданий народа, подводило к ней. Впервые «Житие» было опубликовано в 1861 г. в газете «Дунавски лебед».

Значительное воздействие на развитие болгарской историографии оказала книга сербского историка Йована Райча «История разных славянских народов». В 1801 г. Атанас Нескович переработал и издал в Будапеште часть этой книги, касающуюся болгарской истории, используя при составлении компиляции также

русский «Синописис». Эта компиляция в силу своей популярности была переиздана до 1844 г. трижды. В 1835 г. в Белграде Христиан Павлович напечатал «Сокращенную болгарскую историю», также основанную на труде Раича.

Делавшая первые шаги болгарская историография испытывала также значительное влияние русской славистики. В 1836 г. Атанас Кипиловский опубликовал в Будапеште болгарский перевод книги Ивана Кайданова «Краткое начертание всеобщей истории». В Москве вышла работа Захария Княжеского «Введение в историю болгарских славян» (1847). В ней изложены события с появления славян на Балканах до османского нашествия.

Важными для развития болгарской историографии были работы Юрия Ивановича Венелина (1802—1839), в которых шла речь о славном прошлом славянских народов. Пафос его концепции заключался в стремлении поставить историю на службу делу национального возрождения. Труды его (особенно «Древние и нынешние болгары», 1829) способствовали формированию национального самосознания.

Сочинения Венелина — «О зародыше новой болгарской литературы» (1838) и «Критические исследования об истории болгар» (1849) — были переведены на болгарский язык. Второе из них содержало сведения по истории Болгарии до конца X в.

Сильное влияние труды Венелина оказали на формирование мировоззрения Василя Априлова (1789—1847), который поддерживал с ним тесные контакты и называл его «болгарским историографом». Априлов был представителем романтического направления. С 1811 г. он жил в Одессе. Основные его работы посвящены средневековью и национальному возрождению. Они сыграли значительную роль в росте национального самосознания болгар. Первая работа Априлова «Болгарские книжники или какому славянскому племени принадлежит кирилловская азбука?», опубликованная в 1841 г. на русском языке, а затем переведенная на болгарский, носила полемический характер. Опираясь на данные источников и сочинения Раича, Добровского и др., Априлов стремился доказать, что болгары среди славянских народов приняли крещение первыми, а Кирилл и Мефодий, будучи болгарскими по происхождению, перевели богослужебные книги на болгарский язык.

Самое значительное сочинение Априлова — «Денница новоболгарского образования» (1841). Излагая историю средневековой болгарской культуры, он защищал тезис о болгарском происхождении Кирилла и Мефодия. Обширная часть его сочинения посвящена истории просвещения в период национального возрождения. В 1842 г. Априлов в связи с появлением критической рецензии на его труд написал к нему «Дополнение», в котором изложил историю болгарских светских училищ. Он опубликовал также средневековые «Болгарские грамоты» (1845).

Работы историков периода национального возрождения являлись компонентом идеологии формировавшейся болгарской нации, борющейся за независимость. На этом этапе произошел отход от

библейско-христианской концепции истории, созданы пронизанные патриотизмом работы по средневековой и новой истории Болгарии. Первые шаги сделала критика источников. Однако не были окончательно преодолены некоторые черты средневековой науки, в частности провиденциализм.

Историческая наука в 50—70-е годы

Рассматриваемый период был высшим этапом национального возрождения, когда ускорились процессы развития капиталистических отношений и национальной идеологии. Освободительное движение организационно оформилось и достигло апогея (Апрельское восстание 1876 г.). Все большее размах приобретало культурно-просветительское движение. Появились первые болгарские научно-просветительские общества. Одним из них было образованное в 1869 г. Болгарское научное общество в Браиле (Румыния). Оно выпускало журнал «Периодическое списание» (1870—1876) и объединяло болгарских ученых, которые работали, как правило, в эмиграции. Важным положительным фактором формирования болгарской историографии в этот период оставалось воздействие русской исторической науки.

В развитии болгарской историографии участвовали ученые и других славянских стран. Чешский историк Константин Иречек (1854—1919) издал на чешском и немецком языках «Историю болгар» (1876), переведенную на русский, а затем и болгарский языки. Помимо политической истории в этой книге освещено социально-экономическое и культурное развитие Болгарии. Большое внимание Иречек уделил периоду османского владычества и возрожденческим процессам. В первой половине 80-х годов он работал в Болгарии, где написал ряд трудов по ее исторической географии.

Одним из представителей буржуазно-либерального направления в историографии того времени был С. Н. Палаузов (1818—1872). Образование он получил в России и Германии. С конца 40-х годов XIX в. Палаузов работал в Петербурге и был близок к славянофилам. Его научное творчество было посвящено средневековой истории Болгарии.

В сочинении «Век болгарского царя Симеона» (1852) Палаузов воссоздал картину политической и культурной жизни Болгарии VII—X вв. Время правления Симеона (конец IX — первая треть X в.) он характеризовал как эпоху расцвета страны. Основанный на болгарских, византийских и западноевропейских источниках, его труд был одним из первых научных сочинений по истории Первого Болгарского царства. Преимущественным интересом к политической и духовной истории отличались и другие работы Палаузова, в том числе те, которые посвящены Второму Болгарскому царству. Он ввел в научный оборот ряд важных источников по истории средневековой Болгарии, в частности опубликовал в 1855 г. «Синодик царя Борила». Палаузов проявлял устойчивый интерес

также к историческому прошлому болгарской церкви, особенно к тому его периоду, когда она не зависела от греческой. Это было его откликом на борьбу болгар за национальную церковь.

Самым крупным представителем буржуазной исторической науки Болгарии XIX в. был **Марин Дринов** (1838—1906). Он учился в России, более 30 лет преподавал в Харьковском университете. Дринов организовал и длительное время возглавлял Болгарское научное общество. В период русско-турецкой войны 1877—1878 гг. он являлся сотрудником Русского гражданского управления в Болгарии, заведовал Отделом просвещения и духовных дел.

Главный предмет исследований Дринова — история средневековой Болгарии. Одной из первых разработавшихся им тем было образование народности и Болгарского государства. В его сочинениях «Взгляд на происхождение болгарского народа и начало болгарской истории» (1869) и «Заселение Балканского полуострова славянами» (1873) обоснована концепция образования болгарской народности. Опираясь на исторические, лингвистические и фольклорные данные, он подчеркивал огромную роль славянского элемента в этом процессе и в то же время учитывал влияние других этнических компонентов — местного (балканского) и пришлого (протоболгарского). Историю появления славян на Балканах Дринов рассматривал в рамках II — середины VII в. Его построения, не учитывавшие социально-экономических и классовых факторов, оставались идеалистическими.

В работе «Южные славяне и Византия в X веке» (1876) Дринов показал усиление роли и влияния Болгарии на Балканах, выявил причины антивизантийской направленности ее политики в тот период. Им была также исследована история богомильского движения. Основываясь на источниках, как богомильских, так и антибогомильских, Дринов сделал вывод о социальной направленности этого движения, что существенно отличало его точку зрения от ранее бытовавших в исторической науке. Одному из важных периодов средневековой истории Дринов посвятил труд «Начало Самуиловой державы» (1876), в котором пришел к заключению, что Болгария конца X — начала XI в. была этническим и политическим продолжением Первого Болгарского царства.

Большое место в творчестве Дринова занимали проблемы национального возрождения. В работе «Отец Паисий, его время, его история и его ученики» (1871) он не только выяснил место и роль Паисия Хилендарского в болгарском возрождении, но и определил начало этого процесса, его этапы. В ряде работ, особенно в «Историческом обозрении болгарской церкви с самого ее начала и до сегодняшнего дня» (1869), Дринов убедительно доказал ее право на независимое от грехов существование.

Таким образом, в научной деятельности Дринова четко выделяется период, когда им были созданы фундаментальные труды по болгарской истории, написанные на основе критического анализа комплекса различных источников. В целом творчество Дринова оставалось в рамках романтического направления.

Подъем национально-освободительного движения в Болгарии в 60—70-е годы XIX в. имел решающее значение для зарождения революционно-демократического направления в болгарской исторической науке. Представители его, не будучи историками-профессионалами, уделяли большое внимание проблемам истории в своей публицистике.

У истоков революционно-демократического направления стоял **Георгий Раковский** (1821—1867). Он учился в Константинополе, принимал активное участие в национально-освободительной борьбе. В Белграде им издавались газеты «Болгарска дневница» (1857), «Дунавски лебед» (1860—1861) и в Бухаресте «Будущность» (1864). Острая публицистичность и патриотическая направленность его работ отвечали целям национально-освободительной борьбы.

В Белграде было опубликовано сочинение Раковского «Несколько слов об Асене Первом, великом царе болгарском и сыне его Асене Втором» (1860). В других его работах уделялось внимание проблемам османского господства и национального возрождения. Он обращался также к истории церкви, обосновывая право болгар на независимую церковь.

Опирался Раковский в основном на источники болгарского происхождения, считая их самыми достоверными. Роль и значение зарубежных источников он недооценивал. Ограниченность источниковой базы, идеализация прошлого нередко приводили его к ошибочным выводам.

Выдающимся представителем революционно-демократического направления был **Любен Каравелов** (1834—1879) — писатель и публицист, один из руководителей национально-освободительного движения. Образование он получил в России. Большое влияние оказали на него русские революционеры-демократы. Находясь в Румынии, он издавал газеты «Свобода» (1869—1874) и «Независимость» (1873—1874). Каравелов обращался к истории в большинстве своих публицистических выступлений.

В Москве он опубликовал сборник «Памятники народного быта болгар» (1861), в котором были собраны этнографические материалы, необходимые для изучения прошлого болгарского народа. В работе «Кирилл и Мефодий» (1875) Каравелов писал о деятельности создателей славянской письменности. Наиболее основательное освещение нашли в его сочинениях проблемы национального возрождения. Впервые в болгарской историографии им были рассмотрены его социально-экономические, политические и духовные факторы. Особенно активно Каравелов занимался проблемами национально-освободительной борьбы, он охарактеризовал ее этапы.

Итак, в рассматриваемый период началось становление болгарской исторической науки. Борьба за национальное освобождение оказала огромное воздействие на историков. Этим объясняется тесная связь их работ с задачами завоевания Болгарией независимости.

Раздел II

ИСТОРИОГРАФИЯ ИСТОРИИ ЗАПАДНЫХ И ЮЖНЫХ СЛАВЯН ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX—НАЧАЛЕ XX в.

Глава I

ПОЛЬСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ

В 50—60-е годы XIX в. во всех польских землях утвердились капиталистические отношения. Однако сохранялись многочисленные феодальные пережитки; развитие капитализма в сельском хозяйстве происходило по «прусскому пути». Сравнительно быстрая капиталистическая эволюция в Королевстве Польском сделала его одной из наиболее развитых частей Российской империи. Польские земли под властью Австро-Венгрии и Германии оставались аграрно-сырьевым придатком этих государств. Австрийское правительство, стремясь ослабить национально-освободительное движение, предоставило Галиции автономные права.

История как наука находилась в это время под воздействием философии позитивизма, которая родилась в результате революций 1848—1849 гг. Вследствие успехов естествознания и точных наук укрепилось представление о значении знаний, основанных на изучении фактов или положительных (позитивных) данных. Произошел отказ от умозрительных построений, пренебрегающих исторической действительностью, некоторые историки восприняли теорию эволюции и признали действие определенных закономерностей общественного развития. В деле сбора и анализа фактов позитивистская историография была вершиной буржуазного историзма.

Организации и школы польских историков

На польских землях распространение позитивизма совпало с критикой романтиков идеологами как либеральной буржуазии, так и консервативных кругов шляхты. Оба крыла осуждали романтиков за приверженность вере в духовные начала, за бунтарские порывы, не принесшие никакой пользы в борьбе за независимость страны, и выдвигали программу мирной, позитивной, «органической работы» по развитию предпринимательства, науки, культуры, воспитанию национальных кадров. В области политической это была программа сотрудничества с властями государств, захвативших польские земли, в классовых интересах либерально-буржуазных и консервативно-шляхетских кругов. С помощью такой политики они стремились получить некоторые автономные права для поляков.

Положение позитивистов в историографии укрепилось достаточно быстро. Образцом для польских историков была немецкая историография с ее тягой к строгому описанию точных фактов и отсутствием их глубокой интерпретации. Однако отсутствие независимости, усиление после восстания 1863—1864 гг. национального и политического гнета тормозили развитие польской науки и культуры. Царское правительство закрыло все польские высшие учебные заведения, научные общества, запрещало создавать исторические журналы и т. д. Ученые работали здесь на частные пожертвования. В 1881 г. в Варшаве был организован с этой целью частный фонд — Касса имени Мяновского.

В несколько иных условиях находилась Галиция, получившая в 60-е годы автономию. Здесь действовали Краковский и Львовский университеты, в которых имелись исторические кафедры. В 1871 г. в Кракове начала свою деятельность Академия знаний. Учрежденная при ней историческая комиссия занималась сбором и изданием источников. Она подготовила и опубликовала три серии документов (51 том), издавала сборники, журналы, монографии. В 1880 г. по ее инициативе в Кракове был проведен I съезд польских историков. В 1886 г. польские историки образовали во Львове Историческое общество и приступили к изданию журнала «Kwartalnik Historyczny» («Исторический кварталник»). Академия знаний и польские университеты в Галиции сыграли большую роль в подготовке кадров историков, организации исследований и публикации источников.

Наиболее тяжелые условия для работы польских деятелей науки и культуры сложились в Германии, где поляки подверглись усиленной германизации.

Ведущими в польской историографии второй половины XIX в. были две школы: краковская, тесно связанная с магнатско-буржуазными кругами Галиции, и варшавская, ориентированная на либерально-буржуазный лагерь Королевства Польского. Первая в значительной степени придерживалась средневековой шляхетской идеологии, католического мировоззрения и исключала из культурного наследия идеи Просвещения и прогрессивного романтизма. Вторая с либерально-буржуазных позиций критиковала сословную кастовость, клерикализм, провозглашала светские цели науки. Если краковские историки занимались преимущественно политической историей, то варшавские обратились к исследованию социально-экономических отношений и культуры, выявлению роли купечества и буржуазии в истории Польши. По мере нарастания рабочего движения в конце XIX — начале XX в. различия между обеими школами сглаживались, так как их сторонников сплачивали общие классовые интересы и националистические тенденции.

Краковская школа

Представители краковской школы отражали взгляды имущих классов Галиции, шедших на соглашение с Габсбургской монар-

хий. Они прилагали немало усилий, чтобы обосновать «жизненную необходимость» такого курса, формировали идеологию, служившую интересам консервативного лагеря — земельной аристократии и буржуазии. Вместе с тем они внесли известный вклад в совершенствование методики исследований, вводя в научный оборот новые группы источников и поднимая на более высокий уровень их научную критику.

Основателем краковской школы считается **Валериан Калинка** (1826—1886). В молодости он принимал участие в национально-освободительном движении, однако после восстания 1863—1864 гг. сблизился с консервативным лагерем. В своей книге «Галиция и Краков под австрийской властью» (1853) он идеализировал патриархальные отношения в польской деревне в период господства барщинно-фольварочной системы; даже очиншивание¹ крестьян в конце XVIII в. автор считал преждевременной мерой. Эти идеи Калинка отстаивал и в работах, посвященных причинам упадка Польши. Он выступил с острой критикой Лелевеля и прогрессивных деятелей эпохи Просвещения, прежде всего польских реформаторов второй половины XVIII в., патриотического лагеря в целом. В его работах проводилась мысль о положительной роли католической церкви в истории Польши, в то время как идеи Просвещения оценивались как пагубные для ее народа. Концепция Калинки вызвала протест современников, обвинявших его в следовании взглядам официальных российских и немецких историков.

Признанным главой краковской школы был **Юзеф Шуйский** (1835—1883). В ранний период своей деятельности он тоже был связан с национально-освободительным движением, но поражение восстания 1863—1864 гг. привело его в реакционный лагерь. В своих статьях он призывал к сотрудничеству с австрийским правительством, тесной связи с католической церковью, отказу от освободительной борьбы. Враждебностью пронизано его отношение к русскому народу. Шуйский явился одним из основателей и идеологов крайне консервативной партии «саянчиков» в Галиции.

В своих трудах «История Польши» (т. 1—4, 1862—1866) и др. главное внимание Шуйский уделял политической истории. Решающую роль в историческом процессе он отводил провидению. В противовес Лелевелю Шуйский утверждал, что уже с самого начала в Польше не было демократии, а существовал «княжеский абсолютизм». В дальнейшем вследствие таких слабых сторон «национального характера», как «склонность к анархии» и т. п., писал он, монархическая власть в стране ослабла. Работы Шуйского пронизаны идеей сильной монархической власти, абсолютизма, образец которого он видел в Австро-Венгрии. Вину за непрочность польского государственного и политического строя, а также за разделение Речи Посполитой он возлагал на польский народ. Шуйский счи-

тал, что в своем развитии Польша постоянно отставала от Запада, и объяснял это отдаленностью страны от Рима и других европейских центров. Шуйский восхвалял Люблинскую унию, видя в ней проявление цивилизаторской «миссии» Польши на Востоке.

Противопоставление монархии народу, патриотическим силам было свойственно и **Михалу Бобжиньскому** (1849—1935). Он принимал активное участие в политической жизни Галиции. От других представителей краковской школы его отличал более реалистичный взгляд на прошлое, стремление придерживаться позитивистских установок, уйти от субъективизма и фидеизма при объяснении исторических явлений.

Бобжиньский уделял большое внимание государственно-правовым вопросам XV—XVI вв. Наиболее полно свои взгляды он выразил в «Истории Польши» (т. 1—2, 1879), неоднократно переиздававшейся и дополненной в 1931 г. третьим томом, охватившим начало XX в., а также в работе «Возрождение Польского государства» (т. 1—2, 1920—1925). Решающую роль в истории Польши Бобжиньский отводил государству, в сильном бюрократическом аппарате которого видел гарантию общественного порядка. Периодизацию истории он строил исходя из соотношения монархии и анархии и выделил патриархальное (до середины XIII в.), патримонильное (до конца XV в.) и новое (с конца XV в.) государство. Спецификой польской истории, считал он, было разделение государства и общества, отставание первого от стремлений второго из-за отсутствия сильной монархической власти, особенно в период, когда исторической необходимостью стал абсолютизм. Шляхетские парламентаризм и вольности, которые шли вразрез с «порядком и законом», представлялись ему единственной причиной падения Польши.

Видным представителем краковской школы был **Станислав Смолька** (1854—1924), близкий к правящим кругам Галиции. Являясь признанным лидером польских медиевистов, он написал десятки работ, преимущественно по истории Польши X—XV вв. Как и другие историки второй половины XIX в., Смолька видел в образовании государства, как и в других исторических процессах, результат эволюционных изменений. Признавая существование закономерностей в истории, он считал их познание невозможным и со временем все отчетливее переходил на клерикальные позиции.

От других историков краковской школы Смольку отличало внимание к социальным проблемам, стремление к обобщениям, широкое использование сравнительного метода и общен исторического фона. Аналогии истории Польши Смолька искал в прошлом других западно-славянских народов. Вместе с тем он идеализировал католическую церковь, приписывая ей чрезвычайно большую роль в пробуждении и развитии национального самосознания, в ликвидации феодальной раздробленности и распространении «цивилизации» на Востоке.

¹ Перевод крестьянских хозяйств с отработочной или продуктовой на фиксированную денежную ренту.

Представители сформировавшейся в 70-е годы варшавской школы были тесно связаны с идеологическим и культурным течением варшавского позитивизма, отражавшим интересы либеральной буржуазии. Лозунгам освободительной борьбы оно противопоставляло требования капиталистического обогащения. Либерально-буржуазное течение стояло на позициях соглашения с царизмом, но во имя буржуазного прогресса. Поэтому в 70—90-е годы XIX в. оно имело известное прогрессивное значение.

Варшавская школа главное внимание уделяла социально-экономическому развитию страны, особенно в период ее разделов. Это было не случайно, поскольку во второй половине XVIII в. в Речи Посполитой вызревали элементы капитализма, началось формирование буржуазии. Как идеологи либеральной буржуазии, представители варшавской школы стремились подчеркнуть значение горожан в истории Польши. Изучение социально-экономических отношений и культуры приводило их к мысли о существовании в истории определенных закономерностей. В оценке ряда проблем (упадок Речи Посполитой, роль аристократии, католической церкви и иезуитов) они сближались с лелевелевской традицией и взглядами деятелей Просвещения.

Вместе с тем варшавская школа отвергла ряд прогрессивных положений предшествующей историографии. Она отрицала необходимость восстаний для завоевания независимости, считала единственным путем развития постепенные реформы, проводимые господствующими классами. По мере обострения классовых противоречий эти реакционные тенденции проявлялись все более отчетливо.

Виднейшими представителями варшавской школы были Т. Корзон и В. Смоленский. Тадеуш Корзон (1839—1918) получил образование в России. За участие в патриотических организациях 60-х годов он подвергался репрессиям. Корзон известен как автор ряда монографий, учебников по всеобщей истории и статей по теории и методике исторических исследований.

Важнейшей его работой является «Внутренняя история Польши при Станиславе Августе» (т. 1—4, 1882—1886). В центре внимания Корзона социальные и экономические отношения в польском обществе второй половины XVIII в. Он использовал огромное количество опубликованных и архивных документов, широко применил статистический и сравнительный методы исследования. Стремясь выяснить причины упадка Речи Посполитой, выявить силы, способные вывести страну на путь возрождения, Корзон анализировал данные о состоянии экономики, сеймовые отчеты и т. д.

Он показал, что во второй половине XVIII в. разложение феодальных и формирование буржуазных отношений продвинулось в Польше достаточно далеко. Старые силы (аристократия, высшее духовенство, реакционная шляхта), считал он, вели страну к гибели, а новые («просвещенные» горожане и связанная с ними

патриотическая шляхта) — к возрождению и спасению. Магнаты и реакционная шляхта, не желая допустить каких-либо изменений, отдали страну во власть соседних государств.

В отличие от краковских историков Корзон полагал, что Польша во второй половине XVIII в. вступала в полосу экономического и культурного подъема. Он подчеркивал при этом значение торговли и промышленности, а главную роль в возрождении страны отводил «просвещенной» шляхте и буржуазии, шляхетско-буржуазной интеллигенции с их умеренной программой реформ.

Корзон возмущался эгоизмом и консервативностью шляхты, но в то же время не признавал революционного пути решения аграрного вопроса. Резко отрицательно относился он к крестьянским восстаниям, выступая за медленный эволюционный путь реформ. По мере обострения классовых противоречий и развития рабочего движения Корзон в конце XIX — начале XX в. отошел от прогрессивных историко-методологических установок. В его работах, написанных в это время, усилились националистические и субъективистские тенденции. Он все настойчивее прославлял шляхетскую Речь Посполитую. Его монографии о Костюшко (1894) и Собеском (1898) пронизаны культом героя, идеализируют шляхту; важнейшие проблемы того периода в них не затрагиваются.

Владислав Смоленский (1851—1926) по своим взглядам был близок Корзону, но уделял главное внимание развитию польской культуры и общественно-политической мысли в XVIII в. Кроме того, его интересовали история мелкой шляхты и горожан и проблемы историографии.

Ранние работы Смоленского были посвящены шляхте. В них он разоблачал ее классовую ограниченность и неприглядную роль в истории Польши, отмечал разложение шляхты во второй половине XVIII в. и частичное ее обуржуазивание. В изданных в 80-е годы XIX в. работах («Коллонтаевская кузница» и др.), касающихся общественно-политического и культурного развития Польши в период Просвещения, им впервые в польской историографии охарактеризованы идеологи шляхетско-буржуазного лагеря — Сташиц, Коллонтай и их единомышленники.

Наиболее известна монография Смоленского «Интеллектуальный переворот в Польше XVIII века» (1891). В ней переворот в польском общественном сознании второй половины XVIII в. связан с распространением идей Просвещения. Смоленский верно определил социальную базу тогдашнего реформаторского движения, подчеркивал значение горожан в формировании шляхетско-буржуазной идеологии, вскрывал реакционную роль клерикализма. В одной из своих работ он показал, что католическая церковь угнетала крестьян и подрывала силу централизованного государства. Эти выводы вызвали бурю негодования в реакционном стане.

Вместе с тем Смоленскому не были чужды националистические тенденции. Он относил Польшу к «западной цивилизации» и считал, что она была вынуждена вести борьбу с «элементами Востока». В оценке Просвещения проявлялась либерально-буржуазная

ограниченность Смоленского: он не видел основного противоречия эпохи — между феодалами и зависимым крестьянством — и считал, что не крестьянский, а городской вопрос являлся ее центральной проблемой. В начале XX в. Смоленский эволюционировал вправо, сблизился с эндеками, отступил от своих прежних прогрессивных убеждений, в том числе от мысли о существовании закономерностей в истории и возможности их познания.

Пolemика между краковской и варшавской школами

Историки варшавской школы выступили против попыток представителей краковской школы утвердить «пессимистическую» оценку национальной истории. В 1887 г. Шуйский опубликовал брошюру «О фальшивой истории как искусстве фальшивой политики», в которой изложил подход краковской школы к основным проблемам истории Польши, сделав при этом упор на несовершенство внутреннего устройства шляхетской Речи Посполитой. Шуйский писал о «своеволии и анархии» польского народа, которые считал причинами упадка страны. Брошюра вызвала отповедь историков варшавской школы. Завязалась острая полемика.

На II съезде польских историков в 1890 г., а также в статьях и рецензиях Корзон резко критиковал краковских историков за подчинение исторической науки реакционной политике правящего лагеря Галиции. Он указывал на необъективность их выводов, узость проблематики, игнорирование ими экономического развития, на разрыв их с прогрессивными традициями польской историографии. Корзон считал вредными утверждения о вине польского народа за гибель страны, так как они, по его словам, убивали любовь к прошлому, стремление к свободе.

Смоленский в своих историографических работах выявил общественно-политические истоки взглядов краковских историков. Он подчеркнул, что их доктрина проникнута консерватизмом, католицизмом и аристократизмом, подверг их критике за тенденциозность выводов, связь с реакционными кругами.

Пolemика двух школ, стоявших на сходных методологических позициях, не принесла перевеса ни одной из сторон. Критикуя краковских историков за привнесение в науку политики, варшавские историки сами были далеки от научной объективности, оставаясь на позициях либерально-буржуазных кругов. Дискуссия постепенно исчерпала себя с появлением в конце XIX — начале XX в. новых направлений в историографии.

Львовская школа

Центром исторической мысли в Галиции был Львов. Местные историки были меньше, чем краковские, связаны с правящим лагерем. Они также стояли на позициях позитивизма. Главные их интересы сосредоточивались на средневековой Польше, региональной истории, проблемах унии Польши с Литвой.

Основателем львовской школы считается Ксаверий Лиске (1838—1891), в молодости принимавший участие в национально-освободительном движении. Он известен как автор многочисленных критических обзоров, рецензий, статей, издатель источников. Провозгласив поход «за научной правдой», Лиске требовал от исследователей особой критичности в оценке источников. По его инициативе и под его руководством с 1870 г. началось издание свода документов «Акты гродские и земские».

Крупным историком-медиевистом был Тадеуш Войцеховский (1838—1919), в прошлом также участник национально-освободительного движения. Основное внимание он уделял дофеодальной и раннефеодальной Польше. Во взглядах на предмет и цели истории Войцеховский был близок к варшавской школе. Историческое развитие он ставил в зависимость от территориально-этнического фактора. В монографии «Хробация» (1873), возражая немецким историкам-шовинистам, он привел весомые доказательства автохтонности славян на польских землях. В «Исторических очерках XI в.» (1904) Войцеховский показал влияние церкви на политическую жизнь страны.

Начало распространения марксизма в Польше

Начало распространения марксизма на польских землях относится к рубежу 70—80-х годов XIX в. Первые польские марксисты призывали рассматривать все события истории как отражение классовой борьбы. Их усилиями (в первую очередь Л. Кшивицкого) в 80-х годах XIX в. на польский язык был переведен ряд трудов К. Маркса и Ф. Энгельса, в том числе первый том «Капитала», «Гражданская война во Франции», «Происхождение семьи, частной собственности и государства».

Активный пропагандист марксистских идей и руководитель первой в Польше рабочей партии «Пролетариат» Людвик Варыньский (1856—1889) в статье «О роли польских господствующих классов» (1880) выступил против реакционной историографии, стремившейся распространять взгляды о классовом единстве польского народа в прошлом.

В цикле статей о прибавочной стоимости, а затем в брошюре «Кто на что живет?» (1881) Шимона Дикштейна (1858—1884) вскрывались существо и источники капиталистической эксплуатации. Им написана также статья о формировании революционной идеологии среди польских эмигрантов после восстания 1830—1831 гг.

Дальнейшая пропаганда исторического материализма связана с деятельностью Людвика Кшивицкого (1859—1941), стоявшего тогда на марксистских позициях и участвовавшего в социалистическом движении. Он подверг критике позитивизм, идеи которого представляли одно из препятствий на пути распространения марксистского учения.

Кризис буржуазной методологии истории

В условиях империализма на польских землях усилился социальный и национальный гнет. В ответ на него ширилась борьба широких слоев народа за демократию и национальные права, росло рабочее движение. Часть буржуазии и интеллигенции разочаровалась в соглашательской политике и стала выступать за независимость Польши либо предоставление польским землям автономии. Все это отразилось на духовной жизни общества. Революция 1905—1907 гг. ускорила поляризацию польской общественно-политической мысли.

Новые явления общественной жизни не укладывались в позитивистскую схему исторического процесса. Позитивисты, представлявшие его как прямолинейное, эволюционное развитие, оказались неспособными объяснить многообразие и диалектическую взаимосвязь явлений прошлого. Теоретическая беспомощность позитивизма стала особенно ясной в связи с тем, что марксизм к этому времени уже показал образцы строго научного материалистического анализа исторических фактов. Все это вело к кризису буржуазной методологии истории. В историографии обозначилось нарастающее антидемократическое течение. Наблюдались отказ от научной объективности и от признания исторических закономерностей, стремление свести работу историка к накоплению фактов. Позитивистская историография исчерпала свои возможности, ее приверженцы все более сосредоточивались на описании отдельных явлений и событий.

Возрождение идей независимости содействовало повышению интереса к истории польской государственности и национально-освободительного движения. Акцентирование внимания на этой проблематике вело в условиях обострения национального гнета к апологетическому освещению прошлого, отказу от критического осмысления социально-политического содержания польского исторического процесса.

Состояние польской исторической науки в конце XIX — начале XX в.

Краковская и варшавская школы переживали в это время кризис. Происходила эволюция варшавской школы вправо. Корзон и Смоленский отказались от критического освещения событий прошлого. Краковские историки разделились на ряд направлений, сохранив при этом верность реакционным интересам магнатско-буржуазных кругов. На III съезде историков в 1900 г. окончательно распался лагерь позитивистских историков. После съезда сложились новые направления, среди которых выделялись историко-юридическое, экономическое и неоромантическое. С появлением буржуазных и мелкобуржуазных политических партий историки стали более активно приобщаться к политической и идейной борьбе. Развернулась деятельность реформистских историков, связанных с

Польской социалистической партией (ППС). Идеологи Социал-демократии Королевства Польского и Литвы (СДКПиЛ), а также близкой к ней ППС — Левицы в своих исторических трудах и публицистике выступили с критикой буржуазных и мелкобуржуазных историков, проводивших ради достижения «национального единства» идеи классового солидаризма.

В начале XX в. продолжалось организационное развитие буржуазной исторической науки. Создавались новые ее центры и ассоциации ученых, открывались журналы, совершенствовались приемы и техника исследования. Значительная часть историков была тогда сосредоточена в университете и Академии знаний в Кракове, а также в университете и Историческом обществе во Львове. Располагая кафедрами, издательствами и периодической печатью, они могли оказывать на развитие науки большее влияние, чем их коллеги в Королевстве Польском и на Познанщине. Однако и здесь деятельность историков оживилась, ибо под влиянием революционных событий царское и германское правительства оказались вынужденными мириться с существованием польских научных и культурных обществ, действовавших на частные средства. В 1905 г. в Варшаве был основан журнал «Przegląd Historyczny» («Историческое обозрение»). Активизировалась деятельность Кассы имени Мяновского в Варшаве, Общества друзей наук в Познани. Эти организации субсидировали исследования и публикации документов.

Историко-юридическое направление

Основателем историко-юридической школы был **Освальд Бальцер** (1858—1933).

Подобно многим буржуазным историкам начала XX в. Бальцер под влиянием национально-освободительного движения постепенно эволюционировал от «пессимистического» к «оптимистическому» освещению истории Польши. В книге «Из проблем устройства Польши» (1915) он попытался реабилитировать правовые и государственные институты Речи Посполитой. Сравнивая устройство Польши с государственными институтами некоторых западноевропейских стран того периода, Бальцер пришел к выводу о его соответствии духу времени. Ограничиваясь анализом правовых норм и институтов без учета общественно-политических условий, в которых они действовали, он снимал ответственность за упадок страны с внутренних сил и переносил ее на соседей Польши.

Работы Бальцера по сравнительной истории славянского права, отличавшиеся скрупулезным разбором фактического материала и восстанавливавшие детали развития правовых институтов, получили широкое международное признание. Бальцер был избран членом Чешской и членом-корреспондентом Российской академий наук.

Другим представителем историко-юридического направления был **Станислав Кутшеба** (1876—1946). Его работы отличались большей критичностью. Он старался учесть социально-экономиче-

ские факторы и их воздействие на формирование правовых институтов. Такой подход был связан с тем, что свою научную деятельность Кутшеба начал с изучения торговли, финансов и права средневековой Польши. Им был написан обобщающий труд по истории общественно-государственного строя Польши с древнейших времен до XVIII в. Критически относясь ко многим сторонам устройства шляхетской Речи Посполитой, Кутшеба, однако, не сумел освободиться от идеализации ее строя. Не выдерживала критики и его периодизация истории страны, основанная на изменении правовых норм.

Кутшеба и Бальцер утверждали, что государство и право являются надклассовыми институтами, призванными регулировать отношения в обществе. Они считали, что правовые формы государственного устройства заимствованы поляками с Запада и только вследствие ослабления центральной власти с конца XVI в. Польша стала отставать от Западной Европы.]

Неоромантическое направление

Оживление национально-освободительного движения в начале XX в. воскресило национально-романтические идеалы. Однако возвращение к ним происходило на базе субъективно-идеалистических теорий и преследовало цель затушевать классовые противоречия ради решения национальных проблем. Все это усиливало реакционные черты неоромантического направления, представители которого выступали с резкой критикой позитивизма.

Одним из основателей неоромантического направления был Станислав Закшевский (1873—1936), интересовавшийся прежде всего начальным периодом истории Польши, а также историей католической церкви. По политическим убеждениям он тяготел сначала к Польской социал-демократической партии Галиции и Силезии (близкой к ППС), потом к эндекам, а в годы первой мировой войны — к пилсудчикам.

Закшевский одним из первых выступил против краковской школы, считая, что она принижает историю польского народа. Он отбросил позитивизм как методологию исследования, обосновывая это тем, что познание прошлого не может опираться только на факты, а должно учитывать интуицию как иррациональное чувство, необходимое для понимания истории. Свою концепцию Закшевский изложил в работе «Исторические проблемы» (1908). Утверждая такой подход к познанию минувшего, он писал, что способность человеческого ума ощущать связь между современностью и прошлым приводит даже при отсутствии исторических знаний, а иногда и наперекор им, к восстановлению черт прошлого, отвечающих правде.

Закшевский был сторонником теории, согласно которой историю творят сильные личности, всегда остающиеся главным фактором исторического процесса. К этим чертам, характерным для неоромантического направления, добавлялось стремление все истори-

ческие явления соизмерять с идеалами борьбы за независимость. У Закшевского и его последователей национальная идея приобрела великодержавный характер. Не случайно неоромантическая концепция стала официальной в период режима санации.

Вместе с Закшевским против краковской школы выступил Вацлав Собеский (1872—1935). Он испытал влияние немецкого историка К. Лампрехта, утверждавшего, что определяющую роль в истории играет общественная психология, носителем которой является нация. В ряде работ Собеский утверждал, что крупные исторические явления есть результат не поддающихся пониманию спонтанных действий народных масс. В своих последующих трудах Собеский пытался объяснить общественную психологию действием политических и социальных факторов. Это позволило ему выделить в истории прежде всего массовые движения как отражение определенных общественных потребностей.

Собеский абсолютизировал национальную идею, связывая ее с национальной психологией, которая якобы определяла судьбу страны. На этой почве он сблизился с пилсудчиками.

Под влиянием неоромантических идей находился и Шимон Аскенази (1866—1935). В отличие от большинства неоромантиков он унаследовал от позитивистов добросовестное отношение к источникам. Однако ему не были чужды «героическая концепция» и повышенное внимание к национальному вопросу. Он стремился выпятить антироссийскую направленность польского национально-освободительного движения, пропагандировал ориентацию на западные страны. Это было на руку буржуазно-националистическому крылу освободительного движения. Представители его, прежде всего пилсудчики, находили в работах Аскенази «историческое обоснование» программы своих действий.

Изучая национально-освободительное движение начала XIX в., Аскенази акцентировал внимание на активной вооруженной борьбе за независимость. Однако симпатии его принадлежали умеренно-либеральным деятелям. Он создавал вокруг них героический ореол. Эти его взгляды нашли отражение в монографиях «Князь Юзеф Понятовский» (1904) и «Лукасинский» (т. 1—2, 1908). В самой крупной своей работе «Наполеон и Польша» (т. 1—3, 1918—1919), восхищаясь Наполеоном, Аскенази стремился показать значимость польского вопроса в европейских делах.

Воздействие неоромантизма испытали также историки, связанные с ППС. Так, Вильгельм Фельдман (1868—1919), близкий к пилсудчикам, занимавшийся изучением польской политической мысли XIX в., преувеличивая роль ее умеренных национально-патриотических течений, принижал и искажал революционные традиции. В его сочинениях подвергалась фальсификациям история интернационалистского крыла рабочего движения.

Под влиянием неоромантизма многие польские историки отказались в начале XX в. от критической оценки явлений прошлого, стремясь пробудить национальные чувства и затушевать социальные конфликты своей эпохи.

Капиталистическая индустриализация, обострение классовых борьбы, распространение марксизма, успешные попытки привлечения экономического материала в трудах предшествовавших поколений историков, развитие буржуазной социологии на Западе — все это способствовало возрастанию интереса польских историков к социально-экономической проблематике. Они обратились к новым видам источников — статистике, счетам, описям, инвентарям и т. д. Характер источников и проблематика поставили исследователей перед необходимостью изучать производство и положение в нем отдельных классов. В результате в историографии сформировалось экономическое направление.

Определенное влияние на его становление оказали работы **Владислава Грабского** (1874—1938), сосредоточившего внимание на изучении аграрных отношений и положения польского крестьянства в XIX в. Он пришел к выводу, что капиталистические отношения в XIX в., пробивая себе дорогу, требовали преобразований. С большой скрупулезностью проанализировал он реализацию аграрной реформы 1864 г. в Королевстве Польском. При этом Грабский оставался на позициях классового солидаризма, ратовал за сохранение доминирующих позиций на селе за помещиками и зажиточными крестьянами.

В рассматриваемый период началась научная деятельность двух крупнейших представителей экономического направления. **Францишек Буяк** (1875—1953) считается одним из зачинателей экономической истории как научной дисциплины. Он изучал историю сел и местечек, экономику и население Галиции. Буяк указывал на бедственное положение крестьян. Изучая село, он привлекал данные истории, этнографии, экономики, статистики, географии, культуры. Его работы отличались тщательным описанием фактов, что характерно для позитивистов, а также отрывом экономических проблем от классовых и политических. Наиболее крупные труды Буяка «Западно-галицийская деревня в конце XIX в.» (1906) и «Галиция» (т. 1—2, 1908—1910) претендовали на обобщение социально-экономических отношений в Западной Галиции.

На формирование взглядов **Яна Рутковского** (1886—1949) значительное влияние оказали французские историки-позитивисты школы «Анналов». Рутковский проявил особый интерес к изучению аграрных отношений в Польше XVII—XVIII вв. В ряде работ, опубликованных накануне первой мировой войны, он показал ухудшение положения крестьян в связи с развитием барщинно-фольварочной системы.

Возникновение марксистского направления

Представители революционного крыла польского рабочего движения **Р. Люксембург** и **Ю. Мархлевский** выступили с работами, в которых развивались марксистские взгляды на историю Польши

XIX — начала XX в. Этим было положено начало новому направлению в польской историографии.

Первой крупной работой **Розы Люксембург** (1871—1919) была книга «Промышленное развитие Польши» (1898), вышедшая на немецком языке, а затем переведенная на русский. В ней на основе статистического и экономического материала было доказано, что в последней трети XIX в. на польских землях победили капиталистические отношения. Вместе с тем, выявив всевозрастающую взаимосвязь экономики польских земель с хозяйством разделивших Польшу держав, Люксембург пришла к выводу, что достижение независимости является в этих условиях утопией, а поэтому не считала актуальным для польских рабочих лозунг о праве наций на самоопределение. «Восставая против лозунга независимости Польши, — писал В. И. Ленин, — Роза Люксембург ссылается на свою работу 1898 года, доказавшую быстрое «промышленное развитие Польши» с сбытом фабричных продуктов в Россию. Нечего и говорить, что отсюда еще ровно ничего не следует по вопросу о *праве* на самоопределение, что этим доказано только исчезновение старой шляхетской Польши и т. д.»¹

Значительный вклад в формирование марксистской историографии внес **Юлиан Мархлевский** (1866—1925). В работе «Физиократизм в давней Польше» (1897), изучив польскую экономическую мысль второй половины XVIII в., он показал, что физиократы пытались ограничить произвол шляхты и духовенства, но их усилия имели частичный успех и не могли вывести Речь Посполитую из состояния упадка. Разделы Польши, считал Мархлевский, явились закономерным результатом эгоистической политики магнатов и шляхты. Он подверг критике концепцию Калинки. В работе «Конституция 3 мая 1791 г.» была вскрыта связь реформаторских стремлений части шляхты со своеобразием социально-экономического развития Речи Посполитой. Весьма ограниченный характер этой конституции Мархлевский объяснял тем, что ее авторы отражали интересы шляхты, были далеки от народа.

В труде «Социально-экономические отношения на польских землях под властью Пруссии» (1903) он на основе анализа официальной статистики установил, что присоединение к Пруссии западных польских земель привело к упадку здесь промышленности и консервации феодальных порядков на селе. Он охарактеризовал пути и формы проникновения капиталистических отношений в экономику этих земель, трудности развития капитализма в сельском хозяйстве по «прусскому пути». В 1897—1908 гг. Мархлевский опубликовал несколько статей и брошюр об аграрных отношениях в Польше, убедительно показав их капиталистическую эволюцию.

Работы Люксембург и Мархлевского положили также начало изучению истории польского рабочего движения, его борьбы с царизмом.

Влияние марксизма испытал ряд молодых историков (С. Ко-

¹ Ленин В. И. Поли. собр. соч. — Т. 25. — С. 266.

шутский, Н. Гонсёровская и др.), занимавшихся выяснением роли социально-экономических факторов в развитии общества. Их работы были посвящены формированию и развитию промышленности. В трех книгах С. Кошутского, вышедших в 1901—1905 гг., рассматривалось развитие крупной промышленности в Королевстве Польском. Влияние марксизма сказалось на раннем этапе научного творчества М. Хандельсмана: В его первых работах события конца XVIII в. трактовались в тесной связи с социально-экономическими отношениями и классовыми противоречиями. Однако позже методология и тематика его исследований изменились.

Реформистская историография

Реформистское направление в польской историографии представляли правые социалисты. Отличительными чертами их мировоззрения являлись национализм и враждебное отношение к революционному марксизму. В качестве методологии эти историки использовали эклектическую смесь, в которой переплетались влияния позитивизма и неоромантизма.

Одним из основателей и идейных вдохновителей реформистского направления был **Болеслав Лимановский** (1835—1935). Участник восстания 1863 г., он долгие годы сохранял верность радикально-демократической программе повстанцев. Впоследствии его взгляды претерпели эволюцию под воздействием утопического социализма, лассальянства и позитивизма. Он был далек от марксистского понимания исторического процесса, не признавал закономерностей общественного развития, борьбы классов, не выделял промышленный пролетариат в самостоятельный класс.

Исследования Лимановского были посвящены проблемам национально-освободительного движения и демократической мысли XIX в. В работе «История национального движения. 1861—1864» (т. 1—2, 1882) он критически оценил позиции умеренных шляхетских кругов в восстании 1863—1864 гг. и высказался в защиту сотрудничества польских и российских революционеров. Вместе с тем Лимановский недооценивал роль народных масс в национально-освободительном движении и преувеличивал влияние его руководителей. Со временем, когда в его взглядах усилились националистические тенденции, он отказался от положительной оценки польско-русского революционного сотрудничества.

В начале XX в. Лимановский опубликовал цикл работ по истории польской демократической мысли и революционного движения XIX столетия. Они имели прогрессивное значение. Особенно важным было освещение Лимановским революционных событий 1846 г., деятельности революционера-демократа С. Ворцеля. Однако он не понимал классовой обусловленности общественно-политических теорий, связывал их с восприятием западных идей и веяний, а революционеров изображал как оторванных от народа мечтателей.

Представители реформистского направления уделяли большое

внимание истории социалистического движения в Польше. Одним из первых обратился к этой тематике **Людвик Кульчицкий** (1866—1941). Он написал обширную работу «История социалистического движения на польских землях России» (1903). Достоинством этой книги был новый фактический материал о деятельности различных рабочих организаций. Кульчицкий сделал ряд верных наблюдений, в частности о наличии в польском рабочем движении двух течений — интернационалистского и националистического, о связи между размахом рабочего движения и промышленным развитием страны и др. В то же время он преувеличивал значение интеллигенции в социалистическом движении и влияние в нем ППС, игнорируя роль революционного крыла рабочего движения.

Один из руководителей и идеологов ППС **Феликс Перль** (1871—1927) также опубликовал книгу по истории социалистического движения в Королевстве Польском (1910). В ней польское революционное движение противопоставлялось российскому, которое якобы навязывало «террористические» формы борьбы. Проникавшие в рабочее движение националистические идеи Перль выдавал за «патриотические».

В рассматриваемый период польская историография значительно продвинулась вперед в своем развитии. Буржуазные историки, выражая интересы определенных буржуазных слоев, рассматривали историю Польши, как правило, с точки зрения путей и способов решения национально-государственных проблем. Оставаясь на идеалистических позициях, они вместе с тем накопили новые данные и усовершенствовали методику работы с источниками. Зарождение марксистского направления привлекло внимание к новым фактам социального развития и борьбы классов. Обострилась идейная борьба в историографии.

Глава 2

ЧЕШСКАЯ И СЛОВАЦКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ

ЧЕШСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ

60-е годы XIX в. в чешских землях ознаменовались падением неоабсолютизма, введением конституции, что способствовало оживлению национального движения. Чешская буржуазия заметно упорочила в ходе промышленного переворота свои позиции в области экономики. В этот период историческая наука по-прежнему оказывала влияние на рост национального самосознания, на обоснование программ всех группировок национального движения. В 60-е годы XIX в. сложились более благоприятные условия для ее развития. Наряду с существовавшими Чешским национальным музеем и Матицей чешской в Праге был образован в 1866 г. Исторический кружок. Во второй половине XIX в. эти организации вместе с земскими архивами в Праге и Брно являлись важными центрами

исторической науки. Исторические работы публиковали «*Časopis Českého musea*» («Журнал Чешского музея») и «*Časopis Matice Moravské*» («Журнал Матицы моравской»).

Разделение Карлова университета на чешский и немецкий в 1882 г. способствовало притоку в науку новых национальных сил. Чешский университет превратился в крупный научный центр. В 1890 г. была образована Чешская академия наук, словесности и искусств. Она взяла в свои руки публикацию источников и монографических работ. В 1892 г. был основан Исторический клуб в Праге, объединивший как крупных, так и начинающих исследователей. С 1905 г. клубом стал финансироваться «*Český časopis historický*» («Чешский исторический журнал»), основанный в 1895 г.

Историческая концепция В. В. Томека

После революции 1848—1849 гг. национальное движение в Чехии было подавлено. Контроль над духовной жизнью общества получила католическая церковь. В этих условиях против романтической концепции Палацкого выступил Вацлав Владивой Томек (1818—1905), крупнейший представитель консервативного направления чешской историографии второй половины XIX в.

В начале своей научной деятельности Томек разделял большинство положений концепции Палацкого. В 1849 г. он издал 1-й том «Истории Пражского университета» и приступил к работе над историей города Праги. В 50-е годы Томек встал на сторону абсолютизма и реакции. С этого времени апология династии Габсбургов и католической церкви стала определять характер его концепции. В трудах, изданных в период неабсолютизма, он выразил официозную точку зрения на историю Чехии в составе Австрийской империи.

Томек отказался от оценки гуситского движения как освободительной борьбы чешского народа и одного из главнейших периодов его средневековой истории. В противовес принятой большинством чешских историков оценке поражения чешских сословий в 1620 г., установление австрийского господства, потерю национальной независимости он считал положительными моментами. Победа абсолютизма, по его мнению, спасла чешский народ от разгула шляхетской анархии, способствовала объединению чешских земель. Проводившиеся Габсбургами контрреформация и германизация трактовались им как приобщение чехов к более высокой немецкой культуре.

Томек рассматривал историю всех народов, оказавшихся под властью Габсбургов. Подготовленный им учебник по истории Австрийской монархии для гимназии в течение 30 лет считался лучшим и был переведен на немецкий, итальянский, венгерский и сербохорватский языки. В нем проведена идея Палацкого о миролюбивых славянах-земледельцах в противовес «агрессивным германцам». В 1888 г. вышла работа Томека «Новейшая история

Австрии», в которой освещались события с 1526 по 1860 г. Применяв сравнительно-исторический метод, автор создал широкую панораму развития различных народов империи Габсбургов. Значительное место было отведено в книге внешнеполитической проблематике.

Томек первым занялся изучением современного ему периода. В «Истории Чешского королевства» (1850), выдержавшей несколько изданий, излагались события новейшего времени. Последовательная смена правлений одного «доброего и благородного» короля другим представлялась в книге как история государства в целом.

В конце XIX в. Томек был активным участником полемики вокруг древнечешских рукописей, отстаивал их подлинность. Издательство Матицы чешской выпустило в 1855—1901 гг. его 13-томную «Историю города Праги». В ней он, подробно остановившись на системе земельного, церковного, городского управления, попытался отразить не только политические события, но и развитие ремесленного производства, торговли, экономической, социальной и культурной жизни.

Томек идеалистически трактовал исторический процесс, игнорировал социально-классовую дифференциацию общества. Для его работ характерно использование широкого круга источников, привлечение малоизвестных и неизвестных ранее документов, обширные цитирование, детальная проработка побочных, не связанных с главной проблемой, частных сюжетов. Чрезмерная увлеченность источниками и доверие к ним, стремление остаться на уровне объективной незаинтересованности, отсутствие широких обобщений вели Томека к фактографии, описательству. За это еще при жизни он подвергся критике, как и за свои реакционные взгляды.

Либеральное направление в 60—70-е годы

В условиях национального подъема 60-х годов XIX в. определяющим в развитии чешской исторической мысли стало либеральное направление.

Выразителем либеральных взглядов был Антонин Гиндели (1829—1892). В нем Палацкий видел продолжателя своего дела. Являясь директором Земского архива, Гиндели предпринял несколько крупных публикаций документов. Наиболее значительная из них — «Чешские сеймы» — начала выходить в 1877 г. Гиндели — автор больших работ по средневековой истории Чехии, написанных с позиций лояльности по отношению к династии Габсбургов. Он использовал новые документальные материалы, извлеченные из чешских и других европейских архивов. В «Истории Общины чешских братьев» (т. 1—2, 1857—1858) Гиндели трактовал их как истинных наследников гуситов. В дальнейшем он занялся изучением истории начала XVII в. и Тридцатилетней войны.

Широкую известность получила «История чешского восстания 1618 г.» (т. 1—4, 1869—1880), обширный фактический материал которой, введенный Гиндели в научный оборот, во многом не ут-

ратил своего значения до сих пор. Восстание 1618—1620 гг. автор представил на фоне европейских событий. В работе подробно прослежены позиции иностранных государств по отношению к восстанию. Гиндели углубил разработку либеральной концепции чешского сословного движения, признал правомерность и законность антигабсбургской борьбы в начале XVII в. В духе Палацкого он осудил отказ сословий опереться на народные массы, вооружить народ, пойти на уступки городам, указал на ошибочный курс руководителей восстания, его организационную слабость. Поражение у Белой горы Гиндели рассматривал как национальную трагедию чехов.

В ходе преобразования Австрийской империи в дуалистическую Австро-Венгерскую монархию значительно вырос и углубился интерес к истории государства и права. Изучение чешского государственного права было призвано обосновать требования чешской буржуазии. В это время ее программа предусматривала федерализацию Австрийской монархии, предоставление автономии «историческим землям». В 1863—1872 гг. появился первый обобщающий труд по истории чешского права — «Славянское право в Чехии и Моравии» (т. 1—3) Герменегильда Иречека (1827—1909). В этой работе, охватывавшей период до правления Карла IV, проявилось романтическое понимание автором славянского права, как отличного по своей демократичности от германского.

В условиях обострения национальной борьбы в 1871 г. была опубликована работа «Чешское государственное право» Йозефа Калоусека (1838—1915). Она преследовала сугубо политические цели — исторически обосновать государственно-правовую программу чешской буржуазии. Насильственно включенные в состав империи Габсбургов земли чешской короны, считал Калоусек, сохраняли свой прежний юридический статус, т. е. представляли собой государственное образование, имевшее признанный в международных отношениях суверенитет, который не был утрачен и после белогорского поражения.

Первые работы социал-демократов по истории

Во второй половине XIX в. появились первые работы чешских социал-демократов, затрагивавшие историческую проблематику.

С пропагандой марксистских взглядов выступил Йозеф Болеслав Пецка (1849—1897). В ряде статей он осветил историю рабочей печати в чешских землях после 1849 г., подчеркнул ее назначение, необходимость борьбы с буржуазной прессой, стремившейся подчинить рабочее движение влиянию буржуазии. Пецка призывал уделять первостепенное внимание социальным вопросам. На примере Сваровской забастовки, событий в Либереце и Праге в 1870 г. он показал силу организованной классовой борьбы. Пецка писал о влиянии Парижской коммуны на развитие международного рабочего движения, на процесс формирования революционных рабочих партий. Он высказал положение о руководящей

роли рабочего класса в революционной борьбе, видел в крестьянстве надежного союзника пролетариата.

Позитивистская школа

Новый этап в развитии чешской историографии открыло творчество Ярослава Голла (1846—1929), выдающегося историка, основателя позитивистского направления в чешской историографии. Голлу принадлежит исключительная роль в выделении истории как университетской дисциплины и подготовке чешских историков-профессионалов. С 1882 г. он вместе с другими чешскими профессорами руководил семинаром по истории на философском факультете Карлова университета. Участники этого семинара составили школу Голла, представленную тремя поколениями исследователей.

Одним из центральных направлений научной деятельности Голла было изучение политической и религиозной истории Чехии XIII—XV вв., особенно чешской реформации, прежде всего Общины чешских братьев, анализ источников по этой проблеме, реконструкция их оригиналов, выявление в их текстах последующих наслоений. Наиболее крупные труды Голла посвящены П. Хельчицкому. Он представлен в них как выразитель интересов чешского народа.

Голлом были выяснены условия, в которых возникла Община чешских братьев, показана большая роль, которую она сыграла в жизни чешского общества XV в. и особенно в развитии его культуры. Изучив труды Хельчицкого, литературную и просветительскую деятельность ведущих деятелей Общины, Голл пришел к выводу, что поражение гуситов неминуемо вело к спаду реформационного движения. В условиях борьбы между католицизмом и протестантизмом, возникновения и распада многочисленных религиозных сект учение Хельчицкого исходило, по мнению Голла, из исторической реальности. Поэтому историк оправдывал свойственные этому деятелю чешской реформации проповедь кротости и смирения, непротивления злу, стремление к нравственному самосовершенствованию в противовес таборитской тактике вооруженной борьбы.

Голл стремился вписать события, имевшие место в Чехии, в контекст европейской истории. Круг его исследований охватывал такие проблемы, как отношения между Чехией и Пруссией в средние века, чешско-польские связи в период гуситского движения и др. Блестящее знание средневековой истории и источников позволило Голлу в 1886 г. выступить с обоснованием поддельности Краледворской и Зеленогорской рукописей. Он доказал, что содержание этих рукописей не соответствует исторической действительности, строится на более поздних материалах.

Согласно точке зрения Голла всеобщая история призвана запечатлеть образование человеческих общностей. Как научная дисциплина она представлялась ему совокупностью работ, трактующих отдельные частные проблемы. Каждая область человеческой

деятельности, по мнению Голла, должна стать предметом специального изучения, историк не может ограничиваться лишь исследованием политических событий. Голл считал, что между отдельными явлениями следует установить внутренние связи, причинную зависимость, учитывать значение социальных отношений, политических факторов, оказывающих влияние на исторический процесс. В то же время он отрицал законы исторического развития и, исходя из формулы «наука ради науки», не признавал тесной связи исторического познания и идеологии. Именно эта позиция определяла его негативное отношение к трудам Т. Г. Масарика, к возможностям применения методов социологии в историческом исследовании.

В начале XX в. Голл оказался в консервативном лагере, отдалился от национального движения, высказывался за сохранение Австро-Венгрии. Против его концепции в этот период выступил Масарик. Среди историков Карлова университета также сформировалась оппозиция Голлу. Эти обстоятельства, а также резкое ухудшение здоровья вынудили его уйти из университета.

Заслуга Голла состоит в том, что он и его последователи преодолели отставание чешской историографии от западноевропейской, отказавшись от описательных методов, развили позитивистское направление в историографии.

Заметное влияние на развитие исторической науки оказал **Антонин Резек** (1853—1909), известный политический деятель. Он также придерживался проавстрийской ориентации. Основное внимание Резек уделял политической истории Чехии, религиозному движению в ней в XVI—XVII вв., а также чешско-польским отношениям. В отличие от Голла Резек считал необходимым продолжить традиции Палацкого и написать обобщающий труд по истории Чехии после 1526 г. В исследовании о периоде 1637—1664 гг. «История Чехии и Моравии нового времени» (т. 1—2, 1892—1893) Резек отстаивал положение, что обострение отношений между императором и сословиями обуславливалось борьбой за власть. Для внутривластной борьбы в Чехии, писал он, характерно переплетение политического, религиозного и национального факторов. Чешскую историю XVI—XVII вв. Резек рассматривал в более широких, чем у Томека, географических и хронологических рамках, но вслед за ним высказывался в поддержку абсолютизма, полагая, что победа сословий в восстании 1618—1620 гг. могла привести к неисчислимым бедствиям, к шляхетской олигархии.

В конце XIX в. начал свою деятельность **Йозеф Пекарж** (1870—1937), ведущий представитель старшего поколения учеников Голла. Пекарж являлся сторонником консервативной концепции национальной истории. Он отказался от утвердившейся среди чешских историков оценки послебелогорского периода как «эпохи тьмы», отрицал революционные стороны гуситского движения, его прогрессивное значение. Пекарж подчеркивал упадок чешского общества в период сословной монархии, обусловивший, по его мнению, неизбежность поражения восстания 1618—1620 гг.

Первым крупным трудом Пекаржа была «История вальдштейнского заговора» (1895), отличавшаяся психологическим подходом к освещению деятельности Альбрехта из Вальдштейна (Валленштейна) в ходе Тридцатилетней войны.

На рубеже веков Пекарж включился в дискуссию о смысле чешской истории. Он отверг концепцию Т. Г. Масарика о приоритете религиозных идей в чешской истории, указав на внутреннюю противоречивость его концепции, неточность интерпретации взглядов Палацкого. По ключевым вопросам чешской истории Пекарж выступил в консервативном духе. В его трактовке гуситское движение получило националистический характер, рассматривалось как сугубо национально-религиозное движение, лишенное всякой социальной окраски.

В ряде работ по раннему средневековью Пекарж подчеркнул сходство государственной и общественной жизни чехов и немцев, отверг теорию о специфически славянском происхождении и характере общины (задруги). Анализ древнечешских легенд, прежде всего циклов о св. Людмиле и св. Вацлаве, сопоставление их различных вариантов привели его к выводу о более позднем, чем X век, происхождении легенды Христиана. Реконструкция Пекаржем социального и культурного развития Чехии в ранний период истории, проникнутая духом космополитизма и клерикализма, расценивалась современниками как поверхностная, а выводы Пекаржа — как априорные.

✓ В работе «Книга о замке Кост» (т. 1—2, 1909—1911; переиздана в 1970 г.) Пекарж создал широкую панораму жизни феодального поместья. На основе анализа обширного круга источников, мало использовавшихся до него, он проследил, как в течение XVII—XVIII вв. в Чехии постоянно росло налоговое обложение. Как объективист он отметил ухудшение положения крестьянства. Вместе с тем Пекарж попытался доказать, что послебелогорский период не был временем глубокого экономического упадка, стремился защитить политику шляхты. Работа «Чешские кадастры. 1654—1789» (1913—1916), по замыслу Пекаржа, представляла собой дополнение к «Книге о замке Кост». Она включала в себя различные материалы, списки земельных участков крестьян, составленные в целях взимания налогов и отражавшие развитие налогового делопроизводства в Чехии, политику Габсбургов, направленную на экономическое подчинение чешских земель.

В конце XIX — начале XX в. публиковал свои многочисленные работы историк культуры и этнограф **Ченек Зибрт** (1864—1932). В 1900—1912 гг. вышла подготовленная им пятитомная «Библиография чешской истории». С 1882 г. он являлся редактором основанного им журнала «Ceský lid» («Чешский народ»). Широкую известность ему принесли работы по истории культуры, этнографии и фольклористике. Он обогатил науку новыми данными по истории ремесла, торговли, права, музыки и т. д.

В конце XIX — начале XX в. появились монографии по новейшей истории Чехии. А. Срб в работе «Политическая история чеш-

ского народа от 1861 г. до прихода министерства Бадени в 1895 г.» (1897) и Зденек Тоболка (1874—1951) совместно с К. Крамаржем в книге «История чешской политики нового времени» (1907) сформулировали буржуазную концепцию развития чешских земель после 1848 г. Она имела четкую партийно-политическую направленность. Срб выражал взгляды старочехов, Тоболка стоял на младочешских позициях. Оба они доказывали, что политика чешской буржуазии во второй половине XIX в. была правильной. Сложный процесс развития чешской нации сводился в их работах к деятельности политических лидеров. Все внимание эти историки уделяли политической борьбе и переговорам лидеров чешской буржуазии с правительством. Борьба трудящихся за свои права, рабочее движение замалчивались.

С 1911 г. начала выходить под редакцией В. Новотного (1869—1932) «Чешская политика», первый том которой в 3-х частях охватывал период до 1253 г. Издание было продолжено в буржуазной Чехословакии, отличалось богатством материала, критическим отношением к источникам. Вместе с тем в нем проявились слабые стороны позитивизма, прежде всего отсутствие идейной концепции.

Ограничение тематики исследований областью политики, идеалистическая трактовка исторического процесса были характерны для буржуазной историографии нового времени. Отказ от создания общей концепции истории вел к абсолютизации исторического факта, к отрицанию целесообразности обобщений, к признанию лишь эмпирических работ. Уход от вопросов теории, от методологического поиска был слабой стороной чешского позитивизма.

Историко-социологическое направление

Одновременно с утверждением позитивистской историографии шло становление историко-социологического направления. Определяющее влияние на его развитие оказал Томаш Гарриг Масарик (1850—1937). В 1883 г., объединив вокруг себя молодых ученых, Масарик приступил к изданию журнала «Atheneum» («Атенеум»), на страницах которого была оспорена подлинность Краледворской и Зеленогорской рукописей.

Масарик рассматривал национальную историю сквозь призму политической борьбы и сформулировал свое понимание чешского вопроса. Главные его труды — «Чешский вопрос» (1895), «Ян Гус» (1895), «Наш нынешний кризис» (1896) и др. — имеют философско-социологический характер. Считая себя последователем Платона, Масарик полагал, что реальный мир являлся несовершенным отражением некоего идеального прообраза. Это привело его к отрицанию объективных законов развития. Смысл чешской истории он видел в осуществлении гуманистического идеала, в котором соединялись «гуманизм» и «религиозность». В результате Масарик пришел к гипертрофированию роли религиозных представлений в жизни общества и к теологической интерпретации исторического процесса.

Масарик сконструировал искусственную схему чешской истории. Он выделил в ней две тождественные, по его мнению, эпохи: чешскую реформацию и национальное возрождение (весь XIX в.). Разделявший их длительный период контрреформации, писал он, привел к уничтожению сущности «чешского гуманизма», который в наиболее чистом виде проявился в деятельности Общины чешских братьев, национальное же возрождение в своих идейных исканиях развило идеи, высказанные П. Хельчицким и другими деятелями Общины. Исходя из этой схемы Масарик и оценивал деятельность выдающихся представителей национального возрождения. В работе «Карел Гавличек» (1896) он отрицательно отозвался о руководителе Пражского восстания 1848 г. Й. В. Фриче, а само это выступление студентов и рабочих назвал безумством, оценив его как «роковую ошибку».

В своих работах Масарик проповедовал необходимость религиозно-нравственного обновления, самоусовершенствования чешского общества. Его взгляды подверглись критике со стороны ряда чешских ученых, отметивших, что он произвольно трактовал труды и концепции других историков, политиков и философов.

Выступая как против политического радикализма, так и против политической реакции, Масарик воспевал реформизм, социальный либерализм, способствовал разработке буржуазно-либеральной программы преобразований, осуществление которой должно было служить утверждению позиций чешской буржуазии. Он пропагандировал идеи классового мира и национального единства, решительно осуждал идею социальной революции. В работе «Социальный вопрос» (1898) Масарик выступил как убежденный противник марксизма.

Начало научной деятельности Нидерле

В начале XX в. развернулась научная деятельность Любомира Нидерле (1865—1944), характеризовавшаяся комплексным подходом к изучению прошлого славянских народов. Нидерле хорошо знал труды и методику французских и русских позитивистов. При изучении ранней истории славян он использовал широкий круг чешских и русских источников, особенно достижения археологии. Нидерле подверг серьезной критике выдвинутую П. Й. Шафариком романтическую концепцию ранней истории славян, отрицал автохтонность славян в Центральной Европе и единство славянской культуры. В работе «Славянские древности» (т. 1—4, 1902—1924; частично опубликована на русском и польском языках, в сокращенном виде — на французском) он показал высокий уровень культуры древних славян и тесную связь их истории с развитием всей Европы. Применив сравнительно-исторический метод, Нидерле уточнил древние границы расселения славянского и неславянского населения в центрально-европейском регионе. Широкую известность получила также его работа «Славянский мир» (1909), переведенная на французский, русский и словенский языки.

В начале XX в. в условиях нового подъема национального движения, усиления активности чешского пролетариата, выразившейся в борьбе за всеобщее избирательное право, получила дальнейшее развитие демократическая линия в чешской историографии.

В рамках буржуазной историографии она представлена первыми трудами **Зденека Неедлы** (1878—1962), тесно связанного в этот период с позитивизмом.

Поставив перед собой цель написать историю гусизма, Неедлы опубликовал три работы об истоках и развитии гуситского песнетворчества: «История догуситской песни в Чехии» (1904), «Возникновение гуситской песни» (1907), «История гуситских песен в период гуситских войн» (1913). Он рассматривал гуситские литургические песнопения как неотъемлемую часть гуситского движения, считая, что в них отразились революционные настроения народных масс, их чаяния и стремления. Впервые в чешской историографии он обосновал тезис о тесной взаимозависимости расцвета культуры с подъемом освободительного движения.

Принципы связи, единства между различными явлениями общественного развития Неедлы положил в основу своей концепции национальной истории. Другим ее принципом было понимание истории как борьбы нового со старым, борьбы масс за лучшее будущее. Неедлы пришел к выводу, что народ — творец истории, и подчеркивал роль народных масс как решающей созидательной ее силы. Борьба народных масс, революционные периоды в истории, считал он, двигают исторический прогресс. Убеждение, что история имеет свой смысл, который придают ей люди своей деятельностью, борьбой, стремлениями к лучшему будущему, выделяло его среди других историков начала XX в.

Большое значение в идейной борьбе, которая велась накануне первой мировой войны, имела статья Неедлы «Спор о смысле чешской истории» (1913). В ней раскрыта связь истории с политикой и отмечено, что «философия истории функциональна именно с точки зрения ориентации в истории». Неедлы выступил против религиозного понимания чешской истории Масариком. Гуситское движение, подчеркнул он, надо рассматривать как борьбу чешского народа за освобождение. Специфика гусизма заключалась в том, что в нем религиозные лозунги являлись лишь одним из компонентов национальной и социальной программы гуситов. Неедлы трактовал гуситское движение как революционное, как кульминацию средневековой чешской истории. Он показал в той же статье значение национального возрождения, выделив при этом как совершенно новое обстоятельство вступление рабочего класса и крестьянства на арену политической борьбы. Неедлы критиковал отрицательные стороны позитивизма и подчеркнул активную роль историка в познавательном процессе. В высказываниях Неедлы содержались ростки того нового, что развила позднее марксистская историография.

Летописью чешского рабочего движения конца XIX в. являются мемуары **Ладислава Запотоцкого** (1852—1916), видного деятеля рабочего движения Чехии. Первое издание «Воспоминаний о начале рабочего движения в Чехии» Запотоцкого вышло в 1889 г., второе, переработанное, — в 1911 г. В книге освещалась история рабочего движения с конца 60-х годов XIX в., рабочей печати того периода, участия рабочих в национальной борьбе. Широко используя материалы первых социал-демократических изданий, Запотоцкий показал распространение идей Маркса в чешском рабочем движении и весьма критически отозвался о направлении «Рабочей газеты» в период, когда ее редактором был **И. Барак**, подчеркнув зависимость ее тогдашнего политического курса от лозунгов либеральной буржуазии. Книга Запотоцкого прокладывала путь к новому пониманию истории, выдвигала новую проблематику.

Выдающаяся роль в формировании марксистского направления в историографии принадлежит **Богумиру Шмералу** (1880—1941), теоретику рабочего движения, основателю КПЧ. В 1906 г. он перевел на чешский язык работу **Ф. Энгельса** «Происхождение семьи, частной собственности и государства». Его статья «Исторический материализм Маркса» (1908) была направлена против ревизии марксизма и его вульгаризации. В эти же годы им написана серия статей о социал-демократии и рабочем движении: «Кто такие и чего хотят социал-демократы» (1906), «Материалы к истории рабочего движения в Австрии с упором на чешское рабочее движение» (1908) и др.

Шмераль одним из первых начал изучение истории социал-демократии, рабочего движения. Особенность его работ состояла в том, что они отличались политической заостренностью, отвечали на злободневные вопросы, стоявшие перед чешской социал-демократией. Самое крупное сочинение Шмерала «Национальный вопрос в социал-демократии до Гайнфельдского съезда» (1909) представляет собой очерк развития социал-демократического движения в австрийской части монархии Габсбургов. Первым выступив против оппортунизма в политике социал-демократической партии, Шмераль в то же время подчеркнул необходимость борьбы против национализма, в защиту пролетарского интернационализма. Очерк содержал ряд верных наблюдений относительно развития чешского рабочего движения 60—80-х годов XIX в., его связей с немецким рабочим движением и отношения к национальной буржуазии. Однако Шмераль был тогда еще непоследователен в оценке перспектив существования Австро-Венгрии, высказываясь за преобразование ее в федерацию свободных наций.

СЛОВАЦКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ

После глубокого идейно-политического кризиса 50-х годов XIX в. начался новый этап словацкого национального движения. Хотя замедленное социально-экономическое развитие Словакии,

сохранение двойного национального и социально-политического гнета продолжали тормозить процесс формирования словацкой нации, национальной идеологии и культуры, в 1861 г. была сформулирована новая программа национального движения «Меморандум словацкого народа», включавшая требования о выделении автономной территории, введении словацкого языка в школах и административных учреждениях. В 1863 г. возникла Матица словацкая — культурно-научное просветительское общество. Одной из важнейших сторон ее деятельности явилось издание документов по отечественной истории. В журнале «Letopis Matice Slovenskej» («Летопись Матицы словацкой») (1864—1875) наряду с публикацией фольклора, статей по истории печатались источники, прежде всего по средневековой истории Словакии. В 1868 г. при Матице словацкой был учрежден исторический отдел, занимавшийся также археологией, этнографией и другими науками.

После преобразования империи Габсбургов в дуалистическую монархию в условиях усиления мадьяризации Словакии наиболее острой оставалась проблема утверждения ее национальной самобытности. Важное значение в борьбе за нее имела идея автохтонности словаков. Она нашла отражение в выступлениях национальных деятелей, широко привлекающих исторический материал и утверждавших таким образом закономерность борьбы за национальные права. Примером может служить серия статей Йозефа Гурбана «Чему нас учит история» (1868).

В последней трети XIX в. были закрыты Матица словацкая и подавляющее число словацких периодических изданий, почти полностью ликвидированы начальные школы, где обучение велось на словацком языке. Представители словацкой интеллигенции в этот период активно собирали и изучали памятники старины, организовывали библиотеки и музеи. В 1893 г. с этой целью было создано Музейное словацкое общество. Вокруг него объединились словацкие историки. Регулярно издавались «Sborník Muzeálnej slovenskej spoločnosti» («Сборник Музейного словацкого общества») (1894—1914) и популярный «Časopis Muzeálnej slovenskej spoločnosti» («Журнал Музейного словацкого общества»).

Значительный вклад в развитие словацкой историографии внес Франтишек Сасинец (1830—1914). Он был автором многочисленных работ по истории словаков и других народов, населявших венгерскую часть монархии Габсбургов. Им опубликован ряд источников по истории Словакии, а в 1876—1882 гг. он издавал журнал «Slovenský letopis» («Словацкая летопись»), печатавший статьи по истории, археологии и этнографии.

Сасинец старался с позиций романтизма защитить национальное достоинство словацкого народа от нападков шовинистически настроенных венгерских дворянско-буржуазных ученых, утверждавших, что словаки не имеют собственной истории. Большое внимание он уделял Великой Моравии, славянским поселениям в Паннонии, отстаивая тезис об автохтонности славян в Карпатской долине. Славянские ученые поддерживали Сасинца. Он горячо высту-

пал за национальное равноправие словаков и венгров. Привлекая многочисленные источники, он не владел, однако, методом их критики, допускал их ошибочное толкование. Несмотря на это, труды Сасинца, написанные в условиях мадьяризации, способствовали формированию национального самосознания, пробуждали у словаков интерес к прошлому.

Во многом романтическому направлению следовал и наиболее известный в то время историк Юлиус Ботто (1848—1929), создатель буржуазной концепции истории Словакии. В работе «Словаки, развитие их национального самосознания» (т. 1—2, 1906—1910) он защищал национальные интересы словаков, доказывал их самобытность. Внимание автора привлекали лишь наиболее яркие страницы политической истории словацкого народа, подробно освещено в книге национальное возрождение. Рассматривая национальное движение, Ботто не указывал на его социальные аспекты, на формирование рабочего класса. В 1914 г. он издал научно-популярную «Краткую историю словаков», за которую подвергся преследованиям со стороны венгерских правящих кругов. Весь тираж книги был конфискован.

* * *

В чешской буржуазной историографии во второй половине XIX — начале XX в. выявилось несколько направлений. Определяющим среди них был позитивизм, представленный школой Я. Голла. Дальнейшее развитие получила демократическая тенденция, в рамках которой шел процесс формирования материалистической концепции национальной истории. В словацкой историографии романтизм сохранил свои позиции и в начале XX в.

Глава 3

ЮГОСЛАВЯНСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ В КОНЦЕ XIX — НАЧАЛЕ XX в.

Восточный кризис 1875—1878 гг., кульминационным пунктом которого была русско-турецкая война 1877—1878 гг., завершился созданием двух суверенных югославянских государств — Сербии и Черногории. Однако главная историческая задача югославянских народов — национальное освобождение и создание объединенного независимого государства — не была выполнена. Буржуазные идеологи Сербии, Хорватии, Словении, Черногории, Боснии и Герцеговины, стремясь обосновать свои национальные программы, широко использовали историческую науку.

Наряду с великосербской и панхорватской концепциями развивался в тот период и югославизм — идея объединения всех юго-

славянских народов в одно государство на федеративной основе. Великосербская буржуазия играла в конце XIX — начале XX в. руководящую роль в борьбе за объединение югославянских земель. Это требовало от нее повышенного внимания к пропаганде объединительных идей. Историческая наука играла в их обосновании не последнюю роль.

Новые условия для югославянских народов создались и в связи с преобразованием Австрийской империи в дуалистическое государство. Незавершенность буржуазно-демократических преобразований, нерешенность национального вопроса ускорили дальнейшее развитие их национального движения. В этой борьбе историческая наука также была немаловажной силой.

СЕРБСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ

В Сербии складывались более благоприятные, чем в других югославянских землях, условия для развития исторической науки. Демократические традиции, обусловленные социальной структурой общества (прежде всего отсутствием помещиков), наложили здесь отпечаток на развитие культуры. На базе Научного общества в 1886 г. была основана Сербская академия наук и искусств, а в 1905 г. Великая школа была преобразована в Белградский университет. Академические и университетские издания отводили большое место работам по истории. До первой мировой войны начал выходить «Ежегодник Николы Чупича». Большую роль в развитии исторической науки играли издания Матицы сербской в Нови Саде.

Критическое направление

Основателем критического направления, пришедшего в сербской историографии на смену романтизму, был **Иларион Руварац** (1832—1905). За резкую критику представителей романтизма, и прежде всего П. Сречковича, его называли «разрушителем традиций». Свою деятельность ученого он основывал на принципе: исторической истиной может быть только то, что подтверждается всесторонне проверенными и надежными источниками. Руварац известен главным образом как тонкий критик и исследователь источников. Его небольшие по объему работы касались частных вопросов средневекового общества. Особое место среди сочинений Рувараца занимает «Обзор местных источников старой сербской истории» (1856).

Самым значительным представителем критического направления был **Стоян Новакович** (1842—1915). Заметный след в развитии сербской историографии оставили его публикации документов: «Законник Стефана Душана» (1870 и 1898), «Законодательные памятники сербских государств в средние века» (1912) и др. Новакович первым в Сербии приступил к классификации источников и изданию сводов документальных материалов. Его интересовали

как средневековые сюжеты («Сербь и турки в XIV—XV вв.», 1893; «Прониары и баштинники», 1887; «Село», 1891; и др.), так и история нового времени. К 100-летию Первого сербского восстания 1804—1813 гг. вышли его работы «Восстание против дахийцев в 1804 году» и «Возрождение Сербского государства». Новаковичем написаны также книги «Ичков мир» (1903), «Конституционный вопрос и законы времени Карагеоргия» (1907). Большой интерес представляет его исследование «20 лет конституционной политики в Сербии. 1883—1903 гг.» (1912). Консерватизм политических взглядов Новаковича, одного из основателей и лидера консервативной партии, наложил отпечаток на его сочинения. Он придерживался идеалистической трактовки истории.

Во второй половине XIX — начале XX в. в сербской историографии усиленно разрабатывались две темы: внешняя политика Сербии в XIX в. и сербские восстания 1804—1813 и 1815 гг. Интерес к ним объяснялся политическими устремлениями сербской буржуазии, претендовавшей на руководящую роль в национально-освободительном движении югославянских народов. Историю сербской дипломатии изучал видный политический деятель второй половины XIX в., лидер либеральной партии **Йован Ристиц** (1831—1899). Его работы «Внешние отношения Сербии нового времени» (кн. 1—3, 1887—1901) и «Дипломатическая история Сербии за время сербских войн за освобождение и независимость 1875—1878 гг.» (кн. 1—2, 1896—1898) содержат богатый фактический материал, имеющий первостепенное значение.

Среди исследований по истории Первого сербского восстания и борьбы Сербии за автономию выделяются работы **Миленко Вукичевича** (1867—1930). Он собрал в архивах обширный материал о восстании под руководством Карагеоргия, что позволило ему выяснить и уточнить ряд вопросов, вызывавших споры в науке. Концепция его занимает промежуточное положение между романтизмом и критическим направлениями. Это сказалось на крупнейшем сочинении Вукичевича «Карагеоргий» (т. 1—2, 1907—1912).

Драголюб Павлович (1866—1920) занимался изучением истории Сербии в XVIII в. Одна из его монографий, «Сербия во времена последней австро-турецкой войны. 1788—1791 гг.» (1910), написана с использованием австрийских архивных документов. На материалах венских архивов построена и другая его работа — «Финансы и хозяйство за время австрийского правления в Сербии. 1718—1739 гг.» (1901). Первым обратившись к истории национального движения в Воеводине в 1848—1849 гг., Павлович опубликовал исследование «Сербия и сербское движение в южной Венгрии 1848—1849 гг.» (1904).

Михаил Гаврилович (1866—1924), начав с изучения Первого сербского восстания и опубликовав по этой теме извлечения из французских архивов (1904), сосредоточил затем внимание на правлении Милоша Обреновича. Он стремился рассматривать прошлое Сербии как составную часть общеевропейской истории. Его монография «Князь Милош Обренович» (т. 1—3, 1908—1912) осталась

незавершенной. Рукопись четвертого, последнего тома погибла в период первой мировой войны.

Представители критического направления не создали обобщающих трудов по новой истории Сербии, если не считать краткого очерка Станое Станоевича (1874—1937). Он был написан в связи с подъемом национально-освободительного движения на Балканах под влиянием первой российской революции, Боснийского кризиса и аннексии Боснии и Герцеговины Австро-Венгрией. В 1908 г. вышло первое издание книги Станоевича «История сербского народа». Автор построил периодизацию, отправляясь от важнейших событий политической жизни страны. Вопросы внутреннего, социально-экономического развития им опущены. Основная цель книги — доказать единство сербского народа и его желание объединиться вокруг Сербского королевства. Книга Станоевича служила политическим интересам великосербской буржуазии.

Крупнейшим представителем позитивизма в сербской науке был Йован Скерлич (1877—1914). Помимо многочисленных трудов по новой сербской литературе, его перу принадлежат два крупных исторических исследования. Одно из них посвящено организации Объединенной сербской молодежи (Омладина) конца 60-х — начала 70-х годов XIX в. («Омладина и ее литература», 1906), другое — революционеру-демократу и социалисту-утописту Марковичу («Светозар Маркович, его жизнь, деятельность и идеи», 1910).

Зарождение марксистской историографии

С появлением в Сербии пролетариата и развитием рабочего движения зарождалась сербская марксистская историография. Ее становление связано с именами деятелей рабочего движения, основателей и руководителей сербской социал-демократической партии Радована Драговича (1878—1906), Душана Поповича (1884—1918) и Димитрие Туцовича (1881—1914).

Основателем марксистской историографии в Сербии по праву считается Туцович. Среди его работ выделяется книга «Сербия и Албания» (1914). В предисловии к ней подчеркивалось, что на пролетариате «лежит огромная задача решительно восстать против завоевательной политики буржуазии и господствующих кругов»¹. Одна из частей книги содержала характеристику сербско-албанских отношений в период Балканских войн. Перу Туцовича принадлежит и ряд статей по истории, например об австро-сербской таможенной войне. Большое значение имела его полемика со Скерличем по поводу компромиссов в науке. В статье «Маркс и славяне» (1912) Туцович писал, что «статьи Маркса по восточному вопросу являются самыми лучшими, самыми глубокими... из всего того, что по этому поводу писалось на иностранных языках»².

¹ Туцовић Димитрије. Изабрани списи. — Београд, 1950. — Књ. 8. — С. 19.

² Туцовић Димитрије. Изабрани списи. — Београд, 1950. — Књ. 6. — С. 399.

Задачи национально-освободительной борьбы определили преимущественный интерес хорватских историков к политическим событиям, особенно тех периодов, когда усиливалось сопротивление хорватов давлению со стороны более сильных соседей. Несмотря на то что Хорватия после австро-венгерского соглашения 1867 г. осталась в неравноправном положении, условия развития ее исторической науки несколько улучшились. В 1878 г. Общество югославянской истории и древностей было преобразовано в Хорватское археологическое общество, издававшее «Vjesnik» («Вестник»). В Книне и Бихаче появились общества для проведения раскопок. С 1899 г. в Загребе издавался «Vjesnik Državnog arhiva» («Вестник Государственного архива»).

Виднейшим представителем хорватской буржуазной историографии рассматриваемого периода был Тадия Смичиклас (1843—1914). Тесно связанный с хорватской буржуазией, этот идейный наследник Штроссмайера был убежденным сторонником югославизма. Для него был характерен прагматический подход к историческому материалу. Его главный труд «История хорватская» (т. 1—2, 1879—1882) на основе критически проанализированных источников (значительную часть их составляли архивные материалы) впервые представлял историю края с древних времен до 1848 г.

Хотя в центре внимания Смичикласа находились политические события, которые он рассматривал в отрыве от экономических и социальных условий, в его труде получили освещение перемены, происходившие в жизни хорватского общества на протяжении многих веков. Он пересмотрел периодизацию хорватской истории и, отказавшись от традиционного династического принципа, положил в ее основу развитие идеи борьбы за независимость. Содержание исторического процесса Смичиклас видел в сопротивлении хорватов посягательствам и давлению со стороны соседей. Своим сочинением он развивал национальное самосознание хорватов в условиях, когда после хорвато-венгерского соглашения 1868 г. усилилась венгерская гегемония.

В 1885 г. в связи с 50-летием начала иллирийского движения была напечатана статья Смичикласа «Защита и развитие хорватской национальной идеи с 1790 по 1836 г.». Второй том «Истории хорватской», который охватывал период с 1790 по 1848 г., и эта статья были первыми исследованиями событий XIX в. Смичиклас положил начало изучению национального возрождения, которое он рассматривал как пробуждение национальной идеи.

Смичиклас издал также труд «Двухсотлетие освобождения Славонии» (т. 1—2, 1891). Первый том его охватывает историю Славонии в период турецкого господства и изгнания османов из этого края, второй включает документы XVI—XVII вв. К полувековому юбилею Матицы хорватской Смичиклас и Ф. Маркович выпустили сборник «Матица хорватская с 1842 по 1892 г.» (1892), в котором

получили освещение политическая обстановка и состояние культуры в Хорватии, а также деятельность ряда крупных представителей национально-освободительного движения. К этому труду при-мыкают биографические работы Смичикласа о Кукулевиче-Сакцинском (1892), Рачки (1895), Штроссмайере (1906) и других деятелях хорватского национально-освободительного движения и культуры. В 1904—1916 гг. Смичиклас издал 13 томов средневековых актов королевства Хорватии, Славонии и Далмации.

Заметным явлением в хорватской историографии был труд **Мартина Полича** «Парламентарная история королевства Хорватии, Славонии и Далмации» (т. 1—2, 1899—1900). Опираясь на материалы сабора и прессу, Полич дал подробное описание политической борьбы 60—80-х годов XIX в. Хотя автор был далек от того, чтобы искать истоки политических движений в социально-экономической сфере, в книге содержались сведения и социально-экономического характера. В ней были полно представлены политические группировки, рассмотрены их программы.

В начале XX в., когда в обстановке кризиса австро-венгерского дуализма резко возросла политическая активность народных масс, развернулось демократическое движение, активизировалась национальная буржуазия, историки стремились ответить на запросы общественно-политической жизни. В развитии хорватской исторической науки это время было отмечено плодотворной деятельностью **Векослава Клаича** (1849—1929). В своих работах он осветил различные вопросы хорватской истории с древних времен до середины XIX в.

Клаич представлял объективистское направление историографии. Им была написана «История Боснии до гибели королевства» (1882) — первое критическое исследование средневековой истории этого края. Вслед за Смичикласом он подготовил труд «История хорватов с древних времен до конца XIX в.» (т. 1—6, 1899—1920), но довел изложение только до 1608 г. Эта работа была насыщена фактическим материалом о политических событиях, особенно XV и XVI вв., и о некоторых других явлениях общественного развития. Клаичем написан также ряд работ, содержащих ценные сведения по вопросам социально-политической истории феодальной Хорватии, например исследование о так называемой мартурине, представлявшей собой одну из основных форм феодальной ренты и вместе с тем государственного налога.

Наиболее крупная работа по истории национального возрождения была написана Джуро Шурминим. Это монография «Хорватское возрождение» (т. 1—2, 1903—1904). В ней национальное возрождение представлено комплексно — в литературно-языковом, культурно-просветительном и меньше в политическом планах. Работа изобилует фактическим материалом, но имеет описательный характер. Как и Смичиклас, Шурмин видел сущность национального возрождения в усвоении обществом «национальной идеи», «духа народности».

Рудольф Хорват выпустил книгу «Новейшее время хорватской

истории» (1906). Она охватывала период с последних десятилетий XVIII в. до конца третьей четверти XIX в. Это был первый труд по хорватской истории XIX столетия. Хорват предпринял попытку ее периодизации, в целом верно определив рамки некоторых этапов.

Признанным авторитетом в хорватской исторической науке был **Фердо Шишич** (1869—1940). Идеология югославизма наложила отпечаток на все его труды. В межвоенный период он являлся крупнейшим хорватским буржуазным историком.

Шишич придерживался объективистского направления. Занимаясь в начале XX в. исключительно политической историей, он осуществил публикацию архивных материалов XVI—XVII вв. «Акты хорватского сабора» (т. 1—5, 1912—1918). С 1906 по 1920 г. выходят его труды «Хорватская история» (т. 1), «Очерк истории хорватского народа», доведенный до 1873 г., и расширенное издание «Хорватской истории», охватывавшее период до 1790 г. Значителен вклад Шишича в изучение раннефеодальной Хорватии. В т. I его «Истории хорватов», изданной в 1917 г. на немецком языке, изложение событий доведено до 1102 г.

Хорватские историки, в отличие от сербских, проявляли повышенный интерес к эпохе «народной династии». Причину этого следует усматривать не только в состоянии источниковой базы (наличии обширного актового материала). Решение задачи восстановления Хорватией независимости, утраченной в 1102 г., требовало воспитания в читателях чувства национальной гордости. В этом отношении время правления «народной династии» давало богатый материал. Правда, в центре внимания исследователей находились внешнеполитические события. Генезис же феодализма рассматривался преимущественно как история «донатарной системы», связанной с политикой венгерской королевской династии.

Особое место в хорватской историографии рассматриваемого периода занимает книга Милана Марьяновича «Современная Хорватия» (1913). Он придерживался леволиберальных взглядов и был решительным противником Австро-Венгрии. Коснувшись истории средневековой Хорватии, Марьянович уделил основное внимание ее экономическому и социальному развитию в XIX в., показал важнейшие политические течения, дал обстоятельный обзор политической борьбы и отметил значительные события культурной жизни. Он не только расширил круг изучаемых проблем, но и проявил более глубокое по сравнению с другими историками понимание хода событий, дал точные и яркие характеристики отдельных явлений общественно-политической жизни.

В начале XX в. значительно обогатилась источниковая база хорватской исторической науки. К 1918 г. серия «Памятники истории южных славян» насчитывала уже 43 тома, включив материалы по XVII в. Серия «Историко-юридические памятники» составила к 1915 г. 10 томов. С конца XIX в. выходила также серия «Материалы по истории хорватской литературы». Представленные в ней документы по содержанию и значению были шире ее наз-

вания. В 1908 г. Вл. Мажуранич начал издавать «Материалы к хорватскому историко-юридическому словарю». Эта публикация облегчила изучение социально-экономической истории края. Укрепление источниковой базы создало возможность для появления обзорных трудов по хорватской истории на всем ее протяжении. Однако авторы их придерживались идеалистических взглядов.

СЛОВЕНСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ

Словенская историческая наука начинается с работ **Антон Линхарта** (1756—1795), видного деятеля национального возрождения. Его главный труд «Опыт истории Крайны и других земель южных славян Австрии» (т. 1—2; 1788—1791) вышел на немецком языке. Концепция Линхарта основывалась на просветительских идеях. Первый том «Опыта» был посвящен народам, населявшим словенские земли до появления там славян. Во втором томе Линхарт писал о приходе на Балканы словенцев, образовании ими государственного объединения Карантании и ее развитии вплоть до начала IX в. Славянское население, жившее в XVIII в. на территории Словении, рассматривалось Линхартом как единый славянский народ, являющийся потомком древних карантанцев. Это положение было усвоено другими словенскими просветителями (Е. Копитаром, В. Водником и др.). Линхарт попытался расширить круг источников, используя наряду с хрониками эпиграфику, данные лингвистики, археологии и этнографии. Он подчеркивал, что стремится дать периодизацию истории не по правлениям монархов или сменам религий, а по движению народов и смене цивилизаций.

Один из основателей славистики, **Е. Копитар** (1780—1844), во введении к своему труду «Грамматика славянского языка в Крайне, Каринтии и Штирии» (1806) дал краткий очерк древней истории славян, особо выделив заслуги Кирилла и Мефодия, деятельность которых назвал «лучшей эпохой в истории культуры славян». — В 40—60-е годы XIX в. историей Словении занимались некоторые деятели национального движения. Работы их отличались дилетантизмом, компилятивностью, некритическим отношением к источникам. В 1845 г. в Граце увидела свет первая написанная на словенском языке книга по истории словенцев — «События в Штирийской земле» А. Кремпла. Хотя в научном отношении она была шагом назад по сравнению с трудом Линхарта, но, будучи доступной более широким кругам читателей, способствовала формированию национального самосознания. Кремпл утверждал, что славяне являются автохтонным населением словенских земель, возвеличивал мудрость их правителей.

Только с 70-х годов XIX в. словенская историография преодолевает дилетантизм. Это было связано с ростом рядов национальной интеллигенции, с появлением ряда периодических изданий. С 1869 г. издавалась «Letopis Matice slovenske» («Летопись Матицы словенской»). В конце XIX в. был основан первый словенский исто-

рический журнал «Izvestija Muzejskega društva za Kranjsko» («Известия Музейного общества Крайны»). Он выходил в 1891—1909 гг. В результате объединения его с немецким историческим журналом Крайны стал издаваться кварталник «Carniola» («Карниола») (1910—1918). В Штирии Мариборское историческое общество выпускало с 1914 г. «Casopis za zgodovino in narodopisje» («Журнал по истории и этнографии»).

Среди историков проавстрийской ориентации наиболее известны Иван Врховец, исследователь словенских средневековых городов, и Иосип Апих, опубликовавший монографию «Словенцы и 1848 год» (1888). Они подчеркивали свою лояльность Габсбургам, полагая, что вне Австро-Венгрии словенцы существовать не могут. Труды Врховца и Апиха вводили в научный оборот большое количество источников.

Самым выдающимся словенским историком конца XIX — начала XX в. был **Франц Кос** (1853—1924). Его интересовало раннее средневековье. Этому периоду он посвятил множество работ. Делом его жизни стала выходящая с 1902 г. публикация «Материалов к истории словенцев в средние века» (т. 1—5). В этом издании содержались тысячи документов, была дана их критическая оценка и комментарий к ним. Кос обоснованно выступал против теории автохтонности словенцев. Его деятельность оказала огромное влияние на формирование словенской медиевистики.

В начале XX в. активно выступали историки, связанные с клерикальными кругами. Наиболее известный из них — Иосип Груден (1869—1922) — опубликовал популярную «Историю словенского народа» (т. 1—6, 1910—1916), охватывавшую период от переселения словенцев на Балканы до конца XVIII в. Для нее характерно некритическое отношение к источникам и преувеличение роли католической церкви.

С начала XX в. в словенской историографии постепенно одерживает верх позитивистский метод. В это время выступил со своими первыми работами Иван Приятель (1875—1937), исследовавший главным образом проблемы политической истории. Большое влияние на него оказал А. Н. Пыпин.

Новой историей занимался Драготин Лончар (1876—1954). Он испытал влияние Масарика. Наиболее значительные из его работ: «Д-р Янез Блейвейс и его время» (1909), «Социальная история словенцев» (1911). На историю Лончар смотрел с позиции мелкобуржуазного демократа; симпатии его были на стороне демократических и либеральных национальных деятелей. Его привлекала либеральная программа создания Объединенной Словении, он с сочувствием писал о таборском движении конца 60-х годов XIX в. В монографии «Политическая жизнь словенцев» (1921) Лончар охарактеризовал крупнейших национальных деятелей XIX в., показал развитие югославянской идеи в словенской общественной мысли и впервые дал краткий очерк истории рабочего движения в Словении.

Начало черногорской историографии восходит к «Истории о Черной Горе» митрополита **Василия Петровича**, опубликованной в Петербурге в 1754 г. Это сочинение было построено на народных преданиях и преследовало цель возвысить черногорцев среди югославянских народов.

Большинство работ о Черногории (М. Медаковича, С. Милутиновича и др.), появившихся в первой половине XIX в., по методике и методологии мало чем отличались от сочинения Василия Петровича. Их главным источником оставалась народная традиция. Исключением является работа Вука Караджича «Черногория и черногорцы» (1832), изданная на немецком языке. Караджич опирался на документы, многие из которых ввел в научный оборот.

До конца XIX в. в черногорской исторической науке господствовало представление о том, что по отношению к Османской империи Черногория всегда оставалась независимой. Первый удар по этой концепции нанес И. Руварац, доказывавший в своих исследованиях по истории Черногории (1897), что в XVI—XVII вв. она находилась в зависимости от Турции. Работа Рувараца положила начало острой полемике по вопросу о статусе Черногории XVI—XVII вв. Лазар Томанович (1845—1932) в споре с Руварацем доказывал, что Черногория была всегда независимой, тогда как сербский историк Йован Томич (1869—1932) в книге «Политические отношения Черногории с Турцией. 1528—1684 гг.» (1904) на основе документов и материалов, извлеченных из венецианского архива, утверждал, что Черногория в XVI—XVII вв. находилась в зависимости от Османской империи.

В конце XIX — начале XX в. происходил процесс сбора и изучения архивных материалов по истории Черногории, имевшихся за границей: в Венеции, Вене, Париже и Петербурге. В это время был опубликован ряд работ по истории Черногории XVIII—XIX вв. Много сделал для выявления источников по истории Черногории сербский ученый **Владан Джорджевич** (1844—1930). В значительной мере на собранных им документах базировались его книги «Черногория между Турцией, Россией и Венецией в XVIII в.», «Черногория и Австрия в XVIII в.» (обе 1912), «Черногория и Россия. 1784—1814 гг.» (1914). Эти работы сохраняют определенное значение из-за содержащихся в них материалов.

БОСНИЙСКО-ГЕРЦЕГОВИНСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ

В боснийско-герцеговинской историографии отразилась национальная и конфессиональная специфика края. Местные историки принадлежали к трем разным средам: католической, православной и мусульманской. Повышенный интерес к прошлому объяснялся и здесь разрыванием национально-освободительного движения.

Основоположником исторической науки Боснии считается католик **Иван Юкич** (1818—1857). Являясь сторонником идеи иллиризма и концепции единого югославянского государства, он сотрудничал с видными деятелями иллирийского движения Л. Гаем и С. Вразом, основал первый боснийско-герцеговинский журнал, собирал народные песни и сказания. Самое значительное сочинение Юкича — «География и история Боснии» (1851). Он был первым среди боснийских историков, признавшим необходимость критики источников и проверки фактов.

Со второй половины XIX в. начали публиковаться документы по истории Боснии и Герцеговины из венецианского и других архивов. Значительным толчком к разработке истории Боснии и Герцеговины явилось основание в Сараеве в 1888 г. областного музея и Турецкого архива при нем. Историки объединились вокруг музея и его «Вестника» (издавался с 1889 г.). Введение в научный оборот новых археологических и письменных источников вызвало появление ряда работ по иллиро-римской эпохе и средним векам и привело к пересмотру прежних представлений.

Особенно большая заслуга в этом принадлежала **Чиро Трухелке** (1865—1942) — одному из основателей областного музея и редактору его «Вестника». Он изучал памятники археологии, античной и средневековой истории, занимался этнографией, получил известность как публикатор надписей средневековых надгробных памятников (1889). Итоги своих изысканий Трухелка издал отдельной книжкой «Вестника» в 1914 г. Несмотря на проавстрийскую ориентацию, труды Трухелки оставили заметный след в историографии.

Наиболее крупным исследователем истории Боснии являлся **Милан Прелог** (1879—1931). Он занимался боснийской и хорватской историей XIX в., а также историей славянских народов с конца XVIII в. до 1849 г. Прелог написал работы «История Боснии с древнейших времен до гибели королевства» (1912) и «История Боснии в период османского господства» (кн. 1—2, 1912). По сравнению с предшественниками он значительно большее внимание уделил аграрным отношениям, восстаниям, историко-культурным проблемам.

До первой мировой войны профессиональные боснийские историки проявляли интерес главным образом к древней и средневековой истории. Самое крупное событие второй половины XIX в. — восстание 1875—1878 гг. — не привлекало их внимания. Значительный вклад в его изучение внес **Васо Пелагич** (1838—1899), видный общественный деятель, активный участник восстания. В сочинении Пелагича «История боснийско-герцеговинского восстания» (1879) нашла отражение борьба народа за освобождение от османского ига, показанная в тесной связи с внутренней и международной обстановкой. Описывая Восточный кризис 70-х годов XIX в., Пелагич осветил также общественные процессы, происходившие в Боснии и Герцеговине накануне восстания.

Недостатки этой книги (отсутствие систематического изложе-

ния событий, подчас неверное их толкование) объяснялись тем, что Пелагич не ставил своей целью детальное описание хода восстания и находился в плену представлений, отражавших существовавший в то время уровень знания. Место его труда в историографии определяется тем, что Пелагич впервые попытался проанализировать исторический процесс с революционно-демократических позиций. Исходными постулатами его «нового метода» и «новой науки» являлись: определяющее значение социально-экономического, политического и классового факторов, решающая роль народных масс в истории, объективная закономерность восстаний и революций. Он верно выделил два острейших вопроса общественной жизни Боснии и Герцеговины — аграрный и национальный. Своей работой Пелагич заложил краеугольный камень подлинно научной историографии Боснии и Герцеговины.

* *
*

Югославянская историография в последней трети XIX — нач. XX в. развивалась в целом в более благоприятных условиях, чем в предшествующий период. Сербские историки обслуживали интересы своей буржуазии, претендовавшей на руководящую роль в югославянском объединительном движении. В хорватской историографии также получила широкое распространение идея югославизма — объединения югославянских народов в едином государстве. Показателем развития историографий югославянских народов в конце XIX — начале XX в. был повышенный интерес к разысканию и публикации источников.

Глава 4

БОЛГАРСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ В КОНЦЕ XIX — НАЧАЛЕ XX в.

Буржуазная историческая наука

Освобождение Болгарии от османского ига создало благоприятные условия для развития национальной историографии. Болгарское научное общество, перенесшее в 1882 г. свою деятельность из Браилы в Софию, и Народная библиотека, открытая в столице в 1878 г., заложили основы организационной структуры исторической науки. Благоприятное воздействие на развитие исследований оказали работавшие в Болгарии первые годы после ее освобождения М. С. Дринов и К. Иречек.

Ряд сдвигов качественного и структурного характера, обусловивших вступление болгарской исторической науки в новый этап развития, произошел на рубеже 80-х и 90-х годов XIX в. В это

время наметилась тенденция к преодолению романтизма, который перестал удовлетворять интересы крупной буржуазии, стоявшей у власти. Развитие капиталистических отношений в сочетании с культурным подъемом, опиравшимся на традиции национального возрождения, создавали условия для развития исторических исследований и благоприятную почву для восприятия некоторых популярных в европейской исторической мысли философско-методологических воззрений. Заметное воздействие на формирование болгарской историографии оказали труды английского историка-позитивиста Г. Бокля, родоначальников немецкой и французской культурно-исторических школ К. Лампрехта и И. Тэна.

В конце XIX — начале XX в. оформились организационные основы исторической науки. Если первоначально единственным институтом, объединявшим исследователей прошлого, было Болгарское научное общество (с 1911 г. — Болгарская академия наук — БАН), то с созданием в 1888—1889 гг. Высшего училища (с 1904 г. — Софийский университет) главным центром исследований становится его историко-филологический факультет. В 1901 г. образовалось Историческое общество, главной целью которого была популяризация исторических знаний. Происходило становление музейного и архивного дела, связанное с открытием Народного музея в Софии (в 1906—1909 гг. из него выделились Археологический и Этнографический музеи), Археологического музея в Пловдиве, музейных коллекций при археологических обществах в Варне, Стара-Загоре и других городах, Военно-исторического архива, документальных собраний Народной библиотеки, БАН, Археологической комиссии.

Научная периодика в основном была представлена изданиями этих учреждений. С 1882 по 1911 г. продолжал выходить орган Болгарского научного общества «Периодическое списание» («Периодический журнал»). Его заменили «Списание» («Журнал») и «Сборник» историко-филологического отделения БАН. С 1889 г. издавался «Сборник за народни умотворения, наука и книжовност» («Сборник о народном творчестве, науке и литературе»). С 1905 г. выходили «Известия» Исторического общества. Свои издания выпускали археологические общества в Софии и Варне. Авторитетным научным органом стал «Годишник» («Ежегодник») Софийского университета, издававшийся с 1905 г.

В центре внимания буржуазной науки находились проблемы болгарского возрождения. Первым к их изучению обратился Захарий Стоянов (1850—1889). Активный участник национально-освободительного движения, он сформировался как историк в первые годы после освобождения страны от османского ига. В его сочинениях, большинство которых написано по горячим следам событий, ощущается влияние романтизма. В то же время методика исследования, приемы оценки и анализа источников говорят о знакомстве Стоянова с позитивистской историографией.

Главный труд Стоянова — «Записки о болгарских восстаниях» (т. 1—3, 1884—1892). Умело соединяя личные впечатления с об-

ширным документальным материалом, Стоянов создал правдивую картину Апрельского восстания 1876 г. Он высоко оценил героизм народных масс, показал предательские действия представителей крупной буржуазии — чорбаджиев. Однако классовая и методологическая ограниченность Стоянова не позволила ему увидеть социальную суть восстания, выявить в полном объеме его общественно-экономические предпосылки.

Стоянов — автор ряда очерков о видных представителях болгарского национально-освободительного движения 60—70-х годов. Ему принадлежит заслуга введения в научный оборот обширного материала об их деятельности. В последние годы жизни на творчество Стоянова наложил сильный отпечаток его переход с революционно-демократических позиций на платформу буржуазного либерализма. В биографии Х. Ботева (1888) Стоянов пытался затушевать революционный характер его деятельности, изобразить великого болгарского поэта лишь как борца за национальную идею, за создание буржуазного государства. Однако эта не завершенная Стояновым книга стоит особняком в его наследии. Большинство его произведений проникнуто верой в революционные возможности болгарского народа, преклонением перед подвигом его лучших сыновей.

Прогрессивные традиции Стоянова продолжил **Димитр Страшимиров** (1868—1939), чьи научные интересы также были сосредоточены на событиях национально-освободительного движения 60—70-х годов. Включившись в шедшую в 90-е годы дискуссию о характере общественно-политических взглядов Л. Каравелова, он поставил задачу изучения литературного наследия и воззрений болгарских революционеров-демократов и сам взялся за ее реализацию. В первой своей работе о Х. Ботева как поэте и журналисте (1897) он опирался на фактический материал, собранный Стояновым, но уже в начале XX в. сам приступил к разысканию источников. Страшимиров опрашивал свидетелей событий, проверял их воспоминания, собирал документы из личных архивов участников национально-освободительного движения.

Результатом этой деятельности стала «История Апрельского восстания» (т. 1—3, 1907). В первом томе рассматривались причины и предпосылки восстания, во втором — его подготовка, в третьем — ход восстания и его подавление. Наиболее пристальное внимание автора привлекла деятельность «апостолов» восстания. Страшимиров подчеркивал, что Апрельское восстание было итогом длительного развития болгарского общества. Признавая решающее значение «материальных сил», он в целом правильно определил многие причины восстания, но видел в нем лишь проявление национально-освободительной борьбы и недооценивал его классовый характер. Ценность его труда заметно снижает бедность справочного аппарата.

В 1908 г. Страшимиров издал «Архив Возрождения» (т. 1—2), в который вошли документы о деятельности В. Левского и Ловечского Болгарского революционного центрального комитета, П. Хи-

това и возглавлявшихся им гайдуцких чет, другие источники по истории национально-освободительной борьбы. Эти материалы заложили основу источниковой базы для изучения болгарского национального возрождения.

Крупнейшей фигурой в исторической науке Болгарии в конце XIX — начале XX в. был **Иван Шишманов** (1862—1928). Велика его роль как организатора науки. Шишманов был одним из основателей Софийского университета, инициатором издания ряда научных журналов. Занимая высшие посты в Министерстве народного просвещения, он отстаивал демократические принципы образования, а в 1907 г. подал в отставку в знак несогласия с реакционной политикой князя Фердинанда.

Шишманова привлекали проблемы национального возрождения, болгарской и европейской культуры в самом широком аспекте. Его статья о Паисии Хилендарском (1914) впервые представила болгарское возрождение на широком общеевропейском фоне. Коренными причинами духовного подъема болгарского народа автор считал глубокие внутренние сдвиги в обществе, в том числе и в его социально-экономическом развитии, приведшие к зарождению национальной буржуазии. В то же время Шишманов, рассматривая предпосылки болгарского возрождения в духе позитивизма, не придавал его материальным факторам определяющего значения. В ряде работ он подробно рассмотрел отдельные аспекты русско-болгарских научных и культурных связей в эпоху национального возрождения, раскрыл их благотворное влияние на развитие болгарского просвещения и культуры. Труды Шишманова являются высшим достижением болгарской буржуазной историографии в области изучения национального возрождения.

Ведущее место в болгарской медиевистике конца XIX — первой трети XX в. занимал **Васил Златарский** (1866—1935). Велики его заслуги в создании организационных основ болгарской историографии. Он активно участвовал в научной и издательской деятельности историко-филологического отделения академии и историко-филологического факультета Софийского университета, с 1911 г. возглавлял Историческое общество.

В творчестве Златарского удачно сочетались традиции изучения болгарского средневековья, заложенные С. Н. Палаузовым, М. С. Дриновым и К. Иречком, опыт русского славяноведения и владение принципами критического анализа источников, разработанными немецкими византистами. Главной своей задачей Златарский считал создание «Истории Болгарского государства в средние века». Он начал с выявления и интерпретации источников, что имело большое самостоятельное значение. Первая часть первого тома «Истории» (1918), охватившая период с VII по середину IX в., положила начало созданию концепции раннего периода болгарской истории.

Написанный в традициях позитивистской историографии, этот труд нес на себе отпечаток как сильных, так и слабых ее сторон. Восстанавливая хронологический ряд событий раннесредневековой

истории Болгарии, Златарский сумел создать картину политической истории Первого Болгарского царства до принятия христианства, допустив при этом отдельные ошибки, обусловленные состоянием источниковой базы. В то же время он переоценивал роль тюркского элемента в развитии древнеболгарской народности и государства, что впоследствии было использовано реакционными авторами для антинаучных фальсификаций. Златарский почти не обращал внимания на социально-экономические сюжеты, на втором плане в его труде оказались и проблемы развития культуры. Однако как подробный очерк политической истории раннесредневековой Болгарии книга Златарского до сих пор не утратила своего значения.

Развитие болгарской медиевистики опиралось на исследования античного прошлого болгарских земель Г. Кацаровым (1874—1958). Он изучал историю и культуру фракийских племен, которые составляли один из этнических компонентов древнеболгарской народности. Большое значение имели также источниковедческие и археологические изыскания Йордана Иванова (1872—1947). Особое место среди его работ заняли сборник «Болгарские древности из Македонии» (1908) и труд по истории Рильского монастыря (1917).

Вкладом в изучение феодального прошлого болгарских земель явились работы основоположника историко-правовых исследований Стефана Бобчева (1853—1940) о развитии обычного и канонического права, административной системы средневекового Болгарского государства. Бобчевым и его последователями были подготовлены публикации юридических источников по истории Болгарии. Однако историко-правовые исследования в целом отставали от развития болгарской медиевистики, что объяснялось как узостью их источниковой базы, так и более слабой профессиональной подготовкой их авторов.

Определенными успехами отмечено в конце XIX — начале XX в. изучение материальной культуры средневековой Болгарии. На становление археологических исследований оказала положительное влияние деятельность Русского археологического института в Константинополе (1894—1914). Возглавлявший его выдающийся русский византолог Ф. И. Успенский провел раскопки Плиски и Преслава, материалы которых опубликовал в «Известиях» Института.

В это время были заложены основы болгарской этнографической науки. Если в трудах Д. Маринова (1848—1940) «Живая старина» был собран фольклорный и вещественный материал, то работы И. Шишманова и его ученика М. Арнаудова (1878—1978) положили начало его анализу на основе сравнительно-исторического метода.

Слабым местом болгарской историографии оставалось изучение истории страны после ее освобождения от османского ига. Определенным шагом вперед, способствовавшим исследованию этой проблематики, стало издание т. 2 «Архива Возрождения» (1908), куда вошли документы по истории объединения Болгарии в 1885 г. Первому десятилетию политической истории освобожденной Бол-

гарии было посвящено сочинение Симеона Радева (1879—1967) «Строители современной Болгарии» (т. 1—2, 1910—1911). Картина, созданная автором, весьма тенденциозна, на его взгляды оказали влияние идеология и политика народно-либеральной партии, одним из лидеров которой он был. Этим обстоятельством объясняются антирусские тенденции книги, идеализация Стамболова и других деятелей, проводивших прозападную политику и стремившихся нарушить традиционные связи Болгарии с Россией.

Становление марксистской историографии

Важной отличительной чертой развития болгарской исторической науки в конце XIX — начале XX в. было становление марксистского направления. Начало ему положил основатель Болгарской социал-демократической рабочей партии Димитр Благоев (1856—1924). Уже в своей первой крупной работе «Что такое социализм и имеет ли он почву у нас?» (1891) он дал характеристику развития и смены общественно-экономических формаций в болгарских землях, обосновал закономерность перехода от феодализма к капитализму, проанализировал начавшееся капиталистическое развитие страны и указал на появление пролетариата. Главной задачей Благоева было создание марксистской концепции истории страны в неразрывной связи с критикой взглядов буржуазных историков.

В цикле статей «Из прошлого болгарского народа» (1897—1898) Благоев, обратившись к средневековой истории, подробно остановился на возникновении древнеболгарской народности, формировании слоя зависимых крестьян, положении народных масс, их отношении к государственной власти и церкви. Вывод, что Болгария, как и другие страны, прошла феодальную стадию развития, был сделан им в то время, когда буржуазная наука отрицала наличие феодального способа производства, классов и классовой борьбы в средневековой Болгарии.

В ряде работ Благоев рассмотрел основные проблемы новой истории Болгарии. Он датировал начало национального возрождения серединой XVIII в., но считал, что материальные условия развития национально-освободительного движения стали складываться лишь в начале XIX в. Просветительское движение и церковно-национальную борьбу Благоев оценивал как выражение интересов развивавшейся торгово-промышленной буржуазии. Характеризуя политические программы деятелей национально-освободительного движения 60—70-х годов XIX в., он отделял реформистов от революционеров, а в среде последних отмечал различные течения, с восхищением писал о Х. Ботева и В. Левском.

Значительное внимание уделял Благоев социально-экономической проблематике. Он рассмотрел развитие земледелия и ремесла, процесс концентрации собственности, возникновение и утверждение промышленного производства, формирование пролетариата.

Конкретно-исторический анализ позволил ему сделать принципиально важный вывод, что в последней четверти XIX в. Болгария прочно вступила на путь капиталистического развития. Благоев оценил воссоединение Северной и Южной Болгарии в 1885 г. как прогрессивное, показал характер и значение для Болгарии Балканских войн 1912—1913 гг., а также первой мировой войны, которую определил как империалистическую.

В исследовании «К истории социализма в Болгарии» (1906) и ряде других работ Благоев дал анализ условий возникновения и выработки программных установок социал-демократического движения в стране, остановился на истории создания и развития БРСДП, вскрыл объективные и субъективные причины разногласий в среде социалистов. На основе партийной документации и прессы, материалов личного архива и собственных воспоминаний он показал мелкобуржуазный характер оппортунистического «обшедельского» течения в партии, борьбу революционных сил за чистоту ее рядов, причины образования в 1903 г. партии тесных социалистов.

Под влиянием Благоева формировались взгляды Х. Кабакчиева (1878—1936), Г. Димитрова (1882—1949) и В. Коларова (1877—1950), впоследствии внесших значительный вклад в создание марксистской концепции истории Болгарии.

Таким образом, в конце XIX — начале XX в. завершилось становление болгарской буржуазной историографии, ее организационных основ, ведущей проблематики и источниковой базы. Формировалось и марксистское направление, представители которого, опираясь на фактический материал, накопленный буржуазными учеными, закладывали основы научной концепции национальной истории.

Раздел III

ИСТОРИОГРАФИЯ ИСТОРИИ ЮЖНЫХ И ЗАПАДНЫХ СЛАВЯН В МЕЖВОЕННЫЙ ПЕРИОД И В ГОДЫ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

В 1918 г. под непосредственным воздействием Великой Октябрьской социалистической революции, в результате мощного подъема революционной и национально-освободительной борьбы, краха монархий Габсбургов и Гогенцоллернов была восстановлена независимость Польши, появились Чехословацкое и Югославское государства, усилились демократические тенденции в общественной мысли Болгарии. Более благоприятными стали условия для развития национальных культур, просвещения и науки, в том числе исторической. Были открыты новые университеты, возникла сеть научных учреждений, государственных архивов, библиотек. Однако развитие организационной базы исторической науки не сопровождалось качественными изменениями ее облика. Господствовавшие в то время позитивизм, неопозитивизм, неоромантизм, субъективно-идеалистические концепции ограничивали научные потенции исторической науки, вели к мелкотемью, описательности, тенденциозности, субъективизму. К концу межвоенного периода в творчестве ряда представителей буржуазной историографии стало сказываться влияние реакционных концепций.

Осознавая научную бесперспективность и несостоятельность буржуазной трактовки исторического процесса, наиболее прогрессивные ученые уже в 30-е годы проявляли возрастающий интерес к историческому материализму как единственно научной методологии исследований. Особенно это касалось историков, занимавшихся проблемами социально-экономического развития и массовых общественных движений. Но наиболее полно и последовательно метод исторического материализма применялся в работах историко-публицистического характера, авторами которых были деятели коммунистических партий.

В годы второй мировой войны почти прекратились исторические исследования в Польше, Чехословакии, Югославии вследствие утери ими национальной независимости и жестокого оккупационного режима. Одновременно повысился интерес к истории южно- и западнославянских народов в СССР, Англии, США. В этот период усилился процесс переосмысления задач и места исто-

рической науки, возросло понимание необходимости распространения исследований на проблемы, оставшиеся прежде вне поля зрения буржуазной историографии. Создавались определенные предпосылки для перехода историков зарубежных славянских стран на позиции исторического материализма, для преодоления ими субъективистских взглядов на закономерности исторического процесса.

Глава I

ПОЛЬСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ

Условия развития исторической науки в 1918—1939 гг.

Восстановление независимости Польши в ноябре 1918 г. создало более благоприятные условия для развития национальной культуры и науки. Появились ее новые центры — университеты в Варшаве, Познани, Вильно, а также Католический университет в Люблине и Свободный польский университет. В них была сосредоточена основная часть профессиональных историков. В 1925 г. возродилось Польское историческое общество, координировавшее их исследования. В межвоенный период состоялись IV (1925), V (1930) и VI (1935) съезды польских историков. В 1925—1933 гг. ПИО объединяло около 1300 членов. В страну вернулись многочисленные коллекции архивных материалов из-за границы: из СССР, Германии, Австрии, Швейцарии. Начали функционировать государственные архивы и библиотеки, доступными стали многие частные архивы. С первых лет независимости Польская академия знаний в Кракове начала издание сборников документов по истории средневековья и XIX века.

Научные журналы «Kwartalnik Historyczny» («Исторический кварталник») и «Przegląd Historyczny» («Историческое обозрение») превратились в центральные органы ПИО. Стали издаваться специализированные журналы и сборники — «Niepodległość» («Независимость»), «Wojskowy Przegląd Historyczny» («Военно-историческое обозрение»), «Kronika Ruchu Rewolucyjnego» («Хроника революционного движения»), «Roczniki Dziejów Społecznych i Gospodarczych» («Ежегодники социальной и экономической истории») и др. Расширилась проблематика исследований. Наряду с традиционными для предшествующего периода сюжетами шире стала изучаться новая и новейшая история.

После переворота 1926 г. усилился отход ряда историков от буржуазного объективизма, резче стали проявляться реакционные, шовинистические тенденции, особенно при освещении истории польских народов в составе шляхетской Речи Посполитой. В 1930 г. был создан Научный институт исследований Восточной Европы. На VI съезде историков главной темой стала история Великого княжества Литовского и Кривской унии.

В межвоенный период в методологическом арсенале буржуазной историографии преобладали неопозитивизм и неоромантизм. Весьма активно велось исследование средневековой истории, прежде всего специалистами по истории государства и права, работавшими во Львове, Познани и Кракове. Между историками не было единства взглядов по одному из главных вопросов: был ли в Польше феодализм? Ученые, идентифицировавшие феодализм с наличием ленной системы, отвечали на этот вопрос отрицательно. Они утверждали, что общественное и государственное устройство в Польше, как и у других славянских народов, базировалось на организованной в роды шляхте. О. Бальцер, автор работы «Королевство Польское. 1295—1370» (т. 1—3, 1919—1920), доказывал, что в Польше не было ленной системы, заключающейся в разрыве связи подданных с монархом, и что поэтому Польское государство, как и вообще государство славян, было сплоченнее западных.

Более полно эту концепцию пытался обосновать **Зыгмунт Войцеховский** (1900—1955). Он считал, что, в то время как на Западе происходила феодализация учреждений, т. е. превращение королевских служащих в королевских ленников, а подчиняющихся им территорий в члены, в Польше феодальная раздробленность выражалась в разделе страны между членами правящей династии. Равенство шляхетских родов помешало складыванию феодальной иерархии. В результате произошел непосредственный переход от родового строя к сословной государственности. Стадию ленного государства Польша, по мнению Войцеховского, пережила в рамках родового строя.

Другую позицию занимал **Казимеж Тыменецкий** (1887—1968). Выделив в средневековой истории Польши «период феодального влияния и образования сословий» (с начала XIII до конца XV в.), он признавал, что влияние феодального строя на общество и государство было очень глубоким и охватило низшие общественные слои — горожан и крестьян. Тыменецкий не отрицал влияния феодализма на шляхту, но утверждал, что в конечном счете она ему воспротивилась и поэтому не произошло полной феодализации польского общества. Он преувеличивал значение внешнего влияния на оформление в Польше феодальных отношений, определяющей чертой которых считал сеньорию. Отличием работ Тыменецкого было то, что он стремился показать творческие силы народа, тесно связывая экономическую проблематику с общественной, применял сравнительный метод.

Историко-правовыми исследованиями продолжал заниматься **С. Кутшеба**. Круг его интересов был чрезвычайно широк — от раннего средневековья до новейшего времени. Как и Бальцер, феодализм он идентифицировал с ленной системой. Кутшеба был автором одного из первых трудов о восстановлении польской государственности в 1918 г. (1921, 2-е изд. — 1928). Он идеализировал политику буржуазных партий и преуменьшал роль трудящихся в

завоевании независимости. Значение Октябрьской революции в России для восстановления независимости Польши Кутшеба игнорировал. Особое внимание он уделил процессу создания государственного аппарата и его функционированию. Несмотря на элементы критики в адрес некоторых политиков и партий, работа Кутшебы представляла собой апологию буржуазного строя.

В межвоенный период активизировалась разработка проблем экономической истории. Сложились два центра ее исследования. Один — во Львове под руководством Францишека Буяка. В нем велись исследования по проблемам экономической и общественной жизни, демографии, колонизации и т. д. Буяк стремился к созданию целостной социально-экономической истории Польши. Он вел исследования о причинах экономического упадка Речи Посполитой, о шляхетском характере ее экономической политики в XVI в. Изучались также актуальные для Галиции проблемы эмиграции, положения крестьянства, развития промыслов и торговли. Работы Буяка были насыщены фактическими данными, детальным описанием отдельных явлений.

Другой центр экономических исследований сложился в Познани. Здесь со своими учениками работал Ян Рутковский. Отличаясь более глубоким, чем у Буяка, подходом к проблемам, он стремился к обобщениям, теоретическим построениям. Рутковский первым из немарксистских польских историков выступил с концепцией «экономической истории феодального строя», формально перейдя на позиции теории общественных формаций. Он полагал, что в Польше развился аграрный феодализм, аналогичный западноевропейскому, а его сущность заключалась в существовании двух форм собственности: верховной (принадлежащей господину) и крестьянских владений. Чертой феодализма он считал также то, что верховный собственник обладал определенными судебными и административными функциями и правом накладывать на подданных повинности, означавшим перераспределение дохода крестьян на господскую и собственно крестьянскую части. В межвоенный период Рутковский на основании большого фактического материала подготовил обобщающую «Экономическую историю Польши» (т. 1—2, 1946—1950). Эта работа являлась значительным достижением буржуазной историографии. Но исходные позиции автора были ошибочными: он рассматривал историю в отрыве от классовой борьбы, в центр исследования экономики ставил сферу распределения, которую считал независимой от производства.

Сохранялся традиционный интерес к политической истории. С. Закшевский в межвоенный период опубликовал монографии о Мешко I (1921) и Болеславе Храбром (1925). Он был связан с Пилсудским и прославлял культ сильной власти, подчеркивая определяющую роль выдающихся вождей в истории. Новой и новейшей историей по-прежнему занимался Ш. Аскенази. Им был издан сборник статей о польском вопросе периода первой мировой войны.

Активную разработку проблем политической истории вели уче-

ные, близкие к правой буржуазной партии эндеков. Владислав Конопчиньский (1880—1952) изучал внутреннюю и внешнюю политику Польши XVIII в. Его перу принадлежит работа по политической истории Польши XIX—XX вв. (т. 1—2, 1936), написанная с позиций национализма и католицизма. В. Собеский, автор «Истории Польши» (т. 1—2, 1923—1925), как и Конопчиньский, на первый план выдвигал нацию, идентифицируемую им со шляхтой, абсолютизировал шляхетскую демократию, видел в ней краеугольный камень национальной истории. Он написал также ряд работ по истории Польши XVI—XVII вв., интересовался проблемами реформации, польско-французских отношений.

Новым направлением исследований стало изучение военной истории. С позиций позитивистского объективизма описывал ее Вацлав Токаж (1873—1937). Особое внимание он сосредоточил на изучении восстаний 1794 г. и 1830—1831 гг. Для его работ характерны тщательная реконструкция событий, а также стремление доказать, что восстания были обусловлены воздействием как внешних, так и внутренних причин. Он пришел к пониманию связи борьбы за независимость с необходимостью общественных перемен.

Крупным представителем буржуазной историографии был Марцелий Хандельсман (1882—1945). Свои взгляды на историю он изложил в труде «Историка», посвященном методологическим проблемам (1922; 2-е изд. — 1928). Хандельсман называл свой метод «социопсихологическим», делая при этом упор на «социо». Он не отрицал существования некоторых закономерностей общественной жизни, но, как и другие неопозитивисты, был убежден, что в истории можно вести речь не о законах, а лишь о тенденциях развития. Исторические оценки Хандельсман считал относительными, связывая их истинность с уровнем развития науки и совершенством методов научного познания. Он утверждал, что историческая наука стремится к объективным выводам, а историческое знание постоянно обогащается и поддается проверке. Будучи в теории субъективным идеалистом, в ряде своих работ он приближался к материалистическому пониманию истории.

Серьезный вклад сделал Хандельсман в разработку проблем истории средневековой Польши. Им отмечено существование в стране сеньории, являвшейся элементом феодализма, обнаружены следы бенефиция в церковных владениях. Будучи далеким от мысли, что на польской почве существовал феодальный строй, идентифицируемый с наличием лена и сеньории, он тем не менее считал, что в средневековой Польше происходила феодализация общества. Хандельсман изучал также проблемы истории Польши XVIII—первой половины XIX в. Он отрицал неоромантическое, апологетическое в своей сущности толкование национальной истории. На V съезде польских историков Хандельсман подверг острой критике работы Аскенази.

Развивались исследования в области истории культуры. Мировую известность получили труды Александра Брюкнера (1856—

1939). Он обнаружил и опубликовал памятник средневековой польской культуры «Свентокшижские проповеди». Брюкнер дал значительно более полную и объективную, чем у его предшественников, трактовку истории польской культуры, показал ее взаимовлияния и связи с культурами русского, литовского, чешского и других народов. Результатом большой работы явились такие его труды, как «История польской культуры» (т. 1—4, 1930—1939), «Старопольская энциклопедия» (т. 1—2, 1937—1939). Брюкнер приблизился к пониманию связи культуры с социально-экономическим развитием общества.

Прогрессивными чертами отличались исследования **Стефана Чарновского** (1879—1937). В 20-е годы он сблизился с рабочим движением, сотрудничал с коммунистами. В своих работах по истории Чарновский особое внимание уделял изучению идеологии социальных движений. Встав на близкие историческому материализму позиции, он вскрыл классовый характер реформации и контрреформации в Польше. В работе «Культура» (1938) историк попытался выявить социальные факторы культурного развития страны.

Эти же тенденции были характерны для работ Яна Птасьника (1876—1930), знатока истории городов, материальной культуры и нравов. В работах по истории средневековой польской культуры он различал рыцарскую культуру и городскую.

После переворота 1926 г. складывается группа историков, тесно связанных с режимом санации. Ее кредо было сформулировано Пилсудским в статье «Поправки к истории», где в центр исторического процесса ставилась «сильная личность», звучал призыв переписать историю. Такой подход был близок неоромантикам.

Санационная историография сконцентрировала внимание на изучении военной истории, особенно периода первой мировой и польско-советской войн. Появились работы, абсолютизовавшие роль Пилсудского и созданных им легионов в восстановлении национальной независимости. Определенное место занимала в этой историографии проблематика восстаний XIX в., преимущественно их военная сторона. Как правило, социальные аспекты восстаний опускались, акцент делался на их антирусской направленности. Причины поражений повстанцев санационные историки сводили к отсутствию «вождя», «сильной личности». Исследуя средневековые сюжеты, они приукрашивали роль королей-завоевателей, восхваляли захватническую восточную политику Речи Посполитой, подчеркивали традиции великодержавности.

К этой группе авторов принадлежал **О. Гурка** (1887—1955). На VI съезде историков он выступил с докладом, в котором превеличивал заслуги краковской исторической школы. Гурка особенно подчеркнул то обстоятельство, что отсутствие сильной власти последователи этой школы считали причиной упадка Речи Посполитой. Он обвинил историков, которые не разделяли санационных концепций, в «национальной безответственности». Его выступле-

ние встретило отпор со стороны большинства участников съезда.

Другой представитель этой же группы, **В. Побуг-Малиновский**, был автором книги о деятельности эндеков до 1918 г. (1933). Показывая несостоятельность их политической программы, он старался выпятить заслуги пилсудчиков в восстановлении независимости Польши. **В. Лапиньский** изучал историю легионов Пилсудского. Им написана скандально известная биография Пилсудского, появившаяся в немецком переводе с предисловием Геринга.

Историко-материалистическое направление в историографии

В межвоенный период произошло значительное усиление позиций исторического материализма в качестве метода научных исследований. Он применялся как представителями ППС, так и КПП.

Левое крыло ППС в 30-е годы высказывалось за сотрудничество с коммунистами в борьбе с режимом санации. Один из руководителей этого крыла, **Адам Прухник** (1892—1942), разработывал историю зарождения рабочего и социалистического движения в польских землях. Большой резонанс получила его книга «Первое пятнадцатилетие независимой Польши» (1933), не потерявшая научной значимости до настоящего времени. Она имела антисанационный характер, противопоставляла парламентский период в политическом развитии межвоенной Польши диктатуре Пилсудского, содержала анализ ошибок демократических сил накануне и во время переворота 1926 г.

Основное внимание Прухник сконцентрировал на политическом развитии Польши, остановившись на таких ключевых событиях, как восстановление государственности в 1918 г., деятельность парламента, Краковское восстание 1923 г., переворот 1926 г. и отношение к нему политических партий, переход левых партий в оппозицию режиму санации, создание Центролева и его разгром и др. Анализируя факторы возрождения независимой Польши, Прухник отмечал в их числе Октябрьскую революцию, но приравнивал ее по влиянию к первой мировой войне и политике западных государств по польскому вопросу. Он недооценивал революционные методы борьбы, игнорировал роль КПП в развитии рабочего движения.

Исторический материализм в качестве метода исследования был положен в основу работ ряда профессиональных историков, интересовавшихся вопросами экономического развития и социальной борьбы. Историю промышленности Польши и ее роль в общественном развитии изучала **Н. Гонсёровская**. Она издала учебник по социально-экономической истории страны и тем самым привлекла внимание молодежи к этой проблематике. Историю крестьянских выступлений XIX в. изучал **И. Грынвасер** (1895—1943), исследовавший прежде всего те ее стороны, которых не касались буржуазные авторы. Он в деталях рассмотрел место аграрного

вопроса в национально-освободительном движении, борьбу крестьян за землю.

Исследованием социальных движений и классовой борьбы занимался М. Мелёх (1905—1941), организатор кружка молодых историков-марксистов в Варшаве. В 30-е годы он опубликовал ряд статей о начальном этапе рабочего движения в Польше, основанных на анализе архивных материалов. Он изучал также восстание 1830—1831 гг., критически высказываясь о буржуазных концепциях, абсолютизовавших его национальный аспект. Наибольшую известность принесла Мелёху монография о крестьянском вопросе в восстании 1830—1831 гг. (1939), в которой он показал, что социальное движение крестьянства в то время протекало совсем в ином русле, чем национально-освободительная борьба шляхты.

Марксистская историография

Материалистическое понимание истории было положено в основу работ руководителей польских коммунистов. Многие из этих работ имели публицистический характер. В них, а также в документах Коммунистической партии Польши (КПП) содержались оценки исторического прошлого, особенно истории рабочего движения.

Большое влияние на развитие марксистского направления оказали труды Ю. Мархлевского. В 1918—1925 гг. он жил и работал в Советской стране. Им было написано в 1919—1920 гг. несколько работ, в которых рассматривались развитие и перспективы революционного движения в Польше. Их важной чертой было стремление аргументировать историческим материалом необходимость революционного разрешения социальных противоречий, свойственных буржуазной Польше. Одним из первых Мархлевский в статье «Пролетарская Россия и буржуазная Польша» (1921) отметил решающее значение Великой Октябрьской социалистической революции и освободительной борьбы трудящихся для восстановления Польского государства и указал на объективные причины поражения революционной борьбы польского пролетариата в 1918—1919 гг. Несмотря на некоторые упрощения, его выводы отличались пониманием главных факторов общественного развития. Мархлевский подготовил работы, которые должны были утвердить марксистскую концепцию национальной истории. Он написал, в частности, два очерка — об образовании Польского государства и об этапах развития капитализма в Польше.

В начале 20-х годов в связи с 30-летием создания социал-демократии Королевства Польского появились ряд статей и брошюр, в которых развернулось обсуждение вопроса об идейной зрелости СДКПиЛ, ППС-левицы и КПП. Особое внимание было сосредоточено на ошибках революционного течения в рабочем движении, допущенных в ходе разработки стратегии и тактики борьбы, определения ее целей и форм.

Важную роль в изучении истории революционного и рабочего движения Польши сыграли польские коммунисты, проживавшие в СССР. В 1925 г. по их инициативе была создана Польская комиссия Отдела истории партии ЦК ВКП(б), преобразованная затем в Редакционную коллегия польских изданий Института Маркса-Энгельса-Ленина при ЦК ВКП(б). Комиссия занялась сбором и публикацией документов по истории рабочего и революционного движения Польши. В 1926 г. она стала издавать в Москве на польском языке журнал «Z Pola Walki» («С поля борьбы»). Кроме того, комиссия (позже — Редколлегия польских изданий) готовила и выпускала биографии революционеров, сборники документов и статей.

Польские коммунисты-эмигранты подняли на высокий уровень разработку истории рабочего класса Польши и его партий, социально-экономической истории новейшего времени, массовых революционных движений, остававшихся вне круга интересов буржуазной историографии. Среди них был и один из первых историков-марксистов Эугениуш Пшибышевский (Ч. Ясинский) (1889—1940). Он издал в СССР ряд работ о восстании 1863—1864 гг., революционных событиях 1905—1907 гг. на польских землях, борьбе польского пролетариата за свои классовые интересы. Эти работы были основаны на изучении архивных материалов и документов, отличались глубиной анализа, аргументированностью выводов.

Оценку развития буржуазной Польши давали в своих статьях и выступлениях руководящие деятели КПП Ю. Лещинский-Ленский, А. Данелюк, Ф. Фидлер. Заметный след оставили работы Е. Рынга об особенностях капиталистического развития Польши. Он доказывал факт вступления Польши в стадию империализма, отмечал особенности последнего в польских землях, связанные с недостаточным развитием тяжелой промышленности, отсутствием вывоза капиталов, зависимостью от иностранного капитала и другими факторами. Творческим подходом отличались работы видного деятеля КПП Ю. Бруна. В трудах по национальному вопросу он проследил развитие национально-освободительного движения в XIX и XX вв., выявил его классовое содержание, вскрыл классовые корни и условия его возникновения, дал убедительную критику буржуазных спекуляций на национальном вопросе в новейшее время, показал соотношение социальных и национальных требований, выдвигаемых пролетариатом. Ему принадлежит глубокий анализ линии главных идеологов СДКПиЛ в национальном вопросе.

Итоги развития польской исторической науки в межвоенный период свидетельствуют о методологическом кризисе буржуазной историографии, ее неспособности дать научную интерпретацию важнейших явлений социального, политического и экономического развития общества и создать комплексные обобщающие исследования. Укрепились позиции сторонников исторического материализма, возрос их вклад в решение традиционных проблем национальной истории. Им принадлежит заслуга в постановке ряда

новых проблем (в первую очередь истории общественных движений и классовой борьбы пролетариата), которые игнорировались буржуазной историографией.

Историческая наука в годы второй мировой войны

В период фашистской оккупации польская историческая наука понесла большие потери. Закрывались университеты и научные учреждения, библиотеки и архивы, уничтожались и расхищались культурные сокровища страны.

Уже тогда отдельные историки почувствовали необходимость расширения проблематики исследований, обращения к недооцениваемым ранее явлениям, способствовавшим развитию экономики и просвещения (таким, например, как органический труд), более критического отношения к событиям XV—XIX вв. Этот неопозитивистский подход проявился в ряде работ, опубликованных в первые послевоенные годы.

В исторической публицистике различных политических направлений основное внимание уделялось в годы войны тем событиям прошлого, освещение которых мобилизовывало массы на борьбу с врагом. Появилось большое количество работ, имевших антигерманскую направленность. Вместе с тем на страницах изданий буржуазного лагеря польской эмиграции пропагандировались антисоветские и антикоммунистические взгляды.

Большое значение для развития исторической мысли имела деятельность коммунистов по созданию национального антифашистского фронта. В исторической публицистике ППР указывалось, что корни своей политики партия видит в прогрессивных традициях борьбы за национальное и социальное освобождение в конце XVIII—XIX в. Широко освещая на страницах своей периодики народные выступления в разные периоды истории Польши, особенно восстания 1794, 1830—1831 и 1863—1864 гг., ППР оценивала их с классовых позиций, критикуя шляхетских вождей этих движений за классовую ограниченность, непоследовательное отношение к социальным реформам, неверие в силу народных масс, склонность к компромиссу с угнетателями. Партийные публицисты знакомили читателей с историей социалистического и крестьянского движения, польско-русских революционных связей.

Историческая проблематика присутствовала также в нелегальной печати левых социалистов и радикальных людовцев. Левые социалисты подчеркивали роль рабочего класса и социалистического движения в событиях 1905—1907 гг., их заслуги в восстановлении независимого Польского государства в 1918 г. Так же, как и коммунисты, левые социалисты вину за сентябрьскую катастрофу 1939 г. возлагали на санационный режим. Историческая публицистика радикальных людовцев подчеркивала прежде всего роль крестьянских масс в истории.

Глава 2

РАЗВИТИЕ ЧЕХОСЛОВАЦКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Условия развития исторической науки и ее основные направления

Образование Чехословацкой республики в 1918 г. создало более благоприятные условия для развития исторических исследований и расширения их тематики.

Ведущим центром исторической науки в межвоенный период оставался Пражский университет. Кафедры истории были открыты в созданных в 1919 г. университетах Брно и Братиславы. В том же году начала функционировать Высшая архивная школа. Расширилась сеть научно-исследовательских и архивных учреждений. Была образована Чешская академия наук и искусств. Свою деятельность продолжало Общество наук, возобновила работу Матица словацкая в Мартине. Возникло Ученое общество имени П. И. Шафарика в Братиславе (1926). Важным центром исследований стал учрежденный в 1920 г. Государственный исторический институт. Были открыты Институт археологии (1924), Институт Востока, Славянский институт (1927). Появилось научное общество «Памятник национального возрождения», занявшееся исследованием образования самостоятельного государства. Созданный в Риме чехословацкий Институт истории развернул изучение материалов ватиканского архива.

Расширилась сеть периодики. Выходили «Ceský časopis historický» («Чешский исторический журнал») и «Časopis Matice Moravské» («Журнал Матицы моравской»), журнал «Ceský lid» («Чешский народ»), а также ряд изданий по археологии и нумизматике, по проблемам искусствоведения. С 1923 г. регулярно издавался журнал по вспомогательным дисциплинам. Выходили сборники Архива министерства внутренних дел (с 1926 г.), по истории Праги (с 1923 г.), военно-исторический сборник и региональный сборник по истории Южной Чехии. Издавалась «Летопись» Матицы словацкой.

В мирных договорах 1920 г. содержались установления о разделе архивов между Австрией и Чехословакией. На этом основании в Земельный чешский архив были переданы фонды венских центральных административных органов, касавшиеся чешской истории. Были образованы Архив министерства внутренних дел, Архив Пражского града, Архив по истории национального освобождения и др.

Оформление системы учреждений, занимавшихся историческими исследованиями, завершилось к I съезду чехословацких историков (1937). Общество чехословацких историков возникло сравнительно поздно — в 1935 г. и объединяло лишь профессионалов.

В рассматриваемый период ряд историков продолжали придерживаться «чистого позитивизма», считая себя последователями

Я. Голла. Однако единой школы Голла уже не существовало, так как усилился процесс ее дезинтеграции. В методологии наряду с позитивизмом и неопозитивизмом определенное влияние завоевал исторический материализм. У части ученых наблюдалось стремление применить системный подход, постичь существо исторического процесса, выявить основные тенденции общественного развития.

В буржуазной историографии межвоенного периода выделялись консервативное, либерально-демократическое и прогрессивное направления. На левом фланге немарксистской историографии заметную роль играла Историческая группа и З. Неедлы. В рассматриваемый период складывалась также марксистская наука.

Консервативное направление

Представителем правого крыла консервативного направления являлся ученик Голла **Йозеф Пекарж** (1870—1937). Он не создал своей школы, но, будучи автором учебников по истории, оказал заметное воздействие на формирование исторического сознания населения Чехословакии в межвоенный период.

Буржуазный субъективизм проявился у Пекаржа в заведомо тенденциозной оценке роли и значения гуситского движения («Жижка и его время», т. 1—4, 1927—1933). При характеристике Я. Жижки он использовал в первую очередь показания сторонних свидетелей и косвенных источников с тем, чтобы иметь возможность критиковать гусизм. Под влиянием послевоенного революционного подъема в стране Пекарж сначала оценивал гуситское движение как первую великую революцию во имя общечеловеческого прогресса, которая не была лишена социалистического и демократического содержания, писал, что гуситскому движению по силе, подъему и пафосу не было равных в Центральной Европе. Однако затем в работах Пекаржа это национальное, социальное и религиозное движение средневековья было сведено к национально-религиозному и рассматривалось как порожденное чешско-немецкими противоречиями и борьбой за исправление церкви. Смысл гуситского движения, значение его в чешской истории Пекарж стал видеть в национальном моменте. Гусизм, отмечал он, достиг своей цели — подорвал позиции немецкого элемента среди духовенства и в чешских городах.

Пекарж так и не смог объективно оценить ту эпоху во всех ее противоречиях и полноте, хотя и углубил разработку отдельных сторон проблемы. Испытав в начале своего творческого пути влияние Палацкого, Пекарж вскоре отверг строгий историзм и концепцию, высоко оценивавшую влияние гусизма на формирование «национального духа чехов». С правых консервативных позиций он резко высказался против воспеания историками бунта против государства и общества. По мнению Пекаржа, гуситская революция ослабила чешский народ и государство, расколола общество на католическое меньшинство и гуситское большинство, помешала развитию Чехии, прервав ее прежние связи с Европой.

Негативные последствия гусизма Пекарж усматривал в нарушении преемственности с «романо-католическим миром». Всю ответственность за последующее развитие страны он возлагал на таборитов, радикализм которых (и прежде всего Жижки) помешал в 1420 г. гуситам достичь соглашения с католической церковью и привел к опустошительным войнам. Из непонимания гусизма и отрицания его позитивного значения для развития самосознания чехов вытекало и отношение Пекаржа к Белой Горе («путь к Белой Горе шел через протестантов») и контрреформации.

Хотя основные свои работы Пекарж писал в духе буржуазного объективизма (подобно «Книге о поместье Кост»), в целом он, исследуя события и явления XVII—XVIII вв., оставался на позициях исторической схемы, в основе которой лежали католицизм и адология шляхты. Он приписывал последней только положительную роль в истории Чехии, преувеличивая ее вклад в дело национального освобождения. С тех же позиций Пекарж характеризовал аграрную реформу межвоенного периода, находя ее чрезмерно радикальной. Зачастую он идеализировал политическую систему Австро-Венгрии, переносил ответственность за притеснения с династии Габсбургов на исполнителей ее воли.

В названиях своих университетских лекций Пекарж часто употреблял такие понятия, как социально-классовое расслоение и социальные аспекты развития общества, однако из содержания этих лекций и его работ следует, что он недооценивал или игнорировал роль классовых противоречий в развитии общества. Пекарж считал, что закономерности исторического процесса и его основное содержание можно постичь, мысленно вжившись в эпоху, психологически проникнув в ее дух. В данном случае сказалось влияние Н. Бердяева и К. Лампрехта, которое чешский историк признавал и сам.

В работе «Белая Гора, ее причины и последствия» (1921) Пекарж дал свою трактовку поражения чехов в битве у Белой Горы. По его мнению, это событие и последовавшая за ним контрреформация не означали начала упадка. Пекарж стремился радикальным образом изменить взгляд на период «темноты», исходя прежде всего из развития культуры. Он всячески преувеличивал роль католицизма и «немецкого элемента» в развитии чешских земель, считал, что католицизм вселил в чехов дух надежды и веры и способствовал сохранению их как народа. Оценивая годы контрреформации как период «веры», Пекарж все более предвзятно относился к гуситскому движению. Он полагал, что за исключением византийского влияния в древний период чешская история в сущности являлась результатом воздействия Западной Европы и связей с ней.

Вслед за Голлом Пекарж игнорировал внутренние социально-экономические и политические факторы развития чешского народа. Антидемократизм, апология католицизма, шляхты и влияния Запада, философско-исторический иррационализм, негативная оценка роли революций в истории — все эти черты концепции Пекаржа

были после мюнхенской катастрофы использованы оккупационными властями и коллаборационистами. В трудах Пекаржа наглядно проявился кризис методологии буржуазной историографии межвоенного периода.

Другой крупной фигурой консервативного направления и последователем Голла был **Йозеф Шуста** (1874—1945). В ранних его работах рассматривались проблемы аграрной истории средневековья (развитие крупного поместья, урбарии и др.). Шуста занимался преимущественно политической, культурной и социально-экономической историей Чехии периода развитого феодализма. Сущность социально-экономических процессов этого периода он усматривал в переходе от натурального к денежному хозяйству, считая главным источником такого развития рост добычи серебра в Чехии. Шуста выразил сомнение по поводу концепции Палацкого о массовом притоке немецкого элемента в Чехию в XIII в. Он доказал ненаучность утверждения немецкой историографии, что немецкий элемент имелся на территории Чехии еще до прихода сюда славян, а в XIII в. по численности превзошел славянское население. Шуста в «Книгах по чешской истории» (т. 1—2, 1917—1919, 2-е изд. — 1926) и «Чешской истории» (т. 1—4, 1935—1948) с позитивистских позиций многосторонне осветил правление последних Пршемысловичей и расцвет Чешского государства при Карле IV. В многотомном исследовании охвачен период с 1300 по 1356 г. Вслед за Голлом Шуста акцентировал при этом романское влияние на развитие чешских земель.

Им исследовались также общие вопросы развития капитализма и истории Европы нового времени. В 1924—1931 гг. вышел его труд о политике великих держав в 1871—1914 гг. (т. 1—6). Шуста считал, что генезис капитализма был обусловлен духовной, нематериальной сферой, и выводил (вслед за М. Вебером) капитализм из так называемого капиталистического духа протестантской этики. Современный ему капитализм он рассматривал как империализм и связывал появление последнего с промышленной революцией XIX в. Из черт, присущих империализму, Шуста выделял такие, как борьба за мировое господство, за рынки и колонии, монополизация, рост роли банков, и признавал усиление неравномерности развития капиталистических стран.

Шуста считал, что результаты исследования во многом зависят от мировоззрения историка. Сам он был скорее сторонником историко-эмпирического метода, настороженно относившимся к теории, к оценочным моментам и обобщениям позитивизма. Шуста утверждал, что последний, будучи слишком генерализующим и гипотетичным, пытается все своеобразие исторического процесса загнать в смиренную рубашку нескольких социологических формул.

В условиях революционного подъема, вызванного Великим Октябрем, острых классовых противоречий и социальной напряженности, особенно в 30-е годы, Шуста в соответствии с установкой Масарика идентифицировал первую мировую войну и национально-освободительную борьбу с революцией.

Наиболее видными представителями либерально-демократического направления были К. Крофта и Б. Мендл.

Камил Крофта (1876—1945), представитель второго поколения учеников Голла, являлся одним из немногих буржуазных историков, чье творчество было проникнуто прогрессивным духом. В течение ряда лет в составе экспедиции чешских ученых он изучал материалы Ватиканского архива. На основе лекций, прочитанных Крофтой в Карловом университете, возникла в 1920 г. его работа по истории крестьянства Чехии и Моравии (она доведена до 1848 г.). В ней рассмотрено положение крестьян (главным образом правовое), охарактеризованы основные формы их зависимости. Исходя из юридического отношения крестьян к земле, Крофта выделил категории крестьян по таким признакам, как степень обеспеченности землей, временное или наследственное право на владение ею. Этот анализ сохранил свое научное значение до настоящего времени.

В монографии «Жижка и гуситская революция» (1936) Крофта выступил с критикой в адрес Пекаржа, в защиту позитивной роли гуситского движения в чешской истории. В трактовке гуситского движения он учитывал не только религиозные и национальные, но и социальные и антифеодальные моменты. Крофта аргументированно оспорил оценку Пекаржем Жижки как фанатика и «громилы», деятельность которого была якобы лишена антифеодальной направленности. В книге подвергнута критике концепция гусизма, которую отстаивал Пекарж, и сделана попытка рассмотреть с позиций буржуазного демократизма сильные и слабые стороны этого движения, а также его последствия.

Крофта опроверг утверждение Пекаржа, что «хаос» в развитии чешского общества в XVI в. и поражение в битве у Белой Горы были обусловлены гусизмом и реформацией. Он увидел позитивные стороны истории Чехии между гуситским движением и поражением у Белой Горы, подчеркивал значение таборитов и их программы. Крофта считал, что чешская культура, достигшая вершины в творчестве Я. А. Коменского, выросла на гуситской почве, что период гусизма был апогеем культурного развития страны. Он рассматривал гусизм в общеевропейском контексте и отмечал, что Чехия не могла в силу своего положения оставаться в стороне от социально-политической и религиозной борьбы в Европе.

Крофта считал принципиально важным подход к контрреформации и «послебелогорскому католицизму» и был убежден, что нельзя преувеличивать роль последнего в развитии чешского общества. Он внес вклад в разработку истории борьбы чешского народа за независимость и чешско-немецких взаимоотношений. В обзорном очерке истории Чехословакии (1931) он коснулся основных аспектов новейшего ее периода, тогда как большинство буржуазных авторов исследовали только новую историю.

Бедржих Мендл (1892—1940) известен как специалист в области социально-экономической истории средневековья. Он был учеником Шусты и Пекаржа, испытал заметное влияние французских социологов, а также М. Вебера. Мендл считал Октябрьскую революцию вехой в развитии всемирной истории, проявлял интерес к историческому материализму, хотя и был далек от понимания и применения его как метода исследования.

В работах по истории Праги Мендл впервые поднял проблему социального кризиса чешского города накануне гуситского движения. Исследуя, каким образом социально-экономические отношения влияли на позицию различных слоев населения Праги, он пришел к выводам, опровергавшим представления о социальной гармонии в чешских городах, существовавшие в буржуазной историографии. При рассмотрении положения ремесленников, усиления дифференциации различных слоев населения Мендл приблизился к классовому пониманию социальных конфликтов и расширил трактовку предпосылок гуситского движения.

Исследуя генезис городов, Мендл учитывал, в отличие от большинства буржуазных ученых, не только правовые, но и экономические аспекты. На примере Праги он показал, что развитие средневекового города — это длительный процесс, который начался еще до предоставления городу привилегий и был обусловлен сдвигами в экономике славянского торгового поселения, происходившими с X в. Мендл не связывал появление городов с оформлением так называемого нюрнбергского городского права в XIII в., как это делала немецкая историография. В работе о немецком праве он показал, что в Чехии городское право формировалось постепенно на основе различных местных и иностранных правовых источников и не было прямо заимствовано из Нюрнберга. Работы Мендла выявили наряду с притоком в Чехию в XIII в. переселенцев из соседних немецких областей большой размах внутренней колонизации силами местного славянского населения на основе немецкого права.

К проблеме образования Чехословацкой республики обратился **Ян Опоченский** (1885—1961), автор ряда работ, в том числе монографии о развале Австро-Венгерской монархии (1928). Это его исследование способствовало утверждению в буржуазной науке точки зрения о закономерности краха Габсбургской империи, завершившегося появлением в Центральной и Юго-Восточной Европе ряда новых государств. Опоченский следовал при этом официальной концепции создания буржуазной республики, считая, что Чехословакия своим рождением обязана деятельности эмиграции во главе с Масариком.

Работы самого Масарика («Мировая революция», 1925) и Э. Бенеша («Мировая война и наша революция», 1927) определили подход большинства буржуазных историков к проблеме борьбы за независимое государство. Создание его стало возможным, по их мнению, только вследствие заслуг Масарика и помощи США и западных держав чехословацкой эмиграции в годы первой

мировой войны. С этих позиций написана работа Ф. Пероутки о создании основ чехословацкой государственности (т. 1—4, 1934—1936). Для буржуазной историографии был характерен такой подход к исследованию комплекса вопросов революционной и национально-освободительной борьбы, при котором изучались главным образом политические аспекты первой мировой войны и образования независимых государств, тогда как революционное движение игнорировалось. Борьба трудящихся и влияние революционных событий в России не рассматривались как один из главных факторов создания Чехословацкого государства. Путь революционных преобразований буржуазные историки (Опоченский, Пероутка и др.) считали «не подходящим для цивилизованных стран».

Прогрессивное направление в немарксистской историографии

В середине 30-х годов как реакция на кризис буржуазного историзма оформилось прогрессивное направление в немарксистской историографии. Несколько историков младшего поколения, находившихся в оппозиции к официальной историографии и в той или иной степени сближавшихся с рабочим движением и зарождавшейся марксистской историографией, объединились в 1936 г. в Историческую группу. В нее входили Я. Вавра, В. Гуса, О. Ржига, Я. Харват и др. До мюнхенской катастрофы они успели подготовить и издать три сборника «История и современность». Они высказывали неудовлетворенность оторванностью школы Голла от актуальных проблем современной общественной борьбы, отмечали методологическую беспомощность буржуазной историографии и скептически оценивали возможности ее выхода из кризисного состояния.

Наиболее сильными сторонами в деятельности группы были отрицание позитивизма, критика взглядов Пекаржа, стремление осмыслить исторический процесс с позиций, близких к историческому материализму. Отвергнув позитивизм школы Голла, ее эмпиризм и простое описание событий, Историческая группа сосредоточила свои усилия на методологии. На заседаниях группы дискутировались такие вопросы, как марксистское понимание исторического процесса и классовой борьбы, социальная психология и психоанализ, развитие социологического позитивизма и структурализма и др. Историческая группа сблизилась с марксистскими публицистами (в ее работе принимал активное участие К. Конрад).

Однако в целом представления группы о марксизме были еще упрощенными, она лишь формально выдвигала на первое место социально-экономический фактор. Сказывалось влияние на нее школы «Анналов» (часть членов группы сотрудничала с историками этой школы), подчеркивавшей, что изучение истории с социально-экономической стороны не более важно, чем с морально-психологической, политической и культурной сторон.

Заслугой Исторической группы, и прежде всего задававшего в ней тон В. Гусы, было преодоление трактовки классовой борьбы

как отрицательного фактора. Знаменательной в этом отношении была статья Гусы «Классовая борьба — табу чехословацкой историографии» (1937). Представители группы (прежде всего О. Ржигга) отвергли также тезис буржуазной историографии о том, что в основе исторического процесса лежит национальный фактор. В годы оккупации они совместно с писателем В. Ванчурой создали литературно-историческую эпопею «Зарисовки по истории чешского народа» (т. 1—2, 1939—1940), вдохновлявшую патриотов на борьбу с фашизмом. В послевоенный период члены группы перешли на позиции марксистской методологии.

3. Неедлы в немарксистской историографии межвоенного периода занимал место на левом крыле. Одним из первых он выступил с критикой позитивизма школы Голла, а также историко-философских взглядов Масарика. Осознав ограниченность позитивистской методологии, он видел задачу историков не в простом фиксировании фактов, а в выяснении закономерностей. Он усилил демократические аспекты концепции Палацкого и выдвинул на первый план роль народных масс и социальных революций в истории. Под влиянием Великого Октября Неедлы выступил против отождествления подлинной демократии с буржуазной демократией. В основанном им в 1921 г. журнале «Vag» («Вар») Неедлы высказал убежденность, что вместо отжившего буржуазного строя наступит социалистический. Оставаясь на позициях сформулированного им революционного демократизма, ученый принял сторону рабочего и коммунистического движения.

Оценку ключевых вопросов прошлого Чехии Неедлы давал через призму современности, и прежде всего Великой Октябрьской социалистической революции. Именно с ней Неедлы связывал подъем революционного движения народных масс и образование Чехословацкой республики. В статье «О национальной историографии» (1918) он выдвинул требования определить основные задачи исторической науки, выяснить соотношение роли народных масс и личности в истории. Выход из кризиса буржуазной историографии Неедлы видел в «коллективистском» подходе к исследованию исторического процесса, в изучении прошлого как истории простого народа.

К этому вопросу он неоднократно возвращался в 1920—1930-е годы, работая над многотомными монографиями о Б. Сметане, Т. Масарике и В. И. Ленине. Их деятельность он пытался раскрыть на широком социальном фоне эпохи. Для его подхода к истории была характерна также склонность к обобщениям. Однако Неедлы не смог преодолеть полностью влияния позитивизма, а отчасти и романтизма. Им переоценивалось влияние Масарика на развитие чешской науки. Сказывалось и тяготение к второстепенным фактам и деталям.

После оккупации страны гитлеровцами Неедлы эмигрировал в Советский Союз, где активно включился в научную и преподавательскую работу в Институте истории АН СССР и в Московском университете. Неедлы был одним из создателей и активных дея-

телей Всеславянского комитета, в его выступлениях развивалась идея славянской солидарности, имевшая большое значение для мобилизации сил славянских народов на борьбу с нацистской агрессией. Заметным вклад Неедлы в уточнение стратегии и тактики национально-освободительной борьбы народов Чехословакии. Дальнейшую судьбу своей Родины он неразрывно связывал с миссией рабочего класса и его коммунистического авангарда как выразителей национальных интересов. Пребывание в СССР активизировало процесс формирования марксистских взглядов Неедлы.

Марксистское направление

Зарождение марксистского направления в чехословацкой историографии было заслугой КПЧ. На страницах периодических и теоретических изданий партии «*Rudé právo*», «*Komunistická revue*», «*Tvorba*», «*Levá fronta*» в борьбе с позитивистской традицией материалистическое понимание истории развивали Б. Шмераль, Я. Шверма, К. Конрад. Активный деятель Коминтерна и один из создателей и руководителей КПЧ, Богумир Шмераль (1880—1941) в ряде своих выступлений наметил контуры марксистской концепции национальной истории. Его работа «Палацкий и наше время» (1938) была посвящена защите демократических аспектов концепции Палацкого от нападок последователей Пекаржа и историков католической ориентации. Шмераль подчеркнул позитивный вклад Палацкого в изучение национальной истории. Анализ патриотических взглядов Палацкого звучал весьма злободневно в дни, когда над Чехословакией нависла угроза утраты независимости.

Существенный вклад в создание марксистской концепции национальной истории внес Ян Шверма (1901—1944). Важное значение имела его работа «Чешский вопрос в свете марксизма» (1933). Шверма писал, что политика чешской буржуазии всегда была направлена против пролетариата и определялась готовностью пожертвовать национальными интересами в угоду своим экономическим и классовым интересам. В период империализма, отмечал он, основой решения национального вопроса становится революционная борьба масс против национального и социального угнетения, общедемократические задачи решаются пролетариатом в борьбе за собственное освобождение. Шверма глубоко анализировал позицию, которую занимала национальная буржуазия накануне и в период первой мировой войны.

Одним из первых в чешской историографии Шверма выдвинул тезис о Великом Октябре как определяющем факторе создания независимой Чехословакии. Он считал, что без русской революции, без ее вдохновляющего примера, пробудившего национальное движение во всем мире, задача освобождения чешского народа не была бы решена. Во время второй мировой войны Шверма был одним из видных деятелей Московского центра чехословацкого движения Сопротивления. Он издал в Москве работу «Идея славянской взаимности в чешской политике» (1943).

Активно способствовал утверждению марксизма Курт Конрад (1908—1941), выступая против засилья буржуазных концепций в общественной мысли и культа Масарика. Анализируя кризис позитивистской методологии, он пришел к выводу, что даже взаимодействие буржуазной историографией элементов диалектики, применение ею сравнительно-исторического метода и попытки изучения социально-экономических аспектов общественного развития не предотвратят углубления этого кризиса. В противовес господствовавшим в буржуазной историографии идеалистическим представлениям Конрад в своих заметках о гусизме сформулировал задачу — вместо поисков таинственного «смысла национальной истории» исследовать «в духе Маркса» реальную жизнь людей, классовую борьбу в прошлом. Он углубил изучение гусизма в плане выяснения социально-экономических его основ, считая гуситское революционное движение проявлением кризиса феодализма.

Развитие исторической науки в Словакии

Становление и развитие словацкой историографии происходило прежде всего на базе Братиславского университета. В отличие от большинства представителей чешской буржуазной историографии, рассматривавших словаков с позиции этноцентризма как ветвь единой чехословацкой нации, часть словацких ученых отвергала взгляды на историю Словакии лишь как на привесок венгерской, а затем чешской истории, отмечала своеобразие и самобытность развития Словакии и расходилась во взглядах с проводниками идей чехословакизма.

Наиболее видный представитель словацкого позитивизма Даниел Рапант (род. — 1897) уже в одной из своих первых работ выступал за выделение истории Словакии из чехословацкой истории и выступал за признание словаков отдельной нацией. В качестве одного из аргументов Рапант приводил кодификацию словацкого литературного языка в XIX в. Процесс национального возрождения он трактовал с буржуазно-идеалистических позиций, сводя его к литературно-культурным аспектам.

Разработку проблемы словацкого возрождения Рапант продолжил в работах о мадьяризации Словакии и особенно в труде о словацком национальном движении в период революции 1848—1849 гг. В 1937 г. появился первый том этой работы, касавшийся «словацкой весны» 1848 г. В нем проявились слабые стороны позитивистской методологии — фактографизм и бессилие перед огромным объемом собранного материала. За изложением фактов терялась авторская мысль. В оценке Рапантом венгерской революции и роли в ней словацких деятелей сказались его национализм и буржуазный субъективизм.

Бранислав Варсик (род. — 1904) занимался словацко-чешскими связями в средние века. В одной из монографий (1932) он исследовал влияние гуситского движения на Словакию, историю Трнавского университета, осветив роль словацкого элемента в его раз-

витии. Существенный вклад внес Варсик в изучение проблемы возникновения городов в Словакии, их социально-экономической истории и национального состава их жителей. Он убедительно показал, что развитие словацких городов началось задолго до проникновения сюда немецких колонистов. Средневековый словацкий город и немецкую колонизацию изучал также Александр Гушчава (1906—1969), специалист в области палеографии.

* * *

Как видим, в межвоенный период и в годы второй мировой войны представители марксистского направления положили начало применению материалистического метода к изучению национальной истории. Что касается буржуазной исторической науки, то она не смогла преодолеть симптомов методологического кризиса. В оценке важнейших моментов истории страны четко выявились расхождения между консервативным и либерально-демократическим направлениями буржуазной историографии.

Глава 3

ЮГОСЛАВЯНСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ

Условия развития исторической науки

Политические и социально-экономические отношения в буржуазно-помещичьем Югославском государстве на протяжении всего межвоенного периода характеризовались острыми национальными и классовыми противоречиями, которые затрагивали все сферы жизни общества и влияли на историческую науку. Однако общие условия ее развития в целом улучшились. Наряду с существовавшими в Белграде и Загребе научными центрами появились новые. Значительно пополнились ряды историков, расширилась тематика исследований.

В 1927 г. было создано Югославское историческое общество. Его филиалы развернули свою деятельность в Белграде, Загребе, Любляне, а также в Нови Саде, Скопле и Цетинье. В 1938 г. в Любляне открылась Словенская академия наук и искусств. Продолжали свою деятельность Сербская академия наук и университет в Белграде, Матица сербская в Нови Саде, Югославянская академия наук и искусств и университет в Загребе.

Эти научные центры выпускали периодические издания. Среди них был и «Глас» — орган Сербской академии наук, имевший историко-филологическую серию. С 1921 г. историко-филологическое отделение философского факультета Белградского университета издавало сборники трудов по литературе, языку, истории и фольклору. Югославянская академия наук и искусства выпу-

скала ряд сборников «Rad» («Труд») и «Starine» («Древности»). Правда, по сравнению с предшествующими годами общее количество научных публикаций академии в межвоенный период сократилось. Статьи историков продолжали печатать старейшее научное издание «Летопись Матицы сербской». Появились и новые издания: «Записи» («Записки») в Цетинье и «Гласник Скопског научног друштва» («Вестник научного общества в Скопле»), также публиковавшие работы по истории. Сборники и альманахи со статьями по национальной истории выходили и в других городах страны.

Рост числа научных центров, периодических изданий и отдельных работ создавал картину оживления исторических исследований. Однако социально-политическая атмосфера буржуазного государства и слабая материальная база сдерживали развитие исторической науки. Созданный в 1935 г. Югославским историческим обществом «Југословенски историјски часопис» («Югославский исторический журнал») так и не стал изданием, которое освещало бы историю всех югославских народов. Областнический принцип исследований оставался определяющим на протяжении всего межвоенного периода. Проблематика их в масштабах страны не координировалась. Большая часть работ касалась частных вопросов. При этом преобладали сюжеты из истории средних веков и XIX в. В методологическом отношении югославская историография не поднялась выше уровня, которого она достигла в начале столетия.

В Югославии в межвоенный период работали многие русские ученые-эмигранты. Они следовали традициям русской буржуазной науки. Ими внесен заметный вклад в развитие вспомогательных исторических дисциплин: А. Соловьев и В. Мошин много сделали в области дипломатики и палеографии, Д. Сергиевский — в области нумизматики. Над проблемами византиноведения плодотворно работал Г. А. Острогорский (1902—1976). Русско-сербские и русско-черногорские связи изучал А. Л. Погодин. Исследованием истории права славянских народов занимался Ф. Тарановский.

В исторической науке межвоенной Югославии сложилось несколько направлений — буржуазно-консервативное, буржуазно-либеральное, реформистское и марксистское.

Буржуазно-консервативное направление

Одной из господствующих в официальной, буржуазно-консервативной, историографии была теория «интегрального югославянства». Адепты этой реакционной теории маскировали свои националистические, великосербские взгляды идеями единства югославских народов, приобретшими популярность в годы первой мировой войны. Во главе этого направления стояли два сербских историка — Владимир Чорович (1885—1941) и Слободан Йованович (1869—1958).

Чорович откровенно проповедовал идеологию великосербской буржуазии. Он был автором «Истории Югославии» (1933) —

единственного в межвоенный период обобщающего труда по истории страны. Книга имела компилятивный характер. В ней рассматривались главным образом события политической жизни югославянских земель с древнейших времен до 1929 г. В основу периодизации истории Чорович положил годы правления династий и отдельных их представителей, что даже с точки зрения буржуазной науки тех лет было анахронизмом.

Вкладом Чоровича в развитие науки явились его насыщенные фактическим материалом работы, тематический диапазон которых весьма широк. Это исследования по истории Боснии и Герцеговины в средние века и в XIX в. «Лука Вукалович» (1923) и «Король Твртко (I) Котроманич» (1925), книга о внешней политике Сербии накануне первой мировой войны «Отношения Сербии и Австро-Венгрии в XX веке» (1936).

Ряд исследований по истории Сербии XIX — начала XX в. написал Йованович, политический деятель и ученый. Он поднял огромный фактический материал, значительная часть которого была впервые введена им в научный оборот. Фактологическая ценность ряда его работ сохраняется и поныне. К ним относятся монографии «Второе правление Милоша и Михаила» (1923), «Правление Милана Обреновича» (т. 1—2, 1925—1927), «Правление Александра Обреновича» (т. 1—2, 1929—1931) и др. Однако в этих работах отразились монархические взгляды Йовановича, его враждебность марксизму.

Буржуазно-либеральное направление

К буржуазным либералам принадлежала большая часть югославских историков межвоенного периода. Прикрываясь лозунгом «чистой науки», они выступали с позиций буржуазного объективизма. Одной из главных проблем, которой занимались сербские историки-либералы, являлось Первое сербское восстание.

Группа Якшич (1871—1955) опубликовал в 1927 г. монографию «Европа и возрождение Сербии», содержащую дипломатическую историю Первого и Второго сербских восстаний. Душан Пантелич в трех книгах охарактеризовал положение в Белградском пашалыке в 1788—1804 гг., т. е. накануне Первого сербского восстания. Василь Попович (1887—1941) в ряде работ по истории международных отношений на Балканах предпринял попытку связать сербский вопрос с развитием Европы и с Французской буржуазной революцией конца XVIII в. Он занимался также исследованиями по Восточному вопросу.

Никола Радойич обогатил историографию Первого сербского восстания небольшими, но богатыми по материалу исследованиями о Досифее Обрадовиче, организаторе восставшего народа и др. Васа Чубрилович (род. — 1897) опубликовал книгу «Первое сербское восстание и боснийские сербы» (1939). Все эти историки подчеркивали национально-освободительный характер Первого сербского восстания, недооценивая его социальное значение.

Самым значительным достижением сербских буржуазно-либеральных историков в области истории нового времени явилось создание по инициативе и под руководством Станое Станоевича (1874—1937) серии трудов под общим названием «Сербский народ в XIX веке» (кн. 1—19), которая увидела свет в 30-е годы. Авторами одних ее книг были историки, других — политические и военные деятели. Г. Якшич (1871—1955) в двух первых книгах серии рассмотрел вопросы борьбы сербского народа за автономию с конца XVIII до 30-х годов XIX в. и осветил политическую историю Сербии середины XIX столетия. Я. Проданович (1867—1948) написал книгу о конституционном развитии Сербии. Некоторые книги были посвящены истории сербского населения в Хорватии, Боснии и Герцеговине, Воеводине, Южной Сербии. Несколько особняком стояли работы по черногорской истории с конца XVIII в. до 1918 г., в которых она рассматривалась как часть сербской истории. Ряд книг серии касались военной и дипломатической истории Сербии и Черногории до 1918 г., а также проблем борьбы югославянских народов за создание единого государства в годы первой мировой войны.

Значительным событием в общественной жизни страны явилось издание в 1924—1929 гг. под редакцией Станоевича «Народной сербско-хорватско-словенской энциклопедии» (т. 1—4). Это был своеобразный обобщающий труд по культурной и политической истории народов Югославии.

Продолжалась разработка проблем средневековой истории. Под редакцией Йована Радонича было осуществлено многотомное издание документов, среди которых богато представлены архивные материалы Дубровника.

Йован Иванович (1869—1939) опубликовал ряд трудов по новейшей истории: «Создание единого государства сербов, хорватов и словенцев» (т. 1—3, 1928—1930), «Дипломатическая история новой Европы» (т. 1—2, 1938—1939) и др. В этих исследованиях, редких для межвоенного периода по своей тематике, широко использованы официальные документы и мемуарная литература.

Многие работы хорватских историков буржуазно-либерального направления были связаны с 1000-летием провозглашения Хорватского королевства и 100-летием национального возрождения (эти юбилеи отмечались соответственно в 1925 и 1935 гг.). Наиболее значительные из них — «Сборник о короле Томиславе» (первом короле Хорватии), подготовленный Югославянской академией наук и искусств, и «Сборник Матицы хорватской о тысячелетии Хорватского королевства». Среди юбилейных работ выделялись «Обзор хорватской истории» Л. Катича (1938) и «Культура хорватов за 1000 лет» И. Хорвата (т. 1—2, 1942).

Для развития исторической науки Хорватии было характерно преобладающее внимание к средневековью, что объяснялось в известной мере задачами борьбы с великосербским гегемонизмом. Ведущим хорватским медиевистом в межвоенный период был Фердо Шишич (1869—1940). Главный его труд — «История хорва-

тов во времена народных правителей» (1925). Но средневековой историей сфера интересов Шишича не ограничивалась. Им были изданы «Корреспонденция Рачки—Штроссмайер» (т. 1—4, 1928—1934) и сборник «Документы о возникновении Королевства Сербов, Хорватов и Словенцев» (1919). Большое влияние на хорватских исследователей оказывала католическая церковь. Межвоенная хорватская буржуазная историография так и не превзошла уровень, достигнутый перед первой мировой войной.

На более высокую ступень поднялась после 1918 г. историческая наука Словении, чему в немалой степени способствовало открытие Люблянского университета и Словенской академии наук и искусств, выросшей из Общества гуманитарных наук. Для буржуазно-либеральных словенских историков в межвоенный период также было характерно преимущественное внимание к средневековым сюжетам. Большой вклад в изучение истории словенцев внес Милко Кос (1892—1972). Он занимался средневековой историей, исследуя проблемы аграрных отношений, миграции населения, культуры. Наиболее крупным его трудом была «История словенцев от поселения до реформации» (1933). Словенские историки уделяли некоторое внимание также социально-экономической проблематике, национально-освободительному движению, истории словенского народа в XIX—XX вв.

На межвоенный период падает расцвет научной деятельности Ивана Приятеля, испытавшего большое влияние позитивистского метода А. Н. Пыпина. Главный труд Приятеля «Культурная и политическая история словенцев. 1848—1895» (т. 1—5, 1938—1940) является, по сути, историей словенской общественной мысли за указанный период. Эта работа сохранила значение до настоящего времени.

В конце 20-х — начале 30-х годов появились первые работы Ф. Цвиттера (род. — 1905) «Старейшие краинские города и горожане» (1929), «Истоки политики иллиризма и Иллирийские провинции» (1933).

Развитие исторической науки в Боснии и Герцеговине, Черногории и Македонии тормозилось отсутствием национальных кадров историков и политикой великосербской буржуазии, мало заботившейся о культурном развитии этих регионов. Несколько благоприятнее были условия в Боснии и Герцеговине. Среди буржуазно-либеральных исследователей истории этих земель заслуживает упоминания В. Скарнич, автор изданной в 1937 г. книги по истории Сараева и его окрестностей с древнейших времен до австро-венгерской оккупации.

Марксистское и реформистское направления

Немногочисленные сочинения, представлявшие марксистское направление, принадлежали не профессиональным историкам, а публицистам Компартии Югославии, которые рассматривали актуальные проблемы современной им истории и вели борьбу не

только с буржуазными учеными, но и с правыми социалистами, представлявшими реформистское направление в историографии.

Становлению марксистского направления содействовали труды руководителей и активистов КПЮ. В работе Августа Цесарца (1893—1941) «Степан Радич и республика» (1925) рассматривались острейшие вопросы политической жизни Югославии того времени. Актуальным проблемам были посвящены и другие публицистические произведения Цесарца — «Бывший император Карл», «Национальный вопрос и наши задачи», «Алия Алиягич», «Светозар Прибичевич».

Среди работ деятелей КПЮ — монография Э. Карделя (Сперанса) (1910—1979) «Развитие словенского национального вопроса» (1939). В ней рассматривались основные моменты становления и развития словенской нации, а также вопросы межнациональных отношений в Югославии в межвоенный период.

Поньше сохраняют научную ценность работы Веселина Маслеша (1906—1943) «Молодая Босния» и «Светозар Маркович» (обе 1945).

Один из основателей КПЮ Филип Филипович (1879—1938) в начале 20-х годов написал книгу «Развитие общества в свете исторического материализма». Позже, будучи в эмиграции в Советском Союзе, он создал ряд работ, опубликованных под псевдонимом Б. Бошкович, в том числе книги: «Крестьянское движение и национальный вопрос в Югославии» (1929), «Малая Антанта» (1934), «Балканы и международный империализм» (1936). Эти работы способствовали распространению марксистских идей, воздействовали на мировоззрение ряда прогрессивных историков Югославии.

Реформистские авторы активно занимались вопросами истории рабочего движения. Д. Лапчевич опубликовал «Историю социализма в Сербии» (1922), В. Корач — «Историю рабочего движения в Хорватии и Славонии» (т. 1—3, 1929—1933), А. Кристан издал книгу «О рабочем и социалистическом движении в Словении до образования Югославянской социал-демократической партии (1848—1896)» (1927). Эти работы несли на себе печать оппортунизма.

В период второй мировой войны ряд историко-публицистических статей, написанных руководителями народно-освободительной борьбы, напечатала выходившая на освобожденной территории газета компартии «Борба». В 1944 г. в освобожденном Белграде был издан сборник произведений Иосипа Броз Тито (1892—1980) «Борьба за освобождение Югославии. 1941—1944».

* * *

В силу характера югославского многонационального буржуазно-помещичьего государства, раздираемого социальными, национальными и религиозными противоречиями, в стране отсутствовали условия для возникновения общегославской историографии.

Великосербские идеи «интегрального югославянства» потерпели крах. Развитие историографии в межвоенный период шло, как и раньше, в рамках исторических регионов. Сербские, хорватские, словенские историки добились в межвоенный период некоторых успехов в изучении прошлого своих народов. Усилиями коммунистов — представителей единственной общегославской партии в многонациональной Югославии закладывались основы марксистской историографии.

Глава 4

БОЛГАРСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ

После первой мировой войны наряду с ростом демократических тенденций и влияния марксизма-ленинизма в болгарской историографии усиливалось консервативно-реакционное течение. Нарастание классовых противоречий в стране и переход реакционных кругов болгарской буржуазии к военно-диктаторским и фашистским методам правления углубляли идейно-политическую борьбу в болгарской исторической мысли.

Буржуазная историография

В буржуазной историографии в межвоенный период отчетливо выделились два главных направления — буржуазно-либеральное и консервативно-реакционное. Ведущая роль принадлежала буржуазно-либеральному направлению, представители которого до конца 20-х годов занимали ключевые позиции в науке. Если в начале 20-х годов ведущие центры — Софийский университет и Болгарская АН — находились в оппозиции к радикальному мелкобуржуазному правительству А. Стамболийского, то с середины 30-х годов они оказывали сопротивление фашиствующим правительственным кругам, стремившимся превратить университет и академию наук в орудия официальной идейно-политической обработки общества.

Характерной чертой болгарской историографии стало активное развитие публицистики, представленной книгами, памфлетами и статьями Р. Даскалова и других видных деятелей Болгарского земледельческого народного союза (БЗНС), а также документальными публикациями, разоблачавшими политику правобуржуазных правительств, приведших страну к двум национальным катастрофам. Трактовку важнейших событий отечественной истории с позиций идеализма, национализма и классового мира пытался дать Я. Саказыов.

Происходило дальнейшее развитие организационных основ болгарской исторической науки. Ее главным центром оставался Софийский университет, где в 1919—1921 гг. были образованы новые исторические кафедры. Продолжал издаваться «Годишник»

(«Ежегодник») историко-филологического факультета. Создание в 1920 г. в Софии Балканского ближневосточного института политических наук (Свободного университета), готовившего специалистов по экономике, внешней торговле и международному праву, способствовало разработке новых курсов по истории Болгарии, истории государства и права, истории международных отношений и всеобщей истории. В «Годишнике» этого Института также печатались исторические труды.

Значительными успехами была отмечена деятельность Исторического общества. С 1923 г. в его состав вошли учителя истории и краеведы из тех городов страны, где были созданы отделения общества. Обществом издавались «Известия», в 1928—1933 гг. выходил в свет кварталник «Българска историческа библиотека», где публиковались в основном научно-популярные работы, написанные ведущими историками. Историческая тематика занимала большое место в периодических изданиях, посвященных региональным и краеведческим проблемам.

В методологии буржуазной исторической науки наиболее прочные позиции удерживал позитивизм, с одной стороны испытывавший возрастающее влияние марксистской мысли, а с другой — сопротивлявшийся попыткам внедрить в науку субъективно-идеалистические идеи. Большинство буржуазных историков считали своей главной задачей не методологические построения, а поиски и издание отечественных и иностранных источников по истории Болгарии, накопление и уточнение фактов.

Тематика исследований оставалась ограниченной. Малочисленность научных кадров и учреждений, слабая материальная поддержка со стороны государства, методологический разброд и узость источниковой базы не позволяли болгарским ученым приступить к созданию целостной концепции национальной истории и написанию обобщающих трудов.

В центре внимания буржуазной историографии, как и прежде, была история национального возрождения. Подход к основным проблемам этого периода можно считать своеобразным «пробным камнем» при определении идейно-политической направленности исследований. Известная радикализация оценок была характерна для послевоенных трудов Д. Страшимирова. В статье «Комитетское десятилетие» (1930) он подверг критике попытки некоторых ученых представить революционное движение изолированным от других общественно-политических и культурных аспектов национального возрождения, подчеркнул неразрывную связь между становлением национального самосознания и культуры и подъемом революционной борьбы. К схожим выводам пришел в конце своей научной деятельности И. Шишманов. В посмертно опубликованном труде «Введение в историю болгарского возрождения» (1930) он указал на преемственность истории национально-освободительного движения и его революционный характер.

Еще одним выразителем прогрессивных тенденций в изучении национального возрождения был Боян Пенев (1882—1927). Вен-

цом его творчества стала посмертно изданная «История новой болгарской литературы» (т. 1—4, 1930—1936). В ней содержались яркие характеристики Паисия Хилендарского, Г. С. Раковского, Л. Каравелова и других идеологов национального возрождения. Обращаясь к изучению идейных предпосылок возрождения, Пенев избегал проводить прямую связь между развитием в болгарских землях капиталистических отношений и становлением национального самосознания. В его понимании экономические процессы были лишь факторами социально-психологических изменений, которые и вели к сдвигам в общественной жизни.

К этой позиции был близок М. Арнаудов, опубликовавший монографию о Неофите Бозвели, В. Априлове, Раковском и других видных деятелях национально-освободительного движения.

Признанным главой буржуазной историографии и крупнейшим представителем болгарской медиевистики оставался Васил Златарский. Он продолжал работать над «Историей Болгарского государства в средние века». Наиболее фундаментальной в этом сочинении стала вторая часть первого тома (1927), охватывавшая 852—1018 гг. Автор подробнейшим образом осветил политическую историю Первого Болгарского царства и его место в международных отношениях. Но игнорирование социально-экономических факторов привело Златарского к отдельным неправильным выводам. Так, не видя коренных изменений в болгарском обществе IX в., повлекших за собой принятие христианства в качестве государственной религии, он считал крещение болгар результатом сложной международной конъюнктуры и победы славянского элемента над протоболгарским во внутривосточной жизни страны.

Большой заслугой Златарского было восстановление богатой соботями картины болгаро-византийских отношений во второй половине IX—X в. Однако в его очерке внутреннего состояния болгарского общества накануне византийского завоевания ярко проявились недостатки позитивистского метода исследования. Златарский объяснял все политические коллизии в болгарском обществе борьбой между «азиатским монархизмом», «византизмом» и «славянским демократизмом». Затронув отдельные вопросы классовой борьбы, он увидел в ней лишь сопротивление славянских происхождению народных масс византийскому влиянию, проникавшему в страну с помощью потомков протоболгарской знати.

Во втором томе своего труда (1934) Златарский исследовал один из наименее изученных в то время периодов болгарской истории — эпоху византийского господства. Книга опиралась на огромный фактический материал. Специфика темы заставила Златарского уделить более пристальное внимание положению болгарского народа под властью Константинополя и антивизантийской борьбе, но и здесь он не вышел за рамки схемы сопротивления «демократического славянского общества» влиянию Византии.

Не заверченный автором третий том «Истории...», охвативший 1185—1280 гг., вышел в свет в 1940 г. посмертно. В нем рассмат-

ривались прежде всего вопросы международного положения Второго Болгарского царства. Да и подробный очерк крестьянского восстания во главе с Ивайлой, Златарский и в этом проявлении классовой борьбы увидел лишь сопротивление «низших слоев» общества византийскому влиянию и произволу татар.

Златарский публиковал также отдельные исследования по спорным вопросам истории болгарского средневековья, источниковедческие этюды. О попытке его выйти за рамки средневековья и создать обобщающий труд по национальной истории свидетельствовали работы, посвященные эпохе османского владычества, борьбе болгар против иноземного гнета. Ряд документальных публикаций и статей Златарского касались вопросов истории и историографии национального возрождения.

Научное творчество Златарского, в особенности его «История...», является вершиной болгарской академической науки межвоенных лет. В нем отразились как ее положительные черты (кропотливые поиски, публикация и интерпретация отечественных и иностранных источников, установление фактов политической истории, строгий академизм и непредвзятость заключений), так и явные недостатки (методологическая несостоятельность, игнорирование социально-экономических проблем, неспособность создать цельную концепцию национальной истории).

Учеником Златарского и продолжателем его дела был **Петр Мутафчиев** (1883—1943). После смерти своего учителя он являлся признанным главой болгарских историков. Мутафчиев был византистом по своей научной подготовке, предмет его научных интересов составила политическая история средневековой Болгарии, неразрывно связанная с византийской историей. Ему принадлежат работы о причерноморских, придунайских и юго-западных областях Болгарского феодального государства, болгаро-русских отношениях, по источниковедению, археологии и эпиграфике. Мутафчиев с подчеркнутым интересом разрабатывал проблемы формирования государственной территории средневековой Болгарии, зачастую вступая в острую полемику с представителями буржуазной науки соседних стран.

Отличительной чертой научного творчества Мутафчиева являлись попытки выработать обобщенную концепцию истории болгарского средневековья. Смерть оборвала его работу над двумя крупными сочинениями — «Историей болгарского народа» (т. 1—2, 1943) и «Книгой о болгарях» (не издана). В них он развивал свои взгляды на смысл и характер средневековой истории. Его концепция носила идеалистический характер. Сложные перипетии болгарского средневековья рассматривались им через призму византийского и западноевропейского влияний. Отрицая существование феодализма в Болгарии, Мутафчиев считал, что развитие страны определялось борьбой патриархального местного быта с разрушительным воздействием «византизма». В «Истории болгарского народа» проводилась идея о роли великих личностей как «живой творческой силы» исторического процесса. Попытки Мутафчиева

преодолеть идеографический подход к прошлому и создать обобщенное представление о нем свидетельствовали о кризисных тенденциях в развитии позитивистской историографии в Болгарии.

Крупной фигурой в науке межвоенного периода был **Петр Ников** (1884—1938). В центре его внимания находилась история Второго Болгарского царства. Его главные труды посвящены болгаро-венгерским и болгаро-татарским отношениям, истории северозападных болгарских земель в XIII—XIV вв. Впервые в болгарской историографии Ников приступил к изучению эпохи османского завоевания. Выдвинув идею издания корпуса источников по истории средневековой Болгарии, он активно занимался ее реализацией, отдал много времени и сил архивной работе, ввел в научный оборот ряд важнейших источников.

Значителен вклад Никова в изучение истории национального возрождения. Первым из болгарских историков он написал обобщающую работу о национально-церковном движении, показав его политический и национально-освободительный характер. Однако в этом труде недооценивались социально-экономические факторы развития болгарского общества, все события объяснялись идеалистическими мотивами. Считая основной причиной возникновения церковно-национального движения идею создания самостоятельной болгарской церкви, опиравшуюся на средневековую традицию и развитую Паисием Хилендарским, а также другими идеологами раннего этапа национального возрождения, Ников не видел классового характера борьбы за национальную церковь, ее движущих сил.

Кризис болгарской буржуазной историографии привел к появлению ряда трудов по истории болгарской экономики, написанных под воздействием материалистического понимания процесса общественного развития. Среди них выделялись работы **Ивана Сакизова** (1895—1935). Он был хорошо знаком с марксистской литературой, придерживался материалистических взглядов на историю. Длительная работа в итальянских и дубровницких архивах позволила ему ввести в научный оборот массу документов о внешне-торговых связях средневекового Болгарского государства. Сакизову принадлежит приоритет в использовании многих болгарских и византийских источников. Его труд по истории болгарского хозяйства, опубликованный в Берлине на немецком языке (1929), создавал цельную и в общих чертах достоверную картину экономического развития Болгарии с древних времен до освобождения от османского ига. Однако Сакизов не связывал социально-экономические процессы с политическим развитием болгарского общества, не видел последовательной смены общественных формаций. Подобные методологические недостатки были присущи и работам Ю. Юрданова по истории болгарской торговли с древних времен до 1878 г.

Большое значение для развития исторической науки имело издание древнеболгарских письменных памятников. Продолжалась научная и публикаторская деятельность И. Иванова, выпустив-

шего в 1931 г. второе, расширенное издание «Болгарских древностей из Македонии», а также антологии богомильских текстов и средневековых светских повестей. Ряд важных изданий средневековых текстов и их историко-филологическое исследование предприняли М. Попруженко, Б. Ангелов и Ю. Трифонов. В 1940—1944 гг. вышла двухтомная хрестоматия И. Дуйчева, где были собраны важнейшие письменные источники по болгарскому средневековью с подробными научными комментариями.

Развивались, хотя и недостаточно интенсивно, исследования в области археологии, культуры и вспомогательных исторических дисциплин. В трудах К. Миятева особое внимание уделялось самобытности средневековой болгарской архитектуры. Труд по истории средневекового болгарского изобразительного искусства был подготовлен Н. Мавродиновым. Работы Н. Мушмова, прежде всего первое описание известных науке монет и печатей средневековых болгарских владетелей, положили начало развитию отечественной нумизматики и сфрагистики.

Буржуазная наука по-прежнему стояла в стороне от изучения кардинальных вопросов новой и новейшей истории Болгарии. Исключением были лишь проблемы военной истории, разработке которых способствовало издание журнала «Военно-исторический сборник» (1927—1944). Появилось несколько работ и документальных публикаций о Балканских войнах. В изучение истории международных отношений нового времени на Балканах определенный вклад внесли работы И. Панайотова о политике Болгарии в Восточном вопросе. Создавались очерки новой и новейшей истории страны и обобщающие работы по истории Болгарии, но все они отличались эклектичностью и популярным характером.

По мере нарастания реакционных тенденций в политической жизни страны и сползания монархо-фашистского режима к союзу с гитлеровской Германией буржуазная историография испытывала на себе все более усиливавшееся влияние фашистской идеологии. Оно проявлялось в распространении националистических и шовинистических идей. Возрождение болгарского народа рисовалось отдельными историками (Б. Йоцов) как процесс непрерывного развития национального духа, его хронологические рамки неоправданно расширялись до современности. Тенденции к фашизации исторической науки в конце 30-х — начале 40-х годов выражал официальный исторический и общественно-политический журнал «Родина», который возглавили Б. Филев и Б. Йоцов, занимавшие высокие посты в политической иерархии монархо-фашистской диктатуры. Проникновение фашистской идеологии в болгарскую буржуазную науку довершило ее кризис.

Развитие марксистской историографии

В монархо-фашистской Болгарии не было благоприятных условий для развития марксистской историографии. Историки-коммунисты вынуждены были работать в эмиграции. Так, **Георгий Бакалов**

(1873—1939) в 1929—1932 гг. жил в Советском Союзе. Его интересовала история национально-освободительной борьбы болгарского народа против османского ига. Анализ деятельности видных представителей болгарского революционного движения дан им в работе «Наши революционеры: Раковский, Левский, Ботев» (1924). Бакалов охарактеризовал их идеологию и связи с борцами за свободу в других странах, особенности революционного демократизма в Болгарии, различные направления в национальном возрождении.

Бакаловым написана первая подробная биография Д. Благоева. В ней освещены основные этапы истории болгарского рабочего движения в 1891—1924 гг. Он опубликовал также ряд работ по истории болгарской революционной литературы и демократической и пролетарской культуры. Бакалов является основоположником изучения истории болгаро-русских революционных связей. Он первым из историков-марксистов привлек с этой целью архивные материалы. Им поставлен вопрос о роли ленинской «Искры» в развитии социал-демократического движения в Болгарии и о помощи болгарских социалистов в доставке газеты в Россию; раскрыто воздействие первой русской революции на борьбу болгарского пролетариата. Бакалов начал изучение связей Г. В. Плеханова с болгарскими социал-демократами, а также влияния идей и практической деятельности В. И. Ленина на тесных социалистов.

Научная деятельность **Христо Кабакчиева** (1878—1940) также развернулась в основном в эмиграции в Советском Союзе. Он исследовал воздействие Великого Октября на развитие революционного процесса в Юго-Восточной Европе. Этой проблеме посвящена его работа «Октябрьская революция и рабочее движение на Балканах» (1927). В другом труде, «Ленин и болгарские тесняки» (1934), он показал процесс становления и развития БКП, ее отношений с Коминтерном, воздействие ленинизма на развитие партии. Предыстория БКП раскрыта в работе Кабакчиева «Димитр Благоев и болгарские тесняки» (1935).

В межвоенный период складывалась марксистско-ленинская концепция новейшей истории Болгарии. Важную роль сыграла при этом деятельность руководителей БКП. Работа Г. Димитрова «От поражения к победе» (1920) положила начало изучению истории послевоенного рабочего и профсоюзного движения. Появились исследования о причинах установления монархо-фашистской диктатуры в стране, Сентябрьском восстании 1923 г. и причинах его неудачи. В. Коларов (1877—1950) в курсе лекций по истории БКП наметил ее периодизацию и содержание главных этапов развития партии. Ему принадлежат также работы «Сентябрьское восстание в Болгарии в 1923 г.» (1924), «За решительный поворот в БКП» (1935) и «Болгария после империалистической войны» (1937).

В межвоенный период началась творческая деятельность **Ж. Натана** (1902—1974). В его книгах «Экономическая история Болгарии до освобождения» и «Экономическая история Болгарии

после освобождения» (обе 1938) была дана целостная характеристика хозяйственного развития страны.

* *
*

Болгарская буржуазная историческая наука в межвоенные годы по-прежнему придерживалась в целом позитивистских принципов и занималась прежде всего накоплением фактического материала. В центре внимания ведущих ученых по-прежнему были проблемы истории средневековой Болгарии и национального возрождения. Завершалось становление марксистской концепции национальной истории новейшего периода.

Раздел IV

ИССЛЕДОВАНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИСТОРИИ В ЗАРУБЕЖНЫХ СЛАВЯНСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ СТРАНАХ

Глава 1

ИСТОРИОГРАФИЯ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ БОЛГАРИИ

Методологическая перестройка исторической науки

Раннее становление марксистско-ленинской концепции истории Болгарии, быстрый переход в НРБ к решению социалистических задач, поддержка основной частью болгарской интеллигенции политики Коммунистической партии способствовали начавшейся уже в первые годы народной власти методологической перестройке исторической науки.

Первый этап ее развития в народной Болгарии пришелся на время от победы социалистической революции 1944 года до середины 50-х годов. Определяющее значение для науки на этом этапе имели V съезд БКП (1948), обративший особое внимание на необходимость изучения истории рабочего и коммунистического движения, и совещание болгарских историков в том же году, на котором были определены задачи исторической науки. Немаловажную роль сыграла проведенная в 1951 г. дискуссия, показавшая, что подлинно научная периодизация исторического процесса может быть выработана лишь на основе марксистско-ленинского учения об общественно-экономических формациях.

В 1950 г. начал свою деятельность Институт болгарской истории Болгарской академии наук (БАН). Его возглавил Д. Косев. Институт быстро утвердился как центр исторической науки в стране, наладил связи с научными организациями СССР и стран народной демократии. Большую роль в сплочении научных сил и переходе их на марксистско-ленинские позиции сыграл журнал «Исторически преглед» («Историческое обозрение»), выходящий с конца 1944 г. В 1953 г. был образован Институт истории БКП при ЦК БКП, установивший творческие связи с Институтом марксизма-ленинизма при ЦК КПСС.

Одновременно были созданы Центральный партийный архив, Центральный государственный исторический архив, сконцентрировавший фонды дореволюционного происхождения, Центральный государственный архив Народной Республики Болгарии, собиравший документацию, возникшую после 9 сентября 1944 г., и окружные госархивы. Уже в первые послевоенные годы развернулась публикация документов, относящихся главным образом к истории национального возрождения, рабочего, социалистического и ком-

мунистического движения. Особо важное значение имело издание сборника «БКП в резолюциях» (т. 1—3, 1947—1954).

С конца 40-х годов болгарские ученые занялись подготовкой коллективного труда по истории своей страны с древнейших времен до современности. Опубликованные в 1954 г. т. 1 и макет т. 2 этого труда были обсуждены как в Болгарии, так и в СССР. Появление «Истории Болгарии» (т. 2 вышел в 1955 г.) стало крупным научным событием. Это была первая серьезная попытка дать целостную картину болгарской истории с учетом объективных закономерностей общественного развития и решающей роли народных масс. Развернулось творчество большого отряда ученых, изучавших важнейшие периоды отечественной истории.

Во второй половине 40-х — середине 50-х годов появились первые работы, посвященные средневековой Болгарии. Это были статьи, монографии и документальные публикации Д. Ангелова, А. Бурмова, И. Дуйчева, С. Лишева, П. Петрова, Б. Примова, Г. Цанковой-Петковой. Они начали разрабатывать проблемы социальных противоречий и классовой борьбы в средневековой Болгарии, закономерностей развития болгарского феодализма. Признание феодального характера средневековых балканских государств помогло медиэвистам преодолеть ошибки буржуазной историографии, отрицавшей закономерный ход исторического развития.

Д. Ангелов исследовал историю широкого народного еретического движения X—XIV вв. — богомилства. Его монография «Богомилство в Болгарии» (1947) выдержала несколько изданий (последнее в 1981 г.), в 1954 г. переведена на русский язык. Ему удалось представить борьбу богомилов как массовое антифеодальное движение, выявить его этапы и эволюцию. Ангеловым было написано также учебное пособие «История болгарского государства и права» (1951). В 1944 г. вышел т. 2 источниковедческого исследования И. Дуйчева «Из старой болгарской литературы» (т. 1, 1940).

Первые шаги были сделаны в изучении истории многовекового османского господства в Болгарии, прежде всего положения болгарского народа под игом турок, социально-экономического развития, аграрного строя, налоговой системы и освободительного движения. Эти вопросы изучались Х. Гандевым, Б. Цветковой и В. Мутафчиевой, введившими в научный оборот османские источники. Интенсификации исследований в этой области способствовало открытие Восточного отдела Народной библиотеки им. Кирилла и Мефодия — богатейшего хранилища турецких документов, на базе которых были подготовлены публикации «Васил Левский и его сподвижники перед турецким судом» (1952), «Апрельское восстание 1876 г.» (т. 1—3, 1954—1956), «Положение болгарского народа под турецким игом» (1956).

Шел процесс критической переоценки буржуазных концепций национального возрождения, создания новых трудов, посвященных этому важнейшему периоду болгарской истории. Со второй половины 40-х годов Д. Косев развернул исследование истории бол-

гарского народа в XIX в., в том числе просветительского движения, крестьянских восстаний в Северо-Западной Болгарии, деятельности видных представителей болгарского возрождения. Обобщающий труд Косева «Лекции по новой болгарской истории» (1951) охватывал весь период национального возрождения и сыграл важную роль в идеологической перестройке болгарской исторической науки. В 1952 г. эта книга была переведена на русский язык.

Проблемы болгарского возрождения, особенно деятельность революционных организаций и видных болгарских революционеров, изучал А. Бурмов. В работах «Христо Ботев в оценке своих современников» (1945), «Болгарский революционный центральный комитет» (2-е изд. — 1950) ему удалось основательно осветить историю революционного национально-освободительного движения.

А. Бурмов посвятил ряд работ проблеме зависимого населения в Болгарии XIII—XIV вв. и политической истории страны в XIV в. В исследованиях «Образование Болгарского государства» (1951), «К вопросу об отношениях между славянами и протоболгарами в VII—IX вв.» (1954) и других он показал закономерный характер становления Болгарского государства и болгарской народности, роль славянского и протоболгарского элементов в этом процессе.

В конце 40-х — начале 50-х годов появились первые статьи и монографии по новейшей истории Болгарии. В работах Х. Христова исследовалось солдатское восстание 1918 г. Большое значение имела монография Д. Косева «Сентябрьское восстание 1923 г.» (1954), в которой освещался широкий круг вопросов (наступление реакции в Болгарии в начале 20-х годов, военно-фашистский переворот 9 июня 1923 г., Июньское антифашистское восстание, уроки Сентябрьского восстания). Различные аспекты отношений Болгарии и СССР нашли отражение в работах В. Хаджиниколова, особенно в его книге «Экономические отношения и связи между Болгарией и Советским Союзом до 9 сентября. 1917—1944» (1956).

В целом историческая наука Болгарии на первом этапе развития сумела добиться ряда существенных достижений, заключавшихся в идеологической и методологической перестройке, в расширении круга изучаемых проблем и документальной базы исследований. Однако в это время еще сказывалось влияние схематизма и упрощенчества в толковании ряда важнейших проблем.

Развитие исторической науки во второй половине 50-х — 60-е годы

После апрельского (1956 г.) Пленума ЦК БКП, оказавшего благотворное воздействие на жизнь страны в целом и в том числе на историографию, наступил новый этап в развитии болгарской исторической науки. Значительно активизировалась собирательская и публикаторская деятельность историков. Расширились масштабы и повысилось качество информации об источниках. Это содействовало более широкому использованию национального архивного богатства. Появились первые публикации османских источни-

ков, позволившие приступить к более детальному изучению османского периода истории страны. В 1957—1965 гг. печатается «Публицистика Л. Каравелова», в 1956 г. завершается публикация источников по истории Апрельского восстания 1876 г. В 1957 г. начал выходить вторым изданием сборник «БКП в резолюциях». В специальных публикациях освещались связи болгарского рабочего движения с В. И. Лениным, непосредственное воздействие Великого Октября на Болгарию. Пополнился фонд изданных трудов выдающихся деятелей отечественной истории, прежде всего за счет «Сочинений» Д. Благоева (т. 1—20, 1957—1964).

Общая концепция болгарской истории продолжала разрабатываться в крупных коллективных трудах. В первой половине 60-х годов вышло переработанное трехтомное издание «История Болгарии», в котором была уточнена периодизация. Появились важные учебные пособия. Был издан «Атлас по болгарской истории» (1963). Глубже стала исследоваться история отечественной экономики. В 1957 г. увидел свет труд Ж. Натана по этой проблеме; начало выходить многотомное коллективное исследование о хозяйственном развитии болгарских земель с древнейших времен до построения основ социализма. Изучению отдельных проблем содействовало проведение дискуссий, в частности о путях преодоления последствий влияния личности в исторической науке; о сущности, характере и этапах болгарского фашизма и т. д. В 1969 г. появился коллективный труд «История Болгарской коммунистической партии»; созданный в результате длительной подготовительной работы и ряда обсуждений.

Со второй половины 60-х годов значительно увеличилось число периодических изданий по истории. С 1957 г. выходят «Известия» и «Научные труды» Института истории БКП, Высшей партийной школы (ныне Академия общественных наук и социального управления) при ЦК БКП, Института истории БАН, созданного в 1960 г. на базе Института болгарской истории. Регулярно издавался историческая серия ежегодника Софийского университета. Благодаря этому значительно расширилась тематика исследований.

В январе 1964 г. состоялось второе национальное совещание историков. В докладе Д. Косева и выступлениях его участников были подведены итоги развития исторической науки после второй мировой войны и намечены меры по повышению уровня исследований, преодолению элементов схематизма и цитатничества, эмпиризма и фактографии. Важную роль в укреплении исторического фронта сыграло восстановление в июне 1964 г. Болгарского исторического общества, включившего как ученых, так и преподавателей истории высших и средних учебных заведений. Председателем общества был избран Д. Косев.

Медиевисты в это время более детально и углубленно исследовали характер и особенности болгарского феодализма, аграрные отношения и развитие городов, классовую борьбу, общественные движения, внутри- и внешнеполитическую историю, культурное развитие. В работах, опубликованных Д. Ангеловым во второй

половине 50-х—60-е годы, были рассмотрены феодальное землевладение, особенно монастырское, характер развитого болгарского феодализма в XIII—XIV вв., основные моменты развития средневековой болгарской культуры, включая кирилло-мефодиевскую проблему и религиозно-философское движение исихазм, болгаро-византийские и болгаро-валашские отношения.

И. Дуйчев продолжал изучение политической и духовной истории болгарского народа, а также болгаро-византийских отношений. Он исследовал также вопросы образования Болгарского государства, взаимоотношения славян и протоболгар, деятельность болгарской церкви, религиозные движения, историю болгарской письменности и развития культуры Второго Болгарского царства. Труды Дуйчева базировались на солидной основе разноязычных источников, часть которых была им впервые издана, в том числе ряд византийских памятников, или критически переиздана («Монемвзийская хроника»).

Начальные этапы развития Первого Болгарского царства исследовала В. Тыпкова-Займова. Она рассматривала историю Болгарии в контексте общеполитических проблем. Этнополитические процессы, имевшие место в этом регионе, нашли отражение в ее монографии «Нашествия и этнические перемены на Балканах в VI—VII вв.» (1966). Социально-политическую структуру раннесредневековой Болгарии, проблемы идейно-духовного развития страны изучал В. Гюзелев. Среди его работ этого периода выделяется монография «Князь Борис Первый. Болгария во второй половине IX в.» (1969). В ней исследуется такое важное событие, как принятие болгарам христианства.

Историю византийского господства в Болгарии XI—XII вв. осветили ряд работ Г. Цанкова-Петкова и П. Тивчев. Важнейшие социально-экономические проблемы болгарского средневековья рассматриваются в монографии Г. Цанковой-Петковой «Об аграрных отношениях в средневековой Болгарии XI—XIII вв.» (1964). Ряд социально-экономических и политических аспектов болгарской истории XIII—XIV вв. разработали С. Лишев и П. Петров. Перу первого принадлежит монография «Болгарский средневековый город. Общественно-экономический облик» (1970). Второй написал работы о борьбе болгарского народа против крестоносцев и о предводителе крестьянского восстания XIII в. Ивайло, опубликовал сборник документов по истории Родопского края.

Продолжалось исследование истории многовекового османского владычества в Болгарии, особенностей османского феодализма и его последствий для экономического, политического и культурного развития болгарского народа. Х. Гандев изучал и публиковал турецкие источники по истории Болгарии и на их основе строил заключения о характере османского режима в Болгарии. История Болгарии XV—XVIII вв. всесторонне представлена в трудах Б. Цветковой. Ее работы базировались на комплексе архивных материалов османского происхождения, многие из которых были изданы ею впервые. Использование новых документов позволило

Б. Цветковой охарактеризовать развитие поработанной османами Болгарии и положение ее угнетенного населения, аграрное и городское развитие, характер османского государства, освободительную борьбу болгарского народа против иноземного гнета. В работах Цветковой раскрыто существо османского феодализма, показаны этапы его развития и причины кризиса, поставлен вопрос о взаимовлияниях и параллелях между балканскими средневековыми и османскими институтами. Среди трудов Цветковой выделяются монографии «Чрезвычайные налоги и государственные повинности в болгарских землях под турецкой властью» (1958), «Народ непреклонен» (1968), «Памятная битва народов» (1969).

История аграрных отношений в османский период и освободительного движения болгарского народа освещена в исследованиях В. Мутафчиевой, особенно в книге «Аграрные отношения в Османской империи в XV—XVI вв.» (1962).

Сложный комплекс проблем социально-экономического развития болгарских земель в рамках Османской империи анализируется в трудах Н. Тодорова. Он выяснил закономерности и особенности генезиса капитализма в Болгарии. Этой проблеме посвящена его монография «О наемном труде в болгарских землях в середине XIX в.» (1959). Им изучены начальные шаги формирования болгарского капитализма и показано задерживающее влияние османского режима на этот процесс. В работах Н. Тодорова дан углубленный анализ развития городов на Балканах, в частности в Болгарии, в османский период. Его первые статьи по этой тематике появились в начале 60-х годов. Им разрабатывались также проблемы взаимоотношений балканских народов, особенно болгарского и греческого. Их революционное сотрудничество охарактеризовано в монографии Н. Тодорова «Филики этерии и болгары» (1965). Аграрные отношения в поработанной Болгарии, классовое расщепление крестьянства, крестьянские восстания изучал С. Димитров.

Процесс национального возрождения исследовался в этот период с привлечением все более широкого комплекса документальных источников. Преимущественное внимание уделялось при этом проблеме перехода от феодализма к капитализму, социально-экономическим изменениям и классовой дифференциации болгарского общества. Был издан дополненный и переработанный труд Ж. Натана «Экономическая история Болгарии» (1957). Интенсификация исследований по истории страны XVIII—XIX вв. способствовали дискуссии о характере идеологии и общественной деятельности Л. Каравелова, об основании Болгарского революционного центрального комитета (БРЦК), о характере болгарской эмиграции.

Детальное изучение отдельных проблем национального возрождения сделало возможным выход в свет коллективных трудов «Апрельское восстание 1876 г.» (1966), «Освобождение Болгарии в 1878 г.» (1970), сборников о деятельности видных представителей болгарского возрождения.

Продолжалось исследование истории Болгарии второй половины XVIII—XIX в. учеными старшего поколения. Были опублико-

ваны работы А. Бурмова, посвященные БРЦК. Важное значение для уяснения проблем политической идеологии болгарского национально-освободительного движения имели монография Д. Косева «К истории революционного движения в Болгарии в 1867—1871 гг.» (1958), а также его исследования, в которых рассматривались взгляды Паисия Хилендарского, Г. Раковского и характер Апрельского восстания 1876 г. Серьезное внимание было уделено внутри- и внешнеполитическим аспектам освободительного движения в период национального возрождения. Книга Х. Христова «Освобождение Болгарии и политика западных государств» (1968) раскрывала сложную обстановку, в которой разворачивалась борьба болгар за независимость. Христов исследовал также характер болгарского революционного процесса в XIX в., жизнь и творчество болгарских революционеров, повстанческие акции болгарского народа. В этом плане выделяется его книга «Кресненско-Разложское восстание 1878 г.» (1970).

В. Паскалева изучала такие проблемы национального возрождения, как социально-экономическое развитие страны, торгово-экономические связи болгарских земель с Австрийской империей и Францией, этапы формирования болгарской нации. Ее перу принадлежит исследование «Болгарка в Возрождении» (1964). Многосторонние связи болгарского революционного движения XIX в. с освободительными движениями других народов обстоятельно проанализировала К. Шарова. Ею исследованы отношения между русской революционной эмиграцией и южнославянскими революционерами в 70-е годы XIX в. Идеологии Л. Каравелова посвящена ее монография «Любен Каравелов и болгарское освободительное движение. 1860—1867» (1970).

Среди работ по проблемам болгарской истории до освобождения страны видное место занимают труды С. Дамянова о болгаро-французских отношениях того периода, Д. Дойнова о болгарском революционном движении XIX в. и деятельности его выдающихся представителей, В. Трайкова о Г. Раковском и Паисии Хилендарском.

В исследованиях по истории Болгарии конца XIX — начала XX в. преимущественное внимание уделялось рабочему, социалистическому и крестьянскому движениям, аграрным отношениям, внешней политике страны до первой мировой войны. Вышла монография М. Исусова «Революционное профсоюзное движение в Болгарии. 1903—1912» (1962). Изучение проблем социалистического движения особенно активизировалось в связи со 100-летием со дня рождения Д. Благоева. Формирование Д. Благоева как марксиста и борьба за победу марксизма в болгарском социалистическом движении были освещены в работах Е. Бужашки и специальном сборнике.

Во второй половине 50-х — 60-е годы значительно продвинулась разработка проблем новейшей истории. Основные усилия концентрировались на изучении революционного рабочего движения и истории БКП. Углубление анализа, расширение круга источ-

ников, творческий подход к данной проблематике позволили выделить дискуссионные вопросы, обсуждение которых стимулировало исследовательскую мысль (время большевизации БКП, характер революционной власти, которая создавалась во время Сентябрьского восстания 1923 г., оценка курса БКП на подготовку нового восстания в 1924 г., положение Болгарии в лагере фашистских агрессоров в годы второй мировой войны, характер последнего буржуазного правительства Болгарии, существовавшего в начале сентября 1944 г., и т. д.). Хотя по некоторым из этих вопросов разногласия в среде историков сохраняются до настоящего времени, их углубленное изучение позволило выработать точки зрения, разделяемые подавляющим большинством ученых.

Были созданы обобщающие работы, охватывающие весь новейший период. К ним относились коллективные труды по истории профсоюзного и революционного молодежного движения, о стачечной борьбе рабочего класса, о влиянии В. И. Ленина и ленинизма на революционное движение в Болгарии, о развитии болгаро-советской дружбы. Наиболее широко исследовались проблемы развития страны в 1918—1923 гг. под непосредственным влиянием Октябрьской революции. Х. Христов издал монографию «Революционный кризис в Болгарии в 1918—1919 гг.» (1957). Предметом серьезных изысканий стали вопросы, связанные с фашистским переворотом, Сентябрьским восстанием 1923 г., подготовкой нового антифашистского восстания.

Работу об откликах за рубежом на фашистский переворот и Сентябрьское восстание, обсуждении опыта восстания Коминтерном и его значении для международного коммунистического движения опубликовал в 1964 г. Д. Косев. Книга свидетельствовала о формировании нового научного направления — исследования интернациональных аспектов болгарского революционного движения. Косев выдвинул ставшее предметом оживленной дискуссии историков положение, согласно которому революционные комитеты, создававшиеся в ходе восстания, являлись органами диктатуры пролетариата, а не общедемократической властью. Появились первые труды о борьбе БКП за укрепление связи с массами непосредственно после Сентябрьского восстания (С. Димитрова и др.).

В значительно меньшей степени изучались последующие этапы истории страны — частичная стабилизация капитализма, экономический кризис, монархо-фашистская диктатура в предвоенные годы. Историки почти не исследовали буржуазные и мелкобуржуазные политические режимы, существовавшие в стране, развитие буржуазных, мелкобуржуазных и реформистских партий и организаций, особенности болгарского фашизма, политику великих держав и соседних государств в отношении Болгарии, внешнюю политику страны.

Одним из наиболее изучаемых сюжетов во второй половине 50-х — 60-е годы стала вооруженная борьба болгарского народа против монархо-фашистской диктатуры в период второй мировой войны. С первой монографией на эту тему выступил в 1958 г.

Н. Горненский. Он проследил основные этапы истории вооруженного Сопrotивления, показал его движущие силы, направления и формы. Спустя десятилетие появились новые значительные монографии. С. Петров в книге «Стратегия и тактика БКП в борьбе против монархо-фашизма (1941—1944)» (1969) исследовал эту проблему на фоне процесса изменений в расстановке классовых и политических сил. Монография П. Штерева «Совместная борьба болгарского и греческого народов против гитлеровской оккупации» (1969) была посвящена интернациональному характеру вооруженной борьбы болгарского народа. Но и по периоду второй мировой войны оставались почти неизученными положение в монархо-фашистском лагере и политика буржуазной и мелкобуржуазной оппозиции. Слабо была исследована внешнеполитическая проблематика.

После апрельского (1956 г.) Пленума ЦК БКП двинулась вперед разработка истории Болгарии в эпоху социализма. Появился ряд книг, в которых анализировался характер революции 1944 г. и доказывалось, что она была социалистической с самого начала. Затем последовали конкретно-исторические работы. В 1967 г. вышел коллективный труд «БКП и строительство народно-демократического государства (9 сентября 1944—декабрь 1948 г.)». Началось изучение классовой и политической борьбы на первом этапе развития народной Болгарии. Были опубликованы работы о партийно-политической структуре болгарского общества на этом этапе, о месте и роли Отечественного фронта в формировании подлинно демократической политической системы. Исследователи обратили внимание на роль массовых организаций, действовавших под руководством компартии. Глубокие выводы и обобщения содержали основанные на широком круге источников книга И. Димитрова и Н. Генчева о создании единого союза трудящейся молодежи, а также работа В. Георгиева, раскрывавшая историю образования и деятельности до 1947 г. Общего рабочего профессионального союза. В меньшей степени разрабатывалась эта проблематика на материале последующих периодов развития страны.

Внимание исследователей привлекали социально-экономические преобразования, происходившие в Болгарии после второй мировой войны. П. Петков посвятил монографию ликвидации капиталистической собственности в промышленности. В ряде работ шла речь о социалистической индустриализации, кооперировании сельского хозяйства, экономических отношениях между Болгарией и СССР. П. Аврамов в своей книге анализировал роль БКП в формировании социалистической интеллигенции.

Современный этап развития исторической науки

На рубеже 60-х и 70-х годов начался современный этап развития болгарской исторической науки. Перед учеными встали качественно новые задачи. В мае 1968 г. Политбюро ЦК БКП приняло постановление о подготовке многотомной «Истории Болгарии»,

которая должна более глубоко раскрыть героический путь болгарского народа, его вклад в сокровищницу мировой культуры, историю его борьбы за социальный прогресс. Были определены практические меры по обеспечению этого издания документальной базой (выявление материалов в зарубежных архивах, совершенствование историко-библиографической службы, расширение и укрепление Института истории БАН). На подготовке нового труда были сконцентрированы основные силы историков, привлекались специалисты смежных профессий.

Первый том этого капитального труда вышел в 1979 г., а к 1986 г. общественность смогла познакомиться уже с пятью его томами. Они отличаются высоким научным уровнем, широким привлечением первоисточников, во многих случаях используемых впервые, глубоким анализом, ярким и популярным изложением, наличием множества иллюстраций и обширным справочным аппаратом. Вышедшие тома освещают историю первобытно-общинного и рабовладельческого строя на территории Болгарии, историю фракийцев, Первого Болгарского государства, Второго Болгарского государства, историю болгарского народа под османским владычеством, эпоху национального возрождения.

Создание многотомной «Истории Болгарии» активизировало творческую мысль ученых, деятельность научных учреждений и организаций. В 70-е — первой половине 80-х годов вышло несколько вариантов кратких пособий по истории Болгарии. Одни из них написаны отдельными авторами, другие — коллективами. Наибольший интерес представляет издание 1981 г., подготовленное под руководством И. Димитрова, в котором национальная история представлена в органическом единстве экономических, политических, социальных, психологических и культурных факторов.

На современном этапе широко развернулась научно-организационная деятельность Болгарского исторического общества. В 1970 г. состоялся его первый съезд, на котором были сделаны доклады и сообщения по всем периодам развития болгарских земель. В 1972 г. общество провело конференцию по историографии, подведшую итоги развития болгарской исторической науки после второй мировой войны. Научная программа следующих съездов общества носила проблемный характер. На втором съезде (1976) обсуждалась проблема «Болгария в мире с древности до наших дней». Третий съезд (1981), приуроченный к 1300-летию Болгарского государства, был посвящен теме «Учреждения и государственная традиция». Материалы съездов публиковались и таким образом становились достоянием научной общественности. Болгарское историческое общество приступило к изданию «Известий», а с 1972 г. — журнала «Векове» («Века»), второго по значению периодического органа в области истории после журнала «Исторически преглед» («Историческое обозрение»).

Важной чертой современного этапа является проводимая с 1972 г. интеграция сил в области исторической науки и исторического образования. Созданный при Болгарской АН Единый центр

науки и подготовки кадров по истории сконцентрировал научные силы академических и других исследовательских институтов, а также исторического факультета Софийского университета на решении наиболее актуальных задач по единому плану. Этому способствовало празднование в 1981 г. 1300-летия Болгарского государства, к которому был приурочен ряд научных мероприятий, и прежде всего первый международный конгресс болгаристики. На нем были широко представлены как болгарские, так и зарубежные историки. К конгрессу вышла многообразная научная и справочная литература. Вторым международным конгрессом болгаристики состоялся в 1986 г.

Разработку ряда исторических проблем существенно стимулировали посвященные юбилейным датам научные сессии и конференции. В ходе подготовки к ним выпускались научные сборники. Значительно повысился научный авторитет общеисторических периодических изданий, к которым в 1973 г. добавился журнал «Болгарское историческое обозрение». Статьи в нем публикуются на русском, немецком, английском и французском языках.

В 70-е — первой половине 80-х годов продолжала совершенствоваться документальная база исторической науки и археографическая деятельность. Болгарские историки и архивисты провели широкомасштабную работу по обследованию архивов СССР и других социалистических стран, а также ФРГ, Австрии, Франции, Великобритании и т. д. Осуществляются многочисленные документальные публикации. Важнейшая из них — многотомная серия «Источники болгарской истории».

Общими усилиями ученых и архивистов СССР и Болгарии издается серия «Болгаро-советские отношения и связи». В опубликованные в 1977 и 1981 гг. первые два тома вошли документы с 1917 по 1958 г. Совместно был подготовлен и издан в 1984 г. историко-литературный альманах «Биография дружбы», включающий наиболее важную документацию, художественные произведения и богатый иллюстративный материал о многовековой дружбе народов Болгарии и СССР. Эти издания осуществлены в обеих странах одновременно. В их подготовке, как и в других совместных начинаниях, сотрудничество осуществлялось по линии Комиссии историков СССР и НРБ, проводившей ряд научных конференций и встреч.

Многовековая история Болгарии освещалась в 70-е — первой половине 80-х годов более всесторонне, чем на предшествующих этапах развития болгарской исторической науки.

Углубленное изучение источников позволило внести значительные коррективы в прежние представления об античной истории Балканского полуострова. Интенсивнее стала исследоваться история взаимодействия славянских и греко-римских культур. На основе археологических, лингвистических, этнографических и антропологических материалов воссоздается более точная картина болгарского этногенеза. В труде Д. Ангелова «Образование болгарской народности» (1971) показан продолжительный и сложный эт-

ногенетический процесс, начавшийся еще в эпоху фракийцев и завершившийся в конце IX — начале X в. Автор пришел к важнейшим заключениям об этнических группах, принимавших участие в этом процессе, и о решающей роли в нем славянского элемента.

Историография средневековой болгарской истории обогатилась трудами И. Божилова о Болгарии X—XII вв., в том числе его монографией «Болгария и Византия на Нижнем Дунае в конце X в.» (1977), новыми работами Г. Цанковой-Петковой о Болгарии времени Асений, П. Петрова по истории Первого Болгарского государства, И. Дуйчева о болгарской культуре, В. Гюзелева по источниковедению истории болгарского Черноморья.

Интенсивно продолжают разрабатываться история Болгарии под османским игом и проблематика национального возрождения. Больше, чем прежде, внимания ученые уделяют международным связям Болгарии с Европой, политическим аспектам формирования болгарской буржуазии, генезису и складыванию болгарской нации, роли и значению болгарского возрождения в общевосточных процессах, а также формированию культуры нового времени.

Появились новые работы по политической истории болгарского средневековья, по староболгарской культуре, этногенезу болгар, социально-экономической и политической структуре Болгарии, об отношениях ее с другими государствами, о сельских восстаниях и богомилстве, о социальных движениях в средние века. Работы Н. Генчева о болгаро-русских культурных связях освещают деятельность Одесского болгарского настоятельства и помощь России делу просвещения болгар. Важное значение имеет его монография «Болгарское возрождение» (1978). В исследованиях З. Марковой, и прежде всего в ее книге «Болгарское национальное движение до Крымской войны» (1976), всестороннему исследованию подверглась борьба болгарского народа за независимую церковь. К. Косев поставил вопрос о взаимодействии внутренних и внешних факторов в болгарском национально-освободительном движении, а также обстоятельно изучил историю Апрельского восстания 1876 г. Наиболее значительной является его монография «Бисмарк, Восточный вопрос и болгарское освобождение» (1977).

История Болгарии от освобождения и до конца первой мировой войны изучается в настоящее время одновременно с социально-экономической, политической и культурной сторон. Значительное число исследований посвящено внешней политике Болгарского княжества, внешнеполитической ориентации болгарской буржуазии, отношению великих держав к Болгарии, ее политике во время Балканских и первой мировой войн.

На современном этапе болгарские ученые активно разрабатывают проблемы новейшей истории своей страны. Тремя дополненными и переработанными изданиями вышла «История Болгарской коммунистической партии» (4-е изд. — 1984). Углубился анализ влияния ленинских идей на развитие революционного процесса в стране. Выпущенную в 1973 г. «Историю профсоюзного движения

в Болгарии» продолжил ряд коллективных трудов о развитии отраслевых профсоюзов.

В новых исследованиях о революционном движении и деятельности БКП в 1918—1928 гг. уточняются отдельные моменты их развития. К 50-летию Сентябрьского восстания вышел труд Д. Косева, в который включено в доработанном виде основное содержание двух его предыдущих работ (о восстании и его международном значении), историографический очерк и обширная новая документация.

Углубился анализ революционного движения второй половины 20-х — первой половины 40-х годов. Исследования Д. Шарланова и Н. Косашки показали положение и борьбу узников фашизма, помощь МОПР политзаключенным и их семьям. В работах Б. Григорова, Г. Наумова раскрыты история создания и деятельности Болгарской рабочей партии, болгарского комсомола.

Значительно обогатилась историография народной антифашистской борьбы периода второй мировой войны. Специальные труды посвящены отдельным партизанским соединениям (бригаде «Чавдар», Горнооряховскому партизанскому отряду и др.). В монографии Ф. Панайотова «Поединок в эфире» (1975) показана деятельность антифашистских радиостанций им. Х. Ботева и «Народный голос».

Важной отличительной чертой историографии революционного движения стал углубленный анализ его интернациональных связей. Т. Колева в монографии «БКП и международное коммунистическое движение. 1919—1924 гг.» (1973) выяснила впервые многие вопросы деятельности БКП в Коминтерне, его помощи болгарским коммунистам. П. Боев показал место БКП в революционном процессе на Балканах. В монографии Д. Мичева и советского историка Г. И. Чернявского (1979) проанализированы различные аспекты отношения советской общественности к болгарскому революционному движению 1923—1944 гг. В другой книге (1984) Д. Мичев подробно рассмотрел связи Г. Димитрова с германским рабочим движением.

Успешное исследование истории БКП дало возможность подготовить и издать научные биографии руководителей партии Д. Благоева (1979) и Г. Димитрова (1972). К 90-летию и 100-летию со дня рождения Г. Димитрова были опубликованы многочисленные исследования о его революционной деятельности. Среди них книга В. Хаджиниколова о связях Димитрова с советской общественностью, а также работы Д. Даскалова о деятельности Г. Димитрова и В. Коларова в 1923—1925 гг. и о роли Димитрова в выработке новой стратегии Коммунистического Интернационала в середине 30-х годов.

В 70-е — первой половине 80-х годов широко развернулось изучение политических режимов, существовавших до революции 1944 г., расстановки сил в буржуазном и мелкобуржуазном лагере, деятельности буржуазных, мелкобуржуазных и реформистских партий и организаций. В монографии А. Велева (1977) проанализи-

зированы реформы правительства БЗНС, существовавшего в 1920—1923 гг. В работах В. Георгиева и И. Димитрова глубоко изучена политическая структура Болгарии 1934—1939 гг., дана детальная характеристика буржуазных и мелкобуржуазных партий, взаимоотношений БКП с ними, их курса в отношении военно-фашистской диктатуры, переросшей в монархо-фашистскую. И. Димитров исследовал также буржуазную оппозицию монархо-фашистской диктатуре в годы второй мировой войны. Созданы первые монографии по истории мелкобуржуазных партий — БЗНС (Д. Петрова, С. Радулов) и радикальной партии (Х. Стефанов), а также об эволюции болгарского социал-реформизма (Б. Григоров, Г. Радев).

Намного детальнее, чем ранее, стали изучаться проблемы внешней политики и международных отношений Болгарии.

Для исследований, посвященных эпохе социализма, в последние 15 лет особенно характерны творческий подход, привлечение документов, позволяющих всесторонне проанализировать исторические события и явления. Переходному периоду от капитализма к социализму посвящен т. 2 коллективного труда «Экономика Болгарии» (1972). Изданы монографии М. Исусова о рабочем классе Болгарии в 1944—1947 гг., об эволюции партийно-политической системы 1944—1948 гг. и о роли БКП в развитии революционного процесса этих лет. Исусов убедительно показал сложность процесса социальной революции в стране, переплетение в нем общедемократических и социалистических тенденций.

Началось исследование — сначала в теоретическом, а затем и в конкретно-историческом плане — периода строительства развитого социалистического общества в Болгарии. В 1973 г. издана коллективная монография о рабочем классе в условиях этого этапа, а в 1974 г. — о социально-экономических проблемах. Вышел обобщающий труд о построении социализма в НРБ — «Болгария в эпоху социализма» (1981).

Болгарские историки уделяют внимание анализу места Болгарии в мировом социалистическом содружестве, ее участия в социалистической экономической интеграции, болгаро-советских отношений и связей в эпоху социализма, а также различных аспектов экономических, политических и культурных связей Болгарии с другими государствами. В решении этих задач участвуют как историки, так и экономисты, юристы, философы и представители других гуманитарных отраслей знания.

Значительно усилилось изучение проблем методологии исторической науки. Вслед за книгой Н. Стефанова на эту тему (1969) появился коллективный труд о структуре и методологии исторического познания (1971). Н. Ирибаджаков опубликовал в 1970 г. крупную работу, посвященную критике буржуазных концепций развития человеческого общества. В трудах М. Велевой исследуется история исторической науки в Болгарии.

Болгарская историческая наука располагает ныне богатым кадровым потенциалом и исследовательским опытом, значительны-

ми организационными и издательскими возможностями. Все более расширяя сферу своих исследований на проблемы балканской, европейской и всемирной истории, она продолжает уделять основное внимание социально-экономическому, политическому и культурному развитию своего народа, его революционным традициям и международным связям.

Глава 2

ИСТОРИОГРАФИЯ ПОЛЬСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ

После освобождения Польши от фашистской оккупации и победы народной власти в жизни польского народа началась новая историческая эпоха, открылись широкие горизонты для развития исторической науки. Правительство народной Польши уделяло большое внимание развитию науки, поддерживало ученых, лояльно относившихся к народной власти. Проявлялась забота о подготовке научных кадров. Помощь в этом Польше оказал Советский Союз. Уже в первое послевоенное десятилетие советские вузы подготовили для страны большое число историков.

В Польской Народной Республике сложилась разветвленная система центров исторической науки. Исследования ведутся в соответствующих институтах при университетах, Институте истории Польской АН, Академии общественных наук при ЦК ПОРП, Военно-историческом институте, Институте социалистических стран Польской АН, Польском институте международных проблем, Западном институте, Институте истории крестьянского движения Главного комитета Объединенной крестьянской партии и в других научных учреждениях и учебных заведениях.

Выходит несколько десятков периодических изданий. Среди них такие журналы, как «Kwartalnik Historyczny» («Исторический кварталник»), «Przegląd Historyczny» («Историческое обозрение»), «Nowe Drogi» («Новые пути»), «Z Pola Walki» («С поля борьбы»), «Dzieje Najnowsze» («Новейшая история»), «Wojskowy Przegląd Historyczny» («Военно-историческое обозрение»), «Przegląd Zachodni» («Западное обозрение»), «Studia Źródłoznawcze» («Источниковедческие исследования»), «Sprawy Międzynarodowe» («Международные проблемы») и многие другие.

Польское историческое общество с отделениями на местах вносит свой вклад в организацию научной работы и пропаганду исторических знаний. Его членами являются не только профессиональные ученые, но и преподаватели лицеев, техникумов и профессионально-технических училищ, работники библиотек и музеев. Общество периодически созывает съезды историков, на которых подводятся итоги проделанной работы и намечаются перспективные направления исследований.

Основные этапы развития польской исторической науки определились важнейшими преобразованиями в общественной жизни

страны. Во второй половине 40-х годов в науке преобладали старые кадры историков и буржуазная методология в научных исследованиях. Большая часть этих историков в первые послевоенные годы была сосредоточена в Кракове и придерживалась направлений, сформировавшихся еще в межвоенный период. Их отношение к народной власти было враждебным или оппозиционным. Но уже восстанавливались исторические учреждения в Варшаве и Познани, создавались новые в Лодзи, Вроцлаве, Гданьске, Торунь и Люблине.

В начальный период в центре внимания оказались проблемы, непосредственно связанные с текущими потребностями жизни, прежде всего обоснование исторических прав Польского государства на воссоединенные западные и северные земли и в связи с этим изучение польско-германских отношений. В борьбе с немецкой буржуазной историографией, в стремлении показать исторически славянский характер западных и северных земель польские историки, рассматривая польско-германские отношения, допускали их одностороннюю, порой националистическую трактовку.

Одновременно с исследованиями, доказывавшими право Польши на Силезию и Поморье, появились научные и публицистические работы, содержащие критику ягеллонской идеи — идеи создания восточно-европейской державы под эгидой династии Ягеллонов. В них подчеркивалось, что экспансия на восток сыграла отрицательную роль в истории Польши, стала причиной непрочности Польского государства, острых национальных конфликтов. Такая постановка вопроса обосновывала справедливость новой восточной границы Польши, указывала на необходимость дружбы и союза с СССР. Однако при этом в историографии проявлялись два под-хода.

Историки, стоявшие на неопозитивистских позициях, утверждали, что необходимость дружественных отношений с Советским Союзом определяется прежде всего геополитическим положением Польши. Этим объяснялось их отрицательное отношение к польскому национально-освободительному движению XIX в. Неопозитивисты поднимали на щит таких деятелей, как К. Любецкий-Друцкий и А. Велепольский, которые путем сотрудничества с царизмом достигли определенных уступок польским правящим классам. Эта концепция подверглась критике со стороны демократического лагеря. Обосновывая политику союза с СССР, историческая публицистика ППР обращалась к традициям Патриотического общества, А. Мицкевича, Я. Домбровского и СДКПиЛ.

В первые послевоенные годы начинает организационно складываться марксистское направление в исторической науке. Раньше, чем в других местах, это произошло в Лодзи. Уже осенью 1945 г. здесь велись дискуссии об историческом материализме. Особую силу они набрали в 1946—1948 гг. Их инициатором и душой была Н. Гонсёровская, которая связала свою судьбу с марксизмом и рабочим движением еще в довоенные годы. Обсуждение методологических вопросов проходило в рамках руководимого ею универ-

ситетского семинара по социальной и экономической истории и заседаний местного отделения Польского исторического общества. Гонсёровская призывала руководствоваться при изучении социально-экономических процессов марксистской методологией. Однако в освещении ее еще имелись недостатки, прежде всего непонимание диалектического единства всех ее сторон.

В целом в исторической литературе и на университетских кафедрах продолжала преобладать буржуазная методология. Это продемонстрировал VII съезд польских историков (1948). Он был посвящен 100-летию революции 1848—1849 гг. Наряду с проблемами истории революции, польско-германских и межславянских отношений, истории западных и северных польских земель и происхождения Польского государства его участники обсуждали и некоторые общеметодологические вопросы. Представители буржуазной историографии, преобладавшие на съезде, пытались доказать бесплодность дискуссий о характере и закономерностях исторического процесса. В работе съезда участвовала группа историков-марксистов, которые осветили ряд вопросов польской истории с позиций исторического материализма. Их выступления были посвящены социальным отношениям в Польше, анализу К. Марксом и Ф. Энгельсом проблем польской истории.

Начатая в 40-е годы лодзинскими историками борьба за марксистскую методологию принесла польской науке несомненную пользу. Многие ученые познакомились с методом исторического материализма и стали применять его в своих исследованиях. Неслучайно в последующее время проблемы социально-экономической истории стали в работах лодзинских историков доминирующими. Обращение к марксистской методологии способствовало постановке и разработке новых научных проблем. Появились содержательные труды о генезисе рабочего класса в Польше, о польском национально-освободительном движении и социально-экономических отношениях в первой половине XIX в. Вышло большое исследование «К столетию весны народов» (т. 1—5, 1948—1953), посвященное проблемам революции 1848—1849 гг.

С переходом страны на рубеже 40-х и 50-х годов к строительству основ социалистического общества начался новый этап развития польской историографии. Это было время борьбы за укрепление позиций марксистской методологии. В январе 1952 г. состоялась первая методологическая конференция польских историков с участием советских ученых. На ней обсуждались вопросы периодизации польской истории, истории формирования польской нации, развития рабочего движения в эпоху империализма. Марксистская методология стала шире применяться в исторических исследованиях, но это не значило, что ее приняли все польские историки. Часть из них на словах признавала марксизм, на деле была далека от него.

В это время укрепилась организационная база науки. В 1951 г. была создана Польская академия наук (ПАН), продолжившая традиции Польской академии знаний и Варшавского научно-

общества. Тогда же в системе ПАН стал действовать Институт истории, возглавленный автором многих работ по истории средневековой Польши Т. Мантейфелем, а при ЦК ПОРП — Институт истории рабочего движения со своим архивом. Именно эти учреждения начали претворять в жизнь рекомендации методологической конференции 1952 г. о необходимости разработки проблем истории Польского государства, возникновения и развития капиталистических отношений, национально-освободительного, рабочего и крестьянского движения, влияния революции 1905—1907 гг. и Великой Октябрьской социалистической революции на рабочее движение и революционный подъем в Польше, на процесс образования в ней буржуазного государства.

Уже в первой половине 50-х годов были достигнуты заметные сдвиги в изучении периода складывания раннефеодального Польского государства, эпох Возрождения и Просвещения в Польше, крестьянского вопроса в польских восстаниях XIX в. Интенсивно продолжались исследования в области экономической истории. Продвинулось изучение истории Силезии, западных земель и Поморья. Началась разработка проблем истории второй мировой войны и движения Сопротивления в Польше. Появился ряд работ и публикаций документальных материалов по новой и новейшей истории.

Отдельные исследования по истории польского средневековья, национально-освободительного движения в XIX в., рабочего и коммунистического движения в межвоенный период, буржуазной Польской республики, антифашистской борьбы польского народа в годы второй мировой войны еще страдали схематизмом и одностороностью. Это относится и к некоторым документальным публикациям, в которых отсутствовал ряд важных источников. И все же в первой половине 50-х годов расширилось влияние марксистской методологии, стали разрабатываться новые проблемы, в научный оборот был введен ряд новых материалов по истории рабочего и крестьянского движения, была организована подготовка кадров историков.

Во второй половине 50-х годов продолжалось развитие исследований как по традиционной для польской историографии проблематике, так и по вопросам новой и новейшей истории. Важное значение имело расширение источниковой базы. Были опубликованы документы КПП 30-х годов, переизданы труды ее руководящих деятелей. Все более интенсивно изучались различные проблемы межвоенного периода и второй мировой войны, революционных преобразований в первые послевоенные годы, буржуазных и мелкобуржуазных политических движений и партий — национальной демократии, пилсудчиков, христианской демократии, эмигрантского лондонского лагеря и его делегатуры в стране в годы войны, людовцев и др.

В области изучения этногенеза славян и формирования раннефеодального Польского государства своей фундаментальностью выделяются труды Г. Ловмянского (1898—1985), долгие годы

возглавлявшего Исторический институт Познанского университета. В монографии «Экономические основы формирования славянских государств» (1953) он показал, как изменения в технике производства сельскохозяйственной продукции у древних славян привели к социальному расслоению, повлекшему за собой качественный скачок в развитии общественных институтов — появление государственного аппарата. В 1964—1985 гг. вышли в свет шесть томов труда Ловмянского «Начало Польши. Из истории славян в I тысячелетии н. э.». Историк заново проанализировал, что было общеславянским, а что древнепольским в этногенезе славян на польской территории. Протославяне в древности, великое переселение народов, экономические, социальные и политические изменения, образование государств у южных славян, развитие южной Польши, Древнерусское государство, борьба полабских славян за свою независимость, формирование государственности на племенной территории полян — вот направления, по которым ведется исследование в этом труде. Дальнейшим шагом в разработке проблем ранней истории славян явилась работа Ловмянского «Религия славян и ее упадок. VI—XII века» (1979), подтверждавшая и углублявшая основные выводы его главного труда фактами из области общественного сознания и культуры.

По истории западных и северных земель Польши кроме монографий и сборников статей к настоящему времени созданы обобщающие труды: «История Поморья» (т. 1—2, 1969—1984), «История Силезии» (т. 1—3, 1960—1976), а также «История Щецина» (т. 1—2, 1963—1983).

Ведется изучение проблем рабочего класса и рабочего движения в Польше. Имеются монографии о рабочих партиях и организациях (Великом Пролетариате, Союзе польских рабочих, ППС до раскола в 1906 г., ППС в прусской части польских земель, СДКПиЛ, ППС-левице, ППС-фракции, межвоенной ППС, КПП, ППР, возрожденной ППС и ПОРП), а также связях польского рабочего движения с международным рабочим движением. Опубликованы первые обобщающие труды, в том числе «История польского рабочего движения. 1864—1964» (т. 1—2, 1967). В работах по истории рабочего класса и рабочего движения, изданных в последние годы, заметен новый подход к проблемам. Историки не только анализируют программные стратегические и тактические установки рабочих партий, но и во все большей степени вникают в процесс их реализации, изучают социальную базу партий и объективные условия их деятельности. История рабочих партий не рассматривается, как это иногда было прежде, в отрыве от истории рабочего класса и всего польского народа.

Ученые Института истории ПАН разработали под руководством С. Калябиньского долговременную программу исследований польского рабочего класса и рабочего движения, состоящую из пяти циклов работ. Задачи первого цикла — выявление экономических предпосылок, обусловивших генезис и развитие рабочего класса, анализ социальных последствий, вызванных переменами в про-

мышленности, изучение главных направлений индустриального развития. Второй цикл касается источников формирования, состава и социальной структуры рабочего класса, его численной динамики, территориального размещения и т. д. Работы третьего цикла посвящены проблемам политического, правового и материального положения рабочего класса. Прежде всего здесь, как считает С. Калябнинский, следует искать причины явного несоответствия между незрелостью капитализма в польских землях (в сравнении со странами Западной Европы) и широким размахом борьбы польского пролетариата. Наименее разработанные в польской историографии вопросы материальной и духовной жизни рабочего класса намечено исследовать в трудах четвертого цикла. И наконец, пятый цикл связан с проблематикой массового движения и пролетарских политических организаций.

Эта программа претворяется в жизнь. В ее рамках опубликовано несколько монографий по истории польского рабочего класса. Выходит специальное издание «Польский рабочий класс. Исторические исследования» (т. 1—10, 1970—1983).

Продолжается изучение истории польского рабочего движения. В настоящее время она стала общепризнанной научной дисциплиной, занимающей важное место в деятельности большинства исторических учреждений. Вместе с тем, несмотря на наличие монографий практически обо всех польских рабочих партиях, ряд проблем изучается недостаточно полно, а решение других нельзя считать удовлетворительным. Это и роль интеллигенции в рабочем движении, и политика партий по национальному вопросу, и взаимоотношения партий и государства, и отношение руководителей и рядовых членов отдельных рабочих партий к политическим традициям и т. д.

Интенсивно разрабатывается послевоенная история партий рабочего класса Польши. С середины 50-х до середины 70-х годов исследовалась в основном история ППР и ППС. К настоящему времени создано значительное число трудов о деятельности этих партий в разных сферах политической жизни не только в общепольском масштабе, но и в отдельных регионах. Предприняты первые попытки создания обобщающих работ по этой проблематике в хронологических рамках до 1948 г.

В 60—70-е годы активизировалось исследование людовского политического движения, что во многом было связано с развертыванием на рубеже 50-х и 60-х годов деятельности Института истории крестьянского движения при Главном комитете Объединенной крестьянской партии. С 1959 г. Институт издает «Ежегодник по истории крестьянского движения», координирует исследования по данной проблематике в масштабах страны. Всестороннее изучение политического движения польского крестьянства заметно тормозилось из-за слабости источниковой базы. Неотложные задачи по ее расширению решались одновременно с развертыванием исследовательской работы. Заметным явлением стало издание «Материалов по истории польского крестьянского движения» (т. 1—4, 1966—

1967), охвативших период с 1864 по 1945 г., и «Программ людовских партий» (1969).

Относительно неплохо изучен период с момента формирования людовского движения до 1945 г. Активно исследуется также время с 1945 г. до объединения крестьянских партий в 1949 г. Что касается изучения деятельности Объединенной крестьянской партии, то можно говорить лишь о первых ее шагах. Определенный этап работы по созданию истории крестьянства завершился с выходом коллективного труда «История польских крестьян» (т. 1—3, 1970—1980), посвященного периоду с момента формирования классового общества до 1945 г. Этот труд раскрывает общественные отношения в польской деревне в тесной связи с отношениями политическими, юридическими и культурными. В нем рассматриваются проблемы географической среды и ее влияния на сельское хозяйство, внутренней колонизации и наплыва пришлого населения, внутренней миграции и эмиграции, экономических основ жизни деревни, аграрного строя и социальных и правовых отношений, формирования национального и политического сознания крестьянства, классовой борьбы, политического движения, сельской культуры (материальной, духовной и социальной), просвещения и образования.

«История польских крестьян» отразила уровень знаний, достигнутый наукой к началу 70-х годов. В этом труде заметны новые веяния, которые нашли свое яркое проявление в работе XI съезда польских историков в Торунь (1974). Во-первых, это обращение к истории культуры в самом широком смысле этого слова. На съезде особенно широко обсуждались проблемы зарождения и развития современной широко обсуждались проблемы зарождения и развития современной польской политической культуры. Во-вторых, тенденция к отходу от господствовавшей долгое время традиции (особенно применительно к XIX—XX вв.), заключающейся в региональном освещении ключевых проблем экономической, политической и культурной жизни.

Больше внимания стало уделяться исследователями тому, что интегрировало польские земли, что было общего в устремлениях, культуре, просвещении их населения. Не случайно один из томов материалов торуньского съезда назван: «Пути интеграции общества в Польше XIX—XX веков» (1976).

Важным направлением исследований явилась история польско-русских и польско-советских связей и отношений. Это стало возможным во многом благодаря творческим контактам польских и советских историков. Начало им было положено еще в 40-е годы, а интенсивное развитие они получили в последующий период. Итогом сотрудничества стало издание документов о польском восстании 1863—1864 гг., о польско-советских отношениях, а также ряда монографий. В 1965 г. была создана Комиссия историков СССР и ПНР, которая периодически обсуждает на своих заседаниях актуальные проблемы истории двух стран. Результаты этих обсуждений находят отражение в совместных советско-польских публикациях.

70-е годы характеризовались еще одним важным успехом польской историографии. Буржуазная историческая наука так и не смогла с конца XIX в. создать ни одного обобщающего труда, охватывающего всю историю страны. Еще на методологической конференции 1952 г. было принято решение подготовить многотомную академическую «Историю Польши». Работа над нею заняла не один десяток лет и подошла к своему завершению лишь в начале 80-х годов. Это исследование, где впервые дана марксистская периодизация польской истории, в первую очередь предназначалось для специалистов и не могло удовлетворить потребности в такой книге, которая при строгой научности была бы доступна широкому читателю.

В 1975 г. вышло в свет первое массовое издание «Истории Польши», подготовленное группой познанских ученых. Изложение событий в книге доведено до середины 1970-х годов. В ней нет традиционного членения истории на политическую, экономическую, культурную и т. д. Развитие страны трактуется как интегральный процесс. Это относится и к истории рабочего движения и его партий.

Авторы избежали недостатка, часто присутствовавшего в предыдущих обобщающих работах и заключавшегося в том, что история партии в какой-то степени была оторвана от истории класса, а история класса — от истории народа. История народной Польши представлена в этой книге как естественное продолжение тысячелетней национальной истории и одновременно как преодоление явлений, которые были тормозом в развитии Польского государства и народа в предыдущие эпохи. Благодаря этому читатель впервые имеет перед собой цельный образ истории страны. Наконец, в книге сделана попытка дать периодизацию истории народной Польши.

В 1978 году вышла в свет «История Польши», написанная краковскими авторами. Изложение событий доведено в ней до 1948 г. В 1980 г. издан «Очерк истории Польши», подготовленный варшавскими историками.

На рубеже 60-х и 70-х годов проявилась тенденция к изучению истории польского общества как единого целого с особым упором на исследование социальных структур и всех типов сознания. В 70-е — первой половине 80-х годов было опубликовано много работ по этой проблематике. Если раньше, в конце 40-х — 60-е годы, история общества рассматривалась как история масс и преобладал экономический угол зрения, то в последнее время усилия ученых сосредоточены на уяснении роли и места отдельных классов, социальных слоев и прослоек на тех или иных этапах развития польского общества. С этим связана и упоминавшаяся выше программа исследований по истории польского рабочего класса. Институт истории ПАН приступил к разработке многотомного труда «Крестьяне в польском обществе». Продвинулось вперед изучение польской шляхты, помещиков и буржуазии. Сформировалась группа ученых, исследующих историю польской интеллигенции и ее место

в обществе. Достигнуты определенные результаты и в этой области.

Для польской исторической науки, как и раньше, был характерен интерес к вспомогательным историческим дисциплинам. Заметное оживление этого направления исследований наблюдается с конца 50-х годов. Были созданы пособия по польской хронологии (1957), генеалогии (1959), сфрагистике (1960), польской нумизматике в средние века (1964), истории латинского письма (1973). Особенно заметные успехи достигнуты в историографических исследованиях. Развитие этой отрасли исторических знаний в народной Польше связано с именем М. Серейского, опубликовавшего в 50—60-е годы ряд работ о видных представителях польской исторической науки XIX в. и направлениях, к которым они принадлежали. Несмотря на некоторый схематизм и определенную упрощенность оценок, особенно в работах 50-х годов, исследования М. Серейского заложили фундамент для более углубленного и всестороннего анализа истории польской исторической науки.

В 70-е и первой половине 80-х годов усилиями А. Ф. Грабского, Е. Матерницкого и других были созданы труды об отдельных течениях в польской историографии XVIII—XIX вв., хронологических периодах ее развития (например, с начала 1900-х годов до 1918 г.), отдельных историках (М. Бобжинском, Й. Лелевеле, С. Смольке, В. Смоленском и др.). Достойное место нашли историографические разделы в коллективном труде «Польская философская и общественная мысль» (т. 1—2, 1973—1975).

Последние два десятилетия отмечены интересом историков к методологии их науки. В ПНР выходит специальный сборник по вопросам методологии и историографии «Historyka» (т. 1—15, 1967—1985). Для более широкого ознакомления научной общественности и всех интересующихся историей своей родины с работами польских историков прошлого предпринят выпуск серии «Классики польской историографии», в которой уже изданы наиболее значительные труды Ш. Аскенази, М. Бобжинского, Т. Корзона, В. Смоленского, К. Шайнохи и др.

Значительному усилению внимания к истории страны способствовало осуществление в 60-е годы обширной программы, связанной с 1000-летием польской государственности. Проведение этих мероприятий в широких масштабах дало возможность выделить прогрессивные традиции прошлого, подчеркнуть решающую роль народных масс и значение послевоенного периода в истории Польши.

Постепенное освоение марксистской методологии польскими историками стимулировало их интерес к проблемам социально-экономического развития страны, классовой борьбы, революционного движения в городе и деревне, начального этапа коренных социальных преобразований, происходивших в Польше в результате установления народной власти.

ИСТОРИОГРАФИЯ ЧЕХОСЛОВАЦКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Становление марксистской историографии

В развитии чехословацкой исторической науки в 1945—1985 гг. можно выделить ряд этапов. Первый из них — становление марксистской историографии. Он охватывал середину 40-х — начало 50-х годов и проходил в условиях острейшей классовой и идеологической борьбы. До конца 40-х годов решающие позиции в историографии сохраняли представители буржуазной науки, о чем свидетельствовало содержание и направленность изданных тогда работ по средневековой истории, публикаций к 100-летию революции 1848—1849 гг. Под лозунгом защиты прежних трактовок исторического процесса прошел в 1947 г. II съезд чехословацких историков. Буржуазные ученые, отстаивавшие концепции Я. Голла и И. Пекаржа, господствовали в научных учреждениях и вузах.

Задачей зарождающейся марксистской исторической науки была разработка новой периодизации чешской и словацкой истории и критика буржуазных концепций. В середине 40-х годов против разработанной Пекаржем периодизации национальной истории выступил Вацлав Гуса (1906—1965). В книге «Эпохи чешской истории» (1946) он принял в качестве научной основы периодизации смену общественно-экономических формаций. Ольдржих Ржига (1911—1974) в своем труде «Экономическое и социально-политическое развитие Чехословакии. 1790—1945» (1946), исходя из материалистического понимания исторического процесса, сделал попытку выявить закономерности экономического и общественно-политического развития чешских земель и Словакии в новое и новейшее время, а также поставил проблемы генезиса капитализма в чешских землях, этапов их развития и т. д.

Для выработки марксистской концепции чехословацкой истории много сделал Зденек Неедлы. В брошюре «Коммунисты — наследники традиций чешского народа» (1946) он указал на наличие в национальной истории двух линий. Одна из них — демократическая, революционная, прогрессивная; другая — реакционная.

Неедлы определил гуситское движение как «великую народную и национальную революцию» и послебелогорский этап — как «период наибольшего упадка» и показал, что именно народ, несмотря на «эпоху тьмы», открыл путь к национальному возрождению. Пражское восстание 1848 г. он называл «самой большой гордостью чешской нации со времен гуситов». Неедлы опроверг утверждения буржуазной историографии о якобы непатриотичном характере деятельности компартии.

Необходимые условия для расширения влияния марксистской методологии были созданы в результате победы чехословацких трудящихся в феврале 1948 г. Произошло принципиальное измене-

ние в положении исторической науки. Перед ней была поставлена задача не только научной разработки проблем чешской и словацкой истории, но активного участия в формировании социалистического мировоззрения. Решению этой задачи способствовали упрочение организационных основ исторической науки, создание системы подготовки марксистских кадров. Реорганизовалась Чешская академия наук и искусств, президентом которой с июля 1945 г. был Неедлы. В 1952 г. начала свою деятельность Чехословацкая академия наук (ЧСАН), а в 1953 г. — Словацкая академия наук (САН) как ее органическая часть. Большую роль в подготовке научных кадров в духе марксизма-ленинизма сыграли новые научные центры — Институт истории КПЧ при ЦК КПЧ и Институт истории КПС при ЦК КПС, созданный на базе Института Словацкого национального восстания. В эти же годы были учреждены Институт истории ЧСАН в Праге (с филиалом в Брно) и Институт истории САН в Братиславе, Чехословацко-советский институт и Силезский институт.

Подверглась реорганизации историческая периодика. С 1953 г. начали выходить «*Ceskoslovenský časopis historický*» («Чехословацкий исторический журнал») в Праге и «*Historický časopis*» («Исторический журнал») в Братиславе. Издавались также «*Slovenský přehled*» («Славянское обозрение»), «*Casopis Matice Moravské*» («Журнал Матицы моравской»), «*Historie a vojenství*» («История и военное дело»), ежегодники «*Historický sborník*» («Исторический сборник») в Праге, «*Historické štúdie*» («Исторические статьи») в Братиславе.

Произошла реорганизация архивов и музеев. Они были ориентированы на подготовку публикаций источников, особенно по новой и новейшей истории. Стали издаваться на чешском и словацком языках сочинения К. Маркса, Ф. Энгельса и В. И. Ленина.

Создание системы научных учреждений, реорганизация архивов и исторической периодики — все это были необходимые условия для усиления влияния марксистской историографии.

Вышли из печати первые работы историков-марксистов. Книга Арношта Климы «Начало чешского рабочего движения» (1949) была одной из них. Заметное влияние на формирование марксистской науки в Словакии оказала монография Милоша Госиоровского (1920—1978) «К истории словацкого рабочего движения» (1951). Основное внимание автор уделил движению словацкого пролетариата в конце XIX в. — начале 1920-х годов, не исследованной проблематике создания КПЧ. В 1949 г. увидела свет книга «КПЧ в борьбе за свободу», в которой была сделана первая попытка дать анализ событий в Чехословакии в 1938—1945 гг., раскрыть роль компартии в борьбе за социальное и национальное освобождение. Несмотря на известный схематизм, эта работа, а также монография М. Госиоровского «Борьба КПС в подполье и Словацкое национальное восстание» содержали марксистскую трактовку переломного периода в истории страны.

Развитие исторической науки в середине 50-х — середине 60-х годов

В середине 50-х годов был в основном завершен процесс создания организационных основ для развертывания исследований по истории. На новом этапе исследовательскую работу вели, кроме названных выше академических учреждений, Археологический институт, Институт востоковедения, Институт истории европейских социалистических стран и ряд научных кабинетов, некоторые другие центры (например, Институт государства и права), а также кафедры истории философских факультетов университетов и пединституты.

Активизировались исторические общества, действовавшие при Чехословацкой и Словацкой АН и объединявшие профессиональных историков. На рубеже 50-х и 60-х годов начали выходить ежегодники «Historica» («История») в Праге и «Studia historica slovačka» («Словацкие исторические штудии») в Братиславе, где публиковались статьи чехословацких историков на иностранных языках, «Slovanské štúdie» («Славянские статьи») — орган Института истории европейских социалистических стран САН, «Sborník Matice Moravské» («Сборник Матицы моравской») вместо «Журнала Матицы моравской». Были основаны журналы «Dějiny a současnost» («История и современность»), «Dějepis a zeměpis ve škole» («История и география в школе») и региональные печатные органы.

Серьезное внимание уделялось публикации источников, созданию фонда материалов по новому и новейшему периоду (особенно Словакии). С начала 50-х годов по наиболее сложным и принципиально важным проблемам чешской и словацкой истории систематически проводились конференции и дискуссии. Значительно расширились международные контакты чехословацких историков, прежде всего с учеными социалистических стран.

На втором этапе развития чехословацкой историографии продолжались овладение марксистско-ленинской методологией, разработка марксистской концепции национальной истории. Это потребовало расширения хронологических и тематических рамок исследований, изучения классово-борьбы, революционных процессов, социально-экономической проблематики, освоения прогрессивных традиций отечественной науки. Одной из центральных задач оставалась разработка периодизации чешской и словацкой истории. Новая концепция национальной истории была изложена в макете коллективного труда «Обзор чехословацкой истории» (т. 1—3, 1958—1960), охватившего период от древнейших времён до 1945 г. Был издан т. 1 «Истории Словакии» (1961); т. 2, вышедший в 1968 г., довел изложение до 1900 г. В этих исследованиях дана общая картина исторического развития чехов и словаков. Авторы уделили главное внимание выяснению закономерности социально-экономического развития, основных направлений борьбы за свободу и социальный прогресс. Недостатками этих работ были слабая

увязка национальной истории с всемирно-историческим и общеевропейским контекстом, малая изученность ряда региональных проблем.

В рамках второго этапа появились также новые учебники и пособия по истории Чехословакии для высшей школы.

Интенсивному изучению ранней истории славян (VI—IX вв.), их экономического, политического и культурного развития способствовали археологические открытия, сделанные в Чехословакии. Пролученный новый материал позволил углубить характеристику общественной жизни и материальной культуры Великой Моравии, показать высокий уровень ее социально-экономического и общественно-политического развития. Об этом свидетельствуют монография Й. Поулика «Из глубины веков» (1956) и цикл его работ, подводящих итоги раскопок в Микульчицах (1959—1963). Проблемами генезиса раннефеодальных государств занимались Я. Бём, Б. Гавранек, Л. Гавлик, В. Грубы, Я. Декан, П. Раткош, Б. Хроповский и др. Для них были характерны широкое использование письменных источников и археологических находок, повышенный интерес к процессам социально-экономического и культурного развития, стремление определить место Великой Моравии в европейской истории.

Важным направлением исследований стало изучение феодализма, выяснение его особенностей в чешских землях и Словакии, места и роли внутренних и внешних факторов становления феодальной формации, уяснение значения борьбы против немецкой экспансии. Историки начали интенсивно разрабатывать проблемы социальных противоречий, классовой борьбы. Большое количество работ было посвящено возникновению и росту средневековых городов, изменениям их социальной структуры.

Зденек Фиала (1922—1975) в монографиях «Чехия периода Пржемысловичей. Чешское государство и общество в 995—1310 гг.» (1965, 2-е изд. — 1975), «Предгуситская Чехия. 1310—1419 гг. Чешское государство под властью Люксембургов» (1968, 2-е изд. — 1978) затронул ряд спорных вопросов формирования и развития Чешского феодального государства, отметил высокий уровень ремесла.

В исследованиях по истории развитого и позднего феодализма много внимания уделялось гуситскому движению, была намечена его периодизация, определены движущие силы, причины поражения, показано его значение в истории чешского народа. Гуситское движение рассматривалось теперь как классовое, социальное. Вместе с тем оно приравнивалось к Крестьянской войне в Германии, трактовалось как неудавшаяся буржуазная революция, а послегуситский период характеризовался как время экономического и политического упадка, прежде всего городов.

Заслугой исследователей на этом этапе было выявление масштаба гуситского движения в различных областях Чехии. Важное значение имела публикация в 60-е годы проповедей Гуса о церкви и других его сочинений. Началось углубленное изучение деятель-

ности Гуса, вышли монографии Ф. Шмагела об Иерониме Пражском (1966) и Яне Жижке (1969), И. Кейржа о Яне из Ясениц (1965), А. Мики о Петре Хельчицком (1963). Были опубликованы работы Б. Варсика «Гуситское революционное движение и Словакия» (1965) и Фр. Бартоша «Гуситская революция» (т. 1—2, 1965—1966).

В эти годы развернулось исследование комплекса проблем добелогорского периода. Прежде всего изучались основные тенденции развития экономики и социальной структуры феодального общества. В монографии Йозефа Яначека «Ремесленное производство в чешских землях в XVI в.» (1961), сборнике «К экономической и социальной истории Чехии в XVI—XVIII вв.» (1967) и ряде других работ были показаны новые явления в экономике чешских земель и Словакии, развитии ремесла.

Началось изучение организационных форм феодального хозяйствования в чешских землях, в частности фольварка (велькостатка) и его специфики, положения крестьян. И. Валка посвятил монографию фольварочному хозяйству Моравии (1962). Вышла книга И. Петраша «Зависимое население в Чехии к началу Тридцатилетней войны» (1964). Ученые приступили к исследованию положения населения в отдельных областях Чехии. Появились работы о крестьянских волнениях, о восстаниях 1680 и 1775 гг. и восстании словацких крестьян 1831 г.

Анализ оппозиционного движения, борьбы сословий против Габсбургов содержала книга Йозефа Полишенского «Тридцатилетняя война и чешский народ» (1960). Автор отстаивал тезис о классовой ограниченности сословной оппозиции и критиковал буржуазную концепцию возникновения Тридцатилетней войны. Акцент на классовом характере сословной оппозиции был характерен и для монографии Ф. Кавки «Белая Гора и чешская история» (1962).

Развернувшаяся в 60-е годы дискуссия по вопросу о кризисе феодализма XVII в. и «втором издании крепостничества» показала необходимость всесторонне проанализировать развитие барщинно-фольварочного хозяйства в XVI—XVIII вв. и процесс формирования внутримперского рынка. Обобщенную картину социально-экономического и политического развития, изменений в положении крестьянства, чешско-словацких отношений представил И. Мацурек в монографии «Чешские земли и Словакия. 1620—1750» (1969). Мануфактурный период в истории Словакии (1725—1825) нашел отражение в книге А. Шписа (1961).

В середине 50-х — середине 60-х годов была предпринята попытка дать материалистическую трактовку проблем новой и новейшей истории, которые, как правило, не затрагивались буржуазными авторами. На первый план ученые выдвинули выявление предпосылок и условий развития капитализма, особенностей империализма в чешских землях и Словакии. Вышел «Краткий очерк экономического развития Чехословакии до 1955 г.» (1962). Заметный вклад в изучение производительных сил внес В. Гуса. В «Ис-

тории Чехословакии» (1961, 2-е изд. — 1962; рус. пер. — 1963) — первом научно-популярном курсе по истории чехов и словаков с древнейших времен до начала 60-х годов XX в. — он очертил круг теоретических и конкретно-исторических проблем, ставших в последующий период предметом детального анализа.

Значительных результатов добились историки в изучении переходного периода от феодализма к капитализму. Началось исследование процесса разложения феодализма и вызревания капиталистических отношений, экономического и социального развития Чехии, Моравии и Силезии в XVIII — первой половине XIX в. Развитию промышленности чешских земель была посвящена работа А. Климы «Мануфактурный период в Чехии» (1955), в которой показана специфика так называемого первоначального накопления и складывания общенационального рынка в Чехии.

В труде Ярослава Пурша «Промышленная революция в чешских землях» (1960) были освещены основные теоретические и методологические аспекты проблемы, обоснована периодизация промышленного переворота, выявлены его особенности в отдельных отраслях производства, показан процесс складывания буржуазии и пролетариата. В монографии Йозефа Кочи «Наше национальное возрождение» (1960) было раскрыто содержание и главные особенности той эпохи, своеобразии процесса формирования чешской буржуазной нации.

Развернулось изучение классовой и национально-политической борьбы накануне и в ходе революции 1848—1849 гг., деятельности чешской радикальной демократии. Несмотря на некоторую идеализацию ее ведущих представителей, сборник «И. В. Фрич и демократические течения в чешской политике и культуре» (1956), работы В. Жачека и других историков внесли много нового в разработку этой проблематики.

Заметный шаг вперед был сделан в изучении формирования пролетариата, развития рабочего движения, выработке его периодизации, характеристике начального его этапа. Началась разработка этих проблем на местных материалах. Вышли работы Б. Шинделаржа «Из истории рабочего движения в Брненской области» (1956), М. Мишки «Острава на пороге промышленной революции» (1959) и др. Одним из результатов исследований было определение масштабов, характера и форм участия народных масс в национальном движении.

Предметом пристального внимания стал процесс формирования во второй половине XIX в. национально-политических течений в чешском и словацком обществе. Разработку проблем формирования чешской и словацкой нации вели И. Бутвин, Л. Голотик, М. Грох, Я. Гучко, И. Колейка, В. Матула, Ю. Месарош и др. Историки, изучавшие национально-освободительное движение второй половины XIX — начала XX в., показали тесную связь национальных и социальных процессов, выработали верный подход к проблемам буржуазного национализма; национальное движение стало анализироваться на материалах отдельных регионов. Актив-

но изучалось массовое таборское и рабочее движение в чешских землях и Словакии. Для этого периода развития чехословацкой историографии характерно стремление воссоздать картину развития рабочего и социалистического движения с момента его возникновения, выявить причины усиления в нем оппортунистических тенденций в конце XIX в., проследить процесс превращения социал-демократических партий в социал-реформистские.

В монографии М. Госиоровского «История словацкого рабочего движения. 1848—1918» (1956, рус. пер. — 1958) впервые была разработана и обоснована периодизация словацкого рабочего движения, выявлены его особенности в период империализма, показано влияние революционных событий в России, прежде всего революции 1905—1907 гг. и Великой Октябрьской социалистической революции, на развитие классовой борьбы словацкого пролетариата.

Исследуя историю чешских земель и Словакии конца XIX — начала XX в., ученые раскрывали специфические черты империализма в Австро-Венгерской монархии, подчеркивали роль чешских земель как основного промышленного центра ее австрийской части, пытались дать общую картину развития национально-политической борьбы в этот период. Началось исследование политики буржуазных партий и их лидеров. Юрий Кржижек в монографиях «Т. Г. Масарик и наш рабочий класс» (1955), «Т. Г. Масарик и чешская политика» (1959) разоблачил реформистский курс так называемых реалистов, их попытки использовать демократическую фразеологию для распространения своего влияния на рабочий класс.

Был сделан шаг вперед в изучении чешско-русских связей. Этой проблематике посвящены такие работы, как «История чешско-русских связей. 1770—1917» (1967), «Славянская идея в национальной жизни чехов и словаков» (1968) и др. Подробно анализировалось влияние первой российской революции на чешские земли и Словакию (О. Кодедова. «Первая русская революция и ее отклики у нас», 1955; М. Пиш. «Отклики русской буржуазно-демократической революции в Словакии. 1905—1907», 1966). Исследовалось положение чешских земель и Словакии в годы первой мировой войны, выявлялись объективные причины распада Австро-Венгрии.

В середине 50-х годов началась разработка чехословацкой истории межвоенного периода: активно изучался процесс образования буржуазной республики, были подготовлены многотомная публикация о влиянии Великого Октября на классовую борьбу и национально-освободительное движение чешского и словацкого народов, монографии по этой теме. Историки продолжили разработку концепции Я. Швермы, подчеркивавшего роль Октябрьской революции в образовании Чехословакии. В 1957 г. была издана книга О. Ржиги «Отклики Октябрьской революции в ЧСР».

В работах Людевита Голотика (1923—1985) «Легенда Штефаника и возникновение ЧСР» (1958, 2-е изд. — 1960), «Октябрьская революция и национально-освободительное движение в Сло-

вакии в 1917—1918 гг.» (1958; рус. пер. — 1960) нашла отражение деятельность буржуазной эмиграции в годы первой мировой войны, показаны истоки революционного подъема 1918 г. и его решающее значение в процессе образования Чехословакии. При этом автор подчеркнул, что распад реакционной монархии Габсбургов был неизбежен.

Характерным для данного периода было обращение к истории рабочего и революционного движения, образования КПЧ. Вышла «История Коммунистической партии Чехословакии» (1961), рисующая картину классовой борьбы чешского и словацкого пролетариата, распространения и утверждения в нем коммунистической идеологии. Возникновение и развитие Компартии Словакии исследовали Л. Голотик, З. Голотикова, М. Вартикова и др. В 1961 г. вышел в свет коллективный труд «КПС и аграрный вопрос в Словакии в 1921—1960 гг.». Процессу формирования единого рабочего и народного фронта, политике буржуазии, ее различных группировок посвятили свои труды З. Менцл, Я. Цезар, В. Черны и др. Были опубликованы монографии Вилиама Плевзы «КПЧ и революционное движение в Словакии (1929—1938)» и «Дависты в революционном движении» (обе 1965).

В этот же период историки сделали попытку проанализировать социально-экономическое развитие Чехословакии в межвоенный период, показать его особенности и основные противоречия, раскрыть воздействие происходивших в экономике процессов на сферу политики. Вышел обобщающий труд И. Фальтуса и В. Прухи (1969) об экономическом развитии Словакии в 1918—1945 гг. В ряде исследований шла речь о проявлениях кризиса в чехословацкой промышленности, о процессе монополизации экономики. В результате постепенного расширения круга проблем и привлечения новых источников в середине 60-х годов появились исследования о социально-экономическом развитии различных регионов, отдельных отраслей промышленности.

Заметный интерес ученых вызвали также внешнеторговые связи и внешняя политика буржуазной республики. В начале 60-х годов историки приступили к изучению положения рабочего класса, социальной структуры общества в целом. Был подготовлен ряд трудов по чехословацкой истории от мюнхенского сговора до конца второй мировой войны. Всесторонний анализ этих проблем дан в работе Вацлава Крала (1926—1983) «Вопросы экономического и социального развития чешских земель. 1938—1945» (т. 1—3, 1957—1959). Автором прослежено усиление влияния германских монополий на экономику Чехословакии; выявлены истоки коллаборационизма крупной чешской буржуазии и его политические последствия, показаны процесс складывания двух направлений в движении Сопротивления и закономерность победы национально-демократической революции.

Большое внимание уделялось Словацкому национальному восстанию 1944 г. Монография М. Госиоровского о восстании (1954) была посвящена его международным аспектам, участию в нем ин-

тернационалистов, книга Яна Долежала и Йозефа Грозиенчика «Международная солидарность в Словацком национальном восстании» (1959) показывала помощь СССР, работа Мирослава Кропилака «Участие солдат в Словацком национальном восстании» (1960) — роль армии. Восстание изучалось не только как организованное вооруженное выступление против фашизма, но и как массовая борьба трудящихся за воссоздание Чехословацкой республики на новых демократических началах.

Однако объективному анализу проблем национально-освободительного движения и начального периода строительства социализма в Чехословакии препятствовали проявления догматизма в политической и идеологической жизни страны. Переломное значение для разработки этих проблем имела монография Густава Гусака «Свидетельство о Словацком национальном восстании» (1964, 1969, 1974, 1975; рус. пер. — 1969). Преодоление упрощенческого подхода характерно также для коллективного труда «Исторический перекресток. Словацкое национальное восстание, предпосылки и итоги» (1964). Началось исследование национально-демократической революции и строительства социализма в Чехословакии.

Кризис исторической науки в конце 60-х годов

Наряду с успехами в развитии чехословацкой исторической науки к середине 60-х годов обозначились и ее слабые стороны, имевшие ряд причин. В науку вливалась молодежь, не имевшая достаточного опыта борьбы с буржуазной идеологией. Некоторые исследователи, особенно те, которые сложились как ученые в межвоенный период, не вполне овладели марксизмом-ленинизмом и порой признавали его лишь формально. Интерес историков к теории был традиционно слаб, критическое отношение к буржуазной историографии отсутствовало. Все это вело к схематизму и догматическому восприятию основных марксистских положений. В то же время заметно усилилось влияние исторических концепций, утвердившихся на Западе. Отступление от классового подхода в анализе и оценке событий в сочетании с непреодоленными традициями масарикизма, социал-демократизма и буржуазного национализма открыло дверь для распространения буржуазных и мелкобуржуазных взглядов и оказало отрицательное влияние на разработку отдельных проблем.

Ревизионистские и буржуазно-националистические концепции воздействовали на характеристику рядом авторов истории страны в XIX и XX вв. Это сказалось прежде всего в «надклассовой оценке» роли чешской буржуазии, особенно деятельности Палацкого, Масарика и др., подчеркивании национальных моментов, преувеличенном критицизме в отношении рабочего движения, раздувании ошибок лидеров левого крыла социал-демократии и деятелей КПЧ. Особенно яростным нападкам подвергались марксистские оценки узловых моментов новейшей истории, таких, как образование Чехословакии (замалчивалось влияние Великой Октябрьской

социалистической революции), межвоенный период (превозносились успехи буржуазной республики, представляемой как национальный идеал), Мюнхенское соглашение (принижалась ответственность правящих кругов за предательство национальных интересов), события периода второй мировой войны (оправдывалась коллаборационистская политика чешской буржуазии, принижалась роль КПЧ в борьбе с фашизмом), первые послевоенные годы (извращались характер событий 1945—1948 гг., особенно февраля 1948 г., и особенности социалистических преобразований в ЧССР). Ставился вопрос о необходимости поиска «третьего пути».

Заметное влияние ревизионистских настроений обозначилось в середине 60-х годов в академических институтах, высшей школе, периодике (журнале «История и современность», «Чехословацком историческом журнале»). Указанные тенденции открыто проявились на IV съезде чехословацких историков (1966). Особенно активизировались сторонники антимарксистских взглядов в ходе внутривнутриполитического кризиса 1968 г., когда марксистская историография подверглась атаке с их стороны, а часть историков перешла на антисоциалистические и антисоветские позиции.

Первый этап борьбы против ревизионизма завершился опубликованием в декабре 1970 г. документа ЦК КПЧ «Уроки кризисного развития в Компартии Чехословакии и обществе после XIII съезда КПЧ». Конкретно, принципиально и последовательно противостоят ревизионизму в исторической науке призвал ученых общегосударственный семинар чехословацких историков (1972). В качестве первоочередной была выдвинута задача углубить разработку теоретических, методологических и идеологических проблем науки, критически оценить работы историков 50-х — середины 60-х годов и кризисного периода.

Семинар наметил программу дальнейших исследований. Предстояло приступить к подготовке нового обобщающего труда по национальной истории. Историки были ориентированы на изучение принципиально важных явлений общественного развития, узловых проблем истории чехов и словаков, особенно в новейшее время, истории КПЧ и рабочего движения, на утверждение социалистического мировоззрения, социалистического интернационализма и патриотизма.

Историческая наука на современном этапе

Новый этап в развитии чехословацкой исторической науки начался с 70-х годов. Реорганизация академических институтов, кафедр высшей школы, укрепление редколлегий журналов, перестройка архивного дела были направлены на преодоление последних кризиса, подготовку новых научных кадров. Комплексное изучение строительства в Чехословакии социалистического общества было определено как главная задача историков.

Для современной чехословацкой историографии характерны расширение тематики, отказ от схематизма, уточнение понятийного

аппарата, стремление увязать национальную историю с общеевропейской, дать объективную оценку ряда явлений, включая их негативные стороны, интерес к идеологическим проблемам, расширение источниковой базы. Эти тенденции проявились в обобщающих трудах «Обзоре истории Чехословакии» (ч. I—1980, ч. II—1982), охватывающем период до 1848 г., «Истории Словакии» (т. 5—1985, т. 1, 4—1986). Заметно вырос уровень исследований, увеличилось число и объем научных публикаций. Об этом свидетельствует справочник «Историография в Чехословакии. 1970—1980. Избранная библиография» (1980), в котором раздел по истории Чехословакии включает около 5 тыс. названий. Многообразие исторической продукции за следующее шестилетие отражает справочник «Историография в Чехословакии. 1980—1985» (1985), подготовленный Институтом чехословацкой и всеобщей истории ЧСАН в Праге совместно с Институтом исторических наук САН в Братиславе. В названных справочниках перечислены все периодические издания по истории, выходящие в настоящее время в ЧССР.

Главные силы историков сосредоточены на важнейших проблемах отечественной истории, особенно на проблемах строительства социалистического общества, на разработке методологических вопросов исторической науки. Появлению «Обзора истории Чехословакии», «Истории Словакии» предшествовало изучение всего комплекса вопросов развития чешских земель и Словакии.

Предметом повышенного внимания были этногенез славянских народов, выяснение характера заселения территории Чехословакии славянами, специфики формирования чешской и словацкой народностей. Привлечение ранее неизвестного археологического и топонимического материала, издание в 1966—1977 гг. 5-томного свода всех письменных источников открыли новые возможности для выяснения исторических судеб Великоморавской державы. Этой проблеме посвящен труд Бранислава Варсика «Заселение Кошицкой котловины» (т. 1—3, 1964—1977). В монографии Б. Хроповского «Словакия на заре истории» (1970) отстаивается положение о раннем заселении славянами территории Словакии, показано ее определяющее значение как ядра объединения Само, значительный уровень развития производительных сил которого подготовил формирование феодальной моравской государственности в IX в.

Закономерности становления и развития Великоморавской державы изучаются на основе междисциплинарных исследований историков, археологов, лингвистов, этнологов с использованием многообразного круга источников. Значительно расширила тематику исследований современная чехословацкая медиевистика. Обобщены новые материалы о развитии производительных сил и социальной дифференциации, подтверждены выводы о раннефеодальном характере Великой Моравии. Вопрос о типе ее государственности и народности исследуется в сборнике «Великая Моравия: начало чехословацкой государственности» (1985). Зарождение и упрочение раннефеодальной государственности, взаимодействие

разных этносов, влияние внешнеполитических факторов рассматриваются в работах И. Поулика, Л. Гавлика, В. Грубого, А. Руткаи, Б. Хроповского и др. Для исследователей Великой Моравии характерен интерес к ее политической организации, разным аспектам развития государственности, общественной структуре, функциям административной, военной и судебной властей, взаимоотношениям Великой Моравии с Византийской империей. Традиционное внимание к деятельности Кирилла и Мефодия переросло в изучение выдающегося историко-культурного значения наследия Великой Моравии, ее места и роли в европейской истории, в этнокультурных процессах.

Образованию Чешского государства в IX—X вв. посвящена монография Душана Тржештика «Начало Пржемысловичей» (1981). Экономическая и социальная история IX—XIII вв. нашла отражение в книге Матуша Кучеры «Словакия после падения Великой Моравии» (1974). Опубликованы также книга Ростислава Нового «Государство Пржемысловичей в XI—XII столетиях» (1972), дополненные и переработанные монографии Зденека Фиалы. Авторы этих работ, широко используя сравнительный анализ данных истории ряда стран, отстаивают положение о существовании своеобразной средневропейской модели феодального государства. Эта проблема стала предметом дискуссий на международных научных конференциях, о чем свидетельствуют материалы одной из них — «Структура феодального общества на территории Чехословакии и Польши до середины XVI в.» (1981).

Органическим звеном исследований стало изучение широкого круга проблем развитого феодализма. Заметные изменения внесены в концепцию гуситского движения. Историки отказались от рассмотрения его как раннебуржуазной революции. Уточнена периодизация движения, отброшен упрощенный подход, выражавшийся в установлении прямой взаимосвязи его экономического и политического факторов, социально-экономических отношений и других сфер общественного развития. Наблюдается стремление к изучению изменений, происшедших в социальной структуре чешского общества в послегуситский период, ученые подчеркивают оживление хозяйственной жизни во второй половине XV в., отмечают экономический подъем городов, расширение их политических прав. Углубленно исследуется и такая традиционная тема, как роль церкви в политической жизни общества.

Серьезное внимание уделяется идеологическим процессам средневекового периода (Франтишек Шмагел. «Национальная идея в гуситской Чехии»; 1971), активно ведется изучение таборитского движения; в 1971 г. проведен симпозиум по этой проблематике, выходит специальный сборник «Гуситский Табор». Продолжено исследование деятельности выдающихся представителей гуситского движения, о чем свидетельствует книга Мирослава Поливки «Микулаш из Гуси и мелкая шляхта в начале гуситской революции» (1982). Среди работ общего характера заслуживает внимания книга Йржи Кейржа «Гуситы» (1984).

Заметный вклад в разработку проблем национальной истории позднего феодализма внесли ученые, начавшие изучать эту эпоху еще в 60-е годы. Активное исследование сословного устройства Чешского государства, различных аспектов столетней борьбы чешских сословий против Габсбургов, причин восстания 1618—1620 гг., таких его социально-политических последствий, как «второе издание крепостничества», превращение Чехии в провинцию монархии Габсбургов, привело к уточнению характеристики позднефеодального общества. Большинство историков отстаивает тезис об укреплении во второй половине XVI в. его феодального характера, отмечается расцвет шляхетского товарного хозяйства, приведший к усилению позиций шляхты, обострению ее отношений с городами.

А. Мика в монографии «Сто лет борьбы за характер Чешского государства. 1526—1627» (1974) изучил в общем контексте борьбы чешских сословий против централизаторской политики Габсбургов специфику существования сословного государства. Международный аспект отношений чешских сословий с габсбургским абсолютизмом исследовал Йозеф Полишенский в монографии «Тридцатилетняя война и европейский кризис XVII в.» (1970). Исследуется вопрос о движущих силах и социально-политических основах восстания 1618—1620 гг., о роли в нем различных сословий, отмечается политическая активность средней шляхты, участие интеллигенции в восстании.

Политическая борьба в Чехии в тесной связи с общим кризисом феодализма в европейских странах рассматривается Йозефом Яначеком. Его труды «Падение Рудольфа II» (1973), «Вальдштейн и его время» (1978) и другие показывают взаимоотношения сословий, противоречивый и ограниченный характер их оппозиции в начале XVII в., ее глубокий консерватизм, социальные изменения, происшедшие в городах. Проблемы кризиса феодализма, разложения крепостнических отношений изучаются как в общетеоретическом плане (М. Грох, Й. Петрань. «XVII век — кризис феодального общества?», 1976), так и в конкретно-историческом. Процессу дифференциации внутри господствующего класса, эволюции шляхты посвящены многочисленные работы Ярослава Панека, Йозефа Петрана и др.

Активно исследовались содержание, характер и хронологические рамки национального возрождения. Оно стало толковаться большей частью историков как специфическая форма перехода от феодализма к капитализму в восточно-европейском регионе. Заметно расширилась документальная база исследований по этой тематике за счет региональных данных. Историки перешли к типологическому сопоставлению процессов в чешском и словацком национальном возрождении, к исследованию его как социального и культурного феномена в развитии славянских народов Центральной и Юго-Восточной Европы в целом.

Широкий круг социально-экономических, национально-политических, идеологических и культурных проблем эпохи национально-

го возрождения рассмотрен в монографии Йозефа Кочи (1922—1986) «Чешское национальное возрождение» (1978). Автор обобщил результаты исследований по ряду дискуссионных вопросов, таких, как «второе издание крепостничества», формирование чешской нации и др. Серьезный поворот произошел в изучении экономического и социального развития, крестьянских движений. Вышли монографии А. Климы «На пороге нового общества. 1781—1848» (1979) и переработанное издание книги Я. Пурша «Промышленная революция. Развитие понятия и концепции» (1973).

На более высокий уровень поднялось изучение событий второй половины XIX — начала XX в. Это произошло благодаря расширению проблематики, углубленному изучению ее с привлечением неизвестных ранее материалов, разработке ряда теоретических вопросов, прежде всего национального, рассмотрению национальной истории в контексте процессов, проходивших в Центральной и Юго-Восточной Европе. При изучении чешской радикальной демократии серьезное внимание уделено ее связям с европейской революционной эмиграцией, с поляками и русскими революционерами. Изданы монографии Вацлава Жачека (1905—1986) «Йозеф Вацлав Фрич» (1979) и «Йозеф Барак» (1983).

Развитие рабочего движения, распространение марксизма, создание социал-демократических партий, укрепление интернациональной солидарности чешского и словацкого пролетариата, с одной стороны, усиление оппортунистических тенденций в руководстве чешской и словацкой социал-демократии, с другой — исследуется теперь с учетом общеавстрийской ситуации, политики I и II Интернационалов. Активно изучается влияние национального движения на рабочее. Значительный вклад в разработку этой проблематики внесли Юрий Кржижек, Йозеф Колейка, Ян Галандауэр, Олдржих Кодедова и др. Важное значение придается исследованию национального движения чехов и словаков, анализу условий, в которых оно развивалось в конце XIX — начале XX в. Выяснение вопроса о характере и роли чешской и словацкой буржуазии в национальной борьбе, об эволюции ее убеждений и политических требований подтверждает классовую ограниченность ее политики, а также империалистический характер действий чешской буржуазии. Этой проблематикой занимается Валентин Урфус, Ян Гавранек, Владислав Штясны, Томаш Войтек, Ю. Кржижек, Карел Герман, Павел Гапак, Милан Подримавски и ряд молодых исследователей, публикующихся в сериях «Сборник к истории XIX и XX столетий» и «Сборник к проблематике истории империализма». Издан обобщающий труд Отто Урбана «Чешское общество. 1848—1918» (1982).

Исследуются процессы образования независимого Чехословацкого государства, распада Австро-Венгрии, развертывания революционного национально-освободительного движения, появления новых политических реальностей, вызванных победой Великого Октября (Ю. Кржижек. «Возникновение Чехословакии», 1978; Вацлав Крал. «Возникновение Чехословакии», 1985; Вилиам Плевза.

«За новое государство чехов и словаков», 1975; Ян Галандауэр. «Отклики Великой Октябрьской социалистической революции в чешском обществе», 1977; и др.).

Последние 10—15 лет отличаются более тщательной разработкой проблем межвоенного периода, поставленных или частично изученных на предшествующем этапе развития чехословацкой исторической науки.

Социально-экономическая проблематика рассматривается в обобщающем коллективном труде «Экономическая история Чехословакии в XIX и XX столетиях» (1974). В. Лацина продолжил изучение вопросов социально-экономической жизни буржуазной республики, прежде всего кризиса в сельском хозяйстве. Анализ основных тенденций развития экономики в межвоенный период проведен в его монографии «Экономический кризис в Чехословакии. 1928—1934» (1984), в исследовании В. Прухи «Социальная структура чехословацкого общества в домюнхенской республике» (1970), а также в переработанном на основе новых материалов труде А. Хыбы «Положение рабочего класса в капиталистической Чехословакии» (1972). Продолжено изучение социальной истории межвоенного периода.

Уделяется внимание и политической истории буржуазной республики, ее внешней политике. Этой проблематикой занимается большая группа исследователей (Вацлав Крал, Ярослав Цезар, Роберт Квачек, Йозеф Гарна, Владимир Фиц, Вацлав Чада, Валериан Быстрицкий, Ладислав Деак, Зденек Дейл, Ян Чиерны и др.). Они изучают политику ведущих буржуазных партий, постепенно эволюционировавших вправо, их отношение к мюнхенскому сговору, позиции в годы войны и национально-демократической революции.

Автором ряда работ о кризисе 1938 г., второй мировой войне, по истории социалистических стран и историографии является Вацлав Крал. Вступив в принципиальный спор с буржуазными историками и оперируя большим фактическим материалом, который стал доступным в конце 60-х годов, в частности материалами британских архивов, он в монографии «Освобождение Чехословакии» (1975) проследил этапы чехословацкого движения Сопротивления, показал его социальную базу, направления и формы, раскрыл определяющую роль КПЧ в создании Национального фронта, вклад СССР в освобождение страны от фашизма.

Одной из наиболее изучаемых проблем стала история вооруженной борьбы чешского и словацкого народов в годы второй мировой войны. Обширная литература посвящена Словацкому национальному восстанию, Майскому восстанию в Праге, освобождению Чехословакии Советской Армией. Среди работ по этой проблематике — новый труд В. Плевзы «Вечные ценности» (т. 1—2, 1976), монография Мирослава Кропилака «Словацкое национальное восстание» (1975), в которых оно рассматривается как начало национально-демократической революции.

Исторические традиции дружбы между народами Чехословакии

и СССР, различные стороны развития отношений между двумя странами, конкретные формы их сотрудничества, а также упрочение социалистического содружества нашли отражение в научной продукции Чехословацко-советского института ЧСАН, в работах Честмира Аморта «СССР и освобождение Чехословакии» (1970; рус. пер. — 1976), «Освобождение Чехословакии Советской Армией» (1975), «Чехословацко-советские отношения в 1938—1943 гг.» и «Чехословацко-советские отношения в 1943—1945 гг.» (обе 1984), в монографиях В. Крала «Чехословацко-советское содружество в европейской политике. 1935—1939» (1970), «Чехословакия и Советский Союз. 1917—1971» (1971), труде чехословацких и советских историков «СССР — ЧССР. Сотрудничество и сближение» (1980) и др. Важнейшее значение имеет чехословацко-советское сотрудничество в деле публикации документов о чехословацко-советских отношениях.

Значительный интерес историков вызывают национально-демократическая революция, февральские события 1948 г., процесс образования социалистической федерации, совершенствование политической и социальной структуры ЧССР. Усиливается внимание к истории социалистического строительства, обобщению опыта революционно-преобразующей деятельности КПЧ, теоретическим вопросам построения социалистического общества, изучению возникновения и упрочения социалистического содружества, анализу общих закономерностей и этапов развития мировой социалистической системы.

Социально-экономическому, политическому и культурному развитию Чехословакии на современном этапе посвящен ряд коллективных сборников, обобщающих трудов, монографий: «Построение развитого социалистического общества» (1978), «Социалистическим путем. 1945—1975» (1975), «Первые шаги после освобождения» (1970), «Национальные отношения в социалистической Чехословакии» (1976), «Социально-классовая структура Чехословакии» (1978).

Историки попытались определить наиболее характерные черты социалистической национализации в Чехословакии. В монографии М. Боучека, М. Климеша, М. Вартиковой «Программа революции» (1975) прослежены выработка Национальным фронтом чехов и словаков программы социально-экономических преобразований, формирование взглядов коммунистов на решение аграрного вопроса после освобождения страны от фашизма. Особенности развития аграрной революции в Словакии на завершающем этапе освобождения страны от фашизма нашли отражение в труде Самуэла Цамбела «Словацкий аграрный вопрос. 1944—1948» (1972). Месту и роли отдельных классов и социальных слоев словацкого общества в революционном процессе посвящена книга М. Барновского «Социальные классы и революционные перемены в Словакии в 1944—1948 гг.» (1978).

История строительства социализма в Чехословакии и особенно процесс создания социалистической федерации исследованы в

монографии Вилиама Плевзы «Чехословацкая государственность и словацкий вопрос в политике КПЧ» (1971). Взаимоотношения между чехами и словаками в новейший период рассмотрены в монографии М. Госиоровского «Из истории чешско-словацких отношений» (1978), вышедшей на словацком и чешском языках.

С начала 80-х годов историей социалистического строительства активно занимаются П. Вошагликова, О. Фельцман, М. Мартичек.

Ведется разработка теоретических, методологических вопросов развития исторической науки. Первыми шагами в этом направлении стали опубликование материалов общегосударственного семинара историков 1972 г., издание обобщающего труда Франтишека Кутнара «Обзор истории чешской и словацкой историографии» (т. 1—2, 1973—1977) и выход в свет книг Вацлава Крала «Историография — ее ретроспективы и перспективы» (1973), «Мир идей истории» (1974) и др.

Обсуждение историографических проблем на V съезде историков Чехословакии в 1981 г. показало необходимость разработки истории исторической науки. Свидетельством нового уровня историографических исследований являются монографии Милана Куделки «О понятии славистики. Развитие представлений о ее предмете и сущности» (1984), содержащая анализ взглядов на предмет славяноведения с конца XVIII в. и до наших дней, Т. Войтеха «Чешская историография и позитивизм» (1985), В. Крала «Зденек Неедлы и школа Голла» (1986).

Применение марксистской методологии, углубленная разработка национальной истории, творческий подход к теории дают возможность чехословацким ученым решать многие важные проблемы исторической науки. Преодолены кризисные явления в ее развитии и достигнуты значительные успехи в исследовании истории чешского и словацкого народов.

Глава 4

ИСТОРИОГРАФИЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ФЕДЕРАТИВНОЙ РЕСПУБЛИКИ ЮГОСЛАВИИ

Условия развития исторической науки в новой Югославии

Освобождение Югославии от фашистского порабощения, победа народной революции, утверждение принципов социалистического самоуправления и политики неприсоединения в области внешних сношений во многом определяли направления, тенденции и характер исследований югославских историков.

Произошли коренные изменения во всех сферах науки и культуры югославского общества. В ходе развернувшейся культурной революции просвещение, достижения науки и культуры стали достоянием широких масс трудящихся. В прошлом отсталые нацио-

нальные регионы — получили свои университеты и научно-исследовательские центры, в том числе институты истории и институты истории рабочего движения. В 1950 г. был создан Союз обществ историков Федеративной Народной Республики Югославия (ФНРЮ). Началась реорганизация югославских архивов.

В 1947 г. был основан Исторический институт Сербской академии наук и искусств (САН), который с 1948 г. издает «Исторически часопис» («Исторический журнал»). В этом же году началось выступление Исторического общества республики Сербия, выпускающее «Исторически гласник» («Исторический вестник»). В рамках САН одним из центров, занимающихся отечественной историей, стал Институт балканистики, которым издается ежегодник «Балканика».

Для изучения истории рабочего и национально-освободительного движения, а также истории народно-освободительной войны и социалистической революции был создан Институт рабочего движения Сербии, который совместно с Музеем рабочего движения и народной революцией Воеводины и Обществом историков Косова с середины 60-х годов выпускает ежегодник «Токови революции» («Развитие революции»).

Возобновили свою деятельность философский факультет (отделение истории) Белградского университета и Матица сербская в Нови Саде. Они также стали публиковать сборники работ по истории Сербии. Велика роль Белградского университета в организации новых центров науки и образования Сербии. На основе его факультетов были открыты университеты в Нови Саде (1960), Нише (1965) и Приштине (1970).

Большую помощь в научно-исследовательской работе оказывали историкам сербские архивы — Государственный архив Сербии, Белградский городской архив, Архив Матицы сербской, Архив САН, Государственный архив Воеводины.

Коренные изменения произошли после освобождения и в хорватской исторической науке. Возобновила свою деятельность Югославская академия наук и искусств в Загребе. Она продолжила выпуск своих изданий по истории «Starine» («Древности»), «Djela» («Сочинения»), «Rad» («Труд»). Если до войны исследования, издаваемые этой академией, уделяли сравнительно небольшое внимание историко-экономическим проблемам, то после войны этот недостаток был ликвидирован: регулярно публиковались сборники серий «Материалы по экономической истории Хорватии» и «Материалы новой истории Хорватии». В рамках академии были основаны Исторический институт в Загребе с печатным органом — «Сборником исторического института» и Институт истории и экономики ЮАН в Задаре, издающий свои «Труды».

Усилиями Академии были созданы институты, ставившие своей целью изучение отдельных регионов Хорватии. В 1954 г. появился Адриатический институт ЮАН в Загребе, издающий свои «Анналы». Периодический орган того же названия имеется у Института истории в Дубровнике, основанного в 1949 г. В городе Славон-

ски-Брод в 1962 г. был создан Славонский исторический институт, труды которого печатались в его «Сборниках».

В 1947 г. возникло Историческое общество Хорватии в Загребе, открывшее свои филиалы в Риёке и Пуле. Загребский университет имеет факультеты во многих городах Хорватии. Историки университета печатают свои работы в изданиях Матицы хорватской. В 1961 г. был создан Институт рабочего движения Хорватии в Загребе. Наряду с «Журналом современной истории» он издает сборники «Пути революции».

Важнейшими хорватскими архивами являются Архив Хорватии, издающий «Архивный вестник», и Архив по истории рабочего движения в Загребе. Ценные материалы содержат фонды городских архивов Дубровника, Задара и Риёки.

Изменения в характере деятельности и направлении развития исторической науки произошли и в Словении. Словенская академия наук и искусств вновь начала выпуск научных сборников — «Letopis» («Летопись») и «Razprave» («Сочинения»). Одним из главных центров словенской исторической науки становился Люблянский университет. Возобновилась издательская деятельность Матицы словенской. Новым направлением в словенской историографии стало изучение рабочего и революционного движения. В 1959 г. был организован Институт рабочего движения, выпускающий «Prispevki za zgodovino delavskega gibanja» («Очерки по истории рабочего движения»). Вклад в исследование проблем революционного движения внесла созданная в 1961 г. Высшая школа политических наук, издающая журнал «Teorija in praksa» («Теория и практика»). Изучением и популяризацией исторических знаний занимаются созданное в первый послевоенный год Историческое общество Словении и его печатный орган «Zgodovinski časopis» («Исторический журнал»).

На новый уровень поднялась историческая наука Боснии и Герцеговины. Значительно расширились объем исследований и их проблематика. В 1949 г. в Сараеве открыт университет. На базе его и Национального музея (основанного в 1888 г.) создан ряд институтов и научно-культурных обществ. В 1950 г. появился Институт востоковедения, издающий «Очерки». Два года спустя было образовано Историческое общество Боснии и Герцеговины, имеющее свой «Godišnjak» («Ежегодник»). В 1966 г. открыта Академия наук и искусств Боснии и Герцеговины. Изучением истории революционного движения и народно-освободительной борьбы занимаются Институт рабочего движения и Архив Боснии и Герцеговины.

В условиях новой Югославии получила широкие возможности для своего развития историческая наука Черногории. В 1947 г. было создано Историческое общество Черногории. Важной задачей его стало собирание исторических материалов с помощью активистов местных секций. Почти одновременно появился Исторический институт Черногории, изучающий прошлое и настоящее республики. Выходит журнал «Историјски записи» («Исторические записки») —

орган Исторического общества и Исторического института Черногории. Действует Республиканский исторический архив Черногории. Значительными событиями в развитии исторической науки Черногории было открытие университета и АН в Титограде.

Первые македонские историки были питомцами философского факультета университета в Скопле, открытого в 1949 г. Значительную роль в изучении истории Македонии играют Институт национальной истории, открытый в Скопле в 1948 г., и его журнал «Гласник» («Вестник»). Сбором и систематизацией источников занимается Государственный архив Македонии, созданный в 1950 г. Материалы о рабочем и революционном движении и народно-освободительной борьбе собрал и обработал Архив исторического отделения ЦК Союза коммунистов Македонии. Развитию и популяризации исторических знаний в республике посвящена деятельность Исторического общества Македонии.

Важную роль в развитии исторической науки СФРЮ играет ряд научно-исследовательских и архивных учреждений Белграда, имеющих общегославский характер. Они выполняют функции координационных центров в области исторических исследований. К числу таких центров относится Институт современной истории, возникший в 1969 г. на базе исторических отделений Института общественных наук и Института изучения рабочего движения. В его тематические серии «Очерки истории социализма» и «История XX века» входят работы по вопросам революционного и рабочего движения югославянских народов конца XIX—XX в., международных отношений новейшего времени и др.

Крупнейшим центром по изучению народно-освободительной борьбы и народной революции является Военно-исторический институт Югославской народной армии (ЮНА). Архивные фонды Института представляют собой богатейшее собрание документов, а его издательство — главный публикатор исследований и сборников документов о событиях 1941—1945 гг., а также свидетельств очевидцев. Институт с 1949 г. издает журнал «Војни историјски гласник» («Военно-исторический вестник»).

В Белграде находятся Архив ЦК СКЮ — главное хранилище документов и материалов по истории революционного и рабочего движения югославских народов и Архив Югославии, содержащий материалы общегосударственного значения, созданные после 1918 г.

Издающийся четверть века «Jugoslovenski istorijski časopis» («Югославский исторический журнал»), орган Союза обществ историков Югославии, стремится освещать прошлое всех ее народов.

Актуальные вопросы развития исторической науки в стране, преподавания истории в высшей и средней школе югославские историки обсуждают на регулярно созываемых поочередно в каждой из союзных республик и автономных краях (Воеводина и Косово) съездах Союза обществ историков. Первый съезд состоялся в мае 1954 г. в Белграде. Осенью 1982 г. был проведен VII съезд Союза историков СФРЮ.

Исследования по новейшей истории

В первые послевоенные годы упор был сделан на изучение проблем революционного движения, истории КПЮ и руководимых ею организаций, межвоенной Югославии, ее внешней и внутренней политики, народно-освободительного движения и народной революции.

С 1946 г. выходят сборники документов и отдельные публикации по истории революционной печати межвоенного периода. В 1949—1951 гг. издательство Исторического отделения ЦК КПЮ выпустило «Исторический архив КПЮ» (т. 1—7), куда были включены материалы по истории революционного движения всех югославских регионов с конца XIX в. Среди многочисленных изданий этой тематики — воспоминания активных участников революционного рабочего движения «Сорок лет» (т. 1—7, 1960—1961), охватывающие период с 1917 по 1945 г. В 1968 г. в Белграде был опубликован сборник всех номеров нелегальной коммунистической газеты «Пролетер» за 1929—1942 гг., снабженный научно-справочным аппаратом.

Для развертывания исследований о революционном движении, о работе КПЮ первостепенное значение имело издание произведений видных деятелей революционного движения, возглавлявших партию в межвоенный период. Были выпущены «Избранные сочинения» Ф. Филиповича (т. 1—2, 1962), «Обзнана» Т. Кацлеровича (1952), «Рассказ об одном поколении» Р. Чолаковича (1964, рус. пер. — 1966), Собрание сочинений И. Броз Тито (т. 1—6, 1977—1979), «Путь новой Югославии» Э. Карделя (1966) и др.

Первым обобщающим трудом по истории югославского революционного и коммунистического движения стал «Обзор истории Союза коммунистов Югославии» (1963), охватывающий период с 1919 до конца 50-х годов. Очередное исправленное и дополненное издание этой работы вышло в 1985 г.

На основе изучения архивных материалов и публикаций документов был создан ряд монографий по истории Союза Коммунистической Молодежи Югославии (СКМЮ), революционных профсоюзных организаций межвоенного периода: С. Цветкович. «Передовое революционное молодежное движение в Югославии. 1919—1928» (1966); М. Васич. «Революционное молодежное движение в Югославии 1929—1941 гг.» (1977); Й. Цази. «Независимые профсоюзы. 1921—1929» (т. 1—3, 1963—1965); С. Кременшек. «Словенское студенческое движение в 1919—1941» (1972).

Историки активно исследуют югославскую проблематику периода первой мировой войны, образования единого югославского государства, внутренней и внешней политики межвоенной Югославии. Наибольшего внимания заслуживают монографии Д. Янковича «Югославский вопрос и Корфская декларация 1917 г.» (1967), Ф. Чулиновича «Межвоенная Югославия» (т. 1—2, 1961), коллективный труд «Отклики Октября в югославянских землях» (М., 1967. Рус. пер.). Одной из фундаментальных работ по истории

югославянских народов периода первой мировой войны, межвоенных лет и периода народно-освободительной борьбы является сборник «Политическая жизнь Югославии. 1914—1945» (1973). Его авторами являются видные югославские историки М. Экмечич, Д. Янкович, Б. Кризман, А. Митрович, Б. Глигориевич, Д. Живкович и др.

Ученые, занимающиеся историей межвоенной Югославии, уделяют значительное внимание национальному вопросу. Среди исследований, написанных на основе большого числа архивных документов, книги Д. Лукача «Рабочее движение в Югославии и национальный вопрос. 1918—1941» (1972), Л. Бобана «Мачек и политика Хорватской народной партии. 1928—1941» (т. 1—2, 1974), М. Микужа «Очерки истории словенцев в старой Югославии» (1965). Одной из самых обстоятельных работ о лавировании межвоенной Югославии между империалистическими державами является монография М. Ванку «Малая Антанта. 1920—1938» (1969). Крах буржуазной Югославии, причины ее быстрого разгрома фашистскими агрессорами — тема исследований Ф. Чулиновича «Крах старой Югославии» (1958) и «Раздел Югославии оккупантами» (1970), В. Терзича «Югославия в апрельской войне 1941 г.» (1963).

Ведущими исследовательскими проблемами являются народно-освободительная борьба в годы второй мировой войны и развитие народной революции. Первые шаги историков и архивистов были направлены на сбор, научную обработку и публикацию материалов по данной проблематике. Серьезных успехов в этом деле достигли сотрудники Военно-исторического института ЮНА. Их усилиями в 1949 г. начался выпуск серии под общим названием «Сборник документов и материалов о народно-освободительной войне народов Югославии», рассчитанный на 170 томов, в которых будет помещено 35 тыс. документов, снабженных широким научно-справочным аппаратом.

Сборники документов и материалов о событиях 1941—1945 гг. публикуют все республиканские архивы и учреждения, занимающиеся изучением революционного движения и народно-освободительной борьбы. Количество публикаций по этой теме очень велико, поэтому важную роль играют справочно-библиографические издания. В 1964 г. Военно-исторический институт выпустил «Библиографию изданий периода народно-освободительной войны. 1941—1945» и «Хронологию освободительной борьбы народов Югославии. 1941—1945». Облегчает работу исследователей также справочник Б. Пейовича и М. Радевича «Библиография о войне и революции в Югославии. Отдельные издания 1945—1965 гг.», вышедший в 1969 г.

Учитывая огромную роль молодежи в борьбе с фашизмом, историки уделили большое внимание подготовке публикации «Документы истории молодежного движения Югославии» (кн. 1—4, 1953—1960). Наиболее полным исследованием, характеризующим молодежное революционное движение в годы войны и раскрываю-

щим роль молодежи всех югославских народов в борьбе с оккупантами, в создании новой Югославии, является монография П. Качавенды «Союз коммунистической молодежи Югославии и молодежь в Народно-освободительной армии и партизанских отрядах Югославии. 1941—1945» (1975).

Солидная источниковая база позволила создать ряд работ о народно-освободительной борьбе в рамках республик и краев и в масштабе всей страны. Наиболее значительное исследование на эту тему — изданный Военно-историческим институтом коллективный труд «Освободительная война народов Югославии. 1941—1945» (т. 1—2, 1957—1958). Борьбе народов Югославии с фашизмом, рождению новой Югославии посвящены книги И. Марьяновича «Народно-освободительная война. Народная революция в Югославии. 1941—1945» (1965), В. Стругара «Югославия. 1941—1945» (1970, рус. пер. — 1985), Ф. Чулиновича «Создание новой Югославии» (1959). Совместные действия соединений Советской Армии и частей Югославской народной армии освещены в коллективном труде советских и югославских военных историков «Белградская операция», изданном в 1964 г. в Москве.

Период национально-освободительной борьбы народов Югославии, народной революции и гражданской войны между силами антифашистов во главе с КПЮ и контрреволюционной буржуазии, придерживавшейся откровенно профашистской ориентации или рассчитывавшей на посредничество и помощь лондонского эмигрантского правительства, нашел отражение в ряде монографий. Важнейшие из них — «Революция и контрреволюция в Югославии. 1941—1945» Б. Петрановича (т. 1—2, 1983) — исследование о событиях внутри страны и антинародной деятельности лондонского эмигрантского правительства, «Агония и крах Независимого государства Хорватии» М. Басты (1971) и др.

Развитие народной Югославии первоначально изучалось в рамках отдельных национальных регионов, исторических областей и городов. Первой обобщающей работой стали «Очерки послевоенного развития Югославии. 1945—1965» (1966), написанные коллективом ученых и предназначенные для учащихся средних школ.

Заметным явлением в жизни югославской исторической науки было издание фундаментальной «Истории Белграда» (т. 1—3, 1974). Третий том этой работы охватывает время от первой мировой войны до 1971 г. Этот труд уникален во многих отношениях. В нем рассматриваются вопросы военной, политической, культурной истории, революционного движения, а также градостроительства, здравоохранения, развития коммунальных служб. Каждый из томов снабжен научно-справочным аппаратом. Прекрасно подобран иллюстративный материал.

Югославской внешней политике послевоенных лет посвящен обобщающий труд Л. Матеса «Международные отношения социалистической Югославии» (1976). В книге исследуются события международной жизни с 1943 г. до конца 60-х годов, участником которых была Югославия.

Обстоятельностью изложения, богатством информационного и справочного аппарата отличается книга Д. Биланджича «История Социалистической Федеративной Республики Югославия. Главные процессы» (1979). Незаменима для изучающих историю СФРЮ монография Б. Петрановича «История Югославии. 1918—1978» (1980). Первый раздел книги посвящен образованию единого государства и развитию буржуазной Югославии, второй — участию Югославии во второй мировой войне, третий, самый значительный по объему, — истории югославского общества до конца 70-х годов.

Единственный обобщающий труд по истории народов Югославии с древнейших времен до 1945 г. — «История Югославии» (1970), написанная С. Чирковичем, И. Божичем, М. Экмечичем и В. Дедиером. Раздел по новейшей истории, принадлежащий перу В. Дедиера, подвергся серьезной критике в югославской печати.

Исследование проблем новой истории

Создание обобщающих трудов по новой истории народов Югославии остается насущной задачей югославской историографии. Научно осмыслены лишь некоторые общие проблемы, например, революция 1848—1849 гг. в югославянских землях; Первое сербское восстание 1804—1813 гг. и его влияние на другие югославянские народы. В остальном послевоенная югославская историография истории народов и народностей страны еще не перешагнула рамки национально-республиканских исследований.

За последние десятилетия созданы обобщающие труды по новой истории всех союзных республик, составляющих СФРЮ. Их историография обогатилась также многочисленными работами по отдельным проблемам XIX—начала XX в.

Заметных результатов добилась сербская историческая наука. Заслуживают внимания два обобщающих труда, в которых освещена новая история Сербии: «История политической мысли Сербии в XIX в.» В. Чубриловича (1958, 2-е, перераб. изд. — 1982); т. 5 и 6 «Истории сербского народа» (1982, 1983). Вопросы социально-экономического развития Сербии XIX в. разрабатывают Н. Вучо, Д. Милич и др. Исследованию сербской политической истории посвятили свои труды С. Чиркович, Д. Янкович, Н. Петрович, А. Раденич, В. Крестич, В. Стоянчевич, С. Гаврилович, Ч. Попов, Л. Алексич и др. Сербское рабочее движение конца XIX — начала XX в. изучают С. Димитриевич, В. Стругар, М. Вукоманович, А. Лебл и др.

В послевоенной Хорватии историей XIX — начала XX в. занимались прежде всего В. Богданов, Я. Шидак и М. Гросс. Монография В. Богданова об общественной и политической борьбе в Хорватии в 1848—1849 гг., опубликованная в 1949 г., и его книга по истории политических партий Хорватии (1958) вызвали острую полемику среди югославских ученых и способствовали выработке правильной концепции по этим важным проблемам. Для выясне-

ния спорных вопросов хорватской истории XIX в., в том числе и революции 1848—1849 гг., важное значение имели труды Я. Шидака. Истории рабочего и социалистического движения в Хорватии конца XIX — начала XX в. посвятила свои исследования М. Гросс.

Историческая наука Словении обогатилась в послевоенный период исследованиями Ф. Цвиттера, Д. Кермавнера и В. Мелика. Ф. Цвиттером при участии В. Богданова и Я. Шидака написан обобщающий труд «Национальные проблемы в Габсбургской монархии» (1962), в котором дан обзор национальной борьбы славянских народов Австрии во второй половине XIX — начале XX в. Ф. Гестрин и В. Мелик опубликовали «Словенскую историю» (1966), охватывающую события с конца XVIII в. до 1918 г. и по-новому трактуящую такие вопросы, как промышленный переворот, рабочее движение, христианский социализм и др. Большое место события XIX — начала XX в. занимают в монографии «Экономическая история словенцев. История сельского хозяйства» (т. 1—2, 1974—1980). В ней рассматривается, в частности, классовая борьба крестьян и сельского пролетариата против своих угнетателей.

Рабочее движение в словенских землях исследовал Д. Кермавнер, опубликовавший монографии «Начало словенской социал-демократии» (1962) и «Словенская публицистика и первая русская революция» (1960). О национально-освободительной борьбе словенцев в новое время рассказывают книги М. Бритовшека «Антон Фюстер и революция 1848 г. в Австрии» (1970), В. Мелика «Выборы в Словении (1861—1918)» (1965); труд Я. Плетерского «Национальное и политическое сознание в Каринтии» (1965) показывает борьбу за национальные права, которую вели каринтийские словенцы.

Ученые Боснии и Герцеговины также исследуют национально-освободительное, рабочее и социалистическое движения. Перу М. Экмечича принадлежит труд по истории Боснийского восстания 1875—1878 гг. (1960, 2-е изд. — 1973); Р. Петрович рассмотрел национальный вопрос в Далмации XIX в. (1968), а Э. Реджич, Н. Шарац — рабочее и социалистическое движение в Боснии и Герцеговине до 1919 г. (1955).

Историки Черногории в последние десятилетия тоже активно изучают период XIX — начала XX в. В монографиях Б. Павичевича, Р. Йовановича, Д. Вуйовича, Н. Ракочевича, Р. Пайовича, И. Бойовича и других на основе новых материалов, впервые вводимых в научный оборот, исследуются узловые вопросы истории Черногории нового времени.

Изучение проблем феодализма

В исследовании феодализма югославскими историками можно условно выделить два периода. Первый, длившийся примерно до конца 50-х — начала 60-х годов, характеризовался успехами в освоении марксистской концепции феодализма и появлением обоб-

щающих работ, а также повышенным вниманием к экономическим проблемам и истории социальных конфликтов. Впервые феодализм как общественно-экономическую формацию пытался рассмотреть в своей книге «Экономическая история народов ФНРЮ до первой мировой войны» Н. Вучо (1948). Спустя десятилетие «Экономическую историю Югославии» опубликовал М. Миркович. Однако в его трактовке проблем феодализма было заметно влияние старых концепций, что свидетельствовало о сложности процесса овладения историко-материалистическим методом. Шагом вперед стал выход двух первых томов «Истории народов Югославии» (1953, 1960). В них охарактеризован период до конца XVIII в. Многочисленный коллектив историков из различных научных центров проделал большую работу. Каждая из глав снабжена разделом, содержащим характеристику источников и литературы. Изложение основано на анализе разнообразных материалов, в том числе впервые вводимых в научный оборот. Помимо социально-экономических и политических проблем в обоих томах тщательно разработаны вопросы развития культуры, а также этнографические сюжеты, что особенно важно, учитывая состав населения страны; в специальных главах характеризуется общее состояние государств, в которые входили в тот или иной период своей истории югославянские земли.

Вышли две книги по истории антифеодального движения в Хорватии: монография Ф. Чулиновича о крестьянских восстаниях (1951) и работа С. Антоляка о восстаниях крестьян и горожан в средние века (1956). В первой из них особенно отчетливо проявилось стремление к усвоению достижений марксистской историографии. Небольшая по объему книга Р. Бичанича «Зачатки капитализма в Хорватии» (1952) содержала несколько очерков по истории позднего феодализма.

Второму периоду современной югославской историографии присущи такие черты, как отход от упрощенного понимания исторического процесса, интенсивные поиски новых источников и их углубленный анализ, возрастание общего объема научной продукции.

Активно дискутируются проблемы феодализма в хорватской историографии. В остропроблемных работах Н. Клаич в соответствии с так называемой политической, или политико-правовой, концепцией феодализма, в основе которой лежат тезисы, сформулированные ею еще в 60-е годы, утверждается, что отношения феодальной зависимости не связаны с отношениями собственности. Эта точка зрения не учитывает результаты исследований других медиевистов. Клаич является автором трех почти одновременно опубликованных монографий о важнейших проблемах феодального периода хорватской истории «Хорваты в раннее средневековье» (1975), «История хорватов в развитое средневековье» (1976), «Общественные движения и восстания в Хорватии в XVI и XVII вв.» (1976).

Традиционный интерес югославских историков к изучению прошлого далматинских городов, интенсивные архивные изыскания

и применение статистических методов обработки источников позволили обогатить представления об экономическом развитии региона и расширить проблематику, в частности, за счет демографических сюжетов (работы М. Шунича, М. Спремича, Т. Раукара и др.).

Большие успехи достигнуты в изучении социально-экономического развития отдельных земель. Об этом свидетельствуют работы И. Адамчека «Крестьянское восстание 1573 г.» (1968), И. Кампуша «1000-летний Загреб» (1976) и С. Кривошича «Загреб и его население с древнейших времен до середины XIX в.» (1981). Названные историки в основном занимаются эпохой позднего феодализма, которая предоставляет в распоряжение исследователей материал, поддающийся статистической обработке. Их труды основаны на обильных цифровых данных, позволяющих строить убедительные выводы о путях развития аграрных отношений, состоянии городского хозяйства и демографических процессах.

Для современной сербской и черногорской историографии характерен интерес к политическим проблемам. Ученые Черногории, помимо создания первых обобщающих трудов по периоду феодализма, занимаются исследованием внешнеполитических событий (особенно XVIII в.). Среди работ по истории Сербии выделяется монография Р. Михальчица «Конец Сербского царства», основанная на анализе широкого круга источников (1975).

Ученые Боснии и Герцеговины и некоторых других республик уделяют внимание изданию источников турецкого происхождения.

Виднейшим исследователем средневековой истории Словении и других югославянских земель является академик Б. Графенауэр. Помимо обобщающей «Истории словенского народа» (т. 1—5, 1954—1962), охватывающей период феодализма, он написал книги «Возведение на престол карантанских воевод и государство карантанских словенцев» (1952) и «Борьба за старую правду в Словении» (1974).

Плодотворно развиваются творческие связи между советскими и югославскими историками — как между академическими учреждениями, так и по линии университетов обеих стран. Усилиями историков СССР и СФРЮ подготовлен и издан в Москве сборник материалов из архивов СССР «Первое сербское восстание 1804—1813 гг. и Россия» (т. 1—2, 1980—1983), осуществлены другие совместные публикации. Координирует действия ученых двух братских стран советско-югославская комиссия историков, созданная в 1975 г.

* * *

Определяющим в развитии послевоенной югославской историографии был нелегкий процесс овладения методологией исторического материализма, в ходе которого был сделан значительный шаг вперед в исследовании важнейших проблем отечественной истории.

Раздел V

ИСТОРИЧЕСКАЯ СЛАВИСТИКА В ДЕРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ, СССР, ГДР, ФРГ, ФРАНЦИИ, АНГЛИИ И США

Глава I

ИЗУЧЕНИЕ ИСТОРИИ ЗАРУБЕЖНЫХ СЛАВЯН В РОССИИ XIX — НАЧАЛА XX в.

Начало научного исследования в России истории зарубежных славян относится ко второй половине XIX в. До этого времени немногочисленные статьи и единичные монографии на эту тему не были основаны на разработке источников, а представляли собой в большей или меньшей мере заимствования из зарубежной литературы. Со второй половины XIX в. исследование славянской истории развивается по восходящей линии в рамках буржуазной исторической науки. Вплоть до начала XX в. включительно в русской исторической славистике существовали три основных направления: славянофильское, народническое и позитивистское. Каждое из них руководствовалось своей общей идеей славянской истории, своим методом исследования, собственным отношением к источникам. Главными центрами изучения истории зарубежных славян были в России университеты.

Славянофильское направление

Первыми, еще в конце 40-х годов XIX в., концепцию истории славян выдвинули славянофильские историки. Их точка зрения базировалась на философской доктрине московских славянофилов того времени, и прежде всего на идее о православии как «основе» содержания истории славян. Кроме того, славянофилы считали, что славянским народам присущи специфические черты духовной жизни, характера, уклада. Поэтому всю европейскую историю и культуру славянофильские историки делили на два самостоятельных мира: западный (романо-германский, латинский, католический) и восточный (славянский, православный). Между этими мирами, по мнению славянофилов, имелось коренное различие.

Положительным моментом славянофильской концепции являлось требование изучать жизнь народа, чтобы выявить прежде всего «особенности славянского племени». Социально-экономическими проблемами славянофильские ученые не интересовались. Они выбирали для изучения те эпохи славянской истории, которые, по их мнению, подходили для подтверждения славянофильских

идей. Таким же был их подход к источникам. Славянофильская концепция была идеалистической и предвзятой. Она господствовала в русской историографии до конца 70-х годов XIX в., однако уже в 60-е годы стала подвергаться критике. Вытесненная из сферы науки славянофильская концепция присутствовала в отдельных трудах и позднее, а в публицистических статьях и брошюрах юбилейного характера — вплоть до Великого Октября.

Народническое направление

Революционные демократы высказывали свои мнения по славянскому вопросу в публицистике и оказали определенное влияние на изучение истории славян. Хотя виднейшие мыслители из их числа историей славян непосредственно не занимались, их воздействие на народническую историографию несомненно.

Революционные народники видели путь преобразования общества в выступлениях масс, умеренные же придавали решающее значение нравственным моментам, «самоусовершенствованию человечества». Считая деятелем истории народ, народническая историография отбирала для своих исследований такие периоды истории, когда с особой силой проявлялась активность масс. Называя экономические условия в числе причин народных выступлений, историки этого направления не изучали, однако, экономического развития. И все же народническая историография видела тенденции исторического развития лучше, подмечала определенные исторические закономерности точнее, чем славянофильская. Период существования этого направления в историографии славянства ограничивается 70—90-ми годами прошлого века.

Позитивистское направление

В 70—90-е годы XIX в. набирало силу позитивистское направление. Вершины своего развития оно достигло в начале XX в. Позитивисты отрицали необходимость и целесообразность революционного преобразования общества, но признавали влияние экономического и социального факторов, искали закономерности в историческом процессе и стремились к обобщению исторических явлений. Для этого направления характерно не только широкое использование источников, но и критический подход к ним, стремление толковать их без предвзятости, скрупулезно-точное освещение фактов на основе сравнительно-исторического анализа всех имеющихся сведений.

Позитивисты исследовали экономические, политические, социальные и другие вопросы истории славян и создали труды, сыгравшие в последней четверти XIX — начале XX в. решающую роль в развитии этой области исторического знания. Позитивизм был высшим достижением буржуазной науки. В рамках домарксистской методологии позитивисты стояли на уровне современного им европейского славяноведения.

Все три направления русской историографии славян существовали в известной мере параллельно.

Изучение древней истории славян

Основное внимание ученых, занимавшихся проблематикой древней истории славян, было направлено на публикацию источников. Еще в первой половине XIX в. были изданы на языке оригинала и переведены на русский сочинения византийских авторов, содержащие сведения о славянах. Начиная с 60-х годов число документальных публикаций стало расти, появились первые исследования. В. В. Макушев написал работу «Сказания иностранцев о быте и нравах славян» (1861). Затем Д. Хвольсон издал «Известия о хазарах, буртасах, болгарах, мадьярах, славянах и русских Абу Али Ахмеда бен Омар ибн Даста» (1869), А. Я. Гаркави собрал, перевел и объяснил «Сказания мусульманских писателей о славянах и русских (с половины VII до конца X в.)» (1870), А. А. Кунин и В. Р. Розен осуществили первую публикацию сведений Ибрагима ибн Якуба о чехах и других славянах (1878). Впервые перевел на русский язык отрывки из многих византийских авторов со сведениями о славянах С. Дестунис (1860), а в 1899 г. вышел русский перевод сочинений Константина Багрянородного «О фемах» и «О народах».

Древнейшую историю славян разрабатывал в славянофильском духе крупнейший русский славист XIX в. А. Ф. Гильфердинг (1831—1872); много фактов содержали сочинения А. Фаминцына «Боже-ства древних славян» (т. 1—2, 1884) и А. Н. Афанасьева «Поэтические воззрения славян на природу» (т. 1—3, 1865—1869).

Изучение полабско-прибалтийских славян

Эта исчезнувшая в результате немецкой колонизации и ассимиляции ветвь славян вызвала интерес историков славянофильского направления. На примере судьбы прибалтийских славян они хотели показать, к каким «пагубным последствиям» приводит отказ народа от «исконных славянских» путей развития. Наибольший вклад в изучение полабско-прибалтийских славян внес А. Ф. Гильфердинг. Он не только усвоил доктрину славянофилов, но и применил ее к истории южных и западных славян. Гильфердинг был большим знатоком источников, многие периоды славянской истории изучил впервые, и его можно отнести к родоначальникам научного исследования истории зарубежного славянства в России. В 1855 г. он издал первую часть своего труда «История балтийских славян», а в 1861 г. — вторую его часть под названием «Борьба славян с немцами на Балтийском поморье в средние века». По фактическому материалу исследования Гильфердинга превосходили работы его предшественников (иностранных ученых).

Славянофильского подхода к истории полабских славян не раз-

делял А. И. Павинский (1840—1896). Однако его работу «Полабские славяне в борьбе с немцами в VIII—XIII вв.» отличали германобская тенденциозность и неправомерность толкования ряда источников. Труд И. А. Лебедева «Последняя борьба балтийских славян против онемечения» (т. 1—2, 1876), основанный на прочной источниковой базе, свидетельствовал о зарождении позитивистского подхода к проблеме. Автор первым из русских славистов предпринял критику источников, посвятив их анализу целый том своего труда.

Работы «О погребальных обычаях языческих славян» (1868) и «Древности юридического быта балтийских славян» (1874) написал А. А. Котляревский (1837—1891). Он категорически отвергал взгляд славянофилов на историю славянских народов. Сравнительно-исторический анализ данных языка, исторических преданий, славянского права позволил ему выяснить, какие черты быта можно отнести к специфическим славянским, а какие в равной мере принадлежат и другим народам. Обе книги открывали в науке своего времени новые пути.

Позитивистская методология, отличающая сочинения Котляревского, проявилась и в других работах по истории балтийских славян.

В монографии Д. Н. Егорова (1878—1934) «Славяно-германские отношения в средние века. Колонизация Мекленбурга» (т. 1—2, 1915) на основе новой методики (анализа с привлечением данных не только истории, но и ряда других дисциплин) был подвергнут переоценке весь накопленный до этого материал, привлечены новые источники, представлено новое освещение вопроса о колонизации славянских земель и германизации славян и доказано, что эти процессы продолжались вплоть до Тридцатилетней войны. Несмотря на ряд ошибочных заключений и гипотез, монография Егорова являлась серьезным достижением и была переведена на немецкий язык.

Изучение истории Великой Моравии

Монографию «Моравия и мадьяры с половины IX до начала X в.» (1880) издал К. Я. Грот (1853—1934). По собранным в ней фактам она представляет интерес и в наши дни. Но вопрос о взаимоотношениях между Моравией и венграми Грот решал со славянофильских позиций.

Исследование значения Великой Моравии в истории славян породило в русской литературе кирилло-мефодиевскую проблему. Это сложный комплекс вопросов, решением которых занимались в основном историки церкви (чаще всего славянофилы) с тем, чтобы акцентировать роль православной церкви в истории славян. Великоморавские памятники письменности являются источниками прежде всего по истории церковнославянского и других славянских языков, однако их изучение проливалось свет и на многие вопросы развития славянской культуры в целом. Были опубликованы

сборники документов «Кирилл и Мефодий по документальным источникам» (1868), «Кирилл и Мефодий по западным легендам» (1874). Выходили и сборники статей, например «Мефодиевский юбилейный сборник» (1885).

Изучение истории феодальной Чехии

Самый древний период истории Чехии — с VII по XI в. — нашел отражение в монографии Ф. И. Успенского «Первые славянские монархии на северо-западе» (1872). В 70—90-е годы XIX в. началось изучение источников по истории Чехии. В. Э. Регель (1857—1932) написал исследование «О хронике Козьмы Пражского» (1890). Вопросы о роли Чешского королевства в Европе, взаимоотношениях Чехии с Германией и Польшей в X—XI вв. рассмотрены Регелем в работе «Учредительные грамоты Пражской епархии» (1883). Эти исследования, написанные с позитивистских позиций, не потеряли значения и поныне.

Проблемы чешского феодализма разработаны в ряде трудов А. Н. Ясинского (1864—1933), изучавшего социально-экономическую, аграрную и правовую историю Чехии. Он предложил свою периодизацию социального развития чешского народа. Древнейшую его стадию, т. е. родовой строй, он называл «коллективными формами быта». Эта стадия сменилась, по Ясинскому, «земским строем», для которого характерно имущественное неравенство, наличие общественных классов и государственного аппарата управления, однако при сохранении основанных на «самобытных, коллективных формах быта» правовых норм. По существу речь шла здесь уже о феодальной формации, но Ясинский к этому термину не прибегал, под «феодализмом» он понимал «сословно-привилегированный строй», пришедший во второй половине XIV в. на смену земскому и уничтоживший юридическую самобытность народа.

Анализ развития чешского общества в период перехода от «земского строя» к «сословно-привилегированному» содержится в работах Ясинского «Падение земского строя в Чешском государстве (X—XIII вв.)» (1895) и «Очерки и исследования по социально-экономической истории Чехии в средние века» (1901). Главное внимание он обратил на вопрос о степени и характере немецкого влияния на судьбы Чехии XIII—XIV вв. Это влияние представлялось ему в принципе фактом второстепенным, который, однако, получил важное значение потому, что Чехия и сама по себе уже созрела для социальных изменений. Рассмотрев возникновение общественных классов, аппарата управления, центральных и земских учреждений, разделение страны на административные области, социальную организацию деревни и др., Ясинский пришел к выводу, что немецкие организационные формы были приняты в Чехии XIII—XIV вв. лишь в отношении некоторых общественных явлений, что нельзя говорить о полной ассимиляции чешских институтов немецкими. Эта точка зрения была принята лишь много лет спустя и считается в настоящее время правомерной. Ясинский

являлся крупнейшим за пределами Чехии специалистом по социально-правовой истории этой страны, а его труды представляют собой вершину буржуазной исторической богемистики.

Изучение гуситского движения и культуры Чехии XV—XVII вв.

Главным сюжетом чешской феодальной истории, интересовавшим русских ученых, было гуситское движение. Оно стало исследоваться с 40-х годов прошлого века. В 50—70-е годы в трактовке его преобладала славянофильская концепция. Славянофилы считали гуситское движение религиозным выражением стремления чешского народа «возвратиться» к православию. Большинство историков славянофильского направления отрицательно относилось к таборитам, утверждая, что их действия были проявлением несвойственного славянским народам «насилия».

Фундаментальными трудами славянофильской историографии гуситского движения являются монография Е. Новикова «Гус и Лютер» (т. 1—2, 1859) и «Очерк истории чешского вероисповедного движения» А. Клеванова (1876; написан значительно ранее). Трактовке истории гуситского движения со славянофильских позиций посвятил свои работы «Очерк истории Чехии» (1862) и «Гус. Его отношение к православной церкви» (1870) А. Ф. Гильфердинг. Такой взгляд на гуситское движение присущ и работе В. Надлера (1840—1894) «Причины и первые проявления оппозиции католицизму в Чехии и Западной Европе» (1864). В том же духе выдержаны сочинения «Чех Ян Гус из Гусинца» В. Бильбасова (1869), работы историков церкви, а также некоторые исследования В. И. Ламанского (1833—1914), его ученика А. С. Будиловича и др.

Славянофильская концепция гуситского движения господствовала в русской историографии до 70-х годов XIX в., способствуя в некоторой степени его изучению. Но методологические пороки стали тормозить дальнейшее развитие науки. Уже с начала 60-х годов славянофильский подход подвергается критике. П. А. Ровинский (1831—1916) в работе «Главные моменты истории чешского народа» (1868) опровергал славянофильскую концепцию истории в целом, а гуситское движение рисовал многоплановым, считая его в принципе национально-социальным, а не религиозным. Главную роль в нем Ровинский отводил народным массам, объясняя их энтузиазм трудным положением большинства населения в предгуситскую эпоху. В отличие от славянофилов он уделял большое внимание таборитам, оправдывая их действия историческими условиями. В таком подходе к гуситскому движению проявились революционно-народнические взгляды Ровинского.

Представитель умеренного крыла народнической историографии С. А. Венгеров (1855—1920), придерживаясь мнения, что в истории славян следует изучать прежде всего деятельность народных масс, в трех статьях о гуситском движении отрицал роль

в нем не только политических, но и социально-экономических моментов, как, впрочем, и религиозных. Важными он считал только факторы нравственные.

К 80-м годам XIX в. в русской гуситологии возобладал позитивистский подход. Историки-позитивисты исследовали социальные и национальные мотивы гуситского движения, разыскивали новые источники, подвергли критике славянофильскую концепцию, но не увидели в нем явления классовой борьбы. К работам этого направления относятся «Социально-политическое учение Гуса (по чешским его сочинениям)» (1878) Х. П. Яшуржинского, «Чешские сочинения Гуса и время их написания» (1877) Ю. С. Анненкова и др. Крупнейшим исследователем гуситского движения был в конце XIX — начале XX в. И. С. Пальмов (1856—1920). Он, правда, придавал религиозному аспекту движения гораздо большее значение, чем позитивисты. Но в то же время — особенно в трудах «Вопрос о чаше в гуситском движении» (1881), «Чешский гуситизм и его историческое значение» (1909) — Пальмов критически отнесся к славянофильской концепции. Он ввел в научный оборот много новых источников, коснулся ряда вопросов, не затрагивавшихся его предшественниками.

С позитивистских позиций написана работа Н. И. Серебрянского «Ян Гус. Его жизнь и учение» (1915). Большой знаток сочинений Гуса и вообще источников о гуситском движении, Серебрянский отвергал попытки сблизить учение Гуса с православием, выступал против славянофильской оценки Гуса и его единомышленников.

Родоначальником научного исследования литературной деятельности Петра Хельчицкого был в России Ю. С. Анненков (1849—1885). Он разыскал многие произведения забытого чешского средневекового мыслителя, написал о них ряд ценных исследований и подготовил к печати один из главных трудов Хельчицкого — «Сеть веры». Этот трактат был издан на чешском и русском языках в 1893 г. Особенно много для выяснения деталей литературной деятельности Хельчицкого и развития гуситской идеологии сделал Н. В. Ястребов (1869—1923). Его перу принадлежит ряд сочинений, не потерявших научного значения до настоящего времени. Крупнейшим из них является монография «Этюды о Петре Хельчицком» (1908), в которой вопрос о месте Хельчицкого в истории чешской общественной мысли XV в. поставлен на прочную научную базу. В изучении творчества Хельчицкого русская историография вышла на европейский уровень. Все достижения в этой области принадлежали историкам позитивистского направления.

А. А. Кочубинский (1845—1907) в работе «Братья подобии и чешские католики в начале XVII века» (1873) обрисовал историю Общины чешских братьев от возникновения в середине XV в. до ликвидации на территории Чехии после Белогорской битвы 1620 г. Учение Общины чешских братьев освещено в трудах И. С. Пальмова, интересовавшегося преимущественно конфессиональной его

стороной. Наиболее крупным исследованием Пальмова по этому вопросу является книга «Чешские братья в своих конфессиях до начала сближения их с протестантами» (1904).

В русской историографии уделялось большое внимание Яну Амосу Коменскому. Главный акцент при этом был сделан на его педагогических идеях. Кроме того, Коменский оценивался как мыслитель, национальный деятель, картограф и т. д. В русских переводах были изданы как отдельные его сочинения, так и сборники его педагогических трудов.

Изучение чешского и словацкого национального возрождения

Интенсивно издавалась переписка деятелей чешского национального возрождения с русскими учеными. В 1880 г. вышел сборник «Письма к М. П. Погодину из славянских земель (1835—1861)», содержащий, в частности, корреспонденцию И. Добровского, В. Ганки, П. И. Шафарика. Особенно большая заслуга в публикации источников о чешском национальном возрождении принадлежит В. А. Францеву (1867—1942). В 1905 г. он издал обширный том «Письма к Вячеславу Ганке из славянских земель», затем, в 1906 г., второй том корреспонденции И. Добровского, многие годы работал над сбором и подготовкой к изданию корреспонденции П. И. Шафарика (т. 1—2, 1927—1928). Францеву принадлежит также большое число работ о научных связях русских и чешских деятелей. Крупнейшим его трудом являются «Очерки истории чешского возрождения» (1902). В этой книге, созданной на основании новых, еще не использованных источников, он не только осветил это явление, жизнь и творчество его наиболее выдающихся представителей, но и впервые указал на большое русское, а также польское влияние на национальное возрождение чехов. И. Снегирев опубликовал монографию «Иосиф Добровский. Его жизнь, ученые литературные труды и заслуги для славяноведения» (1884). Освещалось также творчество И. Юнгманна, Ф. Л. Челаковского, Я. Е. Пуркине, К. Гавличка-Боровского, Я. Эрбена и др. Особое место в русской историографии заняло изучение деятельности П. И. Шафарика.

В 1900 г. вышла монография А. Экка «Ян Коллар. Очерки его жизни и деятельности и его поэма «Дочь славы» (1793—1852)». Второй крупнейший деятель словацкого национального возрождения — Л. Штур — интересовал русских ученых прежде всего как автор трактата «Славянство и мир будущего». Впервые это сочинение было опубликовано в России, и славянофилы использовали его в политической полемике. Однако крупных научных работ о Штуре написано не было.

Изучение истории Польши XVIII — начала XX в.

Серьезные и обширные труды по истории Польши начали создаваться уже в 60-е годы XIX в. Это объясняется прежде всего

близостью исторических судеб России и Польши, постоянными тесными контактами на протяжении многих веков, наличием в России богатой источниковой базы для успешного изучения польской истории.

Первые труды в этой области освещали в основном политические события XVIII в. Работой, основанной на архивных документах, было сочинение В. И. Герье «Борьба за польский престол в 1733 г.» (1862). С. М. Соловьев написал «Историю падения Польши» (1863). Период разделов освещал также Д. И. Иловайский. Н. И. Костомаров издал труд «Последние годы Речи Посполитой» (т. 1—2, 1870), а также ряд других исследований.

Некоторые работы касались польского крестьянства XVIII в. Вышли «Очерки истории крестьян в Польше» И. А. Горемыкина (1869), появился труд В. А. Мякотина «Крестьянский вопрос в Польше в эпоху разделов» (1889). Издавались сочинения и по другим проблемам польской истории, например, монография И. А. Чистовича «Диссидентский вопрос в Польше в первой половине XVIII в.» (1880). Труд «Война России с Турцией и польскими конфедератами в 1769—1774 гг.» (т. 1—5, 1866—1874) написал А. Н. Петров. Н. И. Кареев проанализировал реформы в Польше XVIII в., а также опубликовал историографическое исследование «Падение Польши в исторической литературе» (1888).

При рассмотрении восстаний 1830—1831 и 1863—1864 гг. в русской дореволюционной литературе происходило постепенное изменение оценок. В XIX в. преобладала официально-монархическая концепция. Соответственно отбирались для публикации и источники. Политику царизма в Польше перед 1830 г. отобразил П. Брянцев в работе «Очерк состояния Польши под владычеством русских императоров после падения ее до 1830 г., или до первого восстания поляков» (1895). Сведения о ходе военных действий при подавлении восстания 1830—1831 гг. приведены в книге А. К. Пузыревского «Польско-русская война 1831 года» (1886). П. Брянцев написал работу «Польский мятеж 1863 г.» (1891), а С. Гескет — «Военные действия в Царстве Польском в 1863 г.» (1894). Издавались на эту тему статьи, публиковались документы, но серьезных исследований было немного.

Ряд работ освещал историю Польши с либеральных позиций. Примером достаточно объективного подхода к польскому освободительному движению в русской историографии являются «Записки о польских заговорах и восстаниях», изданные Н. В. Бергом (1873). Автор должен был составить по официальному заказу очерк истории восстания 1863—1864 гг., чтобы оправдать политику царизма. Но в его работе использованы, кроме официальных документов, письма, дневники, рассказы участников событий и в результате нарисована объективная картина предпосылок и хода восстания. Проявив критическое отношение к политике царизма в Польше, Берг не поддался полонофобству, характерному для официальной историографии.

В начале XX в. в оценке освободительной борьбы поляков

русскими историками преобладали либеральные суждения; признавалась правота поляков, была отброшена апология царской политики. Польским восстаниям посвящалось в это время много статей, выходили и книги, например очерк А. А. Сидорова «Польское восстание 1863 г.» (1903). События 1863—1864 гг. освещались также в работах, охватывающих польскую историю XIX в. в целом. Среди них выделялась своей прогрессивной концепцией книга А. Л. Погодина (1872—1947) «История польского народа в XIX в.» (1915). Главное место в ней было отведено политике России, Пруссии и Австрии в период разделов Польши, судьбе этой страны во время наполеоновских войн и Венского конгресса, состоянию Королевства Польского и развитию событий в нем до восстания 1863—1864 гг. Рассмотрению польской истории после него автор уделил меньше внимания, хотя и довел изложение до начала первой мировой войны.

Погодину принадлежит также работа «Польша перед восстанием 1830 г.» (1912), где не только не оправдывается царская политика в Польше накануне и в период восстания, но и показано, что выступление поляков было закономерным явлением. В 1907 г. Погодин издал монографию о главных течениях польской политической мысли последней трети XIX в., а именно «социализме», «национализме» и «лоялизме» («примирении», «угодовстве»). Особенно обстоятельно изложена в книге история развития социалистических тенденций.

Труды А. Л. Погодина по истории Польши были значительным шагом вперед в подходе к польскому вопросу. Автор подводил к выводу о необходимости предоставления Польше политической автономии, выражая точку зрения прогрессивных слоев русского общества, требовавших конституционных преобразований и в самой России. Труды Погодина являются вершиной русской буржуазной полонистики начала XX в. Однако, как и всякий другой буржуазный идеолог и позитивист, Погодин отрицательно относился к революционному движению.

История Польши XIX в. освещалась также Ю. Подвинским в работе «Сто лет борьбы польского народа за свободу» (1907), В. Студницким в книге «Польша в политическом отношении от разделов до наших дней» (1908) и другими авторами. А. А. Корнилов написал брошюру «Русская политика в Польше со времен ее разделов до начала XX в.» (1915) и в том же году опубликовал статью «Русская политика в Царстве Польском после 1863 года». Определенное внимание уделялось истории народного образования в Польше. В 1907 г. в Варшаве был издан статистический сборник «Народное образование в Царстве Польском за 90 лет. 1816—1906». О борьбе за польскую школу шла речь в работе «Школьная революция в Царстве Польском (1905—1907)» (1908).

Некоторые русские историки изучали экономическое развитие Польши. Наиболее основательной работой в этой области была изданная в 1894 г. монография А. А. Корнилова «Судьба крестьянской реформы в Царстве Польском» (позднее она вошла в книгу

того же автора «Очерки по истории общественного движения и крестьянского дела в России», 1905). Это исследование ценно фактическим материалом. Реформу автор трактовал с либеральных позиций. В русской историографии характеризовалось также положение польского крестьянства. Г. Ф. Симоненко составил «Очерки экономического положения в губерниях Царства Польского. Статистический сборник» (1878), К. И. Храневичем были написаны «Очерки экономического быта крестьянства в Царстве Польском» (1906), а Н. и П. Лопатиными «Очерки истории крестьянского землевладения в Царстве Польском» (1908). Данные о положении польского рабочего класса содержатся в книгах: Н. И. Янжул. «Очерк исторического развития фабрично-заводской промышленности в Царстве Польском» (1888); «Статистика выхода рабочих за границу» (1902—1903); К. Г. Воблый. «Очерки истории польской фабричной промышленности (1764—1830)» (1909).

Писали русские историки и обзорные труды. А. Л. Погодин издал «Очерк истории Польши» (1909), Н. В. Ястребов — «Краткий очерк истории польского народа» (1915). В целом русская литература по истории Польши обильна, сложна и разнообразна по концепциям, причем в начале XX в. значительная часть обзорных работ носила публицистический характер и была призвана решать скорее политические, чем научные задачи.

Изучение средневековой истории Польши

Разработка проблем средневековой Польши велась в русской историографии неравномерно. Периоду до XV в. посвящались главным образом статьи, юбилейные брошюры (например, о Грюнвальдской битве 1410 г.) и т. п. Исключение составляет монография И. А. Линниченко «Взаимные отношения Руси и Польши до половины XIV стол.» (1884). Зато вопросы внешней политики Польши более позднего времени исследовались основательно. Борьба Польши за господство на Балтийском море освещена в ценной монографии Г. В. Форстена «Балтийский вопрос в XVI и XVII столетиях (1544—1648)» (т. 1—2, 1893—1894). Вышел сборник документов по истории русско-польских отношений XV—XVII вв. «Переписка между Россией и Польшею по 1700 г. ...» (т. 1—3, 1860—1864). Аналогичной теме посвящена книга Ф. Вержбовского «Материалы к истории Московского государства XVI—XVII стол.» (т. 1—2, 1896—1898). В ней рассматриваются дипломатические контакты 70-х годов XVI в. Польши с Русским государством и война между ними в 1609—1615 гг. Ценным исследованием была монография В. В. Новодворского «Борьба за Ливонию между Москвою и Речью Посполитой (1570—1582)» (1904). Этому же историку принадлежит ряд других, хотя и не столь крупных работ, например «Польша, Швеция и Дания в царствование польского короля Стефана Батория» (1910) и др.

Проблемой, привлекавшей внимание русских ученых, была история Великого княжества Литовского. В 1901 г. вышли две моно-

графии: «Государственное хозяйство Великого княжества Литовского при Ягеллонах» М. Довнар-Запольского и «Великое княжество Литовское за время от заключения Люблинской унии до смерти Стефана Батория (1569—1586)» И. И. Лаппо. В последней на историческом материале охарактеризовано правовое положение княжества. Польскую историю интенсивно изучал М. К. Любавский (1860—1936). Он писал о немецкой колонизации, правлении Казимира III, Нешавских статутах Казимира Ягеллончика и т. д. В 1910 г. Любавским были опубликованы две монографии о Литовско-русском государстве.

Истории польской реформации посвятил ряд статей и монографий Н. Н. Любович (1855—1935). Важнейшими из них были «История реформации в Польше. Кальвинизм и антитринитарии» (1883) и «Начало католической реакции и упадок реформации в Польше» (1886). Ему же принадлежит «Исторический очерк польского сейма» (1888) и ряд других работ.

Русская историография имеет большие заслуги в разработке польской истории. Труды на эту тему занимают первое место по количеству и объему в русской научной продукции по истории славян. Однако они касаются в основном политической истории Польши и польско-русских отношений. Правда, в конце XIX — начале XX в. позитивисты обратились к экономическим и социальным проблемам, но их исследования составляют лишь незначительную часть русских трудов по истории Польши.

Изучение истории Сербии, Хорватии и Черногории

Выдающихся успехов достигло в России изучение истории Сербии. Первым исследователем ее был А. Ф. Гильфердинг. Он опубликовал в периодической печати «Письма об истории сербов и болгар» (1854—1859). В них впервые научно изложена древняя история обоих народов. Этот труд был переведен на сербский и немецкий языки. Затем вышла работа Гильфердинга «Поездка по Герцеговине, Боснии и Старой Сербии» (1860). В обстановке, когда сведения о славянах под турецким владычеством были достаточно скудны, он совершил путешествие по этим районам и сумел собрать уникальный материал о народном быте, нравах, обычаях, религиозных отношениях, положении и истории южных славян. Для современников это сочинение Гильфердинга было единственной книгой, дающей представление о положении турецких славян.

Труд А. А. Майкова (1826—1902) «История сербского языка по памятникам, написанным кириллицею, в связи с историей народа» (1857) содержал критический анализ всех известных к тому времени изданий сербских грамот.

Поэтому он оказал большое влияние на развитие научных исследований, в первую очередь в самой Сербии. Историческая часть этой работы была издана и на сербском языке. Майкову принадлежат также исследования «О земельной собственности в древней Сербии» (1860), «Присяжный суд у южных славян» (1860), «О

пронии в древней Сербии» (1860). Во всех этих и других работах отразилось славянофильское мировоззрение автора, которое выразилось в том, что он считал славян единым «племенем», видел в их народном быте много общего с «русскими народными началами», считал православную религию «истинно славянской», а монархическую форму правления — единственно приемлемой. Но, в отличие от некоторых других историков-славянофилов, Майков не разделял мнения о необходимости объединения славян под эгидой России и православия. Будущее славянства ему рисовалось в виде «свободного политического союза» отдельных самостоятельных «народных единиц».

Н. А. Попов (1833—1892) занимался изучением новой истории Сербии. Его главный труд «Россия и Сербия. Исторический очерк русского покровительства Сербии с 1806 по 1856 г.» (т. 1—2, 1869) основан на архивных, не известных ранее материалах и других источниках. По полноте изложения внутренней истории Сербии и ее внешней политики в первой половине XIX в. эта работа не имела равных в научной литературе. Правда, автор использовал источники без достаточной критики, так что, несмотря на большие достоинства, его монография не достигла вершин современного ей метода исторического исследования. Важное значение имели сочинения Попова «Сербия после Парижского мира» (1871) (издана также на сербском языке), «О положении райи в современной Боснии» (1875), «Сербия и Порты в 1861—1867 гг.» (1879), «Вторичное правление Милоша Обреновича в 1859—1860 гг.» (1881) и др. Попов опубликовал также много важных источников — переписку Г. А. Строганова с Милошем Обреновичем, сербских деятелей культуры — с Н. И. Надеждиным и пр. Он был общественным деятелем славянофильского толка, что и отразилось на оценке им проблем сербской истории.

Работы Гильфердинга, Майкова, Попова, впервые освещая анализируемые в них проблемы, представляли собой крупные достижения науки и широко использовались не только в России, но и в Сербии и в других славянских странах. Однако им свойствен славянофильский подход к истории.

Совершенно иной характер носили труды В. В. Макушева (1837—1883), блестящего знатока славянских материалов в европейских архивах, где он многие годы вел изыскания, изучая свидетельства по истории славян. Макушев был ранним представителем позитивистского направления в области славяноведения. Его работы по истории всегда строились на новых, еще не использовавшихся материалах. Их отличала не только фундированность, но, как правило, и объективность оценок и суждений, что принесло ему большой авторитет среди европейских ученых. Однако политические позиции Макушева были консервативными. Как публицист, он пропагандировал официальную точку зрения на славянство, выступал за монархическую власть и защищал православие. Тем не менее взгляды Макушева отличались не только от либеральных, но и от славянофильских. Он не считал осуществимой идею

принятия всеми славянами русского языка в качестве литературного, не допускал мысли о государственном объединении России с западными и южными славянами, не увлекался и другими «славянофильскими фантазиями», заявляя, что он «славяновед, но не славянофил».

В итальянских архивах Макушев обнаружил много ценных документов по истории южных славян. Ему принадлежит большое число трудов по истории Сербии и Хорватии, в том числе «Заданайские и адриатические славяне. Статистические, этнографические и исторические очерки» (1867), «Письма о литературном и политическом состоянии Хорватского королевства» (1868), «Самозванец Степан Малый. По неизданным памятникам Венецианского архива» (1869), «О прони в древней Сербии по неизданным памятникам Венецианского архива» (1874). Ряд статей Макушев посвятил Черногории, словенцам, отдельным южнославянским историческим деятелям. Самое значительное место в его творческом наследии принадлежит книгам «Материалы для истории дипломатических отношений России с Рагузской (Дубровницкою) республикой» (1865) и «Исследования об исторических памятниках и бытописателях Дубровника» (1867). Кроме того, он опубликовал собрание документов «Исторические памятники южных славян и соседних им народов» (т. 1—2, 1874—1882). Макушев внес большой вклад в изучение истории южных славян, многие его работы не утратили своего значения до настоящего времени.

Крупным исследователем средневековой Сербии был Т. Д. Флоринский (1854—1919). Он неоднократно посещал Сербию, Хорватию, Венгрию и другие страны, разыскивая и изучая документы по истории южных славян, в частности сербов. Его монография «Южные славяне и Византия во второй четверти XIV века» (1882), основанная на сравнительном анализе византийских и сербских источников, явилась новым словом в науке о сущности и особенностях социально-экономических изменений у сербов в указанный период. Многие конкретные факты политической борьбы XIV в. Флоринский выявил и осветил впервые. Эта его работа и ныне сохраняет научное значение. Другой труд, «Памятники законодательной деятельности Душана, царя сербов и греков» (1888), также основан на архивном, рукописном материале. Осветив внутреннюю политику Стефана Душана, Флоринский охарактеризовал хрисовулы и новеллы сербских государей, дал классификацию рукописей Законника Стефана Душана, проанализировал сербские компиляции византийских законов. В приложениях к этой монографии приведены тексты Законника по разным спискам. Флоринский доказал, что этот источник закономерно связан с византийскими правовыми памятниками. Такой вывод был принципиально новым и оказал большое влияние на дальнейшее исследование истории Сербии XIV в.

Флоринский написал и ряд других работ по сербской истории. Им издавались также критико-библиографические обзоры новейшей литературы. Наиболее важный из этих обзоров — «Констан-

тин Порфирородный как писатель об южных славянах перед судом новейшей критики» (1881). По политическим убеждениям Флоринский был консерватором, проявил себя как яркий поборник самодержавия и православия. Тяготел к позднему славянофильству, Флоринский, однако, не разделял славянофильской концепции славянской истории. По методу исследования он принадлежал к позитивистам.

Историей средневековой Сербии занимался и К. Я. Грот, автор исследования «Известия Константина Багрянородного о сербах и хорватах» (1880). В. В. Качановский опубликовал критическую работу об источниках по сербской истории «История Сербии с половины XIV до конца XV в.» (1889). Большое внимание уделяла русская историография сербской православной церкви и ее связям с Россией. Как правило, эти сюжеты разрабатывались церковными историками. Это прежде всего монография Е. Е. Голубинского «Краткий очерк истории православных церквей — болгарской, сербской, румынской» (1871). И. С. Пальмов исследовал вопрос об учреждении патриаршества в средневековой Сербии и о сербской архиепископии (1891). Занимались подобными сюжетами и университетские ученые. В. И. Ламанский опубликовал в 1868 г. документы митрополита Ст. Стратимировича. К. Ф. Радченко написал работу «Досифей Обрадович и его литературная деятельность» (1897). П. А. Кулаковский опубликовал монографию «Начало русской школы у сербов в XVIII веке» (1903). Ему принадлежат важные труды по культуре южных славян XIX в. — «Вук Караджич, его деятельность и значение в сербской литературе» (1882) и «Иллиризм» (1894).

Наиболее видным исследователем Черногории был П. А. Ровинский, издавший работу «Черногория в ее прошлом и настоящем» (т. 1—3, 1888—1915). Этот крупный историк и этнограф прожил в Черногории 27 лет и подробнейшим образом изучил и обобщил сведения о жизни ее народа. Исследование Ровинского по праву считается достижением русской исторической науки в области славяноведения. Он оценивал историю славян с революционно-народнических позиций.

В начале XX в. вышло несколько общих работ по сербской истории: «Статистические очерки Сербского королевства» Б. Н. Евреинова (1903), «История сербского народа» Д. Вальковича (1903), «История Сербии» А. Л. Погодина (1910) и др. Характерные черты этих книг — реалистический подход к положению Сербии, политическая заостренность оценок. Значительное число брошюр было посвящено истории Боснии и Герцеговины, их аннексии Австро-Венгрией. Несмотря на популярный характер и публицистичность, эти работы не лишены и некоторого историографического значения, поскольку в целом правильно освещали главные моменты истории сербского народа.

История Хорватии затронута частично в уже упомянутых трудах и в некоторых других сочинениях. Ряд статей и книгу «Очерк истории Хорватского государства до подчинения его угорской ко-

роне» (1879) написал И. Н. Смирнов. Издавались о Хорватии и работы синтетического характера, к которым следует отнести, например, труд Л. В. Березина «Хорватия, Славония, Далмация и Военная граница» (т. 1—2, 1879). Хотя эта работа носила компилятивный характер, она способствовала ознакомлению русского общества с историей югославянских народов.

Особенно много внимания уделено русскими учеными хорватскому мыслителю XVII в. Юрию Крижаничу. Интерес к его жизни, тесно связанной с Россией, проявился еще в самом конце 40-х годов XIX в., когда О. М. Бодянский опубликовал (1848) одно из сочинений Крижанича. В последующие годы в русских архивах были обнаружены и другие неизвестные или забытые сочинения Крижанича, появились новые работы о нем. А. Маркевич издал сочинение «Юрий Крижанич и его литературная деятельность» (1876). Вышло собрание сочинений Крижанича (вып. 1—3, 1891), освещались различные стороны его творчества. В. И. Пичета опубликовал работу «Юрий Крижанич. Экономические и политические его взгляды» (1911), В. Вальденберг — монографию «Государственные идеи Крижанича» (1912).

Изучение истории Болгарии

По истории Болгарии русские ученые создали ряд важнейших работ. Первой из них была уже упоминавшаяся «История сербов и болгар» А. Ф. Гильфердинга, совершенно новое для своего времени явление в болгаристике: на основании источников автор достаточно полно излагает историю средневековой Болгарии. В. В. Макушев опубликовал работы «Болгария в конце XII и первой половине XIII вв.» (1872) и «Болгария под турецким владычеством преимущественно в XV—XVI вв.» (1872). Эти очерки создавались на основе вновь открытых автором архивных источников. Два крупных труда написал М. С. Дринов — «Заселение Балканского полуострова славянами» (1873) и «Южные славяне и Византия в X веке» (1876). По методу исследования он приближался к позитивистскому направлению, однако желание представить в наиболее выгодном свете все относящееся к истории болгар нередко мешало ему объективно оценивать роль исторических личностей.

К числу крупных достижений русской болгаристики относятся труды Ф. И. Успенского (1845—1928). Этот ученый-византист, рассматривая славистику и византиноведение как неотделимые друг от друга дисциплины, придавал огромное значение роли славян в истории Византии V—XIV вв. Главная работа Успенского по истории Болгарии — «Образование Второго Болгарского царства» (1879). В ней были по-новому освещены политические события в Болгарии и Византии XI—XII вв., изучены на основе источников история болгар в эпоху византийского господства, обстоятельства образования Второго Болгарского царства. По политическим взглядам Успенский принадлежал к числу тех, кто защищал самодержавие и православие, отрицательно относился к революционному

движению. Однако, являясь представителем позитивистской школы в русской историографии, он интересовался социально-экономическими процессами в Болгарии и других южнославянских землях. Им выявлен огромный материал, составляющий источниковую базу для изучения политической истории и культуры южнославянских народов и Византии.

Русская историография создала почву и традиции, на базе которых развивалось исследование богомилства. По этой проблеме написаны десятки работ. Русская дореволюционная литература о богомилстве принадлежит к числу богатейших. В то время как в Болгарии, да и на всем Балканском полуострове источники о богомилах почти полностью утрачены, в древнерусской рукописной книжности они дошли до нас либо целиком, либо в извлечениях, переделках и т. п. Наличие источниковой базы подтолкнуло русских ученых к исследованию богомилства. В дальнейшем возникла необходимость эту базу расширить, что и явилось стимулом для поисков новых рукописей о богомилстве в других странах. Изучение источников о богомилах началось в России еще в 30-е годы XIX в., но только в 1864 г. был опубликован главный из них — «Беседа Козмы Пресвитера на богомилов». Первым русским автором, оценившим этот источник, был А. Ф. Гильфердинг. Характеристика догматики богомилства содержится в работе Н. А. Осокина «История альбигойцев и их времени» (т. 1—2, 1869—1872).

Одной из важнейших в русской историографии работ по истории богомилства является монография Г. Киприановича «Жизнь и учение богомилов по паноплии Евфимия Зигабена и другим источникам» (1875). В ней говорится о поддержке богомилства массой простого народа, глубоко освещена сущность учения и социальной программы богомилов. Богомилства касался также Ф. И. Успенский в книге «Очерки по истории византийской образованности» (1891). Значительное место отведено богомилству и в работе К. Ф. Радченко «Религиозное и литературное движение в Болгарии в эпоху перед турецким завоеванием» (1898). М. Г. Попруженко опубликовал в 1897 г. текст важнейшего болгарского памятника «Синодик царя Борила», а в 1899 г. — исследование об этом источнике. Эти издания имели большое значение для дальнейшего изучения истории Болгарии.

Вкладом в исследование богомилства стали труды М. И. Соколова (1854—1906), который еще в начале своей деятельности написал работу «Из древней истории болгар» (1879). К источникам по древней истории Болгарии обратился Г. А. Ильинский. Он образцово издал «Грамоты болгарских царей» (1911), изучив соответствующие источники на Афоне по оригиналам, а также изготовив фотокопии грамот, найденных там и в других хранилищах. Ильинский не только опубликовал все известные грамоты, но и обследовал большой круг проблем, связанных с внутренним устройством феодального славянского государства. Работа эта не утратила научного значения до настоящего времени.

Советская славистика в 1918—1945 гг.

Истории Болгарии накануне турецкого завоевания и книжной деятельности в XV—XVII вв. были посвящены труды П. А. Сырку. Он издал исследование «К истории исправления книг в Болгарии в XIV в.» (1890), а затем множество статей и монографию «Время и жизнь патриарха Евфимия Тырновского» (1898). Ему принадлежат также «Очерки по истории литературных отношений болгар и сербов в XIV—XVII вв.» (1902). Сырку был знатоком источников; он разыскивал рукописи по архивам и библиотекам не только в России, но и за ее пределами. Однако он не владел в совершенстве методом обработки собранных им материалов, и его труды становились подчас преимущественно справочными пособиями. Культурные связи Болгарии с другими славянскими странами изучал А. И. Яцимирский (см., например, его труд «Григорий Цамблак», 1904).

Вопросы болгарской истории XVIII—XIX вв. разрабатывались мало. В 1877 г. была издана автобиография Софония Врачанского — «Софоний епископ Врачанский и его время (1739—1810)». В последние два десятилетия XIX в. и первое десятилетие XX в. важнейшее место в историографии заняли работы о русско-турецкой войне 1877—1878 гг. Было предпринято монументальное издание «Сборник материалов по русско-турецкой войне 1877—1878 гг. на Балканском полуострове» (вып. 1—96, 1898—1910), вышел «Сборник материалов по гражданскому управлению и оккупации Болгарии 1877—1878 гг.» (вып. 1—4, 6, 1903—1907) и опубликованы документы «Русское управление в Болгарии 1877—78—79» (т. 1—3, 1906—1907).

Был издан ряд работ по новой и новейшей истории Болгарии, в том числе брошюры о положении страны в начале XX в.: Н. Р. Овсяный. «Болгария и болгары» (1910), М. В. Юркевич. «Двадцатипятилетние итоги княжества Болгарии (1879—1904)» (1905) и др. В 1910 г. А. Л. Погодин издал «Историю Болгарии», а в 1916 г. вышла книга «История болгарского народа» Н. В. Ястребова и П. А. Лаврова.

Ученые России создавали в XIX — начале XX в. такие труды по истории южных славян, каких сами южные славяне еще не имели. Эти работы сыграли значительную роль в развитии национальных южнославянских историографий и исторической науки вообще.

* * *

Русская историография западных и южных славян развивалась в XIX — начале XX в. по восходящей линии. По мере накопления знаний отмирали старые теории, использовались прогрессивные для своего времени методы исследования. К предреволюционному времени русская историография достигла в рамках буржуазной науки высокого уровня развития. Но марксистская методология в историографию славян практически не проникла.

Дисциплины славистического комплекса, в том числе история зарубежных славянских народов, в первые годы Советской власти столкнулись с серьезными трудностями. Эту ситуацию обусловили ряд факторов: антисоветская направленность политики правительств и буржуазных идеологов зарубежных славянских государств, эмиграция части историков-славистов, почти полное отсутствие владевших марксистской методологией специалистов по истории зарубежных славянских народов.

Переход славистических исследований на новые рельсы начался уже в 20-е годы. Он выразился прежде всего в существенном изменении исследовательской проблематики. Такому повороту способствовали утверждение исторического материализма в качестве методологической основы исследований, широко развернувшаяся с начала 20-х годов публикация документальных материалов по истории международных отношений нового и новейшего времени, истории рабочего и коммунистического движения, пребывание в СССР деятелей коммунистических партий зарубежных славянских стран, многие из которых исследовали проблемы истории, экономического и политического положения зарубежных славян, внимание Коммунистической партии и Советского государства к нуждам проживающих в СССР поляков, болгар, представителей других южно- и западнославянских народов.

В первые годы Советской власти проблемами славистики занимались главным образом ученые, объединенные вокруг Отделения русского языка и словесности (ОРЯС) Академии наук. Под влиянием событий общественно-политической жизни, в частности образования зарубежных славянских государств, они начали интересоваться историей зарубежных славян. Наиболее отчетливо это проявилось в деятельности Славянской научной комиссии, существовавшей при ОРЯС в 1923—1930 гг. Комиссия была первой за все время существования отечественного славяноведения официально оформленной организацией, специально занимавшейся славистикой. Она стала родоначальницей комплексного подхода к изучению зарубежных славянских народов, характерного для советской науки на всех этапах ее развития.

На заседаниях Комиссии заслушивались и обсуждались помимо сюжетов средневековой истории совершенно новые для отечественной славистики темы социально-экономической, политической и культурной жизни южных и западных славян в новейшее время. Обращение к этим вопросам отражало стремление членов комиссии приблизиться к марксистскому пониманию проблем славяноведения; однако в целом она все же не смогла перейти на новые методологические позиции.

В 1931 г. в системе Академии наук был создан ленинградский Институт славяноведения, существовавший до начала 1934 г. Возглавлял его акад. Н. С. Державин (1877—1953). Он добивался, чтобы в новом научном учреждении исследования велись на основе исторического материализма. Институт достиг в этом отношении определенных успехов, хотя в решении ряда проблем ему не удалось избежать вульгарно-социологических ошибок.

Несомненной заслугой института было дальнейшее развитие комплексного подхода к славистике. На первый план в его исследованиях выдвинулись проблемы новой и новейшей истории, а также современного экономического и политического положения зарубежных славянских стран. Институт, кроме того, поставил задачу комплексного исследования неславянских народов Центральной и Юго-Восточной Европы.

Итоги исследований сотрудников института реализовывались в форме докладов на научных заседаниях и статей в «Трудах Института славяноведения» (т. 1—2, 1932—1934). «Труды» освещали широкий круг проблем истории славянских народов и развития славистики.

Славяноведением в 20-е годы занимались также специалисты ряда университетов. Н. С. Державин, А. М. Селищев (1886—1942) и В. И. Пичета (1878—1947), занимая руководящие посты в Ленинградском, Московском и Белорусском университетах, прилагали большие усилия по организации подготовки славистов широкого профиля, «достаточно сведущих, — по выражению А. М. Селищева, — в культурной, экономической и политической жизни славян». В 1926—1930 гг. в МГУ и ЛГУ были созданы славянские циклы (их возглавляли А. М. Селищев и Н. С. Державин), студенты которых специализировались по славяноведению.

Наиболее разностороннюю подготовку получали студенты Цикла южных и западных славян в МГУ. Наряду с филологическими дисциплинами они серьезно изучали историю славянских народов, славянскую этнографию, государственное устройство зарубежных славянских стран. В учебном плане Славянского цикла ЛГУ значились лишь филологические дисциплины, но существовал кружок по изучению современного славянства, в котором обсуждались доклады об экономическом и политическом положении славянских народов. В Белорусском университете студенты, изучавшие зарубежных славян, специализировались обычно по долонистике. При создании университета (1921) в нем была организована польская секция, где изучались филологические дисциплины. Позже В. И. Пичета читал в этом университете курсы истории славян, Польши и польской культуры.

Одной из важных задач в 20—30-е годы была подготовка кадров, способных вести работу по повышению политического и культурного уровня проживавших в СССР значительных групп поляков и болгар. Она осуществлялась в основном польским и болгарским секторами Коммунистического университета национальных меньшинств Запада, болгарской советско-партийной школой в

Одессе. Учителей языка, литературы и обществоведческих дисциплин для польских школ готовило польское отделение Ленинградского пединститута им. А. И. Герцена.

Все эти учебные заведения не ставили, разумеется, перед собой цель дать слушателям специальную историко-славистическую подготовку, однако в них уделялось большое внимание изучению истории революционного движения, современного положения Польши и Болгарии. Деятельность по подготовке национальных кадров из болгар и поляков давала дополнительный импульс развитию в СССР исторической славистики.

В этом же направлении работали научно-исследовательские учреждения, занимавшиеся главным образом изучением истории польского революционного и рабочего движения: Польская комиссия Истпарта (1925—1928) и созданная на ее базе Редколлегия польских изданий ИМЭЛ; Польский институт пролетарской культуры в Киеве; польский отдел Института белорусской культуры в Минске, преобразованный впоследствии в Польский сектор Белорусской АН, а затем в Польский институт пролетарской культуры. Эти центры выпускали несколько периодических изданий. Наиболее важное из них — журнал «Z Pola Walki» («С поля битвы») (1926—1934), в котором публиковались документы, воспоминания и статьи по истории польского рабочего движения.

Возникновение первых научных учреждений и учебных заведений, специально занимавшихся разработкой и преподаванием истории славянских стран, было шагом вперед в развитии славистики. Однако по сравнению с другими отраслями советской науки организационная база славяноведения оставалась еще слабой.

Историко-славистические исследования до конца 30-х годов развивались в СССР по нескольким направлениям.

В области медиевистики работали преимущественно историки, взгляды которых сложились в дореволюционные годы. Они публиковали работы по аграрной истории средневековой Чехии (А. Н. Ясинский) и истории полабско-прибалтийских славян (М. В. Бречкевич), изучали славяно-византийские отношения (им уделено значительное место в «Истории Византии» Ф. И. Успенского, над вторым и третьим томами которой он работал в 20-е годы), переиздавали написанные ранее труды (Д. Н. Егоров и М. К. Любавский). Первой попыткой подхода к историческим явлениям с материалистических позиций являлась статья И. Белинского, в которой исследовались вопросы истории феодального права в Польше, Литве и на Украине (1926, «Труды Комиссии по изучению западнорусского и украинского права»).

Наибольшие успехи были достигнуты в изучении новой истории славянских народов. Этому способствовала публикация источников. В сборнике документов «Константинополь и проливы» (т. 1—2, 1925—1926) было напечатано большое число материалов о политике России на Балканах в XIX — начале XX в. В 1926 г. вышел документальный сборник «Русско-польские отношения в период мировой войны». Ряд источников по различным вопросам

политики России в отношении южно- и западнославянских стран опубликовал журнал «Красный архив».

Несколько документальных публикаций было посвящено революционным связям русского и других славянских народов. Журнал «Летописи марксизма» в 1927 г. напечатал письма М. А. Бакунина польским корреспондентам; к 70-летию восстания 1863 г. в «Красном архиве» были опубликованы воспоминания одного из видных деятелей умеренного крыла повстанцев О. Авейде «Краткий очерк последних событий в Польше 1861—1864 гг.» (1933); в 1928 году вышел перевод мемуаров Д. Благоева о его революционной деятельности в России и Болгарии. Несколько сборников документов — «Материалы по истории социалистического движения в Польше» (т. 1—2, 1927), «Социал-демократия Королевства Польского и Литвы. Материалы и документы. 1914—1918» (1936) и др. — опубликовали на польском языке Польская комиссия Истпарта и Редколлегия польских изданий ИМЭЛ.

Тематике публиковавшихся документов соответствовали в основном направления исследований. В них активно участвовали историки-марксисты славянских стран из числа находившихся в СССР политэмигрантов. Большое значение для внедрения марксистской методологии в славяноведение имели труды выдающихся деятелей коммунистического движения Г. Димитрова и В. Коларова (Болгария), Ю. Мархлевского и Ю. Лещиньского¹ (Польша), К. Готвальда, Б. Шмерала и Я. Швермы (Чехословакия), Ф. Филиповича² (Югославия). Работы Ю. Мархлевского по истории, собранные в т. 6 его Собрания сочинений (1931), впервые в советской литературе дали марксистское представление об истории Польши с древнейших времен до создания буржуазной республики в 1918 г.

Г. Димитров выступил в 1924 г. со статьей «Ленин и революционное движение на Балканах», в которой было показано значение ленинских идей для развития рабочего движения в балканских странах. Применительно к Болгарии эту тему развили в журналах «Историк-марксист» (1924, № 1) и «Пролетарская революция» (1929, № 10) видные деятели БКП Х. Кабакчиев (1878—1940) и Г. Бакалов (1873—1939). В 1933 г. статьи о взглядах основоположников марксизма-ленинизма по польскому вопросу опубликовали М. В. Миско и С. Кржижановский.

Славянская проблематика занимала значительное место в книгах С. Д. Сказкина (1890—1973) «Конец австро-русско-германского союза» (1928) и Р. А. Авербух «Царская интервенция в борьбе с венгерской революцией. 1848—1849» (1935), в работах других ученых по вопросам международных отношений и внешней политики.

Истории польского национально-освободительного и рабочего движения, русско-польским революционным связям были посвя-

щены монографии как советских историков, так и находившихся в СССР польских коммунистов (часть их трудов издана на польском языке). В этих работах рассматривались восстание 1830—1831 гг. (Г. Г. Писаревский), польско-русские революционные связи 1860-х годов (Я. Витковский, Б. П. Козьмин), история рабочего и социалистического движения в Польше (И. В. Волковичер, Ф. Я. Кон, Ю. Ротштадт¹, Э. Пшибышевский², В. Будкевич, Г. И. Лурье). Наиболее значительной среди этих работ является монография С. Н. Драницына (1879—1956) «Польское восстание 1863 г. и его классовая сущность» (1937), в которой были использованы и новые архивные материалы. Сумев преодолеть схематизм в освещении ряда сложных социальных явлений, Драницын стремился рассмотреть восстание на широком фоне развития капиталистических отношений в Королевстве Польском. Некоторые стороны развития этих отношений подробно были охарактеризованы в статьях У. А. Шустера об образовании внутреннего рынка для капитализма в Польше (1938) и русско-польских экономических связях 1880-х годов (1939).

Изучение новой истории Чехословакии было начато лишь в 1938 г., когда в «Историческом журнале» появилась статья И. Ф. Ивашина о национально-освободительном движении в Чехии накануне первой мировой войны.

Значительно раньше началось исследование истории южнославянских народов. В 1923 г. в СССР вышло переработанное издание книги Е. З. Волкова (1883—1942) «Христо Ботев», в которой впервые использованы выявленные им в Болгарии материалы о связях Ботева с русскими революционерами. Первоначально книга была опубликована в Болгарии (1921), где автор в 1911—1915 гг. жил в эмиграции. Она содержала ряд неверных положений, связанных с эсеровскими взглядами автора. Тематически к этой работе примыкали статьи Д. Д. Димитрова, К. А. Пушкаревича, Б. П. Козьмина о Л. Каравелове и С. Марковиче.

С рядом хорошо документированных работ о русско-болгарских революционных связях выступил Г. Бакалов. Он изучал в годы своего пребывания в СССР воздействие на болгарское революционное движение Н. Г. Чернышевского и представителей революционного народничества, но особое внимание уделял влиянию на Болгарию и ее рабочее движение взглядов русских марксистов и революционных событий в России начала XX в. Этому кругу вопросов посвящены статьи Г. Бакалова «1905 год и Болгария» (1925), «Г. В. Плеханов в Болгарии» (1928), «Старая „Искра“ среди болгар» (1929).

Исследование новейшей истории славянских стран находилось в 20—30-е годы в стадии становления. Появилось несколько работ научно-популярного характера об экономическом и политическом положении Польши, Чехословакии, Болгарии и Югославии, о ком-

¹ Писал под псевдонимом: Ю. Леньский.

² Писал под псевдонимом: Б. Бошкович.

¹ Писал под псевдонимом: Ю. Красный.

² Писал под псевдонимом: Ч. Ясинский.

мунистических партиях этих стран, о подъеме там революционно-го движения под влиянием Великой Октябрьской социалистической революции. Отдельные книги и статьи были посвящены Краковскому восстанию 1923 г. в Польше и Сентябрьскому восстанию 1923 г. в Болгарии. Относительно большое внимание уделялось изучению крестьянского движения.

Таким образом, до конца 30-х годов в СССР изучались прежде всего история Польши и Болгарии; почти не было трудов по Чехословакии и Югославии. Главным образом разрабатывались проблемы новой истории. Работ, посвященных средневековой, печаталось мало, причем особенно недоставало марксистских исследований по этому периоду.

Перелом в развитии советской исторической славистики намечился в 1938—1939 гг. Ему способствовало осознание общности фашистской опасности, нависшей над СССР и зарубежными славянскими странами, а также преодоление в конце 30-х годов негативных тенденций, которые были порождены отождествлением идеи славянской взаимности с ее реакционными интерпретациями. В 1939 г. в Институте истории АН СССР был создан Сектор славяноведения, а на историческом факультете МГУ — кафедра истории южных и западных славян, которую возглавил В. И. Пичета. В работу по развитию исторической славистики активно включились Н. С. Державин, Ю. В. Готье (1873—1943), Б. Д. Греков (1882—1953), М. Н. Тихомиров (1893—1965), Н. П. Грацианский (1886—1945), а также эмигрировавший в СССР чехословацкий ученый и общественно-политический деятель З. Неядлы.

Новые славистические центры развернули исследования наиболее слабо разработанных проблем древней и средневековой истории славян. Незадолго до Великой Отечественной войны в журнале «Вестник древней истории» появились первые работы о славянах в VI—VII вв. и славяно-византийских отношениях, написанные М. В. Левченко, Б. Т. Горяновым, А. В. Мишулиным. Началось изучение средневековой истории Чехии. Специалисты по истории СССР (Л. Б. Генкин, А. А. Савич и др.) уделили большое внимание русско-польским отношениям XVII в. С. Ф. Иваницкий выступил с серией статей о Барской конфедерации.

В период Великой Отечественной войны в научной деятельности историков значительно усилилась роль идейно-политических факторов. В центре внимания оказалась история противостояния славянских народов германскому феодальному и капиталистическому «натиску на восток». Появился ряд брошюр и популярных статей о положении зарубежных славянских народов под фашистским игом, движении Сопротивления в славянских странах. Итоги разработки этих проблем были подведены в сборнике «Вековая борьба западных и южных славян против германской агрессии» (1944), подготовленном учеными Института истории АН СССР под руководством З. Неядлы. Очень много делалось также для разоблачения фашистских фальсификаций истории зарубежных славянских народов.

Вместе с тем в годы войны советские историки продолжали заниматься такими темами, как возникновение славянской государственности, антифеодальная борьба крестьян, русско-славянские отношения и революционные связи народов нашей страны с зарубежными славянскими народами. Началась работа и над первыми сводными очерками истории славянских стран.

К послевоенному периоду в СССР сложились необходимые условия для дальнейшего развития славяноведения.

Советская историческая славистика в 1946—1985 гг.

Время, минувшее со дня победы советского народа в Великой Отечественной войне, было весьма плодотворным как для советского славяноведения в целом, так и для развития историко-славистических исследований в частности. Сложились два основных организационных центра исторической славистики. Головным научным учреждением историков-славистов стал созданный в 1947 г. Институт славяноведения АН СССР, реорганизованный в 1969 г. в Институт славяноведения и балканистики АН СССР, — комплексное научно-исследовательское учреждение, ориентированное на изучение истории и культуры стран Центральной и Юго-Восточной Европы, их языков и литератур. В системе высшей школы ведущим славистическим центром является кафедра истории южных и западных славян Московского университета. Она готовит научно-преподавательские кадры, обеспечивает создание учебников и учебных пособий. Кафедра в сотрудничестве с другими научными учреждениями и вузами подготовила два издания учебника «История южных и западных славян» (1957, 1969), а также одноименный курс лекций (1979).

Весомый вклад в историческую славистику внесли отдел истории международных отношений социалистических стран Института истории АН УССР, кафедры истории южных и западных славян Львовского университета, истории средних веков и зарубежных славянских народов Воронежского университета, истории социалистических стран Киевского университета. Украинские слависты создали учебник по истории южных и западных славян (1966). Существенна также роль кафедр всеобщей истории Белорусского, Ленинградского, Саратовского, Харьковского, Краснодарского университетов, уделяющих большое внимание славяноведческой проблематике.

Важный вклад в послевоенный подъем славяноведения внесли советские историки академики Б. Д. Греков, Н. С. Державин, В. И. Пичета, М. Н. Тихомиров, профессор С. А. Никитин (1901—1979).

Значительно расширились издательские возможности славяноведов. Работы историков-славистов публиковались в общеоисторических журналах «Вопросы истории», «Новая и новейшая история», «История СССР», «Украинский исторический журнал» и др., а также в специализированных изданиях, в том числе комплекс-

ных междисциплинарных «Ученых записках» (т. 1—30, 1948—1966) и «Кратких сообщениях» (вып. 1—43, 1951—1965) Института славяноведения АН СССР. С 1965 г. выходит журнал «Советское славяноведение». Примерно половину объема этих трех изданий занимают материалы по исторической и историко-культурной проблематике. Комплексный характер имеет выходящий на базе Львовского университета межведомственный республиканский сборник (в 1970—1975 гг. — «Українське слов'язознавство», с 1976 г. — «Проблеми слов'язознавства»). Исторической проблематике посвящены московский «Славянский архив» (1958—1963) и воронежский сборник «Вопросы истории славян» (выходит с 1963 г.).

Быстро росло количество книг по истории южных и западных славян, издаваемых Академиями наук СССР, УССР и БССР, а также университетами. Это прежде всего были работы, подготовленные в Институте славяноведения и балканистики АН СССР и Московском университете. По истории зарубежных славян и межславянских связей каждый год выходили десятки книг и сотни статей. Только за 1978—1982 гг. появилось около 4300 славяноведческих работ, содержание которых полностью или частично посвящено исторической проблематике:

Существенной чертой советского славяноведения в послевоенное время является возникновение общесоюзного координационного механизма, который помогает более целенаправленно использовать имеющиеся возможности исследования славистических проблем. С самого начала он развивался по двум взаимосвязанным направлениям — академическому и вузовскому.

В январе 1961 г. в Москве было проведено Всесоюзное координационное совещание по актуальным проблемам славяноведения, на котором присутствовало около 500 специалистов, представивших все славистические дисциплины и все центры развития славистики. Участники совещания обсудили состояние славяноведческих исследований в стране, согласовали формы координации дальнейшей работы, пути межведомственного и междисциплинарного сотрудничества. Историкам-славистам было рекомендовано усилить разработку следующих проблем: народно-демократические и социалистические революции и строительство социализма; генезис капитализма, национальные движения и формирование национальных культур; межславянские революционные и культурные связи; славяно-германские отношения. Эти рекомендации реализовывались в 60—70-е годы.

Аналогичные задачи имела конференция «Итоги и перспективы славяноведческих и балканских исследований: вопросы координации», организованная Научным советом по комплексным проблемам славяноведения и балканистики в 1978 году. В результате анализа завершенных исследований были намечены перспективы дальнейшей работы в различных областях славяноведения, приняты рекомендации о более глубоком, разностороннем и комплексном изучении вопросов этногенеза, формирования наций, ис-

тории культуры, международных отношений славянских и балканских народов, а также о дальнейшем развертывании исследований историографического и источниковедческого характера.

В координации научной и педагогической деятельности славяноведов, специализирующихся по истории, ведущая роль принадлежит общесоюзным конференциям, которые с 1962 г. периодически созываются на базе университетов Министерством высшего и среднего специального образования СССР совместно с соответствующими министерствами УССР и БССР и Академией наук СССР. На пленарных и секционных заседаниях этих конференций, как правило, обсуждаются крупные научные проблемы и важные методические вопросы, связанные с преподаванием истории южных и западных славян. В постановлениях конференций закрепляются коллективно выработанные мнения о наиболее актуальных направлениях исследований, создании учебных пособий, путях повышения уровня подготовки славистических кадров. Кроме общесоюзных проводятся конференции украинских и белорусских историков-славистов. Система координации немыслима без проводимых историками-славистами весьма многочисленных тематических симпозиумов и конференций.

В первые послевоенные годы главное внимание было сосредоточено на собирании сил историков-славистов и энергичной подготовке кадров, на углубленной оценке достигнутых ранее научных результатов и уяснении новых задач. В это время появились публикации источников: «Винодольский статут» (1948), сборник «Документы к истории славяноведения в России (1850—1912)» (1948) и др. Были изданы первые работы обобщающего характера: «История Чехии» под редакцией В. И. Пичеты (1947) и «История Болгарии» Н. С. Державина (т. 1—4, 1945—1948). Вышли в свет «Славянские сборники» Института славяноведения АН СССР (1947) и Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина (1948), работы Б. Д. Грекова об общественном строе Винодола и Полицы (1948, 1951), И. И. Удальцова о революционном движении в Чехии в 1848 г. (1951).

Институтом славяноведения были изданы обобщающие коллективные труды «История Болгарии» (т. 1—2, 1954—1955), «История Польши» (т. 1—3, 1954—1958), «История Чехословакии» (т. 1—3, 1956—1960), «История Югославии» (т. 1—2, 1963), охватывающие историю зарубежных славянских народов с древнейших времен до народно-демократических и социалистических революций в этих странах. В них впервые давался марксистский синтез исторического процесса практически на всем его протяжении. Эти труды опирались как на уже имевшиеся, так и на проводившиеся исследования. Они стали исходным рубежом для многих последующих работ и сохранили до сих пор научно-информационное значение.

Среди работ 60-х годов по истории южных и западных славян преобладали страноведческие исследования. В них широко использовались первоисточники, в том числе хранящиеся в зарубежных архивах.

Медиевисты активно изучали проблемы истории раннефеодальных государств у западных и южных славян (работы В. П. Грачева, Г. Г. Литаврина и др.). Много было сделано для исследования феодальных отношений, положения крестьянства в зарубежных славянских странах при феодализме и его антифеодальной борьбы. Этой проблематике наряду со значительным количеством статей были посвящены монографии Ю. В. Бромлея (по Югославии), Г. Г. Литаврина (по Болгарии), В. Д. Королюка, Д. Л. Похилевича и Л. В. Разумовской (по Польше), А. И. Озолина и Б. Т. Рубцова (по Чехии).

В области новой истории разрабатывались преимущественно вопросы национально-освободительного движения славянских народов, причем основное внимание сосредоточивалось на изучении демократического направления в нем. Наиболее полно удалось осветить освободительную борьбу польского народа в XIX в. и русско-польские революционные связи. Различные аспекты этих проблем рассмотрены в исследованиях И. М. Белявской, В. А. Дьякова, И. И. Костюшко, И. С. Миллера, П. Н. Ольшанского, А. Ф. Смирнова, Т. Г. Снытко, С. М. Фалькович. Большой коллектив историков занимался изучением национально-освободительной борьбы южнославянских народов против османского ига и отношения к ней русского общества и правительственных кругов России. Этим проблемам посвящены труды И. С. Достян, В. Д. Конобеева, И. И. Лещиловской, С. А. Никитина, С. И. Сидельникова. Мировоззрение болгарских и сербских революционных демократов изучали Л. В. Воробьев и В. Г. Карасев. Появились работы И. А. Воронкова, М. Н. Кузьмина, А. С. Мыльникова, В. И. Фрейдзона по вопросам общественно-политической мысли и культуры славянских народов эпохи национального возрождения.

Рабочее движение зарубежных славянских стран изучалось в этот период главным образом под углом зрения истории русско-славянских революционных связей. Разрабатывались вопросы интернациональной и классовой солидарности рабочих России с пролетариями зарубежных славянских народов, большое внимание было уделено исследованию роли ленинских идей в подъеме рабочего движения в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. Наиболее интенсивно велась разработка истории рабочего движения XIX — начала XX в.

Внимание ряда ученых привлекла проблема влияния первой российской революции на зарубежные славянские страны. В монографии И. А. Хренова «Лодзинское восстание» (1958) и в ряде статей исследовалось революционное движение в Королевстве Польском в начале XX в., развивавшееся как составная часть российской революции. К. П. Гогина, А. З. Нюркаева, Ю. А. Писарев и Н. И. Хитрова выступили со статьями об откликах в югославянских областях Австро-Венгрии и в чешских землях на революционные события в России.

С. Ш. Гринберг, В. А. Жебокрицкий, И. М. Кулинич, А. К. Мартыненко, Ю. А. Писарев посвятили истории зарубежных славян-

ских народов в начале XX в. несколько монографий и статей. В них исследовались как социально-экономическое положение и революционное движение, так и вопросы внешней политики, главным образом в связи с Балканскими войнами.

Центральными проблемами новейшей истории были вопросы влияния Великой Октябрьской социалистической революции на судьбы южных и западных славян, ее роль в образовании независимых славянских государств, ее значение для подъема революционного движения в этих странах, участие зарубежных интернационалистов в ней и в защите ее завоеваний. Этими проблемами занимались исследователи истории Польши И. И. Белякевич, П. М. Калениченко, А. Я. Манусевич, М. В. Миско, П. Н. Ольшанский, С. М. Стецкевич, И. С. Яжборовская, Чехословакии — А. Х. Клеванский, И. Н. Мельникова, И. А. Петерс, Болгарии — М. А. Бирман, М. Д. Дыхан, П. С. Сохань, Югославии — В. В. Зеленин.

Изучались экономическое и внутривластное положение славянских стран в межвоенный период (монографии и статьи А. Н. Киршевой, А. Н. Мацко, Д. Б. Мельцера, И. Н. Мельниковой, С. И. Прасолова, Ф. И. Фирсова, Г. И. Чернявского и др.), их внешняя политика (работы В. К. Волкова, А. Ф. Кизченко, И. А. Петерса, В. Т. Фомина, И. Н. Чемпалова, В. А. Шишкина и др.).

Появились первые исследования об антифашистской борьбе зарубежных славянских народов в годы второй мировой войны (монографии Л. Б. Валева, А. И. Недорезова, Ф. Г. Зуева, В. И. Клокова, Г. М. Славина). Продолжалось изучение характера народной демократии в славянских странах, их опыта социалистического строительства и внешней политики (книги П. В. Галенко, Ф. Т. Константинова, Г. Н. Попова, А. И. Соболева, Д. Г. Томашевского).

Весьма существенной чертой рассматриваемого периода было появление крупных документальных изданий. Как правило, они вводили в научный оборот материалы советских архивов, но осуществлялись в большинстве случаев совместно с теми странами, историю которых освещали. Значительный объем публикаторской работы выполнил Институт славяноведения. В 1962 г. были изданы, в частности, хроники Козьмы Пражского и Лаврентия из Бржезовой, византийская «Книга епарха», в 1963 г. — хроника Гельмольда, в 1965 г. — «Алексиада» Анны Комниной и т. д. В 1961—1967 гг. вышел сборник документов «Освобождение Болгарии от турецкого ига» (т. 1—3). В 1961 г. началось издание 25-томной советско-польской серии «Восстание 1863 года. Материалы и документы». С 1963 г. выходит советско-польская серия материалов по истории советско-польских отношений (параллельно в СССР и ПНР).

На протяжении первого послевоенного 20-летия почти не разрабатывались историографические проблемы славяноведения. Повышению интереса к ним способствовал выход библиографиче-

-ского справочника «Историки-слависты СССР». Он был составлен С. И. Сидельниковым и Г. И. Чернявским и содержит сведения о более чем 200 специалистах по истории южных и западных славян и межславянских связях.

Рубеж 60—70-х годов в изучении истории южных и западных славян характеризуется, с одной стороны, продолжением публикации источников, углубленной разработкой изучавшейся ранее и новой страноведческой проблематики, а с другой — постепенным выдвиганием на первый план комплексного междисциплинарного сравнительно-исторического и регионального исследования проблем.

В 1975 г. Институт славяноведения и балканистики издал «Деяния саксов» Видукинда Корвейского в новом переводе с вступительной статьей и комментариями Г. Э. Санчука. Источниковая база для специалистов по новой истории пополнилась публикацией документов из архива М. Ф. Раевского о связях зарубежных славян с русской общественностью в XIX в. (прежде всего со славянофилами); эти материалы были подготовлены к печати Институтом славяноведения и балканистики совместно с чехословацкими и югославскими специалистами. В 1980—1983 гг. вышла советско-югославская публикация «Первое сербское восстание 1804—1813 гг. и Россия», также подготовленная при активном участии сотрудников института. С 1978 г. в Польше публикуется советско-польская серия «Польское общественное движение и литературная жизнь 1830—1850-х годов. Исследования и материалы». Подготовка этого издания осуществляется Институтом славяноведения и балканистики АН СССР в сотрудничестве с институтами истории и литературных исследований Польской АН.

Для изучения новейшей истории важны документальные серии о советско-болгарских, советско-чехословацких и советско-югославских отношениях, издание которых ведется совместно с болгарскими, чехословацкими и югославскими специалистами, параллельно в СССР, Болгарии, Чехословакии и Югославии. Вместе с серией «Документы и материалы по истории советско-польских отношений» эти публикации создают базу исследований по истории международных отношений и внешней политики этих стран.

В 70-е — первой половине 80-х годов появилось немало монографий и обобщающих работ страноведческого характера, тематика которых в совокупности охватывает историю южных и западных славян с древнейших времен до нашего времени. Видное место в работе славистов заняло изучение ленинского наследия, относящегося к истории зарубежных славянских народов. Наибольшее количество работ по этой тематике вышло к 100-летию со дня рождения В. И. Ленина. В их числе — осуществленная группой сотрудников Института славяноведения и балканистики публикация о контактах В. И. Ленина с деятелями рабочего движения славянских стран в специальном выпуске журнала «Советское славяноведение» (1970, № 2), сборник «Ленин и Польша: Проблемы, контакты, отклики», коллективные монографии «В. И. Ленин

и судьбы болгарского народа», «В. И. Ленин и польское рабочее движение». Все усиливающееся внимание уделялось новейшей истории — событиям межвоенного двадцатилетия и второй мировой войны, народно-демократическим и социалистическим революциям, строительству социализма в зарубежных славянских странах.

Спецификой 70-х — первой половины 80-х годов является заметное усиление интереса к проблемам историографии, выход ряда коллективных сборников и многочисленных статей, охватывающих широкий круг проблем развития славистических и балканистических исследований как в нашей стране, так и за ее пределами. Среди этих работ — монографии А. С. Бейлиса о становлении марксистской историографии в Болгарии (1970), Л. П. Лаптевой о русской дореволюционной историографии гусизма (1978), И. С. Достян об отношении русской общественности к балканским народам в конце XVIII — начале XIX в. (1980), И. И. Удальцова об освещении чешского национального возрождения в чехословацкой и советской историографии (1984), библиографические словари «Славяноведение в дореволюционной России» (1978) и «Историки-слависты СССР» (1981), а также выпущенные Институтом славяноведения и балканистики сборники статей об отечественной и зарубежной славистике. Все это позволяет говорить о том, что за последнее время в славяноведении сложилось историографическое направление исследований.

Важная особенность современного славяноведения заключается во все более осязаемом увеличении удельного веса трудов, рассматривающих историю южных и западных славян во взаимосвязи с историей других народов Восточной, Центральной и Юго-Восточной Европы. Обычно в такого рода исследованиях рассматриваются наиболее крупные и актуальные проблемы.

Во-первых, этногенез славян и этническое сознание славянских народов. Наряду с историками в этой области активно работают лингвисты и археологи, фольклористы и искусствоведы. Результаты их деятельности неоднократно обсуждались на симпозиумах и конференциях, взаимно дополнялись и корректировались. На этой основе издан коллективный труд «Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху раннего средневековья» (1982). В нем впервые поставлены, а в ряде случаев и решены вопросы этнической истории славянства в целом, а также южных и западных славян.

Во-вторых, это закономерности перехода от феодализма к капитализму, формирования наций и становления национальной государственности в Центральной и Юго-Восточной Европе, т. е. проблемы, связанные с периодом национального возрождения славянских народов. Результаты проведенных исследований публикуются в специальной серии, издаваемой Институтом славяноведения и балканистики. В ней уже вышли коллективные труды о формировании у народов этого региона национальных культур и литературных языков, о социальной структуре общества в период национального возрождения, об освободительных движениях в Ав-

стрийской империи, о становлении государственности и развитии национальных литератур.

В-третьих, это народно-демократические и социалистические революции в странах Центральной и Юго-Восточной Европы, внутреннее развитие и международное положение этих стран в период строительства социализма. В сравнительно-исторических и комплексных трудах по этой проблематике освещаются социально-экономические, политические и культурные аспекты развития Болгарии, Польши, Чехословакии и Югославии в послевоенный период.

По сравнению с довоенным этапом развития советской славистики в послевоенные десятилетия расширились и углубились международные связи советских славистов. До Великой Отечественной войны они были нерегулярными, охватывали узкий круг ученых и практически не выходили за рамки личных контактов. Послевоенный период ознаменовался качественными сдвигами и в этой сфере. Возникновение социалистического содружества создало возможность для постоянного, планируемого международного сотрудничества не только в форме обмена научными идеями, но и путем совместной разработки важных проблем, подготовки двусторонних и многосторонних изданий. Существенно выросли также научные связи советских славистов с учеными неславянских, в том числе капиталистических стран.

Большое значение для упрочения связей наших славяноведов с зарубежными коллегами имеет участие тех и других в международных съездах славистов и в работе специализированных комиссий Международного комитета славистов, начавшееся в 1958 г.

Контакты советских специалистов по истории южных и западных славян с Международным комитетом по историческим наукам осуществлялись главным образом через его комиссию по славяноведению. Как на международных конгрессах исторических наук, так и на симпозиумах, организуемых этой комиссией, выступают советские специалисты по истории южных и западных славян. Советские историки вносят значительный вклад и в работу Международной ассоциации по изучению стран Юго-Восточной Европы и Международной ассоциации по изучению и распространению славянских культур; они активно участвуют в деятельности двусторонних комиссий историков СССР и зарубежных социалистических стран, а также в международных научных конференциях.

Таким образом, за послевоенное время советские историки-слависты добились немалых успехов в подготовке научных кадров, укреплении издательской и организационной базы исторической славистики, в координации исследований и в расширении международных научных связей. Результаты изучения истории южных и западных славян выражаются сотнями книг и тысячами статей, которые в большинстве своем положительно оцениваются научной общественностью как в Советском Союзе, так и за рубежом. Все это является основой для успешной работы советских историков-славистов над задачами, поставленными перед обществоведами в решениях XXVII съезда КПСС.

Глава 3

НЕМЕЦКАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ СЛАВИСТИКА

ИСТОРИЧЕСКАЯ СЛАВИСТИКА В ГЕРМАНИИ (до 1945 г.)

У истоков немецкой славистики

Интерес к истории славянских народов возник в немецкой науке на рубеже XVII—XVIII вв. и усилился в последующие десятилетия, когда общественно-культурная жизнь развивалась под влиянием идей Просвещения. Одним из основоположников занятий славистикой был Готфрид Вильгельм Лейбниц (1646—1716). Еще в конце XVII в. он заинтересовался историей Польши, другими славянскими народами, в том числе сохранившимися еще остатками «вендов» (полабско-прибалтийских славян), в частности лужицкими сербами. В первые десятилетия XVIII в. славянская тема разрабатывалась в Берлинском и некоторых других германских университетах.

Хотя для правящих кругов Германии обращение к прошлому славянских народов всегда имело политическую окраску, в немецкой науке эпохи Просвещения преобладал все же академический интерес. При этом академические изыскания были, как правило, подчинены изучению языков, письменности и культуры славян. Одним из направлений рождавшейся немецкой славистики была сорабистика (изучение лужицких сербов). Ее представитель Карл Готлиб Антон (1751—1818) внес вклад и в изучение происхождения и ранней истории славянских народов. Этот круг вопросов был рассмотрен им в труде «Первоначальный опыт изучения происхождения, обычаев, нравов, воззрений и знаний древних славян» (т. 1—2, 1783—1789).

Особое место в развитии немецкой и мировой славистики занимает Иоганн Готфрид Гердер (1744—1803). Среди работ, созданных им, первостепенное значение имел труд «Идеи к философии истории человечества» (ч. 1—4, 1784—1791). Трактую, хотя и в идеалистическом духе, историю как единый закономерный и поступательный процесс, Гердер один из первых показал место в ней славянских народов. Он подчеркивал миролюбие древних славян, их вклад в развитие сельского хозяйства, ремесел и торговли, с осуждением писал о захватнических походах на них германских феодалов. Гердер выражал убеждение в славном будущем славянских народов и отмечал актуальность изучения их истории. Взгляды его были популярны среди деятелей культуры западных и южных славян и высоко ценились И. Добровским.

Так постепенно создавались предпосылки для складывания немецкой исторической славистики. Крупнейшим, ее представителем во второй половине XVIII — начале XIX в. был Август Людвиг Шлецер (1735—1809). Несколько лет он прожил в России, усердно занимаясь ее историей. Обосновавшись затем в Геттингене, одну

из первых лекций в университете он посвятил предмету славистики и ее историографии (1766). Хотя преимущественное внимание Шлецер уделял древнерусскому летописанию, он обращался и к истории других славянских народов. В 1760-е годы он принял участие в дискуссии чешских и польских историков о времени прибытия в Польшу «праотца Леха». Это был спор по вопросу о происхождении и характере общественного строя древних славян. Шлецер подготовил работу, в которой убедительно показал, что легенда о «праотце» Лехе и его «братьях» Чехе и Русе является средневековой выдумкой (1765). В другом своем сочинении отсутствие данных о Лехе он объяснил неудовлетворительным состоянием источников (1771).

Во «Всеобщей северной истории» (1772) Шлецер характеризовал славянские народы — русских, поляков, чехов, словаков, сербов, хорватов, словенцев, болгар и др. Но его историческая классификация существенно отставала от представлений, которые уже сложились к тому времени в русской и чешской славистике. Большую часть западных и южных славян Шлецер рассматривал, в сущности, не как этнические, а скорее как территориально-региональные общности. Так, к «иллирийским славянам» он относил далматинцев, словенцев, боснийцев, хорватов, сербов и рагузинцев. Поморских и полабских славян (включая лужицких сербов) и словенцев Шлецер произвольно выделил как «вендских, или немецких славян». В то же время, назвав отдельно мораван и чехов, Шлецер отметил, что они составляют «чешских славян» и говорят на одном языке.

Вопросы истории славян получили на рубеже XVIII—XIX вв. освещение и в курсах всеобщей истории, изданных преподавателями ряда университетов. Интерес представляют вышедшие несколькими изданиями учебные пособия Юлиуса Августа Ремера (1738—1803), который в общеевропейском контексте рассмотрел историю славянских народов вплоть до XVIII в.

Славистика в XIX — начале XX в.

Наметившееся выделение немецкой исторической славистики в самостоятельное направление в первой половине XIX в. приостановилось. Идеино-тематическая ориентация исследований начала претерпевать существенные изменения. Это было обусловлено совокупностью многих факторов.

С одной стороны, господствующие классы германских государств не могли не считаться с возросшей ролью России в европейских делах, а также с подъемом национально-освободительного движения южных и западных славян, с расширением культурных контактов между ними и немецким народом. Для правящих кругов Саксонии и особенно Пруссии этот вопрос приобрел сугубую остроту. Ведь наряду с лужицкими сербами, проживавшими в пределах этих государств, под властью Пруссии после разделов Речи Посполитой оказалась часть населения польских земель. На-

циональный гнет, усиливающийся на этих территориях, вызвал сопротивление. С другой стороны, в юнкерско-буржуазных кругах росло стремление к агрессии против славян, к утверждению в экономике славянских земель и к прямому политическому воздействию на них. Экспансионистские тенденции возросли после создания под эгидой Пруссии в 1870 г. Германской империи и получили наиболее полное выражение в агрессивном курсе германского империализма.

В Германии искусственно культивировались антиславянские настроения, разжигалась шовинистическая агитация. Следствием этого стало проникновение национализма и славянофобии в немецкую среду. В книге М. В. Хефтера «Извечная борьба немцев и славян с V века н. э.» (1847) прославлялась насильственная политика Священной Римской империи по отношению к «вендам» и остальным славянам.

Однако распространение интереса к славянам в Европе побудило правящие круги германских государств оказывать славистике поддержку. Первым на этот путь вступило правительство Пруссии. В 1841 г. оно обратилось к П. И. Шафартику с предложением разработать план введения преподавания славянских языков и литературы в прусских университетах. Созданные по этому плану кафедры заняли в 1842 г. польский славист В. Цыбульский в Берлине и чешский ученый Ф. Л. Челаковский в Бреслау (Вроцлаве). Позднее такие кафедры были созданы в университетах Лейпцига (1870), Мюнхена (1911) и Кенигсберга (1914).

Исследование истории славян велось преимущественно в рамках всеобщей истории или истории Германии учеными, принадлежавшими прежде всего к постепенно складывавшемуся с середины XIX в. в немецкой исторической науке политическому ее направлению. Предтечей этого направления в буржуазной немецкой историографии был Леопольд Ранке (1795—1886). Взгляды его на историю сложились под влиянием немецкого философского идеализма и религиозных идей протестантизма. Считая религию ведущей силой исторического процесса, Ранке трактовал историю как воплощение «божеского плана управления миром». Задача историка, полагал он, заключается лишь в том, чтобы постичь этот план и показать, «как собственно все происходило». С его точки зрения, каждая эпоха имеет свою «руководящую» идею и наполнена постоянной борьбой между народами за выживание. Рассматривая войну как естественное состояние человечества, он пришел к выводу, что государство является институтом, наиболее полно выражающим стремление нации к господству, и оно должно, если хочет добиться успеха, проводить «политику с позиции силы». Идеалом такого государства Ранке, вслед за Гегелем, считал Пруссию, официальным историком которой он был с 1841 г.

Ранке обращался к архивным материалам и подчеркивал роль филологической критики источников. Однако декларируемые им принципы объективности исследования не соблюдались в его трудах. Сосредоточив внимание на изучении политических факторов,

он оставлял в стороне рассмотрение социально-экономических отношений. Ранке следовал гегелевскому делению народов на «исторические» (к ним он относил только германо-романские) и «неисторические», которое приобрело позднее в германской буржуазной исторической науке широкое распространение и использовалось, в частности, в антиславянской пропаганде. Труды Ранке проникнуты идеями консерватизма. Враг всего революционного, он был прусским националистом, поклонником О. Бисмарка как «объединителя» Германии.

К истории славянских народов Ранке обратился уже в начале своей научной деятельности. В 1827 г. вышла его книга «Князья и народы Юго-Восточной Европы». Позднее эта монография была расширена и переиздана (т. 1—4, 1837—1845). В 1829 г. Ранке опубликовал книгу «Сербская революция». Второе ее издание (1844) было переведено на русский язык (1857).

Прошлое славянских народов Ранке затрагивал и в своей «Всемирной истории» (т. 1—16, 1881—1888), где изложение доведено до середины XV в. Романо-германским народам, как он полагал, всегда принадлежала ведущая, определяющая роль в истории Европы. Что касается славян, то роль их, по мнению Ранке, сводилась прежде всего к тому, чтобы защитить от кочевников «европейскую цивилизацию», под которой подразумевались Германия и остальные страны Западной Европы. Вообще Ранке свойственно высокомерно-снисходительное отношение к славянским народам, подчеркивание их культурной отсталости и цивилизаторской роли Германии среди них.

Подобная тональность приобрела в немецкой буржуазной историографии распространение с середины XIX в. Симптоматична в этом смысле позиция Константина Хефлера (1811—1897). После поражения революции 1848—1849 гг. он перебрался в Прагу, где работал в университете, носившем в те годы почти исключительно немецкий характер. Будучи человеком не только националистических, но и консервативных, клерикально-католических убеждений, он совместно с консервативным чешским историком В. Томеком начал борьбу с национально-патриотической концепцией Ф. Палацко. Свой националистический взгляд на историю чешского народа, и прежде всего на гуситское движение, Хефлер изложил в работах «Исторические писатели гуситского движения» (т. 1—3, 1856—1866), «Магистр Ян Гус и уход немецких профессоров и студентов из Праги» (1864), «Источниковедческие очерки по истории гуситской войны» (т. 1—2, 1872—1874). Игнорируя социальные и реформационные аспекты гусизма, Хефлер рисовал его как антинемецкую борьбу, а ее руководителей, начиная с Гуса, — как германофобов. Это вызвало решительные возражения со стороны лидеров чешского национального движения.

С именем Хефлера связано начало «натиска» немецкой националистической историографии, поставившей перед собой цель превратить изучение чешской истории в своеобразный испытательный полигон великогерманского шовинизма. В 1861 г. с этой целью

создается «Объединение по изучению истории немцев в Чехии». Организаторы и ведущие участники этого общества (членом его был и Хефлер) рассматривали себя в качестве форпоста германских интересов в чешских землях, которые, по их убеждению, составляли неотъемлемую часть германского «жизненного пространства». В 1893 г. объединение приняло решение создать серию монографий «Исследования по истории немецкой индустрии в Чехии».

Наиболее известными представителями немецкой исторической науки в Чехии и Моравии второй половины XIX — начала XX в. были Адольф Бахман (1849—1914), издавший «Историю Чехии» (т. 1—2, 1899—1905), Эмил Верунски (1850—1942) и Рудольф Волкан (1860—1927), занимавшиеся историей немецкого населения в Чехии XIV—XVII вв., Бертольд Бретхольц (1862—1936), опубликовавший «Историю Моравии» (т. 1—2, 1893—1895) и Адольф Цыха (1871—1941), писавший о немецкой колонизации Чехии. Изложение истории чешских земель они вели с тенденциозно-националистических позиций, всячески преувеличивая вклад немецкого населения в развитие производительных сил, нередко подтасовывая для этого данные демографии.

Историкам, на работах которых лежала печать шовинистического высокомерия и воинствующего национализма, противостояли ученые, руководствовавшиеся гуманистическим подходом к славянской теме, опиравшиеся на прогрессивные традиции немецкой общественной мысли и культуры. Позитивное влияние на историческую науку оказал И. В. Гете (1749—1832). Продолжая линию, намеченную Лейбницем и Гердером, он неоднократно обращался к истории и культуре славянских народов. Против историков, стоявших на позициях прусского национализма, в умеренно-либеральном духе выступали представители гейдельбергской (южно-немецкой) школы Ф. К. Шлоссер (1776—1861), Г. Гервинус (1805—1871), В. Циммерман (1807—1878) и ряд других. В связи с немецкой и всеобщей историей они затрагивали и прошлое славянских народов.

Большую известность получил труд Фридриха Кристофа Шлоссера «Всемирная история немецкого народа» (т. 1—19, 1844—1857). В томах, посвященных средним векам, он обращался и к истории славян, в том числе поляков и чехов. Подробно изложена им предыстория и история гуситского движения. Шлоссер трактовал Гуса как религиозного реформатора, выступившего в защиту прав чешского народа от произвола германского императора, католического духовенства и чешского короля. Социальные аспекты гуситского движения были едва замечены Шлоссером, а радикальные лозунги вообще осуждались. Зато он подчеркивал национальные требования гуситского движения и отмечал его значение в европейской истории XV в. История южных славян была освещена в труде Шлоссера скромнее, что являлось следствием недостаточной ее разработанности в науке того времени. Этой теме автор касался при описании османской агрессии на Балканах.

Цена добросовестность Шлоссера, его трудом пользовался К. Маркс при составлении «Хронологических выписок», в которых содержатся сведения по истории славянских народов. Труд Шлоссера привлек также внимание русских революционных демократов. Он был издан в переводе на русский язык под редакцией Н. Г. Чернышевского и В. А. Зайцева (т. 1—18, 1861—1869).

В середине XIX в. велась борьба по вопросам истолкования славянской темы между историками, выступавшими за прусскую гегемонию в общегерманских делах (малогерманская школа) и сторонниками гегемонии Австрии (великогерманская школа). Одним из видных представителей малогерманской школы был Генрих Зибель (1817—1895). К трактовке истории он подходил с откровенно пропрусских позиций. В 1859 г. Зибель произнес программную речь «О новом изображении Германской империи», в которой всячески превозносил «натиск на Восток» германских феодалов, называя его политикой, наиболее разумной и спасительной для Германии.

В последующие десятилетия, когда вопрос о гегемонии Пруссии политически был уже решен, глашатаем идеи малогерманской школы стал Генрих Трейчке (1834—1896). После смерти Ранке он стал официальным прусским историографом. Консерватизм и прусский шовинизм в полной мере отразились на его научных трудах. Главное сочинение Трейчке «Немецкая история в XIX в.» (т. 1—5, 1879—1894) пронизано апологией германской экспансии. Автор не гнушался фальсификацией, прославляя культ войны и силы. Трейчке именовал агрессию против славян в прошлом «борьбой культурных народов против варваров». Сочинения Трейчке оказали влияние не только на немецкую буржуазную историографию, но и на сознание значительной части немецкого общества. По меткой характеристике В. И. Ленина, Трейчке принадлежал к числу «казенно-полицейских историков»¹.

Качественно новый этап в развитии немецкой и мировой славистики открыли труды К. Маркса и Ф. Энгельса. Они обращались к славянской тематике в связи со своей теоретической и практической деятельностью, рассматривали прошлое и настоящее славянских народов под углом зрения коренных потребностей мирового революционного процесса. К. Маркс и особенно Ф. Энгельс широко использовали работы русских, польских, чешских, словацких и югославянских ученых. В творческом наследии классиков марксизма неоднократно встречаются ссылки на И. Лелевеля, И. Добровского, П. И. Шафарика, В. Караджича, Ф. Миклошича и других славянских авторов.

Среди проблем истории и культуры, получивших отражение в работах К. Маркса и Ф. Энгельса, находились этническая и политическая история южных и западных славян, отдельные, наиболее яркие ее эпохи (гуситское движение, борьба с османской агрессией), социальные и национальные аспекты освободительного дви-

жения XIX в. Резко критикуя национально-буржуазный лагерь в нем, К. Маркс и Ф. Энгельс неоднократно подчеркивали важность изучения и использования в интересах пролетарского движения прогрессивных, демократических и революционных традиций славянских народов.

Крупнейшим представителем марксистского направления в немецкой историографии конца XIX — начала XX в. был Франц Мейнинг (1846—1919), исследовавший, в частности, ряд вопросов польской и чешской истории. Высказывания по историко-славистической тематике содержатся также в работах Августа Бебеля, Вильгельма Либкнехта, Карла Либкнехта и некоторых других деятелей немецкого рабочего движения. Однако творческое наследие К. Маркса и Ф. Энгельса в области исторической науки пока не было освоено. В 1895 г. К. Каутский, тогда еще не порвавший окончательно с марксизмом, опубликовал работу «Предшественники новейшего социализма» (т. 1—2). В первом томе ее он остановился на истории гуситского движения и деятельности Общества чешских братьев. Он подчеркнул социальные корни гусизма и отметил противоречия, существовавшие в лагере таборитов, рассматривая чешские события этого времени как преддверие Реформации в Германии. Однако, опираясь в основном на концепцию Ф. Палацкого и почти не привлекая источников, Каутский порой впадал в вульгарный социологизм. Таборитов он оценивал как средневековых коммунистов, стоявших на позициях первоначального христианства, а П. Хельчицкого именовал «коммунистом-уравнителем».

Некоторые представители буржуазной немецкой историографии второй половины XIX — начала XX в., выступая против Зибеля, Трейчке и их последователей, делали попытки подойти к истории славянских народов с либерально-гуманистических позиций. Еще в 1843 г. увидел свет труд Г. Гизебрехта (1792—1873) «Вендская история с 780 по 1182 г.». Это исследование о полабско-прибалтийских славянах принадлежало к числу крупнейших достижений немецкой славистической медиэвистики XIX в. и оказало позитивное воздействие на ученых, которые занимались позднее данной тематикой.

Среди них был и сторонник историко-экономического направления Август Мейцен, написавший во второй половине XIX в. ряд монографий об аграрном строе и культуре полабско-прибалтийских славян. Посмертно была опубликована монография «Ян Гус. Жизненный образ из предыстории Реформации» (1890) Готгарда Лехлера (1811—1888). Он стремился преодолеть националистическую оценку деятельности Гуса, содержащуюся в предшествовавшей немецкой историографии. На необходимость научной разработки славянской истории указывал Карл Крумбахер (1856—1909). В статье «Культурные ценности славянства и славянская филология в Германии» (1908) он писал: «То, что историей славян, как и других восточно-европейских народов, до сих пор так пренебрегают в наших университетах... объясняется не ее объективной мало-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. — Т. 16. — С. 9.

важностью, а нашей собственной ленью, недалечностью и невежеством, а также, возможно, шовинистической заносчивостью».

В канун первой мировой войны обращение к истории западных и особенно южных славян все более приобретало в Германии сугубо политический характер и в глазах правящих кругов призвано было обосновать экспансионистские притязания германского империализма, разжечь националистический психоз и идеологически подготовить общественное мнение к развязыванию войны. Так рождался пресловутый «остфоршунг».

Положение немецкой славистики в 1918—1945 гг.

С победой Великой Октябрьской социалистической революции в России, разгромом кайзеровской Германии, появлением на карте Центральной и Юго-Восточной Европы независимых славянских государств существенно изменились ориентиры в среде немецких буржуазных славистов. С одной стороны, правящие круги стремились поставить изучение истории и культуры славянских народов под государственный контроль и использовать в интересах германской буржуазии. Определяющую роль при этом играли антикоммунизм и антисоветизм, сочетавшиеся с традиционным для реакционной немецкой историографии шовинизмом и националистическим высокомерием по отношению к славянским народам. С другой стороны, в среде ученых происходило размежевание. В ходе его некоторые слависты, прежде всего Макс Фасмер (1886—1962) и Райнхольд Траутман (1883—1951), выступали за научный подход к истории славян.

По инициативе Фасмера в 1926 г. возник Славянский институт при Берлинском университете (аналогичный институт в Лейпциге был создан в 1922 г.), а в 1932 г. учреждена Славянская комиссия при АН в Берлине. В целях объединения сил немецких ученых и расширения их сотрудничества с зарубежными славистами Фасмер и Траутман приступили к осуществлению таких книжных серий, как «Очерки по славянской филологии и истории культуры» (с 1925 г.), «Труды по изучению языка, литературы, культуры, фольклористики и археологии славян, «Славяно-балтийские источники и исследования» (с 1927 г.) и др., а в 1925 г. Фасмер начал издавать «Zeitschrift für slavische Philologie» («Журнал славянской филологии»), где тоже печатались материалы по истории культуры западных и южных славян.

Несмотря на неоднократные призывы Фасмера, Траутмана и ряда других прогрессивных славистов к более систематическому изучению истории и культуры южных и западных славян, в 20-е годы историческая славистика не получила в Германии значительного развития. Сказывались не только укоренившиеся в немецкой науке представления о славистике как филологической дисциплине, но и националистические предубеждения в отношении славян, нежелание использовать опыт исторической славистики других

стран. Не последнюю роль сыграло и установление в стране в 1933 г. фашистской диктатуры. Славянофобия была важнейшей официальной установкой нацистской «науки», как и культ насилия. Ученые, пытавшиеся выступить против этого, были вынуждены замолчать либо эмигрировать. Георг Закке, преподававший в Лейпцигском университете и разрабатывавший историю славянских народов с марксистско-ленинских позиций, был брошен в концлагерь.

Проповедником идей фашизма стала и немецкая историческая наука в Чехословакии. Значительное воздействие на нее оказал Судетонемецкий отечественный фронт, созданный гитлеровцами в 1933 г. В 1937 г. в связи с 77-летием Объединения по изучению истории немцев в Чехии был издан сборник, в котором «обосновывалась» автохтонность немецкого населения в чешских землях. Это должно было, по мысли гитлеровцев, «доказать» законность их прав на расчленение и оккупацию Чехословакии. Часть немецких историков, работавших в этой стране и временно подпавших под националистическое влияние, критически пересмотрела свои взгляды. К их числу относился и Эдуард Винтер (1896—1981), вставший позднее на антифашистско-демократические позиции и внесший значительный вклад в развитие исторической славистики в ГДР.

Расхожими стереотипами нацистской интерпретации истории сделались воспевание «натиска на Восток» и третирование славянских народов как «расово неполноценных». В годы второй мировой войны фашисты учредили в Познани «институт», в задачу которого входило идеологическое «обоснование» неизбежности не только покорения, но и физического истребления славян.

ИСТОРИЧЕСКАЯ СЛАВИСТИКА В ГДР

На востоке Германии после войны в соответствии с решениями Потсдамской конференции были проведены демилитаризация, денацификация и демократизация всех сторон жизни. Результатом революционных преобразований стало здесь провозглашение в 1949 г. Германской Демократической Республики.

Славистика в ГДР, развиваясь на основе марксизма-ленинизма и продолжая гуманистические традиции передовой немецкой общественной мысли и культуры, сформировалась как комплекс научных дисциплин, изучающих язык и литературу, историю и культуру славянских народов и славяно-германские связи.

Важную роль в этом сыграл Институт славистики АН ГДР, в создании и укреплении которого приняли активное участие ученые старшего поколения Ганс Гольм Бильфельдт и Эдуард Винтер.

С 1951 г. по 1971 г. Институт издавал серию трудов «Veröffentlichungen des Instituts für Slawistik» («Публикации Института славистики»). В 1958—1966 гг. выходил также сборник «Quellen und Studien zu Geschichte Osteuropas» («Источники и исследова-

ния по истории Восточной Европы»). Институт приступил к выпуску ежегодников по истории Советского Союза и европейских социалистических стран. В 50—60-е годы славистические учреждения, в сферу деятельности которых входит изучение истории южных и западных славян, возникли при университетах Берлина, Галле, Лейпцига и Росток. Позднее в рамках Общества историков ГДР была учреждена специальная комиссия по истории славянских народов.

В начале 70-х годов Институт славистики был расформирован, а его функции перешли к другим институтам АН ГДР. Разработкой проблем исторической славистики занялся Центральный институт истории, который, в частности, издает «Jahrbuch für Geschichte der sozialistischen Länder Osteuropas» («Ежегодник по истории социалистических стран Европы»).

Особое место в ГДР занимает сорабистика. Ее ведущими центрами являются созданные в начале 50-х годов Институт серболужицкого народоведения в Баутцене (Будышине) (входит в систему АН ГДР) и Институт сорабистики Лейпцигского университета, готовящий кадры для народного образования и других отраслей культуры. Институт в Баутцене до 1977 г. возглавлял крупнейший специалист в области сорабистики Павол Новотны, сейчас им руководит Мерчин Каспер. С 1952 г. Институт издает на серболужицком и немецком языках журнал, в настоящее время называющийся «Lëtōpis Institutu za serhski ludospyt» («Летопись Института серболужицкого народоведения»). Одна из трех серий этого журнала, выходящая под редакцией Петера Кунце, посвящена истории. В ней печатаются статьи по истории лужицких сербов, уделяется значительное внимание общеславянской проблематике, славяно-германским контактам и истории славистики. Важнейшим итогом деятельности Института явилась первая капитальная монография, охватывающая всю историю лужицких сербов. Она написана под руководством М. Каспера, Фридо Метшка, Класуса Шиллера и Яна Шолты и вышла на серболужицком и немецком языках (т. 1—4, 1974—1979).

Внося существенный вклад в идейную борьбу с реакционным западногерманским «остфоршунгом», историки-слависты ГДР основное внимание уделяют истории России и СССР, одновременно обращаясь и к истории южных и западных славян. В ГДР издано немало монографий, сборников и отдельных статей по истории Болгарии, Польши, Чехословакии и Югославии — во многих случаях в сотрудничестве с учеными этих стран и советскими историками. Большую известность получили труды Э. Винтера по истории общественной мысли и культуры чешского и других славянских народов в XVIII — первой половине XIX в., его монография о чешском утописте — математике Б. Больцано и ряд других исследований. Разрабатывается история национального возрождения в чешских землях (Вильгельм Цайль) и Словакии (Людвиг Рихтер). Один из старейших историков ГДР Гюнтер Мюльфордт занимается историей Болгарии.

Большой удельный вес в историко-славистических исследованиях, проводимых в ГДР, занимает история славистики и славяно-германских связей. Помимо В. Цайля эти вопросы рассматривают Хайнц Порт, Лиана Цайль, Эрнст Эйхлер, Гюнтер Ярош и др.

Слависты ГДР участвуют в международных съездах славистов, в Комиссии по истории славистики при Международном комитете славистов, в деятельности Международной ассоциации ЮНЕСКО по изучению и распространению славянских культур. В 1982 г. под редакцией Герхарда Цигенгайста издан международный славистический сборник «Славянские культуры в истории европейской культуры XVIII—XX вв.».

ИСТОРИЧЕСКАЯ СЛАВИСТИКА В ФРГ

Разгром фашистской Германии, решающий вклад в который был внесен Советским Союзом, активное участие зарубежных славянских государств в войне на стороне антигитлеровской коалиции открыли перед немецкой славистикой новые перспективы. Однако в двух германских государствах — ГДР и ФРГ, возникших на развалинах «тысячелетнего рейха», ее развитие пошло совершенно разными путями. Реакционные традиции буржуазной историографии были в Западной Германии не только сохранены, но и поставлены на платформу антикоммунизма и антисоветизма. Изучению истории славянских и других европейских стран в этом духе уделяется значительное внимание в большей части западногерманских университетов, где созданы специальные институты, отделения, семинары или кафедры, и в научных институтах и объединениях.

В 1950 г. в Марбурге возник Исследовательский совет им. И. Г. Гердера с институтом при нем; в 1951 г. в Геттингене создано Рабочее содружество по изучению Восточной Европы, позднее переведенное в Тюбинген; в 1952 г. в Мюнхене учрежден Институт Восточной Европы. Кроме того, в Мюнхене функционирует созданный еще в 1930 г. Институт Юго-Восточной Европы, с 1956 г. действует Коллегиум Каролиnum — ведущее в ФРГ учреждение по изучению чешских земель, а с 1957 г. — Институт восточного права, где ведется, в частности, изучение истории права славянских народов.

В 1953 г. бундестаг принял специальное постановление «О развитии знаний о немецких областях на Востоке, о Восточной и Юго-Восточной Европе». По содержанию и по форме этот акт имеет ярко выраженный реваншистский характер, проникнут антисоветизмом и антикоммунизмом. Один из основоположников западногерманского «остфоршунга», Х. Людат, в брошюре «Европейский Восток с западной и советской точек зрения» (1954) писал о необходимости всячески препятствовать воздействию советской историографии на развитие исторической науки в европейских социалистических странах. Э. Лемберг, который до войны был активным деятелем судето-немецкой «науки» в Чехословакии, глав-

ИСТОРИЧЕСКАЯ СЛАВИСТИКА ВО ФРАНЦИИ

Славистика во второй половине XIX — начале XX в.

ными задачами западногерманского «остфоршунга» назвал борьбу с марксистско-ленинской идеологией и «духовное проникновение» в социалистические страны.

В обстановке «холодной войны» «остфоршунг» превратился в один из важнейших инструментов идейной борьбы против СССР и других социалистических стран. Но по мере укрепления позиций социалистического содружества, роста популярности идей мирного сосуществования и разрядки ситуация в ФРГ постепенно менялась. Наметилось некоторое размежевание ученых, занимающихся историей и культурой славянских народов, хотя в основе своей «остфоршунг» сохраняет свою прежнюю идейную направленность. Наиболее полно это проявляется в журнале «Osteuropa» («Восточная Европа»), который издается с 1951 г. Немецким обществом по изучению Восточной Европы (оно основано в 1913 г. и возобновило деятельность в 1949 г.). Различные течения западногерманского «остфоршерства», от агрессивных до «умеренных» и «либеральных», получают отражение в одном из главных изданий по исторической славистике — «Jahrbücher für Geschichte Osteuropas» («Ежегодники по истории Восточной Европы»), выпускаемом Институтом Восточной Европы в Мюнхене.

За последние годы в ФРГ вышло несколько монографий и статей по истории южных и западных славян, авторы которых пытаются подойти к ней с научных позиций. Отдельные статьи по истории культуры печатает «Zeitschrift für slavische Philologie» («Журнал славянской филологии»), возобновленный после войны под редакцией М. Фасмера и Маргарет Волтнер, а также выходящий с 1956 г. журнал «Die Welt der Slaven» («Мир славян»). В ФРГ есть ученые, которые, оставаясь на позициях буржуазной науки, стремятся к расширению сотрудничества с СССР и другими социалистическими странами. Они участвуют в съездах славистов, в деятельности Международной ассоциации ЮНЕСКО по изучению и распространению славянских культур. Национальный комитет этой ассоциации в ФРГ возглавляет Ханс Роте, под редакцией которого с 1979 г. издается серия трудов по истории культуры славянских народов.

* *

*

Развитие немецкой исторической славистики происходило в тесной связи как с общим процессом развития исторической науки в Германии, так и с идейной борьбой, которая велась в историографии между представителями прогрессивных, гуманистических и реакционных, шовинистических направлений. Именно в Германии возник марксизм, открывший качественно новый этап в изучении прошлого. Разгром гитлеровского фашизма и возникновение ГДР привели к утверждению в немецкой исторической славистике методологии исторического материализма. Историки-слависты ГДР вносят ощутимый вклад в упрочение дружбы народов социалистических стран, в развитие мирового славяноведения.

Развитие славистики во Франции определялось прежде всего политическими мотивами и отражало цели ее внешней политики. Важнейшим фактором, обусловившим заметный рост интереса к славянам во французском обществе первой половины XIX в., было их национальное возрождение и освободительное движение. В среде польской эмиграции зародилась идея создания кафедры славянских языков и литератур в одном из учебных заведений Франции. Такая кафедра появилась в 1840 г. в парижском Коллеж де Франс под руководством А. Мицкевича. Этим было положено начало французской славистике.

Основание кафедры было частью широкой программы по ознакомлению французской общественности с освободительной борьбой польского и других славянских народов, с их национальной культурой. Лекции по истории славянских литератур, которые Мицкевич читал в Коллеж де Франс, опубликованы, неоднократно переиздавались и переводились на многие языки. С 1844 по 1857 г. кафедру возглавлял Киприан Робер (1807—1860). В 1848—1849 гг. он читал лекции «Общие тенденции славянской революции в литературе, религии и политике». В них и в труде «Славяне Турции. Сербы, черногорцы, боснийцы, албанцы и болгары. Их ресурсы, тенденции развития и политический прогресс» (т. 1—2, 1844) Робер опровергал распространенные в то время на Западе теории о неполноценности славян, доказывал самобытность славянской культуры. Вторая работа Робера, «Славянский мир, его прошлое, настоящее и будущее» (1852), и спецкурс этого ученого в Коллеж де Франс свидетельствовали о большом влиянии на него идеи союза славянских народов при руководящей роли Польши во имя их свободы и независимости.

В середине XIX в. преобладание политических мотивов над научными и нехватка специалистов обусловили весьма ограниченный круг вопросов, изучаемых на кафедре, и низкий уровень французской славистики. После франко-прусской войны 1870—1871 гг. Франция стала искать союза с Россией против Германии. Это повысило интерес к русскому языку, истории и культуре. В сфере внимания французской дипломатии оставались и славянские народы, которые вели борьбу против германской экспансии. Упрочилась связь между славяноведением как наукой и внешней политикой Франции.

Наиболее видным славистом того времени был Луи Леже (1843—1923). В 1885 г. он возглавил кафедру славянских языков и литератур в Коллеж де Франс. Леже был убежден в необходимости ознакомить Запад с жизнью славянских народов. Начав с изучения истории и культуры западных славян, он переключился

затем на исследование южных славян и России. Его первая монография посвящена деятельности Кирилла и Мефодия (1868). Под влиянием И. Штроссмайера Леже воспринял идею сближения славянских народов, мысль о необходимости освобождения южных славян из-под ига Османской империи, а западных — от австро-немецкого гнета. Он был приверженцем концепции Ф. Палацкого об извечной борьбе славян и немцев.

Идею сплочения славянства Леже развил в книге «Славянский мир» (1897, 1902), а также в монографии «Панславизм и французский интерес» (1917). Широта тематики и научная значимость работ Леже сделали его родоначальником научного славяноведения во Франции.

С конца 70-х годов XIX в. историей славянских народов занимались ученики и последователи Леже. В отличие от своего учителя они выбирали более узкие, конкретные темы.

Эрнест Дени (1849—1921) первым приступил к изучению чешской истории. В Праге под руководством Ф. Палацкого он собирал материалы для книги о Яне Гусе и гуситских войнах (1878). За ней последовали монографии, также написанные на солидной источниковой базе, — «Конец чешской независимости» (1890) и «Чехи со времени Белогорской битвы» (1903). Поддерживая идею славянской общности и разделяя точку зрения Леже, Дени считал, что славяне должны с помощью Франции преодолеть свои внутренние противоречия и создать вместе с нею антигерманский блок. Во время первой мировой войны и после нее Дени издал монографии о будущем устройстве Европы и месте в ней славянских государств: «Война», «Германия и мир», «Великая Сербия» (все три 1915), «Австрийский вопрос и словаки» (1917).

Чешскую историю разрабатывал также Луи Эйзенманн (1869—1937). Он известен как автор монографии «Австро-венгерское соглашение 1867 г.: исследование о дуализме» (1904), в которой освещено положение национальных меньшинств в империи Габсбургов и вопрос о месте Дунайского региона в политике европейских держав, прежде всего Франции. Эйзенманн считал, что Австро-Венгрия или должна была обеспечить равноправие всем народам Дунайского региона или исчезнуть.

Основоположником французской полонистики был Анри Грапэн (1881—1959). Им опубликованы работы по силезскому и тешинскому вопросам, о русско-польской границе, о польско-литовских отношениях 1918—1922 гг. Грапэн издал «Историю Польши» (с древнейших времен до 1900 г.) (1916; перер. и доп. изд. — 1922).

Изучением истории южных славян занимался Эмиль Оман (1859—1942). Он опубликовал в 1889—1918 гг. серию статей («Карагеоргиев, его армия, его противники», «Славянизация Далмации», «Конституционный кризис в Югославии» и др.), составивших впоследствии сборник «Югославия» (1919, 1927).

Крупнейшим французским балканистом конца XIX — начала XX в. являлся Леон Лямуш (1860—1945). В книге «Болгария в прошлом и настоящем» (1892) он затронул широкий круг проблем

ее истории, этнографии и военного дела. Лямуш читал в университете Монпелье лекции по истории, языкам и литературе балканских народов, а затем издал книгу «Балканский полуостров» (1899).

Этьен Фурнэль получил известность после опубликования книги «Об австрийском наследии» (1918), в которой исследовалась жизнь поляков, чехов и югославян в 1916—1917 гг. Изучение этой темы он продолжил в работе «Политические проблемы Центральной Европы» (1923).

Славистика в 1918—1945 гг.

Стремление Франции создать систему военно-политических союзов в Центральной и Юго-Восточной Европе требовало всестороннего знания политической жизни славянских государств этого региона, их истории и культуры. Ведущие специалисты в области славяноведения, и прежде всего Э. Дени, уже давно указывали на существенный недостаток в развитии французской славистики — отсутствие координационного и организационного центра, который, с одной стороны, объединил бы всех французских славистов, а с другой — способствовал бы усилению влияния Франции в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. Возникновению такого центра предшествовала подготовительная работа. В 1916—1917 гг. ведущими славистами в Сорбонне были прочитаны два цикла лекций по славянской проблематике. В 1917—1918 и 1924—1939 гг. издавался журнал «Le monde slave» («Славянский мир»), на страницах которого освещались вопросы истории и положения славянских стран. Однако из-за публицистического характера материалов журнал не смог превратиться в ведущий орган французских славистов. В 1915—1919 гг. под руководством Э. Дени, а затем Э. Бенеша издавался журнал «Nation tchèque» («Чешская нация»). Кроме того, в 1919—1920 гг. выходили «Revue yougoslave» («Югославский журнал») и «Questions contemporaines» («Современные проблемы»).

Решающим шагом к образованию комплексного института славяноведения во Франции стала значительная материальная помощь правительств Чехословакии и Югославии. В 1919 г. в Париже был создан Институт славянских исследований. Французское правительство в 1922 г. определило статус Института как автономного учреждения под патронатом Сорбонны. Это обеспечивало необходимые для его работы условия: самостоятельность и тесную связь с высшей школой. Институт не имел штатных сотрудников, его членами являлись слависты, работавшие в университетах и других вузах, а также в научно-исследовательских центрах Франции.

В 1921 г. Чехословакия передала в дар Сорбонне 1 млн франков для создания в ней кафедры истории и культуры славян и приобретения здания для Института славянских исследований. В память об Э. Дени первая во Франции историческая кафедра сла-

вяноведения была названа его именем. До 1937 г. ею руководил Л. Эйзенманн.

В 20—30-е годы появились исследования членов Института, прежде всего по филологической проблематике. Но были опубликованы и работы историков. После поездки в Чехословакию Эйзенманн издал книгу по новейшей истории Чехословакии (1921). Во время пребывания в Салониках и Константинополе Л. Лямуш собрал материал для своего главного труда «Пятнадцать лет балканской истории (1904—1918)» (1928).

Кроме Лямуша в области балканистики работал Жак Ансель (1882—1943). Находясь, как и Лямуш, в Салониках и Дарданеллах, он создал работы о политике Болгарии в 1870—1919 гг., о народах Балканского полуострова. Э. Оман издал монографию «Образование Югославии» (1930). В этом исследовании он стремился показать «вековое стремление югославян к единству, несмотря на препятствия и раздробленность», и обосновать причины и необходимость существования единого государства югославянских народов.

С 1921 г. при Институте выходит (с перерывом в 1969—1976 гг.) «Revue des études slaves» («Журнал славянских исследований») — центральный орган французских славистов. В нем помещаются статьи по литературоведению, лингвистике, истории, этнографии и истории искусства славянских стран. Он регулярно публикует перечни новых книг и статей по славистике, выходящих во всем мире. Институтом издано также большое число монографий. При нем существует специализированная библиотека — одно из крупнейших научных славистических книгохранилищ в Западной Европе.

Влияние, которое в межвоенный период Франция приобрела в славянских странах, способствовало появлению в них филиалов парижского Института славянских исследований. Их открытие в Софии (1922), Праге (1923), Варшаве (1924), Загребе и Белграде (1929) официально имело целью установление более тесных контактов между вузами Франции и славянских государств.

Несмотря на рост интереса к славянским странам, славистика во Франции в межвоенный период развивалась в целом медленно. Специалистов в этой области было очень мало; исследования велись разрозненно, хотя Институт и стремился их координировать. Тем не менее предпринимались попытки создать более широкую концепцию славистики, в которой филология не преобладала бы и самостоятельное место получила бы политическая, экономическая и социальная история.

На развитии историко-славистических исследований в межвоенный период отразились и процессы, характерные для французской исторической науки в целом. Это прежде всего влияние школы «Анналов» — по названию журнала «Annales d'histoire économique et sociale», основанного в 1929 г. Л. Февром (1878—1956) и М. Блоком (1886—1944). Поворот во французской славистике от фактологии к социально-экономическому анализу можно связать

и с возросшим к концу 20-х годов влиянием исторического материализма.

Вторая мировая война осложнила работу Института славянских исследований. Он был полностью изолирован от славянских стран, деятельность его филиалов там была прервана. Однако Институт продолжал функционировать: работала библиотека, издавался «Журнал славянских исследований», вышел ряд монографий.

Развитие славистики после второй мировой войны

После второй мировой войны славистика во Франции переживает период подъема. Для нее все более характерным становится комплексный подход, рост числа исторических исследований. Как и раньше, она развивается в тесной связи с восточноевропейскими исследованиями, прежде всего с русистикой. Школа «Анналов», оказывавшая и в первые послевоенные десятилетия большое влияние на славистику, представляла неопозитивистское направление, призывающее рассматривать события прошлого в комплексе, с учетом не только социальной, политической и экономической обстановки, но и юридических, культурных, языковых и других отношений. Кроме того, школа «Анналов» пропагандировала «независимость» исторической науки от политики.

Организатором и координатором деятельности славистов по-прежнему остается Институт славянских исследований. Члены Института изучают общественную мысль славянских стран, их политическую, экономическую и социальную историю. Среди работ, вышедших в послевоенные годы, наиболее крупными являются следующие: П. Жорж. «Немецкий вопрос в Чехословакии (1919—1946)» (1947); Ж. Фабр. «Станислав Август Понятовский и просвещенная Европа» (1952); Ж. Люсиани. «Панславизм и славянская солидарность в XIX в.» (т. 1—2, 1956—1963); В.-Л. Тапье. «Монархия и дунайские народы» (1968); Д. Бовуа. «Просвещение и общество Восточной Европы: Университет в Вильно и польские школы в Российской империи в 1803—1832 гг.» (1977). Единственное обобщающее издание по истории славянских народов — книга Р. Портала «Славяне, народы и нации» (1965), имеющая скорее справочный характер.

Были восстановлены контакты Института славянских исследований с научными учреждениями славянских стран. Возобновилась практика приглашения иностранных славистов для чтения курсов и отдельных лекций. После разделения в 1968 г. Сорбонны на несколько университетов научная и издательская деятельность Института славянских исследований сосредоточилась в Лаборатории славистики при Национальном центре научных исследований. Лаборатория имеет в своем составе отделы исторических, филологических и лексикографических исследований, отделение библиографической документации.

Институт выступает инициатором и организатором националь-

ных и международных симпозиумов и конференций. Через Лабораторию славистики Институт участвует в разработке и осуществлении программы исследований, ведущихся в этой области во Франции. Поэтому в 1976 г. к его названию было добавлено слово «национальный». Институт поддерживает связи с академиями наук, университетами, славистическими центрами и национальными комитетами славистов многих стран. Члены Института представляют Францию на международных форумах и в постоянно действующих комиссиях и ассоциациях, изучающих славянские страны.

Вместе с тем в середине 70-х годов Национальный институт славянских исследований вошел в Международный комитет по изучению Советского Союза и Восточной Европы, деятельности которого свойственны антисоветские и антикоммунистические тенденции.

В послевоенный период в ряде учреждений Франции были созданы сектора, отделения или центры, занимающиеся историей. В одном из них — Школе живых восточных языков — в 1946 г. была открыта кафедра истории, географии и культуры стран Восточной Европы. В 1959 году там появилась вторая кафедра под таким же названием. В 1971 г. Школа была переименована в Национальный институт восточных языков и культур. В настоящее время этот Институт состоит из 8 отделений. Славистикой занимаются Отделение Центральной и Восточной Европы, которое объединяет секции: польскую, чешскую, болгарскую, языков народов Югославии, украинскую, а также отделение СССР. При Отделении Центральной и Восточной Европы работает Центр балканских исследований. В 1979 г. к Институту был прикреплен Центр по изучению народов и культур Центральной и Юго-Восточной Европы, созданный в 1970 г. в университете Париж-VII. Подготовка студентов и научная работа ведутся по лингвистике, литературоведению, истории, экономике, географии, праву, истории искусства славянских стран. При этом основное внимание уделяется филологии.

В 1960 г. в Сорбонне был создан Центр по изучению истории славян, отпочковавшийся от кафедры истории и культуры славян имени Э. Дени. Большое число работ по истории, социологии и экономике готовится в Центре по изучению СССР и Восточной Европы при Школе высших исследований по социальным наукам. Этот Центр издает с начала 60-х годов журнал «Cahiers du monde russe et soviétique» («Тетради по проблемам России и СССР»), в котором нередко публикуются работы по истории и экономике восточноевропейских стран. Подготовку кадров славистов ведет Центр по изучению СССР и восточноевропейских стран при Страсбургском университете, созданный в 1959 г.

Таким образом, историко-славистической проблематикой занимаются сегодня во многих научных учреждениях и учебных заведениях Франции. В последние десятилетия наблюдаются определенные изменения в ориентации историко-славистических исследований. Сфера интересов ученых перемещается из области полити-

ческой истории в область социальной психологии, общественной мысли, массовых движений. Однако, несмотря на заметный рост числа специалистов и на увеличение печатной продукции, во Франции преобладают работы по отдельным проблемам истории славянских народов. Авторы их остаются на позициях буржуазной историографии и нередко придерживаются антикоммунистических позиций. В целом французская славистика с самого начала своего существования и до наших дней развивается как часть буржуазной науки.

Глава 5

ИСТОРИЧЕСКАЯ СЛАВИСТИКА В АНГЛИИ

Английская славистика во второй половине XIX — начале XX в.

Во второй половине XIX — начале XX в. господствующим в английской историографии было позитивистское направление, но все чаще встречались попытки осветить историю с позиций иррационализма, отказа от познания закономерностей исторического процесса. Славистические исследования развивались главным образом в буржуазно-либеральном русле. В 60—80-е годы XIX в. преобладали работы, авторы которых рассуждали о «загадочных» свойствах «славянской души», описывали быт и нравы славянских народов Центральной и Юго-Восточной Европы, предсказывая некоторым из них скорую ассимиляцию немцами и венграми.

В 60-е годы XIX в. в Оксфорде начали регулярно проводиться Илчестерские лекции по славистике. Первым в Англии профессором славистики стал У. Р. Морфил (1834—1909). Им был прочитан в 1870 г. курс лекций «Этнография, ранняя история и народные традиции славянских наций», опубликованы работы по истории Польши. Деятельность Морфила, возглавившего в 1900 г. первую в Англии кафедру славянских языков, способствовала активизации историко-славистических исследований. Возникли центры славянских исследований в Ливерпуле во главе с Б. Пеэрсом и Лидсе во главе с А. Брюсом Босуэлом.

Заметное усиление внимания к славистике в Англии произошло в годы первой мировой войны. В 1915 г. при Лондонском университете был создан крупнейший не только в Англии, но и в Западной Европе центр славяноведения — Школа славянских исследований. В ее организации и работе активное участие приняли Р. Берроуз, А. Эванс, Р. У. Ситон-Уотсон, Б. Пеэрс (ставший ее директором) и Т. Масарик. Школа координировала славистические исследования, готовила специалистов по славянским языкам и истории. Определяющим в ее деятельности был политический фактор: английские историки, предвосхищая распад Австро-Венгрии и образование независимых славянских государств, разрабатывали отвечающие британским империалистическим интересам рецеп-

ты урегулирования территориальных и политических проблем в Европе. Этим задачам во многом подчинял свою деятельность и журнал «The New Europe» («Новая Европа»), издававшийся с 1916 г. по инициативе Р. У. Ситон-Уотсона.

Изучалась главным образом эпоха средневековья. Морфил в «Истории Польши» (1893) сделал попытку объяснить причины упадка Речи Посполитой прежде всего отсутствием в стране сильного «среднего класса», т. е. буржуазии, способной сплотить вокруг себя фрондирующую шляхту и крестьянство. В 1908 г. в Оксфорде была опубликована книга Р. Н. Бейна (1854—1909) «Славянская Европа. Политическая история Польши и России с 1447 до 1796 г.». В центре внимания автора — личность Станислава Августа Понятовского. Бейн видел причину падения Польши в ограниченности и слабости последнего польского короля, не сумевшего провести назревшие для страны реформы.

На годы первой мировой войны пришлось начало деятельности А. Б. Босуэла (1884—1962). Прочитанные им в Ливерпуле и Лидсе лекции были обобщены в книге «Поляки» (1915), опубликованной в серии «История наций». Босуэл рассматривал политическую историю, сосредоточивая основное внимание на деятельности королей, внешней политике и дипломатии.

Австрийский дипломат и историк, чех по национальности Ф. Лютцов (1849—1916) написал специально для английского читателя ряд работ по истории Чехии. Средневековая ее эпоха излагалась им в традициях Палацко и Голла. Описывая историю гусизма («Жизнь и время Яна Гуса», 1909), Лютцов особое внимание уделял взаимоотношениям Гуса с английской реформацией. В книге «Богемия с древнейших времен до потери национальной независимости в 1620 г.» (1896) представитель вигско-либерального направления в английской историографии С. Э. Морис пытался найти в средневековой истории Чехии черты «либерализма», якобы сближавшие ее с западноевропейскими странами. Потерю Чехией независимости он объяснял слабым распространением в стране протестантизма.

Во второй половине XIX в. английские слависты, по существу, не упоминали словаков, считая их полностью ассимилированными венграми. Первым, кто начал изучение истории национального возрождения и политической борьбы в Словакии в XIX в., был представитель вигско-либеральной школы Р. У. Ситон-Уотсон (1879—1951). Основываясь на материалах венгерских архивов, он написал работы «Национальные проблемы в Венгрии» (1908) и «Коррупция и реформы в Венгрии» (1911), в которых резко критиковал национальную политику венгерского правительства, сочувствуя бедственному положению словаков.

Восточный кризис 1875—1878 гг. определил устойчивый интерес английских ученых к южным славянам. Видные представители либеральной историографии Э. Фримен и А. Эванс связывали нараставшее национальное движение южных славян с решением Восточного вопроса. В «Исторических очерках» (1879) и «Историче-

ской географии Европы» (1881) Э. Фримен (1823—1892) доказывал закономерный и справедливый характер борьбы южных славян за национальное освобождение. Ученик Фримена археолог А. Эванс (1851—1941) опубликовал книги «По Боснии и Герцеговине пешком во время восстания, Август — сентябрь 1875 г.» (1876) и «Иллирийские письма» (1877), в которых подчеркивал, что восстания в Боснии и Герцеговине были вызваны серьезными внутренними причинами. Эванс ратовал за усиление влияния Англии на Балканах.

Историко-политическая концепция Фримена и Эванса оказала влияние на формирование взглядов Р. У. Ситон-Уотсона, поддерживавшего в годы первой мировой войны борьбу славянской буржуазии за национальную независимость. Он принадлежал к числу тех немногих буржуазных ученых, которые поняли важность югославянского вопроса для будущего народов Австро-Венгрии. Из трудов Ситон-Уотсона по истории сербов и хорватов наиболее значительными являются «Югославянский вопрос и Габсбургская монархия» (1911) и «Становление национальности на Балканах» (1917). В них прослеживается складывание в XIX в. основ буржуазно-националистической идеологии. В истории югославянских народов начала XX в. Ситон-Уотсон выделял новый подъем их национального движения, их положение в Австро-Венгрии в период Боснийского кризиса и Балканских войн. Широкий круг использованных Ситон-Уотсоном материалов, его впечатления как очевидца событий делают работы этого историка ценными для современного исследователя.

В конце XIX — начале XX в. в Англии появляются обобщающие труды по истории отдельных югославянских народов. Среди них была и книга кембриджского историка Г. У. Темперли (1879—1939) «История Сербии» (1917). Средневековую историю он излагал в русле традиционной буржуазной историографии, считая основными причинами слабости Сербии и потери ею независимости примитивный характер социальных институтов, отсутствие сильной власти и недостаточное влияние церкви. Отмечая ведущую роль хорватов в национальном возрождении югославян, Темперли объяснял ее прозападной, католической ориентацией, приписывая Австрии цивилизаторскую миссию на Балканах. Сравнительно быстрое социально-экономическое развитие Сербии после 1908 г., полагал он, было обусловлено созданием «единства интеллектуальных и демократических сил», либеральным правлением Петра Карагеоргиевича, особенностями национального характера сербов.

Для английских историков-славистов были характерны, как правило, антиболгарские настроения. Обзоры истории болгар давались в популярных трудах о Балканах. Болгарское средневековье нашло фрагментарное отражение в книгах по истории Византии и Турции.

В межвоенный период правящие круги Великобритании стремились превратить Центральную и Юго-Восточную Европу в форпост антисоветской политики и ослабить здесь позиции Франции. В этих условиях исторические исследования подчинялись задачам обоснования этой политики.

В 20-е годы ведущим в английской славистике оставалось либеральное направление. Однако к началу 30-х годов взгляды ряда его представителей эволюционировали вправо. В то же время появились работы, написанные под влиянием лейбористской идеологии. В серии «Нации сегодня» печатались популярные очерки о нравах и обычаях, быте и традициях славян. Историческая секция британского Министерства иностранных дел издавала «Настольные книги», в которых имелись статьи по истории славянских народов, как правило компилятивные.

Основным центром английской славистики оставалась Школа славянских исследований (с 1930 г. Школа славянских и восточно-европейских исследований), включавшая русский и центрально-европейский (руководитель Р. У. Ситон-Уотсон) отделы; в 1937—1938 гг. был сформирован польский отдел, руководимый У. Д. Роузом. С 1922 г. начал выходить печатный орган Школы «The Slavonic Review» («Славянское обозрение»). В 1929 г. он был переименован в «Slavonic and East European Review» («Славянское и восточно-европейское обозрение»). В этом журнале преобладали описательные статьи и отсутствовали работы теоретического и методологического плана. Лингвистические и филологические работы дополнялись историко-правовыми и историко-культурными. В Школе стажировались ученые из славянских стран, с нею сотрудничали ученые и публицисты славянского происхождения, в том числе русские эмигранты.

В Оксфорде преподавал Б. Х. Самнер (1893—1951), являвшийся специалистом по истории Восточного вопроса. В конце 20-х — начале 30-х годов в Лондонской школе экономики стала разрабатываться экономическая история славянских стран. Среди первых обобщающих трудов по истории славян выделялись «Кембриджская история Польши» (1941) и книга Р. У. Ситон-Уотсона «История чехов и словаков» (1943). Работа над «Кембриджской историей Польши» началась в 1935 г. после конференции историков Англии и Польши, организованной по инициативе Г. Темперли. Сначала вышел 2-й том, охватывающий 1697—1935 гг. Большая часть его была написана польскими историками, для которых характерны абсолютизация политического фактора в истории, стремление идеализировать Пилсудского и режим санации.

В книге Ситон-Уотсона дан очерк истории чехов и словаков, главным образом политической. Автор характеризовал разные аспекты национальной и конституционной борьбы, развития духовной культуры. Прошлое чехов и словаков он рассматривал во взаимосвязи с европейской историей вообще и развитием монар-

хии Габсбургов в частности. Межвоенной Чехословакии Ситон-Уотсон отводил особую роль в распространении буржуазных идей в восточно-европейском регионе, подчеркивая демократический характер ее государственных институтов, устойчивость финансовой системы, завершенность аграрных преобразований. Этот раздел был своего рода апологией деятельности Т. Масарика и Э. Бенеша.

Крайне медленно развивались исследования по истории Болгарии. В 1923 г. вышел в свет 4-й том «Кембриджской средневековой истории», посвященный Византии. В нем имелся небольшой болгарский раздел, подготовленный У. Миллером. Кембриджский медиевист С. Рансимен написал «Историю Первого Болгарского царства» (1930). На основе изучения болгарской и русской литературы и источников в ней рассматриваются в основном военнополитические события, объясняемые с позиций провиденциализма, и явно абсолютизируется влияние византийской цивилизации.

Одной из причин интереса к истории славян в Англии было изучение Восточного кризиса 70-х годов XIX века. Представители либерального направления — Г. Темперли, Р. У. Ситон-Уотсон, Б. Х. Самнер — рассматривали Восточный вопрос не только как борьбу великих держав за влияние в Балканском регионе, но и учитывали движение его народов за освобождение от османского ига.

Ситон-Уотсон в работах «Русские обязательства в Боснийском вопросе и ранний проект аннексии» (1929), «Роль Боснии в международной политике. 1875—1914» (1932), «Дизраэли, Гладстон и Восточный вопрос» (1935) и «Британия в Европе» (1937) показал внутренние причины Боснийского восстания 1875 г. Правда, он рассматривал его как сугубо националистическое, не видел его классового характера. Б. Х. Самнер в работе «Россия и Балканы. 1870—1880» (1937), используя русские и сербохорватские источники, сделал попытку выяснить экономическую подоплеку австрийской политики на Балканах. Однако экономический фактор в развитии национальных отношений он приравнивал по значению к географическому и культурному.

Иным был подход к оценке Восточного кризиса 70-х годов XIX в. у историков консервативного направления — У. Миллера, У. Н. Медликота, Дж. А. Р. Марриота. Отрывая в своих работах внешнюю политику от внутривосточных проблем, игнорируя национально-освободительное движение южных славян, они стремились доказать, что Великобритания преследовала на Балканах единственную цель — «спасти» национальную независимость малых славянских народов от посягательств России. В то же время оба направления — и либеральное и консервативное — пытались обосновать «цивилизаторскую», «гуманистическую» миссию западных держав, в первую очередь Англии, на Балканах.

В 20-е годы, когда в буржуазной историографии был поставлен вопрос о виновниках первой мировой войны, английские буржуазные историки обратились к изучению Боснийского кризиса 1914 г. и австро-сербского конфликта.

Из сторонников английского исторического «ревизионизма» этой проблематикой занималась Эдит Дарэм (1863—1944). Еще до первой мировой войны она стала известна своими заявлениями о неспособности славян к восприятию западной цивилизации. Ее взгляды получили развитие в книгах «20 лет балканской смуты» (1920) и «Сараевское преступление» (1925). В них Дарэм одобряла политику Австро-Венгрии в отношении угнетенных народов империи, доказывала «естественные» права Габсбургов на централизаторский курс. Национально-освободительное движение югославянских народов Дарэм изображала как ряд бессмысленных террористических актов малочисленных сербских националистических групп.

Против Дарэм и других историков-«ревизионистов» выступил Р. У. Ситон-Уотсон. Его книга «Сараево. Исследование о происхождении мировой войны» (1926) основана на изучении опубликованных и неопубликованных материалов. Автор явно преувеличивал значение дипломатической предыстории войны, искал индивидуальных ее виновников, не задаваясь вопросом о ее глубинных причинах, и при этом обелял курс британского империализма. Вместе с тем Ситон-Уотсон отверг как несостоятельные обвинения в адрес сербов в том, что убийством в Сараево они спровоцировали мировую войну. В книге воссоздана картина развития идеи югославизма в Сербии и Австро-Венгрии, показан характер австро-сербских отношений начиная с 70-х годов XIX в. Однако, трактуя освободительное движение югославян как узконационалистическое, Ситон-Уотсон не разобрался в сложном переплетении классовых и национальных противоречий в регионе.

Значительное внимание английские историки уделили выяснению роли держав Антанты в создании славянских государств в Центральной и Юго-Восточной Европе. Характерным в этом отношении был коллективный труд «История Парижской мирной конференции» (т. 1—6, 1920—1926). Работа носила официозный характер. Ее авторы — Темперли, Ситон-Уотсон, Нэмир и др. — еще в годы первой мировой войны выдвигали проекты создания «малых Антант» — союзов малых национальных буржуазно-демократических государств под эгидой Англии и Франции. Теперь необходимость реализации этих планов связывалась с установлением «санитарного кордона» вокруг Советского Союза.

Ряд работ был специально посвящен образованию славянских государств. Среди них — труд Г. Баерлейна «Рождение Югославии» (т. 1—2, 1922), статьи Ситон-Уотсона под общим названием «Как создавалась Югославия» (1926—1927), его же книги «История чехов и словаков» и «Масарик в Англии» (обе 1943), работа Р. Мэчрея «Польша. 1914—1932» (1932) и др. Решающую роль в создании этих государств они приписывали национальной буржуазии, ее партиям и лидерам типа Бенеша, Масарика и Пилсудского, одновременно восхваляя политику версальских «миротворцев», особенно В. Вильсона.

Проблемы реорганизации Малой Антанты нашли отражение в

книге Р. Мэчрея «Малая Антанта» (1929). Он подчеркивал «историчность» этой организации, связывая ее возникновение с подъемом национального движения в Австро-Венгрии, которое изображалось в виде единого потока, направляемого буржуазными партиями. Дипломатический союз господствующих классов Чехословакии, Югославии и Румынии, в котором Мэчрей не видел никаких противоречий, отождествлялся им с социальным и духовным сближением народов этих стран.

Английская славистика в послевоенный период

В конце 40-х годов в Англии значительно возрос статус исторического славяноведения. Это объяснялось ростом международного авторитета СССР, внесшего решающий вклад в победу над фашизмом, и вступлением славянских стран Центральной и Юго-Восточной Европы на путь социализма. Расширилось финансирование славистических исследований, увеличилось число профессиональных историков-славистов. Ими разрабатывалась тематика, близкая к современности, в том числе история общественных и национально-освободительных движений, демократических и социалистических революций, идейно-политической и духовной жизни в славянских странах. В условиях «холодной войны» усилились реакционные тенденции в английском славяноведении. Лишь в 60-е годы начался пересмотр наиболее консервативных концепций, хотя реакционное направление в славистике по-прежнему остается ведущим.

В послевоенные годы сложилась целая система славяноведческих центров Англии. В Школе славянских и восточно-европейских исследований сосредоточилась подготовка кадров по всем разделам истории, активизировалась ее издательская деятельность: выпускались сборники документов, разнообразнее стала тематика журнала «Славянское и восточно-европейское обозрение».

Исследования по славянской истории велись практически во всех английских университетах. В Оксфорде кафедрой истории Чехословакии руководил Р. У. Ситон-Уотсон, регулярно издавались «Оксфордские славянские записки». Центры по изучению России и Восточной Европы функционировали при университетах Бирмингема и Глазго. Славянским исследованиям уделяли немалое внимание Лондонская школа экономики, Королевский институт международных отношений, Британская университетская ассоциация славистов, Британская национальная ассоциация по изучению СССР и Восточной Европы и другие организации.

Наиболее интенсивно разрабатывалась история Польши. В 1950 г. вышел 1-й том «Кембриджской истории Польши», где раздел о XII—XIII вв. написал известный славист А. Б. Босуэл (1884—1962). В 1951 г. переиздан 2-й том «Кембриджской истории Польши».

История Польши второй половины XVII—XIX в., и особенно польской общественно-политической мысли, получила отражение

в трудах У. Дж. Роуза (1885—1968). Процесс формирования польской нации изучал крупнейший представитель неоконсервативного направления Л. Нэмир (1888—1960). Утверждая, что основным ее признаком является общность территории, он считал, что в славянских землях формирование наций по пути «языкового национализма», якобы характерному для народов Центральной и Юго-Восточной Европы, отсталых в экономическом и социальном отношениях. Оставаясь на реакционно-идеалистических позициях, Нэмир считал, что «путь исторического развития народа» обусловлен субъективными намерениями политиков и государственных деятелей.

В 50-е годы начал свою научную деятельность Р. Ф. Лесли. Среди его работ по истории Польши XIX в. наиболее известны исследования о революционном движении в польских землях в 1815—1865 гг. и реформах в Королевстве Польском, основанные на материалах польских архивов и трудах польских и советских историков. Лесли, описывая восстания 1830—1831 и 1863—1864 гг., пытался выявить соотношение классовых сил, социальный состав восставших, показать генезис событий на фоне социально-экономического и политического развития Польши. Утверждая, что восстание 1830—1831 гг. было «поспешным, рискованным предприятием», следствием случайных обстоятельств, он тем не менее в целом верно выяснил его значение для дальнейшей борьбы за национальную и социальную свободу, выделил решающую роль социально-экономического фактора в развитии освободительного движения.

Под редакцией Лесли в 1980 г. вышла «История Польши после 1863 г.». Им написан раздел, охватывающий 1863—1918 гг., в котором показана социально-экономическая обстановка, анализируются особенности рабочего и крестьянского движения. Лесли критикует национализм, политику католической церкви, консерватизм шляхты. Однако в разделе книги, посвященном истории межвоенной Польши, абсолютизируются внешнеполитические аспекты, а единственным успехом страны за годы существования народной власти объявляется достижение этнической однородности общества.

Социалистическое движение в Польше рубежа XIX и XX вв. изучал по архивным документам Дж. П. Нетл. Его наиболее известная работа посвящена социально-политическим взглядам и революционной деятельности Р. Люксембург, социал-демократическому движению в Польше, Германии и России (т. 1—2, 1966).

Внешняя политика Польши нашла отражение в ряде работ. В статьях Л. Р. Левиттера рассматриваются русско-польские отношения второй половины XVII — первой половины XVIII в., принципы польской внешней политики XVII в. К. Дж. Колдер в книге «Британия и создание новой Европы» (1976) анализирует отношение официальных английских кругов к принципу самоопределения народов Восточной Европы. На основе архивных документов он показывает отсутствие значимых оснований утверждать, что Велико-

британия в XIX — начале XX в. традиционно поддерживала народы Восточной Европы в их борьбе за независимость. Политика правящих кругов Англии в этом вопросе, пишет он, изменилась лишь в конце первой мировой войны. Созвучные мысли выдвигает Норман Дэвис в работе «Политика Великобритании в отношении Польши после Версальского договора в 1919—1920 гг.» (1973).

Авторитетом в области чешской истории в послевоенное время был Р. Б. Беттс (1903—1961), который изучал реформационные течения XIV—XV вв. Анализируя гуситское движение, он абсолютизировал в нем религиозно-моральные аспекты, явно недооценивая его социальную и политическую направленность.

Одной из центральных тем английской исторической славистики является изучение национального движения в чешских землях в XIX — начале XX в., особенно буржуазно-либерального течения с его политической программой австрославизма. С. Мэн, Т. С.-В. Томас и другие авторы пытаются показать жизненность Габсбургской монархии, утверждают, что лишь нерешительность ее правящих кругов в проведении социально-экономических, политических и национальных реформ помешала ее сохранению. Но не все английские историки разделяют эти взгляды. Л. Нэмир, напротив, подчеркивает утопичность австрославизма, считая, что реконструкция Австро-Венгрии на приемлемой для славян основе была невозможна. В то же время Нэмир необоснованно утверждает, что чешское национальное возрождение носило сугубо культурно-просветительский характер, отрицает революционную направленность деятельности радикальных демократов.

Определенное внимание английские историки обращают на неославизм. Дж. Брэдли характеризует его как движение чешской буржуазии, имевшее панславистскую окраску.

Ряд историков (Э. Ньюмен, К. А. Макартни и др.) посвятил свои работы выявлению предпосылок образования Чехословацкого буржуазного государства, среди которых они выделяют прежде всего буржуазное национальное движение, победу Антанты в первой мировой войне и умелые действия версальских «миротворцев». Поддерживается масариковская легенда об извечном единстве общенациональных интересов всех слоев чешского общества.

Характеризуя политику правительства Бенеша и англо-чехословацкие отношения накануне второй мировой войны, английские историки оправдывают политику «умиротворения», проводившуюся британским правительством, рассуждают о нежизненности Чехословакии. В 70-е годы Р. Паркинсон и К. Миддлмас пытались пересмотреть этот тезис. Называя Чехословакию «терпимо демократическим государством», они критиковали английское правительство за поощрение притязаний гитлеровцев к ней, а ее правительство и президента Бенеша рассматривали как жертву политики «умиротворения». При этом отказ Бенеша от сотрудничества с СССР квалифицировался ими как дальновидное решение, воспрепятствовавшее усилению позиций коммунистов в стране.

Февральские события 1948 г. буржуазные историки (О. Фрид-

мэн, А. Херман и др.) стремятся использовать для критики реального социализма, отрицают общие закономерности социалистических преобразований в стране, абсолютизируя национально-особенные моменты.

После второй мировой войны наряду с изложением средневековой истории Болгарии в рамках трудов о Византии проблемы болгарской истории становятся предметом специального изучения. Д. Оболенский еще в 1948 г. написал книгу «Богомилы», в которой, подчеркивая связь богомилского движения с более древними социально-религиозными течениями, отмечает, что социальной базой его были крестьяне. Он справедливо связывает причины появления богомилской ереси с ухудшением экономического положения крестьянства и христианизацией Болгарии. В книге анализируется характер движения, выделены его основные этапы, прослежена эволюция богомилской идеологии.

В 1971 г. вышел труд Д. Оболенского «Византийское сообщество государств. Восточная Европа. 500—1453». Если существование религиозно-идеологического и культурного единства «сообщества» обосновывается в работе достаточно всесторонне, то утверждение о наличии административно-политического единства не подтверждается приводимыми в ней фактами. Преувеличением является и вывод Оболенского об определяющем влиянии византийской цивилизации на славян.

В монографии «Византия и Болгария в IX—X вв.» (1975) Р. Браунинг показывает развитие социально-экономических отношений в Первом Болгарском царстве, выявляет характер и движущие силы народных движений в обеих странах, подчеркивает противоречивую роль Византии в социально-экономических и культурных процессах, протекавших в Болгарии. Внешняя политика Болгарии X—XII вв., в частности русско-болгарские отношения, нашла отражение в работах А. Д. Стоукса.

Первым на английском языке трудом о Болгарии периода турецкого господства стала книга М. Макдермот «История Болгарии. 1393—1885» (1962). Автор останавливается на социально-экономических и культурных предпосылках национального возрождения, показывает нарастание национально-освободительной борьбы, политику России, хотя ее объективно прогрессивная роль в освобождении Болгарии явно им недооценивается.

Новейшую историю Болгарии изучают преимущественно представители леволиберального направления (С. Эванс, К. Макартни, А. Палмер). Они описывают деятельность политических партий, экономическую и социальную политику правительств Болгарии в межвоенный период, но избегают итоговых оценок, по существу отрицают процесс фашизации страны. Подчеркивая экономическую отсталость страны, они пытаются доказать отсутствие социальной базы для деятельности компартии, объясняя ее влияние в массах их панславистскими настроениями.

Значительное количество работ по истории югославских народов было написано в популярной форме. Среди них выделяется

«Кембриджская краткая история Югославии» (1966). Ее авторами были Р. У. Ситон-Уотсон, Х. С. Дэрби, Р. Дж. Д. Лэффен, Ф. Оти и др. Книга «Югославия» (1961) подготовлена М. Хеппелом в соавторстве с американским историком Ф. Синглтоном.

Характерной особенностью современной английской югославистики является ее упор на новейшую историю. При этом наиболее интенсивно изучается британская политика в Юго-Восточной Европе во время второй мировой войны. В Оксфорде (1960) и в Лондоне (1973) было проведено два симпозиума. Опубликован ряд книг и статей, среди которых выделяются работы У. Дикина, Э. Баркер, С. Клиссолда. В 1975 г. издан сборник статей «Британская политика по отношению к движению Сопротивления в Югославии и Греции». Его авторы использовали материалы английских архивов, мемуары и личные впечатления. В сборник документов «Югославия и Советский Союз. 1939—1973» вошли материалы из югославских архивов и некоторые тенденциозно подобранные составителем С. Клиссолдом документы из советских публикаций.

Главная цель этих работ — оправдание политики английских правящих кругов в отношении Югославии, стремление доказать, что в годы войны Англия помогала и коммунистам и сторонникам буржуазно-монархических кругов во главе с Др. Михайловичем, а СССР якобы не оказывал до 1944 г. эффективной поддержки освободительной борьбе югославских народов. Введение в оборот в 70-е годы британских внешнеполитических документов заставило буржуазных славистов признать, что английские политики пытались помешать усилению позиций коммунистов в Югославии, воспрепятствовать революционным переменам в этой стране.

В работах Х. Ситон-Уотсона, Ф. Оти, Д. Уилсона и других рассматриваются различные стороны жизни послевоенной Югославии, своеобразные формы и методы строительства социализма в ней. Эти историки поддерживают различного рода антисоциалистические проявления (национализм, либерализм и т. п.) и пекутся прежде всего о «независимости» Югославии от социалистического содружества. Выпячивая национально-особенное в социалистическом строительстве, они объявляют принципиально неразрешимыми такие задачи, как формирование социалистических общественных отношений и решение национального вопроса в Югославии.

Итак, внимание к славянской проблематике в английской буржуазной историографии начиная с конца XIX в. неизменно возрастало. Основное место в ней занимают вопросы политического развития стран Центральной и Юго-Восточной Европы в XIX—XX вв., рассматриваемые субъективистски.

ИСТОРИЧЕСКОЕ СЛАВЯНОВЕДЕНИЕ В США

Становление исторического славяноведения в США

Славяноведение стало развиваться в США позже, чем в Германии, Франции и Англии. Только в конце XIX в. в американских высших учебных заведениях начали появляться первые организационные подразделения, задачей которых было изучение славянских стран. Интерес правящих кругов США к этим странам, и в особенности к России, а также к славянским народам Австро-Венгерской империи был вызван потребностями американской внешней политики.

Историческая наука США, освободившись в методологической области от господствовавшей в ней вплоть до 70-х годов XIX в. теологии и начав воспринимать позитивизм, в тематическом плане подошла к разработке вопросов всеобщей истории, а значит, и к познанию истории славянских народов. Период с конца XIX в. до начала 20-х годов XX в., когда закончилось образование соответствующих отделений в ведущих американских университетах, и был временем становления славяноведения в США.

Университеты стали основными центрами новой дисциплины в США. Их славяноведческие отделения в дальнейшем (в 1940—1950-е годы) послужили основой соответствующих институтов. Организационное своеобразие славяноведения в США в период его становления состояло в том, что первые отделения, которые объединяли и направляли преподавание и исследовательскую деятельность в этой области, из-за отсутствия кадров сосредоточивали научные силы либо на филологии, либо на истории. Отделения славяноведения, созданные в Гарвардском (1894) и Чикагском (1905) университетах, специализировались на истории славян, а соответствующие отделения Калифорнийского (1901) и Колумбийского (1915) университетов — на славянской филологии. В этих университетах славяноведение было представлено одним-двумя профессорами: в Гарварде работали А. К. Кулидж и Л. Винер, в Чикагском университете — С. Харпер, в Калифорнийском — Дж. Нойс, в Колумбийском — Дж. Прийс, которые оказывали влияние на развитие новой дисциплины в целом по стране. В программу преподавания всех отделений входила история. Это вытекало из принятого тогда в США подхода к славяноведению как к историко-филологическому комплексу наук.

Славяноведение в США, как и в других неславянских странах, охватывало изучение всех славянских народов, и в первую очередь русского; предметом исследования оказывались, однако, и народы, связанные со славянами историко-культурными и государственными традициями (австрийцы, венгры, румыны, греки, турки). Незаконченность процесса специализации и нехватка кадров вели к тому, что на практике на славяноведческих отделениях не удава-

лось достичь полного страноведческого и тематического охвата. Кроме того, наблюдалось стремление актуализировать проблематику, что вело к появлению диспропорций в преподавании и придавало новой дисциплине излишне прикладной характер.

Успехам в развитии славяноведения в США способствовало улучшение источниковой базы за счет создания новых и расширения прежних славянских фондов при университетских библиотеках. Славянские коллекции источников и литературы Гарвардского, Колумбийского, Стэнфордского университетов, Нью-Йоркской публичной библиотеки, пополненные в период подготовки и работы Парижской мирной конференции (1919—1920), поездок в Советскую Россию (1921—1922) и т. д., превышала по объему лишь коллекция Юдина в Библиотеке конгресса США.

Большое влияние на организацию работы историков и развитие славяноведения в США оказал английский журнал «*Slavonic Review*» («Славянское обозрение»), который выходил с 1922 г. Он был задуман как орган для публикаций ученых двух стран. Американское славяноведение к началу 20-х годов еще не обладало достаточной базой для того, чтобы издавать журнал самостоятельно.

На методологическую ориентацию американских славяноведов оказывали влияние европейские школы и направления исторической мысли. В США произошло фактическое отождествление немецкого идеалистического историзма и позитивизма, что получило выражение в «объективистской», описательной историографии. Понятие «историзм» связывалось при этом с отрицательным отношением к постановке общих проблем общественного развития, а в качестве положительной программы выдвигалось обращение к фактам, особенно при изучении политической, прежде всего внешнеполитической, истории. В конкретных же исследованиях было заметно влияние концепций славянской, в первую очередь русской и польской, историографии.

Становление славяноведения в США так же, как превращение Гарвардского университета в один из главных центров этой науки, связано с деятельностью А. К. Кулиджа (1866—1928), из семинаров которого вышло большинство американских славистов межвоенного периода. Кулидж стал инициатором введения славистики в учебный план Гарвардского университета и создания в нем соответствующего отделения на историческом факультете. Это и стало началом научно-преподавательской деятельности в области славяноведения в США. В 1894 г. Кулидж начал читать курс по истории России и Польши. В последующие годы он ввел курс по Восточному вопросу и Балканам, спецкурсы по истории России, стран Центральной Европы и др.

Эти курсы были попыткой представить дипломатическую историю славянских стран, в особенности России, прежде всего в новое и новейшее время. В них Кулидж отстаивал мысль о «примате факта над общеисторическими построениями». Расширяя, а по сути дела реформируя программу преподавания истории, Ку-

лидж столкнулся с сопротивлением руководства университета, что объяснялось недостаточным соответствием статуса высшей школы США требованиям времени, в частности наличием института печетельства. Члены совета попечителей сдерживали введение новых предметов в учебные планы. Однако в результате усилий Кулиджа на возглавляемом им славяноведческом отделении к началу 20-х годов читалось более двух десятков курсов, а также преподавались славянские языки и литературы.

Кулидж выступал против страноведческой и тематической ограниченности исторической науки, живо интересовался историей международных отношений XIX в. (в особенности в Центральной и Юго-Восточной Европе), призывал к использованию источников. Наиболее значимой для развития славяноведения в США была его статья «О пользе изучения истории Северной Европы». В основу статьи был положен доклад Кулиджа на ежегодном собрании Американской исторической ассоциации (1895). В ней была дана программа постановки славяноведения в университетах, включая вопрос о предмете славяноведения, и содержались указания на потенциальные направления и темы исследований.

Под воздействием немецкой историографии Кулидж предложил концепцию славянской истории, содержащую утверждения о наличии в ней неизменного, консервативного начала, противопоставлявшую славян другим народам, главным образом романо-германским, и проводившую вывод о цивилизаторском влиянии последних на славянские народы. Кроме того, он, используя русскую историографию, писал о влиянии на них со стороны Византии. В качестве политической силы, считал Кулидж, славяне появились на международной арене только в XVII—XIX вв.

Славянскую филологию преподавал в Гарварде Л. Винер (1862—1939). Он первым дополнил изучение славянских (русского, польского, чешского и старославянского) языков преподаванием их истории. Винер известен как составитель и один из ведущих переводчиков «Антологии русской литературы с древнейших времен до настоящего времени» (т. 1—2, 1902—1903) — сборника, сохранившего свое значение до сих пор, особенно в части, касающейся докарамзинского этапа. Перу Винера принадлежит первая в США работа по болгаристике (1898), посвященная американо-болгарским отношениям в период восстановления независимости Болгарии.

В других университетах, где были созданы славяноведческие отделения, — Калифорнийском, Колумбийском и Чикагском, только в последнем преподавалась история славян. В первых двух появились работы по славянской истории, написанные на отдельных историях и политических наук.

Славяноведческое отделение Чикагского университета организовал С. Харпер (1882—1943), получивший образование во Франции. Мирозрение его сформировалось под влиянием прокадетски настроенной части правящих кругов США. В работе «Новое избирательное право русской Думы» (1908) Харпер противо-

ставлял западноевропейские государственные институты русским.

Наряду с курсами по истории России на славяноведческом отделении Чикагского университета читались лекции по истории Византии и славяно-византийских связей, славяно-османских отношений в средние века, германской «восточной» политики того же периода и по новейшей истории балканских стран. Отличительной чертой работ по славяноведению, подготовленных в этом университете, являлось внимание к вопросам международных отношений прошлого, продолжавшим сохранять свое значение в новейшее время. Среди этих работ выделялись серия статей Дж. Уэстфолл-Томсона, написанных на солидной архивной базе («Германская колонизация на северо-востоке в средние века», 1915; «Германская церковь и прибалтийские славяне», 1916; и др.), и монография Ф. Шевилла «История Балканского полуострова с ранних времен до наших дней» (1922).

События, потрясшие Европу: первая мировая война, Великая Октябрьская социалистическая революция, образование новых славянских государств, дали толчок развитию американского славяноведения. В 1918—1922 гг. его преподавание велось уже в Айовском, Бостонском, Миссурийском, Вашингтонском, Джорджтаунском, Йельском и других университетах. Каждый крупный университет теперь обязательно хотел иметь славяноведческое отделение. Ряд ученых, в том числе Кулидж, считали в этих условиях необходимым организовать на базе какого-нибудь из университетов (например, Гарварда) единый славяноведческий центр по типу Школы славянских исследований Лондонского университета. Но для создания такого центра в США в тот период не нашлось средств.

Историческая славистика США в межвоенный период и в годы второй мировой войны

После первой мировой войны США попытались дипломатическим путем установить выгодный им порядок на европейском континенте, выражением чего явились «14 пунктов» Вильсона. Однако начавшийся в США в 1929 г. экономический кризис подорвал ответственность намеренной правительственными кругами политики проникновения в Европу, в том числе Центральную и Юго-Восточную, что не замедлило вызвать общий спад заинтересованности в развитии славяноведения. В этих условиях оно начало ощущать недостаток поддержки со стороны государства и частных фондов.

Между тем в работе славяноведов наметились дальнейшее углубление и расширение специализации, охват более широкого круга проблем, обращение к социально-экономическим сюжетам, совершенствование методики исследования. Правда, медленный численный рост кадров мешал углублению специализации. Количество славяноведческих отделений не было стабильным: в межвоенный период число их сократилось. Отсутствие специального журнала вело к распылению публикаций по славяноведческой пробле-

матике. Славяноведы не были объединены в ассоциацию, что мешало укреплению организационных основ этой отрасли науки.

Проведение первой в США конференции по исторической славистике (1924), проходившей в рамках ежегодного заседания Американской исторической ассоциации, являлось попыткой решить эти и другие вопросы. Идея созыва конференции была высказана английским славяноведом Б. Пеэрсом и поддержана его американскими коллегами. Председательствующим и автором вступительного доклада на конференции был Кулидж. На ней присутствовали все американские славяноведы, ученые Англии (Р. У. Ситон-Уотсон и др.), дипломаты славянских и западноевропейских стран. В докладах была дана общая характеристика состояния славяноведения в США, намечены перспективы его развития, поставлены вопросы организационного характера. Главным из них являлась проблема укрепления англо-американского сотрудничества в издательской области. Были намечены его направления, в том числе перевод важнейших работ по истории, выходящих в славянских странах.

Для осуществления этих планов конференция решила создать англо-американский издательский фонд. Кроме того, в целях координации усилий славяноведов двух стран журнал «Славянское обозрение» получил в дополнение к английским трех американских редакторов. Однако ассоциация историков-славистов тогда не была создана. Только в 1938 г. появился Комитет славянских исследований при Американском совете научных обществ. Комитет, помимо выполнения координаторских функций, должен был продолжить осуществление намеченной в 1924 г. издательской программы и начать выпуск американского славяноведческого журнала.

Состояние американского славяноведения в межвоенный период определяла деятельность группы ученых, большинство которых прошло семинары Кулиджа. Они возглавляли соответствующие отделения в крупнейших университетах, задавали тон американской части журнала «Славянское обозрение». К этой группе принадлежали: из старшего поколения — Р. Лорд, Ф. Гоулдер, Р. Кернер, Р. Блейк, из нового поколения, определявшего развитие славяноведения вплоть до 1950-х годов, — А. Колеман, К. Мэннинг, М. Шпинка, Б. Шмидт, У. Лангер, М. Фейнсод.

Умеренный либерализм славяноведов старшего поколения мало отличался от умеренного консерватизма. Они пытались обосновать внешнеполитические притязания США и в то же время в известной мере симпатизировали славянским народам, призывая правительство занять более трезвую позицию в вопросе о развитии советско-американских отношений. Политическое мировоззрение молодых славяноведов отличалось большим консерватизмом, зачастую переходящим в антисоветизм.

В методологическом плане во взглядах американских славяноведов продолжали господствовать принципы «объективистской», описательной историографии. Восприняв установки неокантианства с его подходом к истории как «науке о событиях», это направ-

ление обрело устойчивость в американском славяноведении. Материалистическое понимание истории начало проникать в славяноведение США в форме идей Ч. Бирда и других историков-экономистов, проповедовавших внимание к социально-экономическим сюжетам. Однако толкование сущности общественно-экономических процессов все еще было далеко от истинно научного.

Самым значительным вкладом американских славистов в изучение истории Польши являлись работы преподавателя славяноведческого отделения Гарвардского университета Р. Х. Лорда (1885—1954) — труд о втором разделе Речи Посполитой (1915), статьи о третьем ее разделе (1925) и политике Бисмарка в отношении России в период восстания 1863—1864 гг. (1924), а также глава по истории Польши в аннотированной библиографии по европейской истории (1936). Монография Лорда «Второй раздел Польши» написана на материалах архивов Петербурга, Москвы, Вены и Берлина. Благодаря широкому охвату источников и глубокому ознакомлению со специальной литературой, автору удалось представить широкую картину дипломатии, связанной с подготовкой и осуществлением раздела. Внутриполитическая история являлась при этом лишь фоном внешнеполитической.

Лорд проводил различия в причинах, приведших к первому и второму разделам Польши. Если первый, по его мнению, являлся следствием несовершенства общественно-государственного устройства страны и не предопределял ее окончательной гибели, то второй был ответом великих держав на стремление поляков к «национальному возрождению, ответом на общественные реформы и стремление к независимости». Третий раздел рассматривался Лордом как следствие второго, который предопределил исчезновение Польского государства с политической карты Европы. На основные выводы автора воздействовала современная ему польская историография. Труд Лорда оказал большое влияние на американскую историческую науку в целом как пример строго документированного исследования и критического анализа источников.

Учеником и продолжателем дела Лорда в области полонистики был Ф. Новак, написавший с привлечением архивных материалов монографию «Внешняя политика короля Стефана Батория» (1924).

В изучении истории Чехии наибольшая заслуга принадлежит Р. Кернеру (1887—1956), благодаря которому Калифорнийский университет в межвоенный период превратился в ведущий центр славяноведения. Кернер начал свою научную деятельность как автор одной из первых в США библиографий западноевропейской литературы по славянским странам (1918). Это была выборочная библиография, включавшая лишь ту часть литературы, которая отвечала назначению быть материалом для советников делегации США на Парижской мирной конференции. Систематизация Кернером работ по истории, языку и литературе славянских народов начиная с древнейших времен вытекала из трактовки славяноведения как комплекса наук. Выделение экономики в качестве подтемы «исторического» раздела свидетельствовало о влиянии на со-

ставителя идей американских историков-экономистов. Кернеру удалось в основном охватить славяноведение всей Западной Европы одним указателем и создать тем самым ценное пособие для исследователей. Однако отбор материалов свидетельствовал о том, что славяноведение в США находилось еще на уровне более низком, чем в западноевропейских странах.

Наиболее известной работой Кернера является монография «Чехия в XVIII веке» (1932). Автор попытался всесторонне показать политическую (конституция, юридические и правовые институты), экономическую (промышленность, торговля, финансы и землевладение), религиозную и школьную системы Чехии. Несмотря на включение в книгу экономических сюжетов, Кернер все же был далек от понимания сущности исторического процесса. Это сказалось в его концепции, согласно которой основным содержанием истории Чехии была борьба немецкого и славянского начал, а также в затушевывании классового аспекта событий и объяснении их хода непосредственной материальной заинтересованностью отдельных имущественных и в первую очередь национальных групп.

В годы второй мировой войны, в особенности после побед Советской Армии под Сталинградом и Курском, в славяноведении США наметились процессы, в полной мере сказавшиеся в послевоенный период. Усилилось внимание государства и крупнейших филантропических фондов к развитию исследований в данной области. В трактовке славяноведами прошлого и настоящего славянских народов стали превалировать поиск доказательств принадлежности восточноевропейских народов к западной цивилизации и противопоставление их русской (советской) культуре и государственности.

После 1943 г. славяноведы были приглашены на работу в ряд центральных учреждений США, прежде всего на армейские курсы «специальной подготовки», на которых слушателям читались курсы по истории, политике, экономике, географии и филологии славянских стран с упором на их современное положение. Начальник одного из отделов Управления стратегических служб США Дж. Робинсон в октябре 1943 г. предложил создать при Колумбийском университете центр по разработке проблем, связанных с СССР и возможными послевоенными изменениями в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. В ответ на это Рокфеллеровский фонд выделил средства для развития славяноведения в ряде университетов и организации специализированного славяноведческого центра — Русского института при Колумбийском университете (1946).

Американский совет ученых обществ также финансировал славяноведческие курсы и публикацию переводов произведений, наиболее значимых для понимания истории и культуры славянских народов. Развитию исследований способствовало перенесение в период войны издания славяноведческого журнала из Англии в США. Таким образом американские славяноведы получили собственный журнал, который в послевоенный период сменил свое название на «American Slavic and East European Review» («Аме-

риканское славянское и восточно-европейское обозрение»). Самым крупным мероприятием американского славяноведения в военные и первые послевоенные годы стала подготовка серии коллективных трудов по истории славянских стран — Польши (1940), Чехословакии (1945), Югославии (1946).

Славяноведение в США после войны

Существенное расширение масштабов славяноведческих исследований, наблюдавшееся в США после второй мировой войны, объяснялось повышением социальной, политико-идеологической значимости этой науки. Появление при университетах большого числа новых научных центров, увеличение поддержки со стороны частных фондов и правительства придали славяноведческим исследованиям в США гораздо большие масштабы, чем в странах Западной Европы. Американское славяноведение после войны развивалось под непосредственным влиянием изменений политического климата в отношениях между Востоком и Западом и было подчинено задачам внешней политики США. В первые послевоенные годы в атмосфере развязанной США «холодной войны» оно занималось в основном подготовкой кадров для правительственных учреждений (в первую очередь для госдепартамента), специалистов в области советологической экспертизы и лишь в последнюю очередь — научных кадров для университетов.

Такая ориентация славяноведения отразилась на разработке научных проблем. Превалирование современной тематики привело к выделению особой области «региональных исследований по Советскому Союзу и Восточной Европе» с преобладанием таких дисциплин, как политология, социология, экономика, языки. В противовес этой тенденции часть ученых стала делать упор на филологический аспект славяноведения.

В первые послевоенные годы в ряде университетов — Колумбийском, Вашингтонском, Гарвардском, Калифорнийском и др. — были созданы специализированные славяноведческие институты и центры. При этом, как правило, в них в соответствии с нуждами государства основное внимание уделялось «русским исследованиям». Программы по изучению народов Центральной и Юго-Восточной Европы существовали лишь в таких университетах, как Колумбийский, Индианский, Пенсильванский, Техасский, а также в университете Джонса Хопкинса.

Появление первых крупных славяноведческих центров стало возможным благодаря поддержке частных фондов, которые в конце 40-х — начале 50-х годов откликнулись на призыв администрации Трумэна поставить науку на службу задачам «сдерживания коммунизма». Как свидетельствовал старейшина американского славяноведения К. Мэннинг, наибольшие субсидии эта наука получила от фондов Рокфеллера, Карнеги и Форда. Частные фонды, а через них и государство обеспечивали себе контроль над направлением исследований.

В начале 60-х годов в атмосфере краха прежних антикоммунистических представлений об «унифицированном» характере развития стран социалистического содружества в США появились центры, изучавшие отдельные славянские страны. Все это нашло отражение в увеличении числа соответствующих научных работ, в усилении специализации. После принятия «Закона об образовании в целях обороны» (1958), являвшегося реакцией на достижения советской науки, прежде всего в области исследования космоса, славяноведение официально получило приоритетный статус, и правительство США начало непосредственно участвовать в финансовой поддержке славистики.

В конце 60-х — начале 70-х годов события, имевшие место в странах социалистического содружества, вызвали расширение в США сети славяноведческих институтов, изучавших международные отношения, образование, религию и другие общественные явления в регионе. Сохраняющаяся специализация преимущественно на новой и новейшей истории привела к тому, что изучение ранней и средневековой истории славян продолжалось в основном на исторических факультетах университетов и не получало **необходимой** финансовой поддержки.

Основную организационную роль в славяноведении США долгие годы играл Объединенный комитет славянских исследований (1948—1971), основанный на базе Комитета славянских исследований и видевший в содействии развитию «русских исследований» свою основную задачу. В составе его руководящего комитета помимо историков и филологов Р. Кернера, Э. Симмонса, У. Эджертона, Р. Якобсона, входили советологи Ф. Мосли, Дж. Робинсон и др. Печатным органом Объединенного комитета являлся журнал «Американское славянское и восточно-европейское обозрение». К важнейшим изданиям по славяноведению относятся также журналы «Russian Review» («Русское обозрение»), «Slavic and East European Journal» («Славянский и восточно-европейский журнал»).

Признанием растущего значения славяноведения и усложнения стоящих перед ним задач стало создание Американской ассоциации развития славяноведения (1960) с подкомитетом по Центральной и Юго-Восточной Европе (1965; председатель Ч. Йелавич)¹ — главной организации, направляющей и координирующей деятельность славяноведов в Соединенных Штатах. Если в 1960 г. Ассоциация насчитывала 663 члена, то к 1978 г. их число возросло до 2500. Она связана с правительственными кругами и имеет своих представителей во многих научных организациях США. С помощью правительства Ассоциация провела исследования с целью определить состояние американской славистики и разработать рекомендации для дальнейшего ее развития. Результаты этой работы нашли отражение в книгах «Языковые и региональные исследова-

ния. Центрально-Восточная и Юго-Восточная Европа» (1969), «Центрально-Восточная Европа. Основные публикации» (1968) и «Юго-Восточная Европа. Основные публикации» (1968).

Более быстрое, чем в Европе, развитие американского славяноведения в послевоенные годы стало возможным также благодаря созданию славянских архивов в университетах. При библиотеке конгресса США был учрежден Славянский отдел (1951), который играет основную роль в справочно-библиографической службе славяноведения Соединенных Штатов. Отдел выпускает «Ежемесячный указатель новых книжных поступлений на русском языке» и «Указатель новых книжных поступлений восточно-европейской литературы».

В послевоенное время для американского славяноведения по-прежнему характерно отсутствие подлинно научной теоретико-методологической основы. В 40—50-е годы внедрение в практику славяноведческих исследований релятивизма с его отрицанием объективности исторического познания привело к утверждению презентизма. Последний обосновал необходимость переоценки прошлого славян под углом зрения политики правящих кругов США. Это нашло отражение в разработке новых и модернизации ряда прежних мифов: о Центральной и Юго-Восточной Европе как традиционно отсталой части континента, о традиционной «раздробленности славян, о Балканах как «пороховой бочке» Европы и др.

В 60-е годы в обстановке нарастающей критики в адрес релятивизма и крайностей субъективизма в американском славяноведении усилилось влияние неопозитивистов, видевших выход из тупика в возвращении к «чистому» эмпиризму. Но уже с середины 70-х годов участились сетования на отсутствие «синтеза», «интегрирующей концепции».

Ведущими американскими историками-славяноведами являются Дж. Белл, Ц. Блэк, П. Вандыч, Дж. Кларк, Т. Майнингер, Д. Маккензи, В. Маматей, Д. Оболенский, Ч. и Б. Йелавичи, К. Симмонс, П. Хорецки и др. К «классическим» работам, используемым в университетах США в качестве учебников, относятся книги Ф. Дворника «Славяне. Ранняя история и цивилизация» (1956) и «Славяне в европейской истории и цивилизации» (1962), в которых исторический процесс представлен как результат взаимодействия множества равнозначных факторов (географических, экономических, биологических, психологических и др.).

Дифференциация дисциплин славяноведческого комплекса привела к тому, что теперь в США изучаются все более или менее важные аспекты истории славян, прежде всего международные отношения, этнография, археология, экономика, государство, право и др. При этом преобладает интерес к новейшей истории. Половина исследований по Центральной и Юго-Восточной Европе — это работы, касающиеся послевоенного периода.

За время, прошедшее после второй мировой войны, славянове-

¹ В 1968 г. подкомитет переименован в Объединенный комитет славянских и восточно-европейских исследований.

дение превратилось в составную часть американской исторической науки. Однако оно продолжало оставаться прагматическим зависимым от социального заказа государства. Такое положение ведет к снижению ценности исследований в этой области. Поэтому наиболее прогрессивная часть американских славяноведов выступает за изменение сложившейся ситуации и возвращение славяноведению подлинно научного статуса.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ИЗДАНИЯ

Советское славяноведение: Литература о зарубежных славянских странах на русском языке: 1918—1960. — М., 1963.

Советское славяноведение: Литература о зарубежных славянских странах на русском языке: 1961—1962. — М., 1963.

Советское славяноведение: Литература о зарубежных славянских странах на русском языке: 1963—1968. — М., 1970. — Вып. 1—7.

Советское славяноведение: Литература о зарубежных славянских странах на русском языке: 1969—1973. — М., 1976. — Вып. 1—7.

Советское славяноведение: Указатель литературы о зарубежных славянских странах: 1974—1977. — М., 1978—1979. — Вып. 1—7.

Институт славяноведения и балканистики: 1947—1977: Справочно-информационный обзор. — М., 1977.

Историки-слависты Московского университета: 1939—1979: Библиографический словарь-справочник. — М., 1979.

Историки-слависты СССР: Библиографический словарь-справочник. — М., 1981.

Славяноведение в дореволюционной России: Библиографический словарь-справочник. — М., 1979.

История Болгарии до 9 сентября 1944 г.: Указатель литературы 1945—1958 гг. — М., 1962.

Народная Республика Болгария: Историческая библиография. — М., 1954, 1958. — Т. 1—2.

Советская болгаристика: Указатель литературы 1945—1980 гг. — М., 1981. — Вып. 1—3.

Новая советская и иностранная литература по общественным наукам: Проблемы славяноведения и балканистики. — М., 1964 — (один раз в квартал).

Новая советская и иностранная литература по общественным наукам: Народная Республика Болгария. — М., 1959 — (ежемесячно).

Новая советская и иностранная литература по общественным наукам: Польша Народная Республика. — М., 1959 — (ежемесячно).

Новая советская и иностранная литература по общественным наукам: Чехословацкая Социалистическая Республика. — М., 1959 — (ежемесячно).

Новая советская и иностранная литература по общественным наукам: Социалистическая Федеративная Республика Югославия. — М., 1959 — (ежемесячно).

Новая советская литература по общественным наукам: Европейские социалистические страны: Общие проблемы. — М., 1964 — (ежемесячно).

Авейде (Awejde) О. 200
 Авербух Р. А. 200
 Аврамов П. 137
 Адамчек (Adamček) П. 178
 Алексич (Алексий) Л. 175
 Аморт (Amort) Честмир 167
 Ангелов Б. 126
 Ангелов Д. 130, 132, 139
 Анненков Ю. С. 185
 Ансель (Ansel) Жак 226
 Антоляк (Антольак) С. 177
 Антон (Anton) Карл Готтлиб 211
 Апих (Apih) Йосип 85
 Априлов, Васил. 46, 123
 Арнаудов М. 92, 123
 Арнольд (Arnold) Эмануэл 38—34
 Аскенази (Askenazy) Шимон 61, 98—99, 151
 Афанасьев А. Н. 181

Баерлейн (Baerlein) Г. 234
 Бакалов Г. 126—127, 200—201
 Бакунин М. А. 200
 Бальцер (Balcer) Освальд 59—60, 97
 Барак (Barak) Йозеф 75, 165
 Баркер (Barker) Э. 239
 Барновский (Barnovský) М. 167
 Бартош (Bartoš) Фр. 156
 Баста (Basta) М. 174
 Бахман (Bachmann) Адольф 215
 Бебель (Bebel) Август 217
 Бейлис А. С. 209
 Бейн (Bain) Р. Н. 230
 Белинский (Beliński) И. 199
 Белл (Bell) Дж. 249
 Белявская И. М. 206
 Белякевич И. И. 207
 Бенеш (Beneš) Э. 110, 225, 233—234, 237
 Берг Н. В. 187
 Бердяев Н. 107
 Березин Л. В. 194
 Бернолак (Bergolák) А. 35
 Берроуз (Burgrows) Р. 229
 Беттс (Betts) Р. Б. 237
 Бем (Böhm) Я. 155
 Биланджич (БиланЦић) Д. 175
 Бильбасов В. 184
 Бильфельдт (Bielfeldt) Ганс Гольм 219
 Бирд (Beard) Ч. 245
 Бирман М. А. 207
 Бичанич (Bičanić) Р. 177
 Благоев, Димитр 93—94, 127, 132, 135, 141, 200
 Благослав (Blahoslav) Я. 36
 Блейк (Blake) Р. 244
 Блок (Bloch) М. 226

Блэк (Black) Ц. 249
 Бобан (Boban) Л. 173
 Бобжинский (Bobrzyński) Михал 53, 151
 Бобчев Стефан 92
 Бовуа (Beauvois) Д. 227
 Богданов (Bogdanov) В. 175—176
 Бодянский О. М. 194
 Боев П. 141
 Божилов И. 140
 Божич (Божий, Božić) И. 175
 Бойович (Божовић) И. 176
 Бокль (Buckle) Г. 40, 89
 Босуэл (Boswell) А. Брюс 229—230, 235
 Ботев Хр. 90, 93, 127, 131, 141, 201
 Ботто (Botto) Юлиус 77
 Боучек (Bouček) М. 167
 Браунинг (Browning) Р. 238
 Бретхольц (Bretholz) Бертольд 215
 Бречкевич М. В. 199
 Бритовшек (Britovšek) М. 176
 Бромлей Ю. В. 206
 Брун (Brun, псевдоним: Bronowicz) Юлиан 103
 Брэдли (Bradley) Дж. 237
 Брюкнер (Brückner) Александр 99—100
 Брянец П. 187
 Будилович А. С. 184
 Будкевич (Budkiewicz) В. 201
 Бужашки Е. 135
 Бурмов А. 130—132, 135
 Бутвин (Butvin) И. 157
 Буяк (Bužak) Францишек 62, 98
 Быстрицкий (Bystrický) Валерьян 166

Вавра (Vávra) Я. 111
 Валер Л. Б. 207
 Валка (Válka) П. 156
 Вальденберг (Waldenberg) В. 194
 Валькович Д. 193
 Вандыч (Wandycz) П. 249
 Ванку М. 173
 Ванчура (Vančura) В. 112
 Варсик (Vársík) Бранислав 114—115, 156, 162
 Вартикова (Vartíková) М. 159, 167
 Варыньский (Waryński) Людвик 57
 Васич (Vasić) М. 172
 Вебер (Weber) М. 108, 110
 Велев А. 141
 Велева М. 142
 Венгероу С. А. 184
 Венелин Юрий Иванович 46
 Вержбовский Ф. 189
 Верунски (Werunski) Эмил 215

Видукинд Корвейский 208
 Вильсон (Wilson) В. 234
 Винер (Wiener) Л. 240, 242
 Винтер (Winter) Эдуард 219—220
 Витковский (Witkowski) Я. 201
 Воблый К. Г. 189
 Водник (Vodník) В. 84
 Войтех (Vojtěch) Томаш 165, 168
 Войцеховский (Wojciechowski) Зыгмунт 97
 Войцеховский (Wojciechowski) Тадеуш 57
 Волкан (Wolkan) Рудольф 215
 Волков В. К. 207
 Волков Е. З. 201
 Волковичер И. В. 201
 Волтнер (Woltner) Маргарет 222
 Воробьев Л. В. 206
 Воронков А. И. 206
 Вошагликова (Vošahlíková) П. 168
 Врховец (Vrhovec) Иван 85
 Вуйович (Vujović) Д. 176
 Вукичевич (Вукичевић) Миленко 79
 Вукоманович (Вукомановић) М. 175
 Вучо Н. 175, 177

Гавлик (Havlík) Л. 155, 163
 Гавранек (Havránek) Б. 155
 Гавранек (Havránek) Ян 165
 Гаврилович (Гавриловић) Михаил 79
 Гаврилович (Гавриловић) С. 175
 Гаек (Hajek) В. 29
 Гай (Gaj) Людевит 41, 87
 Галандауер (Galandaauer) Ян 165—166
 Галенко П. В. 207
 Гандев Х. 130, 133
 Ганка (Hanka) Вацлав 186
 Гапак (Hapák) Павел 165
 Гаркави А. Я. 181
 Гарна (Harna) Йозеф 166
 Генкин Л. Б. 202
 Генчев Н. 137, 140
 Георгиев В. 137, 142
 Гервинус (Gervinus) Г. 215
 Гердер (Herder) Иоганн Готфрид 31, 211, 215, 221
 Герман (Herman) Карел 165
 Герье В. И. 187
 Гескет С. 187
 Гестрин (Gestrin) Ф. 176
 Гёте (Goethe) И. В. 215
 Гизебрехт (Giesebrecht) Г. 217
 Гильфердинг А. Ф. 39, 181, 184, 190—191, 194—195
 Гиндели (Gindely) Антонин 67—68
 Глигориевич (Глигоријевић) Б. 173
 Гогина К. П. 206
 Голл (Goll) Ярослав 69—70, 77, 106—109, 111—112, 152, 168, 230
 Голотик (Holotík) Людевит 157—159

Голотикова (Holotiková) З. 159
 Голубинский Е. Е. 193
 Гонсёровская (Gąsiorowska-Grabowska) Наталья 64, 101, 144—145
 Горемыкин И. А. 187
 Горнянский Н. 137
 Горянов Б. Т. 202
 Госиоровский (Gosiorovsky) Милош 153, 158—159, 168
 Готвальд (Gottwald) К. 200
 Готье Ю. В. 202
 Гоулдер (Goulder) Ф. 244
 Гоффман (Hoffman) Кароль 27—28
 Грабский (Grabski) А. Ф. 151
 Грабский (Grabski) Владислав 62
 Граппэн (Grappin) Анри 224
 Графенауэр (Grafenauer) Боро 178
 Грацианский Н. П. 202
 Грачев В. П. 206
 Греков Б. Д. 202, 203, 205
 Григорович В. И. 39
 Гринберг С. Ш. 206
 Грозичник (Hrozičnik) Йозеф 160
 Гросс (Gross) М. 175—176
 Грот К. Я. 182, 193
 Грох (Hroch) М. 157, 164
 Грубы (Hrubý) В. 155—156
 Груден (Gruden) Йосип 85
 Грынвасер (Grynwasser) И. 101
 Гурбан (Hurban) Йозеф 76
 Гурка (Görka) О. 100
 Гуса (Husa) Вацлав 111—112, 152, 156
 Гусак (Husák) Густав 160
 Гучко (Hučko) Я. 157
 Гушчава (Huščava) Александр 115
 Гюзелев В. 133, 140

Дамьянов С. 135
 Данилюк (Danieluk) А. 103
 Дарэм (Durham) Эдит 234
 Даскалов Д. 141
 Даскалов Р. 121
 Деак (Deák) Ладислав 166
 Дедиер (Dedijer) В. 175
 Дейл (Deul) Зденек 166
 Декан (Dekan) Я. 155
 Дембовский (Dembowski) Эдвард 27
 Дени (Denis) Эрнест 224—225, 228
 Державин Н. С. 198, 202—203, 205
 Дестунис С. 181
 Джорджевич (Ђорђевић) Владан 86
 Дикин (Deakin) У. 239
 Дикштейн (Dickstein) Шимон 57
 Димитриевич (Димитријевић) С. 175
 Димитров Г. 94, 127, 141, 200
 Димитров Д. Д. 201
 Димитров И. 137—138, 142
 Димитров С. 134
 Димитрова С. 136
 Добнер (Dobner) Гелазий 29

Добровский (Dobrovský) Йозеф 30,
32, 46, 186, 211, 216
Довнар-Запольский М. 190
Дойнов Д. 135
Долежал (Doležal) Ян 160
Достян И. С. 206, 209
Драгович (Драговић) Радован 80
Драницын С. Н. 201
Дринов Марин 48, 88, 91—92, 194
Дуйчев И. 126, 130, 133, 140
Дьяков В. А. 206
Дыхан М. Д. 207
Дэвис (Davies) Норман 237
Дэрби (Darby) Х. С. 239

Евреинов Б. Н. 193
Егоров Д. Н. 182, 199,
Езерский (Jezierski) Францишек 16—
17

Жачек (Záček) Вацлав 157, 165
Жебокрицкий В. А. 206
Живкович (Живковић) Д. 173
Жорж (Georg) П. 227
Жуёвич (Жујовић) Живоин 40

Зайцев В. А. 216
Закке (Sacke) Георг 219
Закшевский (Zakrzewski) Станислав
60—61, 98
Запотоцкий (Zápotocký) Ладислав 75
Зеленин В. В. 207
Зибель (Sybel) Генрих 216—217
Зибрт (Zibrt) Ченек 71
Златарский Васил 91—92, 123—124
Зуев Ф. Г. 207

Иваницкий С. Ф. 202
Иванов Йордан 92, 125
Ивашин И. Ф. 201
Иловайский Д. И. 187
Ильинский Г. А. 195
Иречек (Jireček) Герменегильд 68
Иречек (Иречек, Jireček) Констан-
тин 47, 88, 91
Ирибаджаков Н. 142
Исусов М. 135, 142

Йелавич (Jelavich) Б. 249
Йелавич (Jelavich) Ч. 248—249
Йованович (Јовановић) Йован 118
Йованович (Јовановић) Р. 176
Йованович (Јовановић) Слободан
116—117
Йоцов Б. 126

Кабакчиев Христо 94, 127, 200
Кавка (Кавка) Ф. 156
Кайданов Иван 46
Калениченко П. М. 207
Калинка (Kalinka) Валериан 52, 63
Калоусек (Kalousek) Йозеф 68

Калябинский (Kalabiński) С. 147—
148
Кампуш (Kampuš) И. 178
Каравелов Любен 49, 90, 123, 131,
134—135, 201
Караджич (Караџић) Вук Стефано-
вич 39, 86, 193, 216
Карамзин Н. М. 39
Карасёв В. Г. 206
Кардель (Kardelj) Э. 120, 172
Кареев Н. И. 187
Каспер (Kasper) Мерчин 220
Катич (Katić) Л. 118
Каутский (Kautsky) К. 217
Кацаров Г. 92

Кацлерович (Kacelerović) Т. 172
Качавенда (Kačavenda) П. 174
Качановский В. В. 193
Квачек (Kvaček) Роберт 166
Кейрж (Kejř) Иржи 156, 163
Кермавнер (Kermapner) Д. 176
Кернер (Kerper) Р. 244—246, 248
Кизченко А. Ф. 207
Кипиловский Атанас 46
Киприанович Г. 195
Кишевская А. Н. 207
Клаич (Klaić) Векослав 82
Клаич (Klaić) Н. 177
Кларк (Clarke) Дж. 249
Клеванов А. 184
Клеванский А. Х. 207
Клима (Klíma) Арношт 153, 157, 165
Климеш (Klímeš) М. 167
Клиссолд (Clissold) С. 239
Клоков В. И. 207
Княжеский Захарий 46
Коделова (Kodedová) Олдржижка
158, 165

Козьма Пражский 29, 183, 207
Козьмин Б. П. 201
Коларов В. 94, 127, 141, 200
Колдер (Calder) К. Дж. 236
Колев Т. 141
Колейка (Kolejka) Йозеф 157, 165
Колеман (Coleman) А. 244
Коллар (Kollár) Ян 36, 186
Коллонтай (Kollontaj) Гуго 15—16,
55

Кон (Kon) Ф. Я. 201
Кожобеев В. Д. 206
Конопчинский (Konopczyński) Вла-
дислав 99
Конрад (Konrad) Курт 111, 113—114
Константин Багрянородный (Порфи-
рородный) 181, 192—193
Константинов Ф. Т. 207
Копитар (Kopitar) Е. 84
Корач (Korać) В. 120
Корзон (Korzon) Тадеуш 54—56, 58,
151
Корнилов А. А. 188
Королюк В. Д. 206

Кос (Kos) Милко 119
Кос (Kos) Франц 85
Косаши Н. 141
Косев Д. 129—132, 135—136, 141
Косев К. 140
Костомаров Н. И. 187
Костюшко И. И. 206
Котляревский А. А. 182
Кочи (Koči) Йозеф 157, 165
Кочубинский А. А. 185
Кошутский (Koszutski) С. 63—64
Крал (Král) Вацлав 159, 161, 165—
168

Крамарж (Kramář) К. 72
Кременшек (Kremenšek) С. 172
Кремпл (Krempl) А. 84
Крестич (Крестић) В. 175
Кржижановский С. 200
Кржижек (Křížek) Юрий 158, 161,
165
Кривошич (Krivošić) С. 178
Кризман (Krizman) Б. 173
Кристан (Kristan) А. 120
Кропилак (Kropilák) Мирослав 160,
166
Крофта (Krofta) Камил 109
Крумбахер (Krumbacher) Карл 217
Куделка (Kudělka) Милан 168
Кузьмин М. Н. 206
Кукулевич-Сакцинский (Kukuljević
Sakcinski) Иван 42—43, 82
Кулаковский П. А. 193
Кулидж (Coolidge) А. К. 240—244
Кулинич И. М. 206
Кульчицкий (Kulczycki) Людвик 65
Куник А. А. 181
Кунце (Kunze) Петер 220
Кутнар (Kutnar) Франтишек 168
Кутшеба (Kutrzeba) Станислав 59—
60, 97, 98
Кучера (Kučera) Матуш 163
Кшвицкий (Krzwicki) Людвик 57

Лаврентий из Бржезовой 30, 207
Лавров П. А. 196
Ламанский В. И. 184, 193
Лампрехт (Lamprecht) Карл 61, 89,
107
Лангер (Langer) У. 244
Лапиньский (Lapiński) В. 101
Лаппо И. И. 190
Лаптева Л. П. 206, 209
Лапчевич (Lapčević) Д. 120
Лацина (Laciņa) В. 166
Лебедев И. А. 182
Лебл (Lebl) А. 175
Левиттер (Lewitter) Л. Р. 236
Левский В. 90, 93, 127, 130
Левченко М. В. 202
Леже (Leger) Луи 223—224
Лейбниц (Leibniz) Готфрид Виль-
гельм 211, 215

Лелевель (Lelewel) Иоахим 22—27,
52, 151, 216
Лемберг (Lemberg) Э. 221
Ленин В. И. 9—12, 63, 103, 112, 127,
131, 136, 153, 205, 208—209, 216
Лесли (Leslie) Р. Ф. 236
Лехлер (Lechler) Готард 217
Лещиловская И. И. 206
Лещинский-Ленский (Leszczyński-
Leński) Юлиан 103, 200
Либкнехт (Liebknecht) Вильгельм 217
Либкнехт (Liebknecht) Карл 217
Лимановский (Limanowski) Боле-
слав 64
Линниченко И. А. 189
Линхарт (Linhart) Антон 84
Лиске (Liske) Ксаверий 57
Литаврин Г. Г. 206
Лишев С. 130, 133
Ловмянский (Lowmiański) Г. 146—
147

Лойко (Loyko) Феликс 15
Лончар (Lončar) Драготин 85
Лопагины Н. и П. 189
Лорд (Lord) Р. 244—245
Лукач (Lukač) Д. 173
Лурые Г. И. 201
Лэффен (Laffan) Р. Дж. Д. 239
Любавский М. К. 190, 199
Любович Н. Н. 190
Людат (Ludat) Х. 221
Люксембург (Luxemburg) Роза 62—
63, 236
Люсиани (Luciani) Ж. 227
Лютцов (Lützwow) Ф. 230
Лямуш (Lamouche) Леон 224—226

Мавродинов Н. 126
Мажураич (Mažuranić) А. 41
Мажураич (Mažuranić) Вл. 84
Майков А. А. 190—191
Майнингер (Maininger) Т. 249
Макартни (Makartney) К. А. 237—
238
Макдермот (Macdermot) М. 238
Маккензи (McKenzie) Д. 249
Макушев В. В. 181, 191, 192, 194
Маматей (Mamatej) В. 249
Мантейфель (Manteuffel) Т. 146
Манусевич А. Я. 207
Маринов Д. 92
Маркевич А. 194
Маркова З. 140
Маркович (Марковић) Светозар 40,
80, 120, 201
Маркович (Marković) Ф. 81
Маркс К. 6—8, 22, 25, 57, 75, 80,
103, 114, 145, 153, 216, 217
Марриот (Marriott) Дж. А. Р. 233
Мартинек (Martínek) М. 168
Мартыненко А. К. 206

Мархлевский (Marchlewski) Ю. 62, 63, 102, 200
Марьянович (Марјановић) И. 174
Марьянович (Marjanović) Милан 83
Масарик (Masaryk) Томаш Гарриг 70—74, 110, 112, 114, 158, 229, 233—234
Маслеша Веселин 120
Матерницкий (Maternicki) Е. 151
Матес Л. 174
Матула (Matula) В. 157
Мацеёвский (Maciejowski) Вацлав 26
Мацко А. Н. 207
Мацурек (Macúrek) И. 156
Медакович (Медаковић) М. 86
Медликот (Medlicott) У. Н. 233
Мейцен (Meizen) Август 217
Мелёх (Meloch) М. 101—102
Мелик (Melik) В. 176
Мельникова И. Н. 207
Мельцер Д. Б. 207
Мендл (Mendl) Бедржих 109—110
Менцл (Menzl) З. 159
Меринг (Mehring) Франц 217
Месарош (Mésáros) Ю. 157
Метшк (Mětšk) Фридо 220
Миддлмас (Middlemas) К. 237
Мика (Mika) А. 156, 164
Миклошич (Miklošić) Ф. 216
Микуж (Mikuž) М. 173
Милич (Миличи) Д. 175
Миллер И. С. 206
Миллер (Miller) У. 233
Милутинович (Милутиновић) С. 86
Миркович (Mirković) М. 177
Миско М. В. 200, 207
Митрович (Митровић) А. 173
Михальчич (Михаљчић) Р. 178
Мицкевич (Mickiewicz) А. 144, 223
Мичев Д. 141
Мишка (Myška) М. 157
Мишулин А. В. 202
Миятев К. 126
Морачевский (Moraczewski) Енджей 26
Морис (Maurice) С. Э. 230
Морфил (Morfill) У. Р. 229—230
Мосли (Mosley) Ф. 248
Мошин В. 116
Мутафчиев Петр 124—125
Мутафчиева В. 130, 134
Мушмов Н. 126
Мыльников А. С. 206
Мэн (Mann) С. 237
Мэннинг (Manning) К. 244, 247
Мэчрей (Machray) Р. 234—235
Мюльфордт (Mühlfordt) Гюнтер 220
Мякотин В. А. 187

Надлер В. 184
Нарушевич (Naruszewicz) Адам 17—19, 27, 28

Натан Ж. 127, 132, 134
Наумов Г. 141
Недорезов А. И. 207
Неедлы (Nejedlý) Зденек 74, 106, 112—113, 152, 153, 168, 202
Немцевич (Niemcewicz) Юлиан Урсын 19
Нескович Атанас 45
Нетл (Nettle) Дж. П. 236
Нидерле (Niederle) Любомир 73
Никитин С. А. 203, 206
Ников Петр 125
Новак (Nowak) Ф. 245
Новакович (Новаковић) Стоян 78—79
Новиков Е. 184
Новодворский В. В. 189
Новотный (Novotný) Н. 72
Новотны (Nowotny) Павел 220
Новый (Nový) Ростислав 163
Нойс (Noyes) Дж. 240
Ньюмен (Newman) Э. 237
Нэмир (Namier) Л. 234, 236—237
Нюркаева А. З. 206

Оболенский (Obolensky) Д. 238, 249
Обрадович (Обрадовић) Досифей 39, 193

Овсяный Н. Р. 196
Озолин А. И. 206
Ольшанский П. Н. 206—207
Оман (Naumant) Эмиль 224, 226
Опоченский (Ороцёнский) Ян 110—111
Орбини (Orbini) Мавро 44
Осокин Н. А. 195
Острогорский Г. А. 116
Оти (Auty) Ф. 239

Павинский А. И. 182
Павичевич (Павичевић) Б. 176
Павлович (Павловић) Драголюб 79
Павлович Христки 46
Пансий Хилендарский 44—45, 48, 91, 123, 125, 135
Пайович (Пајовић) Р. 176
Палаузов С. Н. 47, 91
Палацкий (Palascký) Франтишек 30—33, 37, 66, 68, 70—71, 106, 108, 112—113, 160, 214, 217, 224, 230
Палмер (Palmer) А. 238
Пальмов И. С. 185—186, 193
Панайотов И. 126
Панайотов Ф. 141
Панек (Pánek) Ярослав 164, 168
Пантелич (Пантелић) Душан 117
Папанек (Papanek) Юрай 35
Паркинсон (Parkinson) Р. 237
Паскалева В. 135
Пејович (Пејовић) Б. 173
Пекарж (Peкаж) Йозеф 70—71, 106—111, 113, 152
Пелагич (Пелагић) Васо 87—88

Пелцл (Pelcl) Франтишек 29—30
Пенев Боян 122—123
Перль (Perl) Феликс 65
Пероутка (Peroutka) Ф. 111
Петерс И. А. 207
Петков П. 137
Петранович (Петрановић) Б. 174—175
Петрань (Petraň) И. 156, 164
Петров А. Н. 187
Петров П. 130, 133, 140
Петров С. 137
Петрова Д. 142
Петрович (Петровић) Василий 86
Петрович (Петровић) Н. 175
Петрович (Петровић) Р. 176
Пецка (Pecka) Йозеф Болеслав 68
Пеша (Peša) В. 161
Пеэрс (Peares) Б. 229, 244
Пилсудский (Piłsudski) Ю. 100—101
Писарев Ю. А. 206
Писаревский Г. Г. 201
Пичета Владимир Иванович 194, 198, 202—203, 205
Пиш (Pisch) М. 158
Плевза (Plevza) Вилиам 159, 165—166, 168
Плетерский Я. 176
Плеханов Г. В. 127, 201
Побуг-Малиновский (Pobóg-Malinowski) В. 100
Погодин А. Л. 116, 188—189, 193, 196
Подвинский Ю. 188
Подримавски (Podrimavsky) Милан 165
Поливка (Polívka) Мирослав 163
Полич (Polić) Мартин 82
Полишенский (Polišensky) Йозеф 156, 164
Попов Г. Н. 207
Попов Н. А. 40, 191
Полов Ч. 175
Попович (Поповић) Василь 117
Попович (Поповић) Душан 80
Попруженко М. Г. 126, 195
Порт (Pohrt) Хайнц 221
Порталь (Portal) Р. 227
Поулик (Poulik) И. 155, 163
Похилевич Д. Л. 206
Прасолов С. И. 207
Прелог (Prelog) Милан 87
Примов Б. 130
Принс (Prince) Дж. 240
Приятель (Prijetelj) Иван 85, 119
Проданович (Продановић) Я. 118
Пруха (Průcha) В. 159, 166
Прухник (Průchnik) Адам 101
Птасьник (Ptašník) Ян 100
Пузыревский А. К. 187
Пурш (Purš) Ярослав 157, 165
Пушкаревич К. А. 201

Пшибышевский, псев. Ясинский Ч. (Pszubyszewski) Эугениуш 103, 201

Пыпин А. Н. 85, 119

Радев Г. 142
Радев Симеон 92
Радевич (Радевић) М. 173
Раденич (Радевић) А. 175
Радойчич (Радојчић) Никола 117
Радонич (Радоњић) Йован 118
Радулов С. 142
Радченко К. Ф. 193, 195
Раевский М. Ф. 208
Разумовская Л. В. 206
Раич (Раић) Йован 38—39, 45, 46
Раковский Георгий 49, 123, 127, 135
Ракочевич (Ракочевић) Н. 176
Ранке (Ranke) Леопольд 39, 213—214, 216
Рансимен (Runciman) С. 233
Рапант (Rapant) Даниел 114
Раткош (Ratkoš) П. 155
Раукар Т. 178
Рачки (Rački) Франьо 43, 82, 119
Регель В. Э. 183
Реджич (Redžić) Э. 176
Резек (Rezek) Антонин 70
Рёмер (Römer) Юлиус Август 212
Ржига (Riha) Ольдржих 111—112, 152, 158
Ристич (Ристић) Йован 79
Рихтер (Richter) Людвиг 220
Робер (Robert) Киприан 223
Робинсон (Robinson) Дж. 246, 248
Ровинский П. А. 184, 193
Розен В. Р. 181
Роте (Rothe) Ханс 222
Ротштадт (Rotschadt), псевд. Красный Ю. 201
Роуз (Rose) У. Дж. 232, 236
Рубцов Б. Т. 206
Руvaraц (Ruvarac) Иларион 78, 86
Руткай (Ruttkay) А. 163
Рутковский (Rutkowski) Ян 62, 98
Рынг (Ryng, Heryng) Ежи 103

Сабина (Sabina) К. 33—35
Савич А. А. 202
Сакызов Иван 125
Сакызов Я. 121
Самнер (Sumner) Б. Х. 232—233
Санчук Г. Э. 208
Саснек (Sasnek) 76, 77
Селишев А. М. 198
Сергиевский Д. 116
Серебрянский Н. И. 185
Серухий (Serejski) М. 151
Сидельников С. И. 206, 208
Сидоров А. А. 188
Симмонс (Simmons) Э. 248
Симоненко Г. Ф. 189

Синглтон (Singleton) Ф. 239
Ситон-Уотсон (Seton-Watson) Р. У.
229—235, 239, 244
Сказкин С. Д. 200
Скарич (Скарић) В. 119
Скерлич (Скерлић) Йован 80
Скленар (Sklenar) Юрай 35, 36
Славин Г. М. 207
Смирнов А. Ф. 206
Смирнов И. Н. 194
Смичиклас (Smičiklas) Тадия 81, 82
Смоленский (Smoleński) Владислав
54—56, 58, 151
Смолька (Smolka) Станислав 53, 151
Снегирев И. 186
Снытко Т. Г. 206
Собеский (Sobieski) Вацлав 61, 99
Соболев А. И. 207
Соколов М. И. 195
Соловьев А. 116
Соловьев С. М. 187
Софроний Врачанский 45, 196
Сохань П. С. 207
Спремич М. 178
Срб (Srb) А. 71—72
Сречкович (Срећковић) Панта 40, 78
Станоевич (Станојевић) Станое 80,
118
Сташиц (Staszic) Станислав 15—16,
55
Стефанов Н. 142
Стефанов Х. 142
Стецкевич С. М. 207
Стоукс (Stokes) А. Д. 238
Стойанов Захарий 89, 90.
Стойанчевич (Стойанчевић) В. 175
Стратимирович (Стратимировић) С.
39, 193
Страшмиров Димитр 90, 122
Стругар (Strugar) В. 174, 175
Студницкий В. 188
Суровецкий (Surowiecki) Вавжинец
19—20
Сырку П. А. 196

Таблиц (Tablic) Богуслав 36
Тапье (Tapié) В.-Л. 227
Тарановский Ф. 116
Темперли (Temperley) Г. У. 231—
234
Терзич (Терзић) В. 173
Тивчев П. 133
Тито Иосип Броз 120, 172
Тихомиров М. Н. 202—203
Тоболка (Tobolka) Зденек 72
Тодоров Н. 134
Токаж (Tokarz) Вацлав 99
Томанович (Томановић) Лазар 86
Томас (Thomas) Т. С.-В. 237
Томашевский Д. Г. 207
Томек (Tomek) Вацлав Владивой
66—67, 70, 214

Томич (Томић) Йован 86
Трайков В. 135
Траутман (Trautmann) Райнхольд
218
Трейчке (Treitschke) Генрих 216—
217
Тржештик (Třeštík) Душан 163.
Трифонов Ю. 126
Трухелка (Truhelka) Чиро 87
Туцович (Туцовић) Дмитрие 80
Тыменецкий (Tymieniecki) Казимеж
97
Тыпкова-Займова В. 133
Тэн И. 89

Удальцов И. И. 205, 209
Уилсон (Wilson) Д. 239
Урбан (Urban) Отто 165
Урфус (Urfus) Валентин 165
Успенский Ф. И. 92, 183, 194—195,
199
Уэстфолл-Томсон (Westfall-Thom-
son) Дж. 243

Фабр (Fabre) Ж. 227
Фалькович С. М. 206
Фальтус (Faltus) И. 159
Фаминцын А. 181
Фасмер (Vasmer) Макс 218, 222
Февр (Febvre) Л. 226
Фейнсод (Fainsod) М. 244
Фельдман (Feldman) Вильгельм 61
Фельцман (Felman) О. 168
Фиала (Fiala) Зденек 155, 163
Фидлер (Fiedler) Ф. 103
Филипович (Филиповић) Филипп,
псевд. Бошкович Б. 118, 120, 172,
200
Филов Б. 126
Фирсов Ф. И. 207
Фиц (Fic) Владимир 166
Флоринский Т. Д. 192, 193
Фомин В. Т. 207
Форстен Г. В. 189
Францев В. А. 186
Фрейдзон В. И. 206
Фридман (Friedman) О. 237
Фримен (Freeman) Э. 230, 231
Фрич (Frič) Йозеф Вацлав 33, 34,
73, 157, 165
Фурнэль (Fourpol) Этьен 225

Хаджиниколов В. 131, 141
Хандельсман (Handelsman) Марце-
лий 64, 99
Харват (Charvat) Я. 111
Харпер (Harper) С. 240, 242
Хвольсон Д. 181
Хеппел (Heppell) М. 239
Херман (Hermann) А. 238
Хефтер (Hefter) М. В. 213
Хёфлер (Höfler) К. 33, 214

Хитов П. 90—91
Хитрова Н. И. 206
Хорват (Horvat) И. 118
Хорват (Horvat) Рудольф 82, 83
Хорецки П. 249
Хравевич К. И. 189
Хрдличка (Hrdlička) Ян 36
Хренов И. А. 206
Христов Х. 131, 135—136
Хроповский (Chropovský) Б. 155,
162, 163
Хыба (Chyba) А. 166

Цази (Cazi) И. 172
Цайль (Zeil) Вильгельм 220—221
Цайль (Zeil) Лиана 221
Цамбел (Cambel) Самуэл 167
Цанкова-Петкова Г. 130, 133, 140
Цветкова Б. 130, 133—134
Цветкович (Cvetković) С. 172
Цвиттер (Cvitter) Ф. 119, 176
Цезар (Cesar) Ярослав 159, 166
Цесарец (Cesarec) Август 120
Цигенгайт (Ziegengeist) Герхард
221
Циммерман (Zimmermann) В. 215
Цыбульский (Cybulski) В. 213
Цыха (Zycha) Адольф 215

Чада (Čada) Вацлав 166
Чарновский (Czarnowski) Стефан 100
Чацкий (Czacki) Тадеуш 19
Челоковский (Celakovský) Ф. Л. 186,
213
Чемпалов И. Н. 207
Черны (Cerný) В. 159
Чернышевский Н. Г. 216
Чернявский Г. И. 141, 207—208
Чиерны (Cierny) Ян 166
Чиркович (Chirkovič) С. 175
Чистович И. А. 187
Чолакович (Чолаковић) Р. 172
Чорович (Чоровић) Владимир 116—
117
Чубрилович (Чубриловић) Васа 175,
117
Чулинович (Чулиновић, Culinović) Ф.
172—174, 177

Шайноха (Szajnocha) Кароль 26, 151
Шарац (Sarac) Н. 176
Шарланов Д. 141
Шарова К. 135
Шафарик (Safařík) Павел Йозеф
35—37, 39, 73, 105, 186, 213, 216
Швеар И. 41
Шверма (Sverma) Ян 113, 158, 200

Шевилл (Schevill) Ф. 243
Шидак (Šidak) Я. 175, 176
Шиллер (Schiller) Клаус 220
Шинделярж (Šindelář) Б. 157
Шишич (Šišić) Фердо 83, 118—119
Шийкин В. А. 207
Шишманов И. 91, 92, 122
Шлөцер (Schlözer) Август Людвиг
211, 212
Шлоссер (Schlosser) Ф. К. 215—216
Шмагел (Šmahel) Франтишек 156,
163
Шмераль (Šmeral) Богумир 75, 113,
200
Шмидт (Schmidt) Б. 244
Шолта (Šolta) Ян 220
Шпинка (Špinka) М. 244
Шпич (Špiesz) А. 156
Штерев П. 137
Штроссмайер (Strossmayer) И. 43,
81, 82, 119, 224
Штур (Štúr) Людовит 35, 186
Штясны (Šťastný) Владислав 165
Шуйский (Szujski) Юзеф 52—53, 56
Шулич (Šulič) Я. 161
Шунич М. 178
Шурмин (Šurmin) Джуро 82
Шуста (Šusta) Йозеф 108, 110
Шустер У. А. 201

Эванс (Evans) А. 229—231
Эванс (Evans) С. 238
Эджертон (Edgerton) У. 248
Эйзенманн (Eisenmann) Л. 224, 226
Эйхлер (Eichler) Эрнст 221
Экк А. 186
Экмечич (Екмечић, Ектечић) М. 173,
175—176
Энгельс Ф. 6—8, 22, 57, 75, 103, 145,
153, 216—217
Эрбен (Erben) Карел Яромир 33, 186

Юкич (Јукић) Иван 87
Юрданов Ю. 125
Юркевич М. В. 196

Яжборовская И. С. 207
Якобсон (Jacobson) Р. 248
Якшич (Јакшић) Гргур 117—118
Яначек (Јапаček) Йозеф 156, 164
Янжул Н. И. 189
Янкович (Јанковић) Д. 172—173, 175
Ярош (Jarosch) Гюнтер 221
Ясинский А. Н. 183, 199
Ястребов Н. В. 185, 189, 196
Яцимирский А. И. 196
Яшуржинский Х. П. 185

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	3
Введение (Ненашева З. С., Созин И. В.)	4
Раздел I. Историческая наука у зарубежных славянских народов в конце XVIII — первой половине XIX в.	
Глава 1. Польская историография (Зашкильняк Л. А.)	19
Глава 2. Чешская и словацкая историография (Иванов Ю. Ф., Ненашева З. С., Руколь Б. М.)	28
Глава 3. Югославянская историография в конце XVIII — 70-е годы XIX в. (Карасев В. Г.)	38
Глава 4. Болгарская историография в конце XVIII — 70-е годы XIX в. (Горина Л. В.)	44
Раздел II. Историография истории западных и южных славян во второй половине XIX — начале XX в.	50
Глава 1. Польская историография (Зашкильняк Л. А.)	50
Глава 2. Чешская и словацкая историография (Ненашева З. С.)	65
Глава 3. Югославянская историография в конце XIX — начале XX в. (Карасев В. Г., Лециловская И. И., Макова Е. С., Поплыко Д. Ф., Чуркина И. В.)	77
Глава 4. Болгарская историография в конце XIX — начале XX в. (Владимирская В. И., Горина Л. В., Польшанский Д. И.)	88
Раздел III. Историография истории южных и западных славян в межвоенный период и в годы второй мировой войны	95
Глава 1. Польская историография (Зашкильняк Л. А., Матвеев Г. Ф.)	96
Глава 2. Развитие чехословацкой историографии (Фирсов В. Ф.)	105
Глава 3. Югославская историография (Карасев В. Г., Макова Е. С., Тесемников В. А.)	115
Глава 4. Болгарская историография (Польшанский Д. И., Чернявский Г. И.)	121
Раздел IV. Исследование национальной истории в зарубежных славянских социалистических странах	129
Глава 1. Историография Народной Республики Болгарии (Горина Л. В., Чернявский Г. И.)	129
Глава 2. Историография Польской Народной Республики (Хайретдинов Х. Х.)	132
Глава 3. Историография Чехословацкой Социалистической Республики (Ненашева З. С.)	137
Глава 4. Историография Социалистической Федеративной Республики Югославии (Карасев В. Г., Макова Е. С., Тесемников В. А.)	168

Раздел V. Историческая славистика в дореволюционной России, СССР, ГДР, ФРГ, Франции, Англии и США	179
Глава 1. Изучение истории зарубежных славян в России XIX — начала XX в. (Липтева Л. П.)	179
Глава 2. Советские историко-славистические исследования (Горлянов А. Н., Дьяков В. А.)	197
Глава 3. Немецкая историческая славистика (Мыльников А. С.)	211
Глава 4. Историческая славистика во Франции (Валева Е. Л.)	223
Глава 5. Историческая славистика в Англии (Туманова С. В.)	229
Глава 6. Историческое славяноведение в США (Милякова Л. Б.)	240
Библиографические издания	251
Именной указатель	252

УЧЕБНОЕ ПОСОБИЕ

ИСТОРИОГРАФИЯ ИСТОРИИ ЮЖНЫХ И ЗАПАДНЫХ СЛАВЯН

Зав. редакцией *Н. М. Сидорова*. Редактор *Г. М. Степаненко*. Художественный редактор *М. Ф. Евстафьева*. Переплет художника *Н. Н. Аникушина*. Технический редактор *Л. Р. Черемискина*. Корректоры *М. И. Эльмус*, *С. Ф. Будаева*

ИБ № 2496

Сдано в набор 05.01.87.
Подписано в печать 18.08.87.
Л-63323. Формат 60×90/16 Бумага тип. № 3
Гарнитура литературная. Высокая печать
Усл. печ. л. 16,50. Уч.-изд. л. 18,97.
Тираж 6030 экз. Заказ 17. Цена 80 коп. Изд. № 4273

Ордена «Знак Почета» издательство Московского университета.
103009, Москва, ул. Герцена, 5/7.
Типография ордена «Знак Почета» изд-ва МГУ.
119899, Москва, Ленинские горы

В 1988 году

В ИЗДАТЕЛЬСТВЕ

МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

ВЫИДЕТ В СВЕТ КНИГА

**Левандовский А. А. Т. Н. ГРАНОВСКИЙ
В РУССКОМ ОБЩЕСТВЕННОМ ДВИЖЕ-
НИИ. 18 л.**

Монография посвящена одному из самых ярких общественных деятелей России середины прошлого столетия. Опираясь на биографию выдающегося историка, блестящего лектора, автор воссоздает эпоху, справедливо названную современниками «замечательным десятилетием», показывает истоки и пути формирования новых общественных сил — западничества и славянофильства, определяет их место в борьбе с официальной идеологией, дает широкую картину идейной борьбы в Московском университете. В книге приведены выразительные характеристики друзей и соратников Т. Н. Грановского — А. И. Герцена, В. Г. Белинского, Н. В. Станкевича, его противников и оппонентов — М. П. Погодина, С. П. Шевырева и др.

Для специалистов-историков и читателей, интересующихся отечественной историей.

В 1988 году
В ИЗДАТЕЛЬСТВЕ
МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

ВЫИДЕТ В СВЕТ КНИГА

А. С. Барсенков

**СОВЕТСКАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА
В ПОСЛЕВОЕННЫЕ ГОДЫ
(1945—1955)**

В монографии комплексно рассматриваются основные факторы, определившие поступательное движение исторической науки в послевоенное время: система научных центров, подготовка кадров, расширение проблематики исследований, совершенствование методологии, развитие научных концепций. Выполненная на основе широкого круга ранее не привлекавшихся источников, работа существенно обогащает представления о процессах, происходивших не только в исторической, но и в других общественных науках в 1945—1955 гг.

Для специалистов-историков и философов, научных работников, преподавателей и читателей, интересующихся историей науки.

Заказы на книги принимаются от жителей Москвы по адресу: 117296, г. Москва, Ломоносовский проспект, 18, магазин № 110 «Университетская книжная лавка». Жители других городов обслуживаются магазином № 93 «Книга — почтой» по адресу: 117168, г. Москва, ул. Кржижановского, 14.